

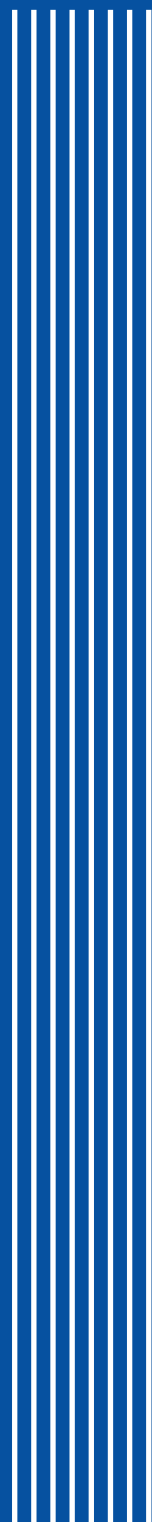
КГУ

Костромской
государственный
университет

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2025

Костромской
государственный
университет

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2025

Том 31

№ 2

Апрель – Июнь

VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2025

Volume 31

№ 2

April – June

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Костромской государственной университет, Кострома;
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ОСИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
начальник отдела сопровождения публикационной деятель-
ности, Костромской государственной университет, Кострома

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

БОГДАНОВА ОЛЬГА АЛИМОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент
РАН, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт Всеобщей истории
Российской академии наук, Москва

ЗЕЛЕНЕЕВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ИЛЬИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет, Вологда

КАНИНСКАЯ ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА
доктор исторических наук, профессор,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова, Ярославль

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет, Краснодар

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
Kostroma State University, Kostroma;
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA OSIPENKO
Head of Kostroma State University's division of publication
activity conducting, Kostroma State University, Kostroma

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
DSc in History, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH
DSc in Philology, Professor,
Russian Sciences Academy Corresponding Member,
Ural Federal University, Yekaterinburg

OL'GA ALIMOVNA BOGDANOVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
DSc in History, Professor,
Russian Sciences Academy Corresponding Member,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
PhD in History Sciences, Senior Staff Scientist,
Universal History Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow

YURIY ANATOL'YEVICH ZELENEYEV
DSc in History, Professor,
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Mari El Republic

ELENA NIKOLAYEVNA IL'INA
DSc in Philology, Professor,
Vologda State University, Vologda

GALINA NIKOLAYEVNA KANINSKAYA
DSc in History, Professor,
Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
DSc in Philology, Professor,
the Kuban State University, Krasnodar

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
DSc in Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
DSc in Philology, Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет, Кострома

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
член-корреспондент РАН, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

НИКИТИН ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Государственный университет просвещения, Москва

ОКОЛОТИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ
доктор исторических наук, доцент,
Ивановский государственный университет, Иваново

ПЕТЕЛИН БОРИС ВАЛЕНТИНОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет, Череповец

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет, Иваново

ПУШКАРЁВА НАТАЛЬЯ ЛЬВОВНА
доктор исторических наук, профессор,
Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, Москва

СИТДИКОВ АЙРАТ ГАБИТОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Академия наук Республики Татарстан, Казань

СУПРУН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
имени Л.Н. Толстого, Тула

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет, Кострома

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет, Иваново

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет, Кострома

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН, Москва

ХРИСТЕНКО ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
DSc in Philology, Associate Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
DSc in Philology, Director of Research, Russian Sciences
Academy Corresponding, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

OLEG VIKTOROVICH NIKITIN
DSc in Philology, Professor,
State University of Education, Moscow

VLADIMIR SERGEYEVICH OKOLO TIN
DSc in History, Associate Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

BORIS VALENTINOVICH PETELIN
DSc in History, Professor,
Cherepovets State University, Cherepovets

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
DSc in History, Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

NATAL'YA L'VOVNA PUSHKARYOVA
DSc in History, Professor,
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow

AYRAT GABITOVICH SITDIKOV
DSc in History, Professor,
Academy of Sciences of Tatarstan autonomy, Kazan

VASILY IVANOVICH SUPRUN
DSc in Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
DSc in Philology, Professor,
Tula State Pedagogical University
named after L.N. Tolstoy, Tula

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
DSc in Philology, Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
DSc in Philology, PhD in English,
Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow

DMITRIY NIKOLAYEVICH CHRISTENKO
PhD in History, Associate Professor,
Russian State Agrarian University –
Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина, Тамбов

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

КОПЫЛОВ ИГОРЬ ЛЕОНОВИЧ
кандидат филологических наук,
директор Института языкознания имени Якуба Коласа,
Центр исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

НЕДА АНДРИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Университет Черногории, Никшич, Черногория

ТЮРКАН ОЛДЖАЙ
доктор филологических наук, профессор,
Стамбульский университет, Стамбул, Турция

ЧЖУ ЦЗЯНЬГАН
доктор филологических наук,
профессор Института иностранных языков и литератур,
Сучжоуский Университет, Сучжоу,
провинция Цзянсу, Китай

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
DSc in Philology, Director of Research,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

ANTONINA SEMYONOVNA SHCHERBAK
DSc in Philology, Professor,
Derzhavin Tambov State University,
Tambov

**FOREIGN MEMBERS
OF THE EDITORIAL BOARD**

IGOR LEVONAVICH KAPYLOŨ
PhD in Philology,
Director of Institute of Linguistics named after Jakub Kołas,
Centre for Studies of Belarusian Culture, Language
and Literature, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

NEDA ANDRIĆ
DSc in Philology, Professor,
Montenegrin University, Nikšić, Montenegro

TÜRKAN OLCAY
DSc in Philology, Professor,
Istanbul University, Istanbul, Turkey

ZHU JIANGANG
DSc in Philology,
Professor of institute of foreign languages and literatures,
Suzhou University, Suzhou,
Jiangsu Province, China

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Кабатов С.А., Кабатова Е.А.**
Итоги археологических исследований Старого города второго Костромского кремля (участок II)
- 19 **Пушкарёва Н.Л.**
Женский труд на кухне:
повседневная кулинария глазами антрополога
- 25 **Скрьдлов А.Ю.**
Проблема организации периодического издания по статистике при Академии наук в первой половине XIX в.
- 32 **Кузнецова О.Н., Хламов И.И.**
Минералогический музей в структуре
Санкт-Петербургского политехнического института Петра Великого в начале XX в.
- 38 **Попов А.В.**
К вопросу о передвижных мастерских химической чистки военной одежды в Вооруженных силах.
Предпосылки и история создания (1930–1990-е гг.)
- 48 **Леонов Е.А.**
Использование резервных и запасных частей
в Русско-японской войне 1904–1905 гг.
- 55 **Никифоров Ю.С.**
«Устранить параллелизм и предоставить право»:
попытка региональной власти расширить полномочия
в 1954 г. (случай Ивановских обкома КПСС
и облисполкома)
- 61 **Гао Сюли**
Современная китайская историография истории
советско-китайского научного трансфера в 1950-е гг.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 69 **Ремезов А.В.**
Особенности бытования мученичества «Мучение Федора Тирона» в Простом и Стишном Прологе
- 75 **Падерина Е.Г.**
«Выбранные места из переписки с друзьями»: об авторском заглавии и его прямом и переносном значении
- 82 **Вартазарова Ж.А.**
Репрезентация традиционного мотива «борьбы жизни и смерти» в ранней лирике К.Д. Бальмонта
- 90 **Халтрин-Халтурина Е.В.**
Об отсылках к «Макбету»
в последнем романе Диккенса «Тайна Эдвина Дроуда»
- 97 **Луговцова А.Э.**
Постромантизмский диалог с романтизмом:
«Письма Асперна» и «Пиковая дама»
- 104 **Новокрещенных И.А.**
Литературная рецепция творчества Обри Бердсли
и «нового искусства» в журнале «Панч»
- 112 **Зиновьева Р.В.**
Архетип культурного героя в цикле абсурдистских пьес
о Лисе Славомира Мрожека
- 117 **Чадова Е.В.**
«Стробоскопическое письмо» Элен Сиксу:
делезианское прочтение женского текста
- 126 **Гриднева Н.А.**
Экзистенциальная проблематика сборника рассказов
Бернхарда Шлинка «Дезертиры любви»

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 132 **Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д., Осипенко Т.В.**
Экспедиционная деятельность
костромских диалектологов сегодня
(по следам А.А. Шахматова)
- 141 **Ступина Е.С.**
Аллеотет как источник риторических кодов
контрастивной направленности
- 145 **Липириди С.Х., Катермина В.В.**
Неологизация современного
англоязычного санкционного дискурса

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **S.A. Kabatov, Ye.A. Kabatova**
The results of archaeological research of the Old City
of the second Kostroma Kremlin (site II)
- 19 **N.L. Pushkareva**
Women's work in the kitchen:
everyday cooking through the eyes of an anthropologist
- 25 **A.Yu. Skrydlov**
The challenge of establishing statistical periodicals
at the Academy of Sciences in the early 19th century
- 32 **O.N. Kuznetsova, I.I. Khlamov**
Mineralogical Museum in the structure
of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Institute
in the early 20th century
- 38 **A.V. Popov**
On the issue of mobile dry cleaning workshops
for military clothing in the Armed Forces.
Prerequisites and history of creation (the 1930s – 1990s)
- 48 **E.A. Leonov**
Reserve units use in the Russo-Japanese War
of 1904–1905
- 55 **Yu.S. Nikiforov**
“To eliminate parallelism and to grant rights”:
attempt by regional authorities to expand powers in 1954
(the case of Ivanovo regional committee of the Communist
Party and the regional executive committee)
- 61 **Gao Xiuli**
Modern Chinese historiography of scientific transfer
between the USSR and the PRC in the 1950s

SCIENCE OF LITERATURE

- 69 **A.V. Remezov**
The peculiarities of the martyrdom “The Torment
of Theodore the Recruit” in a simple and verse prologue
- 75 **E.G. Paderina**
“Selected Passages from Correspondence with Friends”:
about the author's title and its direct and figurative meaning
- 82 **Zh.A. Vartazarova**
Representation of the traditional motif of the “struggle
of life and death” in the early lyrics of Konstantin Balmont
- 90 **E.V. Haltrin-Khalturina**
Allusions to *Macbeth* in Dickens' Last Novel
The Mystery of Edwin Drood
- 97 **A.E. Lugovtsova**
A Post-Romantic Dialogue with Romanticism:
“The Aspern Papers” and “The Queen of Spades”
- 104 **I.A. Novokreshchennykh**
The literary reception of Aubrey Vincent Beardsley
and the “New Art” in “Punch”
- 112 **R.V. Zinoveva**
The archetype of the cultural hero in the cycle
of the absurdist plays about the fox by Slawomir Mrozek
- 117 **E.V. Chadova**
Hélène Cixous's “stroboscopic” writing:
a Deleuzian reading of the feminine text
- 126 **N.A. Gridneva**
Existential issues in the collection of short stories
by Bernhard Schlink “Flights of Love” (“Liebesflüchten”, 2000)

SCIENCE OF LANGUAGE

- 132 **N.S. Gantsovskaya, G.D. Neganova, T.V. Osipenko**
Expeditionary activity
of Kostroma dialectologists today
(following in the footsteps of Aleksey Shakhmatov)
- 141 **E.S. Stupina**
Allethetes as a source of rhetorical codes
of contrastive orientation
- 145 **S.Ch. Lipiridi, V.V. Katermina**
Neologisation of modern
English sanctions discourse

- 153 Гребельник Т.В., Лаптева М.Л.**
Речеповеденческие характеристики
коммуникативной личности в мессенджер-сообществе
- 160 Белопухова О.В., Жезлова С.А.**
Аллюзии на образ «Спящая красавица»
в немецкоязычном медиадискурсе: прикладной аспект
- 167 Блажевич Ю.С., Быканова М.С., Луханина А.Н.**
Адаптация фразеологизмов
в англоязычном нигерийском медиадискурсе
- 174 Никитин О.В.**
«Стиль – это сам человек»:
учение о литературной речи в прошлом и настоящем
(обозрение серии научно-учебных изданий «Стилистическое наследие» 2010–2025 гг.)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- 186 Ганцовская Н.С.**
Три новых издания карельских диалектологов
- 191 Иванова И.Г., Хабибуллина Ф.Я.**
Этнокультурные доминанты
религиозной картины мира народа мари
- 195 Баликова М.С.**
Новый вклад в мерезковскоеведение

200 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

- 153 T.V. Grebelnik, M.L. Lapteva**
Speech and behavioural characteristics
of a communicative personality in the messenger community
- 160 O.V. Belopukhova, S.A. Zhezlova**
Allusions to the “Sleeping Beauty” image
in German-language media discourse: an applied aspect
- 167 Yu.S. Blazevich, M.S. Bykanova, A.N. Lukhanina**
English idioms’ adaptation
in Nigerian English media discourse
- 174 O.V. Nikitin**
“Style is the person himself”:
the doctrine of literary speech in the past and present
(discussion of the series of scientific and educational
publications “Stylistic Heritage” of 2010–2025)

BOOKSHELF

- 186 N.S. Gantsovskaya**
Three new books by Karelian dialectologists
- 191 I.G. Ivanova, F.Ya. Khabibullina**
Ethnocultural dominants
of the religious worldview of the Mari people
- 195 M.S. Balikova**
New contributing to Dmitry Merezhkovsky studies

200 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 7–18. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 7–18. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.3. Археология

УДК 94(470.317)

EDN SXNDBE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-7-18>

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТАРОГО ГОРОДА ВТОРОГО КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ (УЧАСТОК II)

Кабатов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Кабатова Елена Анатольевна, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kabatova@bk.ru

Аннотация. Вопрос датировки городского поселения, если его дата не имеет четкого и конкретного письменного подтверждения, всегда очень проблематичен и сложен. Настоящее исследование является результатом археологических исследований 2016–2017 гг. на территории Старого города второго Костромского кремля, проливающих свет на время его основания. В статье даны основные результаты проведенных полевых работ в рамках участка II.

Ключевые слова: Костромское Поволжье, Кострома, первый Костромской кремль, Старый город второго Костромского кремля, Успенский собор, археологические раскопки.

Для цитирования: Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Итоги археологических исследований Старого города второго Костромского кремля (участок II) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 7–18. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-7-18>

Research Article

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE OLD CITY OF THE SECOND KOSTROMA KREMLIN (SITE II)

Sergey A. Kabatov, PhD in History, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Yelena A. Kabatova, engineer of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kabatova@bk.ru

Abstract. The issue of dating an urban settlement, if its date does not have a clear and specific written confirmation, is always very problematic and complicated. This study is the result of archaeological research in 2016–2017 in the territory of the Old City of the second Kostroma Kremlin, shedding light on the time of its foundation. The article presents the main results of the field work carried out within the framework of section II.

Keywords: Kostroma Povolzhye, Kostroma, first Kostroma Kremlin, Old City of second Kostroma Kremlin, Assumption Cathedral, archaeological excavations.

For citation: Kabatov S.A., Kabatova Ye.A. The results of archaeological research of the Old Town of the second Kostroma Kremlin (site II). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 7–18 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-7-18>

Исследования в рамках северной и центральной частей участка II (рис. 1–2) установили факт наличия не особо большой мощности слоя балласта¹ (рис. 3) по сравнению с участком I. Причина объяснялась нами в предыдущих статьях [Кабатов, Кабатова 2021: 22; 2025]. Нивелировка уровня дневной поверхности выявила понижение уровня дневной поверхности относительно СВ угла участка – в южном, ЮЗ и западном направлениях на 39, 41 и 51 см соответственно. После снятия балласта (рис. 4–5) на уровне «пола» 4-го горизонтального пласта была убрана рыхлая земля и выведен единый горизонтальный уровень (рис. 6).

Балласт разбирался до фиксации верхнего уровня материка на горизонтальном уровне всего участка. Основание: стратиграфические и планиграфические данные, полученные при исследовании участков I и III, которые констатировали факт залегания балласта на участке между ними до этого уровня. Верхний уровень материковых отложений в рамках участка II начинает фиксироваться с –223, –226 см в верхней (северной) линии квадратов², а также в восточной половине 3-й³ и 4-й линий. Разобранный слой полностью сформирован техногенным материалом позднего происхождения, представленным фрагментами строительного мусора, мелкой, абсолютно не информативной штукатурки, извести, кирпичной крошкой, строительными деталями типа металлических стяжек, костылей, неинформативных кусков листового железа и прочим.

В процессе разбора культурного слоя в рамках участка II зафиксировано 11 объектов (№ 1–1а, 2–5, 5а, 5б, 6–10).

Объект № 1 расположен в кв. 2–3 (рис. 7–8), это подпрямоугольная яма, ориентированная юг-север, шириной порядка 160 см, длиной более 234 см⁴. В заполнении – пестроцвет с включением угля и кирпичной крошки. Северную часть объекта № 1 прорезает

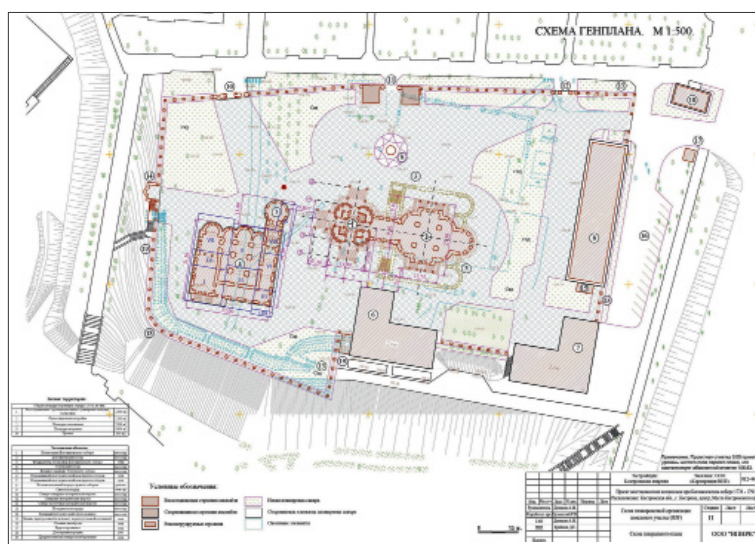
объект № 1а прямоугольной формы, северное окончание которого выходит за северную границу участка II. В месте, где оба объекта пересекаются, сделано сечение (рис. 9). Уровень дна обоих объектов одинаков (–292, –298 см), и перепады высот синхронны. Функциональное назначение объекта № 1 определить не представляется возможным, однако возможно установить время его происхождения: тот факт, что ров южной стенки основного ядра собора первого строительного периода прорезает южную часть объекта № 1, дает нам право отнести время его происхождения к периоду до начала строительства Успенского собора.

Объект № 1а (рис. 7–8), прорезающий в северной части объект № 1, свидетельствует о более позднем происхождении первого, возможно, он относится ко времени первого строительного периода.

Объект № 2 расположен в кв. 3–4 (рис. 7, 10) и с южной стороны разрушен рвом основания южной стенки⁵ основного ядра собора (объект № 3). Это подпрямоугольная в плане яма ориентирована ЮЮВ-ССЗ, с несколько выпуклыми к центру боковыми сторонами. Ширина – до 212 см., фиксируемая⁶ длина – 178 см. Факт уничтожения южной части объекта № 2 объектом № 3 может свидетельствовать, на наш взгляд, о том, что объект № 2 появился до начала строительства Успенского собора.

Объект № 3⁷ (рис. 6, 12 13) – ров основания южной стенки основного ядра собора (первый строительный период) фиксируется во 2-й и 3-й линиях квадратов (кв. 7–18), а также в западной части кв. 1 и ЮВ части кв. 6. Азимут центральной оси рва порядка 127°, ориентация – ВЮВ-ЗСЗ, ширина порядка 254 см. Дно рва южной стенки основного ядра собора имеет постоянное понижение в западном направлении с –283 см⁸ до –358 см⁹, то есть в рамках участка II на протяжении 12 м перепад высот уровня дна рва составляет 75 см. На уровне фиксации материка

Рис. 1. Ситуационный план местонахождения Успенского (синим цветом отображены участки раскопов 2016–2017 гг.) и Богоявленского соборов

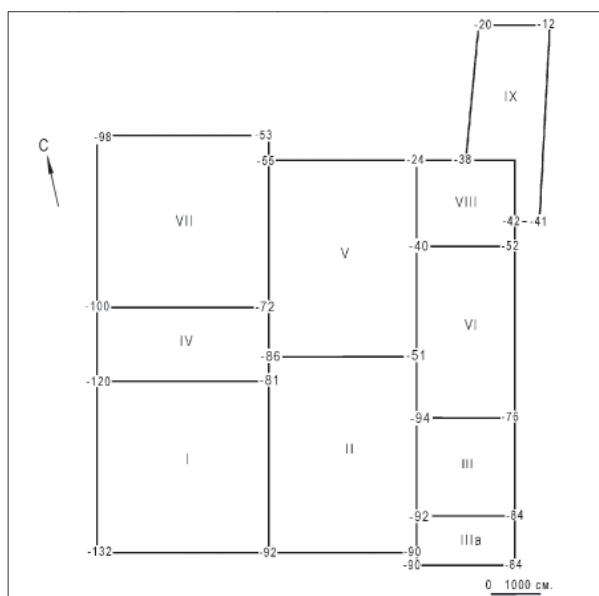

Рис. 2. Топографическое состояние уровня дневной поверхности участка исследования в контексте контура раскопа (отметки даются в поворотных точках участков)

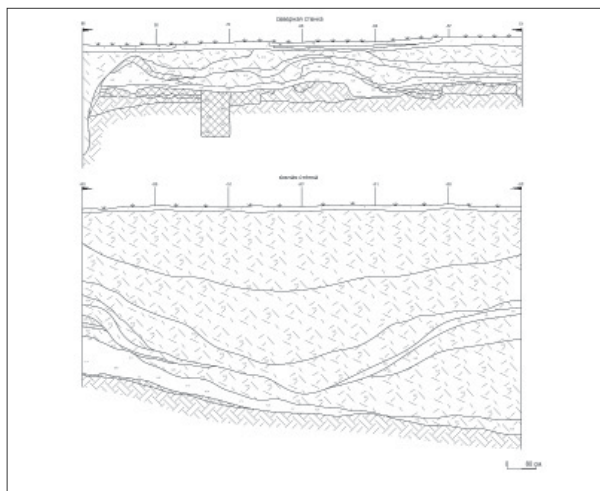

Рис. 3. Стратиграфия участка II

Рис. 4. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта. Общий вид с СВ

в фиксирующихся границах объекта № 3 прослежены следы стоящих здесь ранее вертикальных столбов диаметром не более 10 см (рис. 7), стесанных в нижней части на три грани, которая забивалась в грунт. Столбы были вытащены из земли во время разбора валунного основания стен; в оставшихся ямках балласт, как и в самом рву. Всего в объекте № 3¹⁰ фиксируется шесть параллельных рядов, расстояние между которыми 45–55, иногда до 60 см. Расстояние между ямками от столбов в ряду в среднем 45–60 см. Ряды ориентированы параллельно центральной оси рва фундамента южной стенки основного ядра собора первого строительного периода.

Объект № 4 (рис. 7) расположен в кв. 16–17/22–23 и в плане представляет собой бесформенную яму с однообразным заполнением (бут с включением кирпичной крошки) и сильными перепадами уровня дна (–263, –304 см). Функциональное назначение не определено.

Объект № 5 (рис. 6, 12–13) расположен в южной части 4-й линии квадратов (кв. 19–24), в 5-й линии (кв. 25–30) и в северной части 6-й линии (кв. 32–36) фиксируется ров основания южной стенки пристройки¹¹ к основному ядру собора. Границы рва четко и безапелляционно реконструируются по стратиграфическим данным участка I – восточный профиль и участка III – западный профиль. Азимут центральной оси рва, как и в предыдущем случае, порядка 127, ориентация – ВЮВ-ЗСЗ., ширина до 276 см. Дно рва основания южной стенки пристройки с юга к основному ядру собора имеет постоянное понижение в западном направлении с –348 см¹² до –508 см¹³, то есть в рамках участка II на протяжении 12 м перепад высот уровня дна составляет 160 см. На уровне фиксации материка в фиксирующихся границах объекта № 5, как и в предыдущих случаях, прослежены следы стоящих здесь ранее вертикальных столбов диаметром не более 10 см (рис. 7), стесанных в нижней части на три грани, которые за-

Рис. 5. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта. Общий вид с ЮЗ

Рис. 6. Участок II. Зачистка после снятия балласта и на уровне «пола» 4-го горизонтального пласта

Рис. 7. Участок II. Зачистка после снятия балласта и на уровне «пола» 4-го горизонтального пласта и зачистки после разбора южных рвов основного ядра собора и южного рва крытой галереи

Рис. 8. Фото участка II после снятия балласта до уровня «пола» 4-го горизонтального пласта и зачистки после разбора южных рвов основного ядра собора и южного рва крытой галереи: объект № 1-1а. Общий вид с ЮВ

Рис. 9. Фото участка II после снятия балласта до уровня «пола» 4-го горизонтального пласта и зачистки после разбора южных рвов основного ядра собора и южного рва крытой галереи: объект № 1-1а (сечение). Вид с юга

Рис. 10. Фото участка II после снятия балласта до уровня «пола» 4-го горизонтального пласта и зачистки после разбора южных рвов основного ядра собора и южного рва крытой галереи: объект № 2. Общий вид с севера

Рис. 11. Фото участка II после снятия балласта до уровня «пола» 4-го горизонтального пласта и зачистки после разбора южных рвов основного ядра собора и южного рва крытой галереи: объект № 2 (сечение). Вид с юга

Рис. 12. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта: объекты № 3 и 5 после выборки заполнения (указаны стрелками). Общий вид с севера

Рис. 13. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта: объекты № 3 и 5 после выборки заполнения (указаны стрелками). Общий вид с СВ

бывались в грунт. Столбы были вытасканы из земли во время разбора валунного основания стен; в оставшихся ямках балласт, как и в самом рву. Всего в объекте № 5¹⁴ фиксируется 4–5 параллельных рядов, расстояние между которыми 45–55, иногда до 60 см. Расстояние между ямками от столбов в ряду в среднем 45–60 см. Ряды ориентированы параллельно центральной оси рва фундамента южной стенки пристройки с юга к основному ядру собора.

Объект № 5а (рис. 6, 14–16) фиксируется в кв. 19–21, 25–27, 37–39 и имеет подпрямоугольный в плане контур. Зафиксировав факт его существования при разборе объекта 5, было сделано сечение в линии квадратов 31–33¹⁵. Сечение выявило следующее. Сначала продольный ров под контрфорс был выкопан шириной 422 см¹⁶ и 178 см глубиной. Затем по западной части рва на вертикальные столбики¹⁷ (рис. 7) уложили валунную кладку в 4 яруса. Интересный

факт – между ярусами не фиксируется известковый раствор, цементирующий валуны; вместо него между валунами везде – подсыпка из строительного мусора с мелкими фрагментами кирпича. Ширина валунной кладки не превышает 314 см, оставшуюся восточную часть рва залили на половину высоты валунной кладки красно-коричневым суглинком¹⁸, а сверху перекрыли простой подсыпкой (пестроцвет). Функциональное назначение – контрфорс южной стенки второго строительного периода Успенского собора.

Объект № 5б (рис. 6, 14–15, 18) фиксируется в кв. 29–30, 35–36, 41–42 и имеет почти подпрямоугольный в плане контур. Сечение, выполненное на стыке линий квадратов 42/36 – 41/35, выявило следующее. Вся северная и центральная части объекта выбраны вместе с валунами в период взрывных работ и разбора кирпичной кладки Успенского собора. Лишь разбор оставшейся южной части рва контрфор-

са выявил несколько валунов нижнего придонного яруса, покоящихся, как и в предыдущем случае, на серии вертикальных столбиков. Это контрфорс, поставленный снаружи храма на земле для большей устойчивости южной стенки собора (объект № 5).

Объект № 6 (рис. 4–5) – южная часть линии квадратов 37–41, южная линия кв. 43–48 – северная половина рва основания южной стенки южного крыла крытой галереи. В сетку раскопа (участок II) попадает только северная и, возможно, центральная части

рва (рис. 6), южная половина рва и, соответственно, его южная граница «выходят» за раскопную сетку участка. Ширина рва составляет не менее 320 см; азимут центральной оси рва, как и в двух предыдущих случаях – объекты № 5 и 3, порядка 127°, ориентация – ВЮВ-ЗСЗ. Четкое местоположение трассировки северной границы рва идентифицируется по стратиграфическим данным участка I¹⁹ и III²⁰. Заполнение объекта – балласт, время формирования которого период современности (взрывные работы

Рис. 14. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта: объекты № 3 и 5 после выборки заполнения (указаны стрелками). Общий вид с ВСВ

Рис. 15. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта: объекты № 3 и 5 после выборки заполнения (указаны стрелками). Общий вид с запада

Рис. 16. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта: объект № 5а (выбран, на переднем плане, во рву, обвалившиеся при расчистке объекта валуны первого / верхнего и второго ярусов). Вид с севера

Рис. 17. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта: объект № 5б (выбран). Вид с севера

Рис. 18. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта: объект № 6 после выборки заполнения (стрелками указан обвалившийся в ров участок южного профиля). Общий вид с BCB

Рис. 19. Фото участка II после снятия балласта и зачистки на уровне 4-го горизонтального пласта: объект № 6 после выборки заполнения (стрелками указан обвалившийся в ров участок южного профиля). Общий вид с ЗЮЗ

1934 г., разбор соборов и механизированное планирование площадки) – может свидетельствовать о том, что объект после взрывных работ выбирался полностью, после чего был засыпан. Дно рва (рис. 7, 18–19) имеет постоянное понижение в западном направлении с -540 см^{21} до -699 см^{22} , то есть в рамках участка II на протяжении 12 м перепад высот уровня дна рва составляет 159 см. На уровне фиксации материка в фиксирующихся границах объекта № 6 прослежены следы стоящих здесь ранее вертикальных столбов диаметром не более 10 см (рис. 7), стесанных в нижней части на три грани, которые забивалась в грунт. Столбы были выгашены из земли во время разбора валунного основания стен; в оставшихся ямках балласт, как и в самом рву. Всего в объекте № 6²³ в западной части фиксируется семь параллельных рядов, расстояние между которыми 45–55, иногда до 60 см. Расстояние между ямками от столбов в ряду в среднем 45–60 см. В восточной части рва таких рядов фиксируется 4. Ряды ориентированы параллельно центральной оси рва фундамента южной стенки крытой галереи и, соответственно, параллельно центральным осям рвов южных стенок основного ядра собора первого и второго строительных периодов.

Объект № 7 (рис. 4–5, 7) – объект подпрямоугольной формы²⁴, расположенный в кв. 21–22, вы-

тянутый вдоль северной стенки объекта № 5 и прилегающий к нему с севера. Фиксируется на уровне материка с отметки -226 см . Возможно, южная часть объекта разрушена рвом фундамента южной стенки собора второго строительного периода. В сечении заполнение пестроцвет, форма дна – в виде ладьи, но в последней трети²⁵ фиксируется округлое в сечении углубление с тем же заполнением и редким включением углистого материала. Функциональное назначение не определено.

Объект № 8 (кв. 34) с заполнением пестроцветом прослеживается только после зачистки бортов и профилей объектов № 5 и 5б на -246 см . (рис. 7) Это почти квадратное в плане пятно, форма которого получилась таковой в результате разрушения его севера объектом № 5, с востока – объектом № 5б. Развертка его сечения, получившегося в результате строительства объектов № 5–5б, выявила однообразное заполнение и несколько округлое дно²⁶. Определение функционального назначения на данный момент исследования не представляется возможным.

Объект № 9 в кв. 33–34 выявлен на -246 см при идентичных обстоятельствах. Как и в предыдущем случае, это почти квадратное в плане пятно, форма которого получилась таковой в результате разрушения его севера объектом № 5, с запада – объ-

ектом № 5а. Развертка его сечения, получившегося в результате строительства объектов № 5–5а, выявила однообразное заполнение пестроцветом и почти ровное дно²⁷ с округлостями в переходах к бортам. Определить функциональное назначение на данный момент исследования не представляется возможным.

Объект № 10 (кв. 16/22) – погребение 1 (рис. 7, 20). Зафиксировано на верхнем уровне материка после разбора южных рвов основного ядра собора, рва южной стенки собора второго строительного периода и зачистки их контуров (–222, –223 см). Размеры контура могильной ямы на верхнем уровне фиксации²⁸ 182×71 см. После расчистки верхнего заполнения могильной ямы – пестроцвет – открылся костяк, ориентированный ССВ-ЮЮЗ²⁹, азимут 202°. Ориентация костяка головой практически на юг, кроме того, он находится в перпендикулярном положении к руслу р. Волги на данном участке местности. Высота умершего порядка 152–155 см., ширина костяка в плечах порядка 36 см, в груди – порядка 26 см., таза – порядка 29 см. Предварительный морфологический анализ позволяет с определенной долей условности отнести погребенного, не достигшего 40–45-летнего возраста, к женскому полу³⁰. Тот факт, что южный край могильной ямы отстоит от северной границы рва фундамента южной стенки собора второго строительного периода на расстояние 2–5 см, может свидетельствовать о том, что погребение было совершено ранее строительства этой стенки собора, поскольку маловероятно погребение в противоположной алтарю части храма под полом, головой, впритык примыкающей к самой стенке. Более того, меридиональная ориентация костяка наталкивает на мысль о времени погребения как минимум до начала строительства Успенского собора.

При разборе и зачистных работах участка II выявлено 12 единиц индивидуального и 241 – массового материала, а также 2 экземпляра подъемного материала по бортам раскопа и в отвалах участка II.

Индивидуальный материал представлен 12 экземплярами (рис. 21). Изделия из металла – это: № 4 – фрагмент ножа, № 9 – сошник, № 12 – сапожный инструмент, № 5 – пучок медной проволоки. Изделия из глины – это: № 1 – развал сосуда, № 2 – фрагмент декора, № 3 – изделие, № 6 – элемент декора, № 7 – ручка сосуда, № 8 – целый сосуд, № 10–11 – фрагмент изразца.

Рис. 20. Фото участка II после снятия балласта до уровня «пола» 4-го горизонтального пласта и зачистки после разбора южных рвов основного ядра собора и южного рва крытой галереи: объект № 10 (погребение 1). Общий вид с севера

Рис. 21. Индивидуальный материал:
1 – № 1, 2 – № 4, 3 – № 2, 4 – № 3, 5 – № 5,
6 – № 6.

Рис. 22. Индивидуальный материал – № 8

Из выявленных индивидуальных находок в качестве датируемого можно выделить только глиняный сосуд целой формы (рис. 22). Это красноглиняный горшок посуды X' типа костромской гончарной керамики, бытовавшей во 2-й половине XV в. – XVII в.

Весь керамический комплекс представлен серо-глиняной (V, VI, VIII, IX, X, X', X'', XI, XI' типы костромской гончарной керамики, оформление – волна, горизонтальные линии, насечка), красно-глиняной (VIII, X', X'', XI типы, оформление – горизонтальные линии, волна, насечка), черно-лощеной (IX тип) и бело-глиняной посудой. Подобная керамика укладывается в рабочую классификацию костромской гончарной керамики: IV и V типы имеют хронологические рамки бытования XIII–XIV вв., VI тип – 2-я половина XIII–XV вв., VIII тип – XIV–XV вв., IX тип – 2-я половина XV в. – XVI в., X тип – 2-я половина XV в. – XVII в., XI тип – 2-я половина XVII в. – XIX вв.

Таким образом, результаты археологических исследований на территории Старого города второго костромского кремля в рамках участка II позволяют констатировать факт наличия серии строительных объектов, связанных с динамикой жизни Успенского собора, а выявленный индивидуальный и массовый материал косвенно свидетельствуют о времени их появления не ранее XV в.

Основными итогами проведенных охранно-спасательных археологических мероприятий в рамках участка II является следующее. Во-первых, удалось археологически подтвердить факт перестройки южной части основного ядра Успенского собора (второй строительный период) [Кабатов, Кабатова 2020: 25]. Во-вторых, раскопки позволили четко определить местонахождение новой южной стены, заново построенной в 5–6 м южнее старой, этим как бы удливив храм и превратив его основание из квадрата в прямоугольник. В третьих, как отмечалось нами в предыдущей статье, южная часть основного ядра собора тяготеет к территории, мало пригодной для строительства, рискованной. Перенос южной стенки конструкции требует обязательных архитектурных элементов для предотвращения ее «сползания» по начинающемуся склону. Именно с этой целью было построено как минимум два контрфорса (объекты № 5а–5б), обнаруженные нами, фиксирующие стенку от сдвига.

И последнее, выявленное погребение (объект № 10) меридиональной ориентации, во-первых, позволяет говорить о том, что строящийся Успенский собор частично (как минимум в рамках участка II) ставится на городской некрополь, существовавший здесь до этого. Это предполагает иную планировку городской территории до начала строительства и наличие где-то поблизости церкви, которой и принадлежал данный погост. А во-вторых, меридиональная ориентация погребенного с классическим христианским положением тела, рук и ног костяка позволяет нам ставить вопрос о наличии в среде городского населения Костромы до середины XV в. элементов похоронной обрядности дохристианского времени.

Примечания

¹ Исключение – заполнение рвов: ров южной стенки основного ядра собора первого строительного периода; ров южной стенки собора после его частичной перестройки (увеличения / удлинение в южном направлении) – перенесение южной стенки – второй строительный период; ров южной стенки южного крыла крытой галереи – третий строительный период.

² Кв. 1–6.

³ Сверху; нумерация с севера на юг.

⁴ Северная граница объекта выходит за северную границу участка II, южная разрушена объектом № 3.

⁵ Первый строительный период.

⁶ С юга уничтожена объектом № 3.

⁷ Нумерация данного объекта – рва основания южной стенки основного ядра собора (первый строительный период) идентична нумерации этого же объекта на участке I. Подобное делается нами во избежание путаницы.

- ⁸ Восточная стенка кв. 12, 18.
⁹ Западная стенка кв. 7.
¹⁰ В рамках участка II.
¹¹ Второй строительный период.
¹² Восточная стенка кв. 30, 36.
¹³ Западная стенка кв. 19, 25.
¹⁴ В рамках участка II.
¹⁵ Сечение проведено по центральной оси линии квадратов – по 1 м от северной южной границы линии.
¹⁶ Размер в фиксирующей горловине.
¹⁷ Местонахождение столбиков в рамках всего участка см. на рис. 87.
¹⁸ Глиняная забутовка, на наш взгляд, в придонной части фиксировала от сдвига нижние ярусы валунной кладки, как бы распирая их, и не «давала» им смещаться.
¹⁹ Восточный профиль.
²⁰ Западный профиль.
²¹ Восточная стенка кв. 48.
²² Западная стенка кв. 43.
²³ В рамках участка II.
²⁴ 202×109 см.
²⁵ Восточная часть.
²⁶ –374 см.
²⁷ –326 см.
²⁸ –222 см.
²⁹ Головой повернут на ЮЮЗ.
³⁰ Как правило, к 40–45 годам швы черепа окостеневают. В данном случае хорошо читаются венечный и стреловидный швы.

Список литературы

- Винокурова Э.П.* Металлические литые кресты-тельники XVII в. // *Культура средневековой Москвы. XVII век.* Москва, 1999. С. 326–360.
- Даркевич В.П., Пуцко В.Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // *Советская археология.* 1981. № 3. С. 226–227.
- Засурцев П.И.* Постройки Древнего Новгорода // *Труды новгородской археологической экспедиции.* Т. 2. Москва, 1959. С. 262–298. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 65).
- Засурцев П.И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. 162 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 123).
- Кабатов С.А.* Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 1999 г. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 1999. 138 с.
- Кабатов С.А.* Сельская керамика Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // *Российская провинция в динамике исторического развития: взгляд из XXI века: XI межрегионал. науч. конф. Ч. 2: Новейшие археологические исследования в российской провинции. Работы молодых исследователей провинции как социокультурного феномена.* Кострома, 2004. С. 7–25.
- Кабатов С.А.* Кожевенное ремесло Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // *Вестник Костромской археологической экспедиции.* Кострома, 2006. Вып. 2. С. 70–84.
- Кабатов С.А., Лазарев А.С., Тупицына В.А.* Серия находок печных изразцов (по материалам раскопок 2010 г. на ул. Симановского в г. Костроме) // *Археология Подмосковья: материалы науч. семинара.* Москва: РАН Институт археологии, 2012. Вып. 8. С. 297–306.
- Кабатов С.А., Кабатова Е.А.* Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2016 г. объекта археологического наследия «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV–XVIII вв. (Успенский собор)», расположенного по адресу: Костромская область, г. Кострома, ул. Чайковского 8, 10. Т. 1–14. Кострома: ООО «Историко-археологическое общество “Кострома”», 2018. С. 68, 98, 102, 115, 131, 132, 133, 136, 146, 192, 211, 218, 258, 273.
- Кабатов С.А., Кабатова Е.А.* Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья №3) // *Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова.* 2020. Т. 26, № 3. С. 24–39.
- Кабатов С.А., Кабатова Е.А.* Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 5) // *Вестник Костромского государственного университета.* 2021. Т. 27, № 2. С. 7–30. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-7-30>.
- Кабатов С.А., Кабатова Е.А.* Итоги археологических исследований Старого города второго Костромского кремля (участок I) // *Вестник Костромского государственного университета.* 2025. Т. 31, № 1. С. 87–102. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-87-102>.
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // *Труды новгородской археологической экспедиции.* Т. 2. Москва, 1959. С. 7–119. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 65).
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода.* Москва, 1982. С. 164–166.
- Куколевская О.С.* Медное художественное литье Красносельской волости Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Краеведческие записки.* Кострома, 1993. Вып. 5. С. 84–97.
- Куницкий В.А.* Предметы художественной пластики из Белгорода-Днестровского // *Земли Южной Руси в XI–XIV вв.* Киев, 1985. С. 124–126.
- Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. Москва, 1983. 28 с.

Немцова Н.И. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. Москва, 1989. 35 с.

Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. Кострома, 2004. 432 с.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Ленинград: Наука, 1986. 318 с.

Сагдиева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Москва, 2005. 78 с.

Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 1. Москва, 1956. С. 228–248. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55).

Щанова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 1. Москва, 1956. С. 164–179. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55).

References

Darkevich V.P., Pucko V.G. *Proizvedeniya srednevekovoy metalloplastiki iz nahodok v Staroy Ryazani (1970–1978 гг.)* [Works of medieval metal plastics from finds in Old Ryazan (1970–1978)]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], 1981, no. 3. pp. 226–227. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Otchjet ob arheologicheskikh raskopkah selitsha Vezhy Kostromskogo rajona Kostromskoy oblasti v 1999 g.* [Report on the archaeological excavations of the village of Vezhi in the Kostroma region of the Kostroma region in 1999]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., 2009, 171, 124 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Sel'skaya keramika Kostromskogo Povoldz'ya XIII–XVII vv.* [Rural ceramics of the Kostroma Volga region of the XIII–XVII centuries]. *Rossiyskaya provinciia v dinamiki istoricheskogo razvitiya: vzglyad iz XX veka. XI mezhdunar. nauch. konf. Ch. 2: Noveyshiye arheologicheskie issledovaniya v rossiyskoy provincii. Raboty molodykh issledovateley provincii kak sociokul'turnogo fenomena* [The Russian province in the dynamics of historical development: a look from the 21st century: XI interregional scientific conference. Vol. 2: The latest archaeological research in the Russian province. The works of young researchers of the province as a socio-cultural phenomenon]. Kostroma, 2004, pp. 7–25. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Kodzevennoe remeslo Kostromskogo Povoldz'ya XIII–XVII vv.* [The leather craft of the Kostroma Volga region of the XIII–XVII centuries]. *Vestnik Kostromskoy arheologicheskoy ekspedicii* [Bulletin of the Kostroma Archaeological Expedition]. Kostroma, 2006, vol. 2, pp. 70–84.

Kabatov S.A., Lazarev A.S., Tupicyna V.A. *Seriya nahodok pechnyh izrazcov (po materialam raskopok 2010 g. na ul. Simanovskogo v g. Kostrome)* [A series of

finds of stove tiles (based on the materials of the 2010 excavations on Simanovsky Street in Kostroma)]. *Arheologiyz Podmoskov'ya: materialy nauch. seminar* [Archaeology of the Moscow region: materials of the scientific seminar]. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of Archaeology Publ., 2012, vol. 8, pp. 297–306. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Nauchnyi otchjet po itogam arheologicheskikh issledovaniy (raskopok) v 2016 g. objekta arheologicheskogo nasledija «Uchastok kul'turnogo sloja vtorogo Kostromskogo kreml'a (Staryj gorod 1416 g. i Novyj gorod 1619 g.), XV–XVIII vv. (Uspenskiy sobor)», raspolozhennogo po adresu: Kostromskaya oblast', g. Kostroma, ul. Chaykovskogo 8, 10* [Scientific report on the results of archaeological research (excavations) in 2016 of the object of archaeological heritage "Section of the cultural layer of the second Kostroma Kremlin (the Old city of 1416 and the New city of 1619), XV–XVIII centuries (Assumption Cathedral)", located at: Kostroma region, Kostroma, Tchaikovsky str. 8, 10]. Vol. 1–14. Kostroma, Historical and archaeological society "Kostroma" Publ., 2018, pp. 68, 98, 102, 115, 131, 132, 133, 136, 146, 192, 211, 218, 258, 273. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Istochniko-istoriograficheskoe izuchenie voprosa suzhestvovaniya vtorogo Kostromskogo kreml'a (article 3)* [Source-historical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 3)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, vol. 26, no. 3, pp. 24–39 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-24-39>. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Istochniko-istoriograficheskoe izuchenie voprosa suzhestvovaniya vtorogo Kostromskogo kreml'a (article 3)* [Source-historical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 3)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2021, vol. 27, no. 2, pp. 7–30 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-7-30>. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy Starogo goroda vtorogo Kostromskogo kremlia (uchastok I)* [Results of archaeological research of the Old City of the second Kostroma Kremlin (section I)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2025, vol. 31, no. 1, pp. 87–102. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-87-102>.

Kolchin B.A. *Dztlezoobrabatyvayushchee remeslo Novgoroda Velikogo* [The ironworking craft of Novgorod the Great]. *Trudy novgorodskoy arheologicheskoy ekspedicii. T. 2* [Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition, vol. 2]. Moscow, 1959,

pp. 7–119. (*Materialy I issledovaniya po arheologii SSSR; № 65* [Materials and research on the archaeology of the USSR, no. 65]). (In Russ.)

Kolchin B.A. *Hronologiya novgorodskih drevnostey* [Chronology of Novgorod antiquities]. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda* [The Novgorod collection. 50 years of excavations in Novgorod]. Moscow, 1982, pp. 164–166. (In Russ.)

Kukolevskaya O.S. *Mednoe hudozhestvennoe lit'yo Krasnosel'skoy volosti Kostromakoy gubernii v konce XIX - nachale XX vv.* [Copper artistic casting of Krasnoselskaya volost of Kostroma province in the late XIX – early XX centuries]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. Kostroma, 1993, vol. 5, pp. 84–97. (In Russ.)

Kunickiy V.A. *Predmety hudozhchestvennoy plastiki iz Belgoroda-Dnestrovskogo* [Objects of artistic plastics from Belgorod-Dniester]. *Zemli Uzhnoy Rusi v XI–XIV vv.* [Lands of Southern Russia in the XI–XIV centuries]. Kiev, 1985, pp. 124–126 (In Russ.)

Maslih S.A. *Russkoe izrascovoe ikusstvo XV–XIX vv.* [Russian tile art of the XV—XIX centuries]. Moscow, 1983, 28 p. (In Russ.)

Nemcova N.I. *Issledovanie b restavratsiya russkikh izrascovykh pechey XVII–XVIII vv.* [Research and restoration of Russian tiled stoves of the XVII–XVIII centuries]. Moscow, 1989, 35 p. (In Russ.)

Piscovaya kniga g. Kostromy 1627/28–1629/30 gg. [The scribe's book of Kostroma 1627/28–1629–30 years]. Kostroma, 2004, 432 p. (In Russ.)

Ryabinin E.A. *Kostromskoye Povolzhchye v epokhu srednevekovyya* [Kostroma Volga region in the Middle Ages]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 318 p. (In Russ.)

Sagdiyeva P.Z. *Serebryanyye monety hanov Zolotoy Ordyy* [Silver coins of the Khans of the Golden Horde]. Moscow, 2005, 78 p. (In Russ.)

Smirnova G.P. *Opyt klassifikatsii keramiki drevnego Novgoroda (po materialam raskopok 1951–1954 gg.)* [The experience of classifying the ceramics

of ancient Novgorod (Based on the materials of the excavations of 1951–1954)]. *Trudy novgorodskoy arheologicheskoy ekspeditsii. T. 1* [Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition, vol. 1]. Moscow, 1956, pp. 228–248. (*Materialy I issledovaniya po arheologii SSSR; № 55* [Materials and research on the archaeology of the USSR, no. 55]). (In Russ.)

Shchapova Yu.L. *Steklyannyye busy drevnego Novgoroda* [Glass beads of ancient Novgorod]. *Trudy novgorodskoy arheologicheskoy ekspeditsii. T. 1* [Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition, vol. 1]. Moscow, 1956, pp. 164–179. (*Materialy I issledovaniya po arheologii SSSR; № 55* [Materials and research on the archaeology of the USSR, no. 55]). (In Russ.)

Vinokurceva Ye.P. *Metallicheskie lityye kresty-tel'niki XVII v.* [Cast metal crosses of the XVII century]. *Kul'tura srednevekovoy Moskvy. XVII v.* [The culture of medieval Moscow. XVII century]. Moscow, 1999, pp. 326–360. (In Russ.)

Zasurcev P.I. *Postroyki Drevnego Novgoroda* [Buildings of Ancient Novgorod]. *Trudy novgorodskoy arheologicheskoy ekspeditsii. T. 2* [Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition, vol. 2]. Moscow, 1959, pp. 262–298. (*Materialy I issledovaniya po arheologii SSSR; № 65* [Materials and research on the archaeology of the USSR, no. 65]). (In Russ.)

Zasurcev P.I. *Usad'by I postroyki drevnego Novgoroda* [Manors and buildings of ancient Novgorod], 1963, 162 p. (*Materialy I issledovaniya po arheologii SSSR; № 123* [Materials and research on the archaeology of the USSR, no. 123]). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 18.04.2025; принята к публикации 21.04.2025.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 18.04.2025; accepted for publication 21.04.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 19–24. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 19–24. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.4. Этнология, антропология, этнография (исторические науки)

УДК 392

EDN WNGKBK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-19-24>

ЖЕНСКИЙ ТРУД НА КУХНЕ: ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛИНАРИЯ ГЛАЗАМИ АНТРОПОЛОГА

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, pushkarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Аннотация. Историческая антропология питания в ее социально-половом осмыслении – новая область знаний о прошлом. Возможно ли представить кулинарные практики не как содержание повседневного быта, сводимого к утомительной и надоедливой домашней работе и «второй смене» для женщин (рождающей гендерные асимметрии), а как время, отданное отдыху и (более того) досугу? Материалы устной истории, собранные как секвенции неструктурированных биографических интервью, подтверждают эту догадку. Социальный антрополог сочтет, однако, наличие в этих признаниях некоторого приукрашивания действительности и, точнее, перетекания работы в досуг. Еще один вариант интерпретации – видеть в женской работе на кухне особый тип работы-досуга, характерный в особенности для творческих личностей (вне зависимости от профессии и пола) и нередко – работников интеллектуальной сферы, могущих более свободно, нежели другие, распоряжаться бюджетом времени.

Ключевые слова: женская история, историческая антропология повседневности, кулинарные практики, домашняя работа, свободное время, досуг, отдых.

Для цитирования: Пушкарёва Н.Л. Женский труд на кухне: повседневная кулинария глазами антрополога // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 19–24. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-19-24>

Благодарности. Поддержано грантом РНФ № 24-718-10005 «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.».

Research Article

WOMEN'S WORK IN THE KITCHEN: EVERYDAY COOKING THROUGH THE EYES OF AN ANTHROPOLOGIST

Natalia L. Pushkareva, DSc in History, Professor, Chief Researcher, Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pushkarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Abstract. Historical anthropology of nutrition in its gender understanding is a new area of knowledge about the Past. Is it possible to imagine culinary practice as time devoted to rest and (moreover) leisure rather than the content of everyday life, reduced to tedious and routine housework and a “second shift” for women (giving rise to gender asymmetries)? Oral history materials collected as sequences of unstructured biographical interviews confirm this guess. A social anthropologist will, however, consider these confessions to contain some embellishment of reality and, more precisely, the flow of work into leisure or a special type of work-leisure, characteristic especially of creative individuals (regardless of profession and sex) and, often, workers in the intellectual sphere, who can more freely than others, manage their time budget.

Keywords: women's history, historical anthropology of everyday life, culinary practices, housework, free time, leisure, rest.

For citation: Pushkareva N.L. Women's work in the kitchen: everyday cooking through the eyes of an anthropologist. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 19–24 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-19-24>

Acknowledgments. Supported by the Grant of the Russian Science Foundation No. 24-718-10005 “The Women's Voice of Russian Science in the 1800–1980s.”

Все, что связано с кулинарией и традициями «накармливания», в последние годы все чаще оказывается в центре внимания психологов, историков, культурологов. Раньше рассуждения на подобные темы могли внушать исследователю «чувство вины за легковесность проблематики» [Барт: 309]. Однако очевидный рост внимания к теме, которая все чаще становится объектом идеологического, а часто и политического осмысления, очевидная ее практическая ориентированность, углубление теоретико-методологических основ ее понимания [Холмс; Counihan] – все показывает востребованность темы питания со стороны тех, кто старается интерпретировать культурный код этноса или одной из его социальных групп.

Изучение антропологии повседневной жизни с неизбежностью ставит вопрос о том, к какой области быта должно быть отнесено все, что связано с алиментарными практиками и кулинарией – что это: повседневный труд (невидимый, не замечаемый в силу привычности и витальной необходимости), свободное от производительного, профессионального труда время или даже отдых (если видеть в кулинарии вид досуга, досужного времяпровождения)? Ответить на эти вопросы можно, опираясь на материалы устной женской истории (собранные ранее неструктурированные биографические интервью, в которых проходит эта тема), а также на основании материалов СМИ и опубликованных воспоминаний, кинофото документов, материалов изобразительного искусства, карикатур.

О понятиях. Однако обратимся вначале к толкованию современной философской мыслью основных понятий, необходимых для исследования. В ходе дискуссий в журнале «Этнографическое обозрение» по вопросу о соотношении труда и отдыха у лиц, занятых научной работой [Пушкарёва 2021: 98–105], стороны пришли к общему мнению о различиях между *свободным* от труда *временем* и собственно *отдыхом*.

Свободное время шире понятия *отдыха* и тем более *досуга*. Как форма социального времени *свободное время* может быть отдано не только физической релаксации, но и саморазвитию личности, овладению ею достижениями культуры, созданию культурных ценностей. Кстати, термин *свободное время* появился в начале XX в. – когда в мировой социологии начало развиваться научно-прикладное социологостатистическое исследование распределения фонда времени суток (недели, месяца, года) на различные виды деятельности. *Свободное время* может быть отдано досугу, а может быть наполнено (например) перемещением к месту труда (дорога на работу и с работы), само по себе *свободное время* – самоценный ресурс для восстановления сил и развития личности.

Частью *свободного времени* всегда был *отдых*. Понятие это в СССР было нагружено социальной ответственностью: *отдых* считался конституционным правом гражданина и гражданки и был обозначен как «время для восстановления сил и повышения работоспособности» [Черняева 2006: 31]. В свою очередь, *досуг* – это часть отдыха. В русском языке слово *досуг* употреблялось с XV в. и происходит от глагола «досягать», «досягнуть» – иметь возможность что-то совершить. Досугом в допетровское время именовались часы, потраченные не на развлечения, а именно на достижение чего-то, на что требуются определенные усилия и время, но не сводимые к рутинному труду.

За три столетия понятия *досуга*, *отдыха*, *свободного времени* сблизились и стали употребляться почти синонимично. Это не совсем правильно. *Досуг* и *отдых* входят в понятие времени, свободного от работы, но в это же *свободное время* включается и деятельность, направленная на поддержание жизни человека (время для личной гигиены и гигиены дома – стирок, уборок) плюс затраты времени, связанные с работой (время на дорогу до работы и обратно). В *досуг* и *отдых* все эти чистки-уборки-готовки, стояние в очередях в магазинах или в поликлиниках, проезд в переполненных вагонах метро и «загорание» в транспортных пробках в личной машине не входят. На это тратится время, свободное от работы, но это не досуг. Как не является досугом участие в общественных или ритуальных мероприятиях (от профсоюзных собраний до посещения своего духовника в церкви); все перечисленное – именно часть *свободного времени*.

А что же с *отдыхом* и *досугом*, где проходит водораздел между ними? Расхождения между отдыхом и досугом – в разном соотношении биологического и социального. В *отдыхе* больше биологического (сон, расслабление, релакс – они есть и в животном мире), а *досуг* – явление социальное. Не случайно А.С. Пушкин упомянул рифму как «звучную подругу вдохновенного досуга»: отдых не может быть вдохновенным, а досуг – он «вдохновенный», подчеркнуто небологичный.

Алиментарные практики лиц умственного труда: домашняя работа или отдых? Распределение фонда рабочего, вне рабочего и свободного времени (в последнее входит отдых и досуг) – аспект антропологии женской повседневности. Даже поверхностный взгляд на опубликованные воспоминания, равно как анализ рассказов респонденток, представляющих разные научные профессии и специальности, свидетельствует о том, что преобразование внутреннего мира личности в нарративах, исходящих от представительниц умственного труда (причем любого поколения), самым тесным образом коррелирует с темой *скудости времени* на досуг, а с ним и на развлечения.

Воспоминания говорят аналитику о том, что женщины, занятые интеллектуальным трудом, по сути, трудятся почти непрерывно. И какое время у них отдается алиментарным практикам, сходу определить не так-то и легко.

Молодые годы, когда основные ступени научно-го роста еще не пройдены, – это время, когда представительницам интеллектуального труда надо выполнять самой рутинные профессиональные действия (сбора эмпирического материала, его обработки). Для женщин-ученых долговременность этой профессиональной занятости в структуре дневного времени, по воспоминаниям, постоянно дополнялась жизнью домашней. А она в домах научных работников, «небогатых, несколько церемонных», была жизнью, где было «много книг и мало еды» [Максимова 2004: 116]. Минуты жизни уходили на чтение, на расширение кругозора, необходимое для профессионального совершенствования. Но ко всему этому добавлялись – у «поколения нехваток и очередей» (Б. Слуцкий) – бытовые сложности, среди коих на первом месте было «доставание» еды. Можно ли такое времяпровождение, как стояние в очередях, бесконечное растрачивание жизни на чистку купленного, его готовку, сервировку, накармливание домашних и вновь на чистку и мытье предметов быта после еды – отдыхом от работы? Похоже, что нет. Кулинария и все, что было с нею связано, для старшего поколения был исключительно *домашний труд, женский домашний труд*.

Тема еды в воспоминаниях старшего поколения женщин-ученых вообще особая. Она практически не всплывает в рассказах молодых исследовательниц – и причина тому понятна: новый уровень обеспеченности продуктами питания по всей стране снял, по сути, эту проблему для многих современных женщин-ученых. Готовые полуфабрикаты изменили бюджет времени женщин, а доставка заказов на дом, ставшая нормой в 2020-е годы (после ковида) – еще более освободила их.

Но полвека назад ничего этого не было, на столах обычных советских людей была нехитрая пища, но, конечно, «старались приготовить что-то повкуснее». «В основном это были рожки с дешевой колбасой, бутерброды с плавленым сыром... отварная картошка, соленые огурцы» [Сахарова: 240]. С такого рациона, особенно в юности, начинало не одно поколение советских женщин-ученых (у которых мы собирали биографические интервью). В воспоминаниях подчеркивается демонстративное пренебрежение бытовыми неудобствами, умение приспособиться к любым житейским обстоятельствам, самой простой пище: «Мы были детьми войны, привыкли к трудностям».

И все же внимательное чтение воспоминаний и прослушанные биографические нарративы женщин-ученых заставляют задуматься и заметить ди-

лемму... Было ли *приготовление пищи одной из форм женского домашнего труда* или бывали обстоятельства, когда кулинария для женщин-ученых и тогда, полвека назад, была все же формой *отдыха и досуга*?

Мы уже писали о том, что социально-половая принадлежность и кулинария тесно связаны [Пушкарёва, Жидченко]. Но было ли для женщин 1960–80-х гг. время, затраченное на приготовление вкусных блюд, временем именно досуга или все же внедосуговой формой необходимого, а порой и мучительного?

Исследователи верно заметили [Попова], что второе послевоенное десятилетие изменило взгляд социума на алиментарные практики: до войны предполагалось, что этим займется государство, в то время как женщина будет все силы отдавать работе вне дома. Потому-то в довоенное время были построены многочисленные фабрики-кухни (некоторые из них очень известны, например, знаменитое здание в виде серпа и молота в Самаре построено для рабочей столовой).

В послевоенное время от идеи масштабных фабрик-кухонь отказались. Едва советское и партийное руководство повернулось лицом к человеку – а это произошло в середине 1950-х гг. – тут же развернулась впервые в советской истории масштабная компания массового жилищного строительства, причем строительства именно индивидуальных квартир для отдельных семей, обычных, простых людей. С конца 1950-х гг. советская пропаганда через систему кинообразов и кулинарных книг (в которых женщину впервые стали называть *хозяйка*) начала связывать личное счастье женщины с кулинарными успехами на кухне [Seasoned Socialism: 36].

Домашний семейный воскресный обед, вечерний ужин за общим столом вдруг предстали символом семейного благополучия. Так правомерно ли говорить в этом контексте о том, что женщины (в том числе занятые интеллектуальным трудом, у нас собраны именно их биографические нарративы) считали приготовление пищи для себя и близких в те годы (1960–80-е) всего лишь «второй рабочей сменой», а вовсе не формой заполнения досуга и кулинарного творчества?

К 1960–80-м гг. относятся многочисленные переиздания «Книги о вкусной и здоровой пище», а также начавшего выходить в 1951 г. «Домоводства» (многотысячные тиражи его были ежегодными), появились книжки для мам «Детское питание» (Госторгиздат, 1957), «Питание школьника» (Госторгиздат, 1959), «Питание детей в семье», начавшие выходить в конце 1950-х кулинарные книги разных народов СССР и братских народов Европы («Венгерская кухня», 1959) и Азии («250 блюд китайской кухни», 1959). Женщины того времени не размышляли о том, что вынуждены отказывать себе в чем-то, покупая все эти книжки (стоили они недорого...), напротив, эти

издания имелись буквально в каждой квартире крупного города, тем более – в домах лиц, занятых интеллектуальным трудом.

Судя по воспоминаниям респонденток 1930–50-х гг. рождения, практически в каждом доме была тетрадка, блокнот, в который клеивались вырезанные из газет и журналов рецепты. В ту же тетрадь от руки записывались самые запомнившиеся блюда, которые удавалось попробовать у кого-то в гостях.

Такое отношение к домашней кулинарии заставляет увидеть в ней *разнообразие приятных личных занятий*, направленных на восстановление физических и психических сил, ведь досуг всегда имманентно связан с возможностью выбора. В определенной мере для женщин, всегда вынужденных нести на себе основную ответственность за правильное питание семьи, готовка и кормление домашних была вынужденной необходимостью. Но все же творчество, вносимое женщинами в домашние рецепты, показало, что в те десятилетия хозяйки обладали немалой степенью свободы в выборе того, когда и что им готовить, и тем самым проявлять свою заботу о других. Правда, дилемма личного удовольствия и радости (или вынужденной необходимости) ухода за другими ощущалась женщинами острее, чем мужчинами. Но и в самом сборе рецептов, а впоследствии – приготовлении по ним того, что обрадует домашних, женщины самореализовывались определеннее и успешнее.

Мужчины, как правило, никаких рецептов домашней кухни не собирали, и нам не удалось обнаружить ни одного респондента-мужчину, который бы признался, что в юности собирал рецепты (даже из тех, что сделали кулинарию своей профессией).

К 1960-м годам относится как раз медленное *включение кулинарных практик в досуг не только женщин, но и мужчин*, по-прежнему ожидавших, что по приходу домой каждый день их должна ждать вкусная, приготовленная для них еда [Королев]. Но все же по праздникам и особым дням мужчины 1960-х осторожно начинали апробацию собственного участия в создании блюд на основе рецептов [Kemmer D. 2000]. Для мужчин в рассматриваемое время стояние у плиты и готовка представлялась в фотографиях и кинофильмах только исключительно формой досуга, развлечением. Мужчинам легче было считать и показывать себя увлеченными кулинарией, соотносить приготовление пищи с отдыхом, так как погружение в кулинарные практики позволяло им примерить на себя роль Мастера, творческой личности, разрушителя стереотипов (хотя таких слов тогда не знали) [Short]. Женщины же показывались в советском кино безропотными служанками семьи и мужей, которые спешили приготовить, накормить, вычистить – и выполнить этот домашний труд с улыбкой и готовностью не роптать.

Не стоит забывать того, что восприятие кулинарии всегда определяется содержанием культурного дискурса, выстраиваемого вокруг данной сферы деятельности; в кино и телепрограммах приготовление еды мужчинами репрезентировалось как развлечение, как особый дополнительный навык... В то же время женская кулинария представляла именно повседневной деятельностью, *домашней работой* во имя благополучия семьи и узкого круга родственников. Умение девушек быстро очистить, нарезать (готовя еду) демонстрировалось в особой ТВ-программе («А ну-ка, девушки!», с 1970 г.) и никогда не было формой соревнования мужчин (существовала зеркальная передача «А ну-ка, парни!»).

Женщины могли воспринимать «стояние у плиты» как грустную неизбежность, но не всегда и не все. Эффективность досуга может быть оценена уровнем самосознания и степенью самореализации индивида. Иногда женщинам удавалось самореализоваться – и в материально-предметном (вкусное блюдо) и в коммуникативном (чтобы получить похвалу) смыслах. Вот такого рода успешность женщин очень часто транслировалась в кинофильмах.

Заключение. Из сказанного можно сделать вывод о том, что разные сферы домашней деятельности и само домашнее пространство могли быть досуговыми для женщин, но не в полной мере. Они конструировались женщинами и мужчинами в качестве таковых в зависимости от внешних обстоятельств и собственных личностных особенностей.

Женщины чаще всего *не были* склонны рассматривать домашнее пространство как досуговое: слишком много их ждало дома обязанностей.

Мужчины чаще смотрели на возвращение домой как на место отдыха и досужего времяпровождения. Если же они понимали, что возвращение с работы означает участие в домашних делах, то тоже переставали оценивать домашнее пространство как досуговое, и даже их кулинария переставала тоже быть приятным развлечением (а если для кого-то такое было прямой обязанностью – то об этом не принято было рассказывать, с кем-либо делиться) [Лыткина].

Напротив, женщины эпохи полвека назад (во всяком случае до развала советских семейных традиций в годы перестройки) в случае, если отдавались кулинарным практикам от души, то с удовольствием рассказывали об этом и тем самым подчеркивали, что для них готовка – это радость и как раз самый настоящий, полноценный досуг. Для тех, кто занят тяжелым физическим трудом, даже само занятие трудом умственным – уже не труд, а отдых, «привилегия избранных, полученная за счет упорного и длительного труда многих» [Веблен]. Тогда и кулинарные опыты у плиты предстают делом свободного выбо-

ра (хочу – куплю полуфабрикаты, хочу – буду творить кулинарный шедевр у плиты).

Можно говорить также о применимости к кулинарии термина «работа-досуг» венгерского социолога М. Сабо [Szabo] – он сконструирован ею как рабочий инструмент при невозможности разделить труд по необходимости и работу в удовольствие, работу для отдыха от другого вида деятельности. Гибридное понятие «работа-досуг» лучше отражает восприятие кулинарии, которая периодически приносит удовольствие, наполняет смыслом текущий момент, омолаживает или расслабляет (свойства, приписываемые досугу) – либо становится тяжелым, утомительным, изматывающим действием по моральному принуждению (утомительность = характеристика, связанная с работой, как оплачиваемой, так и неоплачиваемой). Очень многое зависит от того, как ты сам воспринимаешь реальность (неслучайно для каждой из нас *удинение* – это отдых, но *одинокчество* – тяжелое психологическое состояние). Так что все зависело от контекста (вероятно, как и сейчас), психологического настроя и мотивации.

Список литературы

- Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст., сост. С.Н. Зенкина. Москва: Академический проект, 2018. 430 с.
- Веблен Т. Теория праздного класса. Москва: Прогресс, 1984. 367 с.
- Королев Б. Дневник. 1.06.1960 // Прожито: сайт. URL: <https://corpus.prozhito.org/>
- Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // СОЦИС. 2004. № 1. С. 85–90.
- Максимова И. Моя подруга Наташа // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет 1953–1958 гг. Воспоминания выпускников. Москва: Макс-Пресс, 2006.
- Попова О.Д. Кулинарные книги и практики питания в советской женской повседневности 1960-х // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 120–139.
- Пушкарёва Н.Л. Труд и отдых женщин-ученых в советской и постсоветской России // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 98–105.
- Пушкарёва Н.Л., Жидченко А.В. Гендер и кулинарная основа культуры // Уральский исторический вестник. 2021. № 1. С. 193–195.
- Сахарова Г. МГУ – как много в этом слове... // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет 1953–1958 гг. Воспоминания выпускников. Москва, 2006. С. 211–241.
- Холмс Б. Вкус: наука о самом малоизученном человеческом чувстве. Москва: Альпина Пабlishер, 2020. 348 с.
- Черняева Д.В. Право на отдых // Справочник кадровика. 2006. № 9. С. 31–35.
- Counihan C. Foreword. Siniscalchi V., Harper K. (eds.). Food Values in Europe. L., Bloomsbury Academic, 2019, pp. 10–12.
- Kemmer D. Tradition and change in domestic roles and food preparation. Sociology. L., 2000, vol. 34, no. 2, pp. 323–333.
- Seasoned socialism: gender and food in late Soviet Everyday Life*. Bloomington: Indiana University Press, 2019. 394 с.
- Short F. Kitchen secrets: The meaning of cooking in everyday life. Oxford, Berg, 2006, 168 p.
- Szabo M. Foodwork or foodplay? Men's domestic cooking, privilege and leisure. Sociology, 2013, vol. 47, no. 4, pp. 623–638.

References

- Bart R. *Sistema mody: stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System: Articles on the Semiotics of Culture], trans. from French, comp. by S.N. Zenkina. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018, 430 p. (In Russ.)
- Chernyaeva D.V. *Pravo na otdykh* [The Right to Rest]. *Spravochnik kadrovika* [Personnel Officer's Handbook], 2006, no. 9, pp. 31–35. (In Russ.)
- Holmes B. *Vkus: nauka o samom maloizuchennom chelovecheskom chuvstve* [Taste: the science of the least studied human sense]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2020, 348 p. (In Russ.)
- Korolev B. *Dnevnik. 1.06.1960* [Diary. 1.06.1960]. *Prozhito* [Lived]. URL: <https://corpus.prozhito.org/> (In Russ.)
- Lytkina T.S. *Domashniy trud i gendernoye razdeleniye vlasti v sem'ye* [Housework and gender division of power in the family]. *Socis*, 2004, no. 1, pp. 85–90. (In Russ.)
- Maksimova I. *Moya podrugа Natasha* [My Friend Natasha]. *Vremya, ostavsheyesya s nami. Filologicheskii fakul'tet 1953–1958 gg. Vospominaniya vypusknikov* [The Time That Remained with Moscow University Faculty of Philology. 1953–1958. Memories of Graduates]. Moscow, Max-Press Publ., 2006. (In Russ.)
- Popova O.D. *Kulinarnyye knigi i praktiki pitaniya v sovetskoy zhenskoy povsednevnosti 1960-h gg.* [Cookery books and nutrition practices in the everyday life of Soviet women in the 1960s]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2024, no. 1, pp. 120–139. (In Russ.)
- Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. *Gender i kulinar-naya osnova kul'tury* [Gender and the culinary basis of culture]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2021, no. 1, pp. 193–195. (In Russ.)
- Pushkareva N.L. *Trud i otdykh zhenshchin-uchenykh v sovetskoy i postsovetskoy Rossii* [Work and Rest of Women Scientists in Soviet and Post-Soviet Russia]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2021, no. 3, pp. 98–105. (In Russ.)

Sakharova G. *MGU – kak mnogo v etom slove...* [Moscow State University – how much is in this word...]. *Vremya, ostavsheyeya s nami. Filologicheskii fakul'tet 1953–1958 gg. Vospominaniya vypusknikov* [The time that remains with Moscow University Faculty of Philology 1953–1958. Memories of graduates]. Moscow, 2006, pp. 211–241. (In Russ.)

Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow, Progress, 1984, 367 p. (In Russ.)

Counihan C. Foreword. Siniscalchi V., Harper K. (eds.). *Food Values in Europe*. L., Bloomsbury Academic Publ., 2019, pp. 10–12.

Kemmer D. Tradition and change in domestic roles and food preparation. *Sociology*. L., 2000, vol. 34, no. 2, pp. 323–333.

Seasoned socialism: gender and food in late Soviet Everyday Life. Bloomington, Indiana University Press Publ., 2019, 394 p.

Short F. *Kitchen secrets: The meaning of cooking in everyday life*. Oxford, Berg Publ., 2006, 168 p.

Szabo M. Foodwork or foodplay? Men's domestic cooking, privilege and leisure. *Sociology*, 2013, vol. 47, no. 4, pp. 623–638.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 25–31. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 25–31. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.6. История науки и техники (исторические науки)

УДК 070:311

EDN ZOUBTS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-25-31>

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ПО СТАТИСТИКЕ ПРИ АКАДЕМИИ НАУК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Скрыдлов Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия, askrydlov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9913-3580>

Аннотация. Статья посвящена истории институционального становления статистических исследований в России. В центре внимания – инициативы российских ученых по созданию при Академии наук специализированного печатного издания по статистике в первой половине XIX в. На основе опубликованных источников и архивных материалов реконструируется история первых отечественных изданий в этой области – «Russland unter Alexander I» А.К. Шторха и «Статистического журнала» К.Ф. Германа. Отмечены обстоятельства создания этих изданий, их особенности и целевая аудитория, а также причины, по которым они прекратили свое существование. Сделан вывод о том, что первые академические журналы по статистике способствовали возникновению исследовательского интереса к новой отрасли знаний среди столичных чиновников и провинциальных интеллектуалов, признанию ее роли в практике государственного управления. Кроме того, они послужили образцом для ведомственной статистической периодики. Показано, как академик П.И. Кеппен стремился возобновить статистическое издание при Академии наук, ориентируясь на своих предшественников и зарубежный опыт. В качестве приложения к статье впервые публикуется «Представление П.И. Кеппена и К.С. Веселовского “Об издании статистических материалов для познания России”» 1854 г. Содержание документа характеризует состояние академической статистической периодики к середине XIX в.

Ключевые слова: история статистики, Императорская Академия наук, академические издания, статистический журнал, А.К. Шторх, К.Ф. Герман, П.И. Кеппен.

Для цитирования: Скрыдлов А.Ю. Проблема организации периодического издания по статистике при Академии наук в первой половине XIX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 25–31. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-25-31>

Research Article

THE CHALLENGE OF ESTABLISHING STATISTICAL PERIODICALS AT THE ACADEMY OF SCIENCES IN THE EARLY 19TH CENTURY

Andrei Yu. Skrydlov, PhD in History, Saint-Petersburg branch of the Institute for the History of Sciences and Technology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, askrydlov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9913-3580>

Abstract. This article examines the institutional development of statistical research in Russia and the pivotal role played by the Academy of Sciences in fostering this emerging discipline during the early 19th century. The analysis focuses on the initiatives of Russian scholars, particularly Heinrich Friedrich von Storch and Carl Theodor Hermann, to create specialised statistical journals. Using published sources and archival documents, the study reconstructs the history of Russia's first statistical periodicals, including's "Russland unter Alexander I" by von Storch and "Statistical Journal" by Hermann. It provides a detailed account of their establishment, unique features, intended audience, and the factors that led to their eventual cessation. The article argues that these early publications were instrumental in cultivating scholarly interest in statistics among government officials and intellectuals, both in urban centers and provincial areas. They also contributed to the recognition of statistics as a critical tool for state governance and laid the groundwork for departmental statistical periodicals. Furthermore, the study highlights efforts of Academician Peter von Köppen to revive statistical publishing at the Academy, drawing on the achievements of his predecessors and international models. Included in the appendix is the first publication of "The Proposal by Peter von Köppen and Konstantin Veselovskiy on Publishing «Statistical Materials for Understanding Russia»" (1854). This document offers valuable insights into the challenges and aspirations surrounding academic statistical periodicals in mid-19th century Russia.

Keywords: history of statistics, Russian Imperial Academy of Sciences, academic publications, Statistical Journal, Heinrich Friedrich von Storch, Carl Theodor Hermann, Peter von Köppen.

For citation: Skrydlov A. Yu. The challenge of establishing statistical periodicals at the Academy of Sciences in the early 19th century. *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 25–31 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-25-31>

Появление статистики как самостоятельной отрасли знаний в России неразрывно связано с деятельностью Санкт-Петербургской академии наук. Первое научное учреждение страны вело работу по сбору и систематизации сведений о территории, населении и хозяйстве империи уже во второй половине XVIII в. Деятельность академиков М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, А.Л. Шлецера, И.Ф. Германа подготовила почву для институционального оформления статистических исследований [Птуха: 21–81]. Регламент Академии наук 1803 г. закрепил статистику в перечне академических дисциплин. Согласно новым штатам, это направление исследований поручалось ординарному академику по классу политической экономии и статистики. Согласно Регламенту, в помощь ординарному академику мог быть избран адъюнкт [Уставы: 63].

Первый состав кафедры политической экономии и статистики был сформирован в 1804–1805 гг., на должность ординарного академика избрали А.К. Шторха, адъюнктом стал К.Ф. Герман. Оба ученых были последователями немецкой школы «государствоведения» – раннего описательного направления статистических исследований. Его предметом были «государственные достопримечательности» – факты о природе, населении, экономике, политическом устройстве, полезные с точки зрения государственного управления. Дисциплина сочетала элементы физической и экономической географии, демографии и политической экономии, формируя эмпирическую основу для последующего развития этих наук.

Неотъемлемой частью общего процесса институционализации статистики стала публикация статистических трудов в периодических изданиях Академии наук. Историография этого вопроса ограничивается несколькими статьями, посвященными «Статистическому журналу» 1806–1806 гг., который рассматривается вне общего контекста издательской деятельности Академии наук [Шелестов: 109–119; Афанасьев: 69–71]. Важную роль журнала в истории становления статистических исследований в России подчеркивали В.В. Святловский и М.В. Птуха [Святловский: 171; Птуха: 57–59]. Однако источники свидетельствуют, что короткий опыт публикации журнала стал лишь одним эпизодом в череде попыток академиков-статистиков организовать собственное периодическое издание при Академии наук.

После закрепления статистики в качестве академической дисциплины академики по новой специ-

альности начали публиковать свои статьи в общеакадемических изданиях. В первом выпуске пятой серии академических трудов «Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg», вышедшем в 1809 г., впервые появился раздел «Section des Sciences politiques». В него вошли две работы Шторха «Du principe constitutif de la science du Gouvernement» («Об основных принципах науки о государственном управлении») и «Développement du principe de la liberté naturelle on exposition sommaire de la doctrine de Smith, sur l'objet du Gouvernement, 1re Partie. Des progres naturels de la civilization» («Развитие принципа естественной свободы и краткое изложение доктрины Смита о цели правительства. Часть 1. О естественном прогрессе цивилизации») и две работы К.Ф. Германа – «Description statistique des lacs salés de la Russie avec un discours préliminaire sur le commerce de sel dans cet Empire» («Статистическое описание соляных озер России с предварительным рассуждением о соляной торговле в сей империи») и «Sur l'état actuel de l'Agriculture en Russie» («О современном состоянии сельского хозяйства в России») [Memoires: 489–730]. В последующих выпусках этого основного печатного органа Академии вплоть до 1830 г. академики-статистики публиковали по 4–5 мемуаров. Далее по случаю столетия Академии последовала реорганизация издания, которое было разделено три выпуска по отраслям. Труды по статистике были отнесены к «Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. Sciences politiques, histoire et philologie» и выходили здесь до 1859 г.

Помимо «Mémoires...» работы академиков-статистиков печатались в «Bulletin scientifique publié par l'Académie impériale des sciences de Saint-Petersbourg» – сборнике научных трудов по академическим дисциплинам. Издание выходило с 1836 г. с разной периодичностью в Лейпциге и Санкт-Петербурге на немецком и французском языках. В 1844 г. оно также было разделено по отраслям знаний, и историко-филологическое отделение Академии, к которому относилась статистика, получило собственный «Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg». В начале XIX в. кроме общенаучных изданий при Академии наук начали выходить тематические журналы по различным отраслям знания. Наиболее ярким примером стал «Технологический журнал», издание которого, начатое в 1804 г., было закреплено в Регламенте 1803 г. [Уставы: 63].

Одновременно с началом выхода «Технологического журнала» академики-статистики задумались об организации специализированного издания для своей отрасли знаний. Первым из них стал Шторх, который организовал выпуск журнала «Russland unter Alexander I», одновременно в Санкт-Петербурге и Лейпциге. Журнал был рассчитан преимущественно на европейскую аудиторию и печатался на немецком языке. В предисловии к первому выпуску Шторх писал, что его основная задача – «путем критического обобщения примечательных и интересных фактов дать верный, живой и прогрессивный портрет русской нации и в качестве наблюдателя следить за великим делом государственного и человеческого просвещения, начатым нынешним императором в столь истинно гуманном духе» (здесь и далее перевод с немецкого выполнен автором. – А. С.). В журнале предполагалось размещать материалы, которые могли бы служить «к более близкому и точному познанию России и ее жителей», и характеризовать «государственное управление, торговлю, ремесло, искусства и науки, образование, столичные и важнейшие провинциальные города, характерные особенности местной истории». При этом Шторх не планировал «соперничать с бесчисленным количеством ежедневных, еженедельных или ежемесячных газет», но хотел достичь своей цели «за счет подлинности и полноты сведений». Он заявлял о намерении «стать летописцем правления Александра», чтобы «собрать для истории памятные события этого счастливого периода» [Vorerinnerung: 3–8]. С 1804 по 1811 г. вышло 27 номеров журнала. Кроме актуальных политических новостей, освещающих масштабные преобразования в области государственного управления, Шторх публиковал обзоры состояния различных отраслей хозяйства, путей сообщения, описания отдельных частей Российской империи.

Последовав примеру Шторха, адъюнкты-статистики К.Ф. Герман также приступил к изданию собственного журнала, но уже на русском языке. Его «Статистический журнал» начал выходить «при Академии наук» в Санкт-Петербурге в 1806 г., всего удалось выпустить четыре номера. Издание было нацелено на популяризацию статистических знаний внутри страны. В «Предуведомлении» к первому выпуску редактор отмечал, что учреждение класса статистики в Академии наук и кафедр в университетах указывало на «Высочайшую волю о распространении знаний статистических». Исполняя повеление императора, «правительство... долженствует купно упражняющимся в том профессорам доставлять нужные сведения», однако «не все статистики могут пользоваться сими сведениями», так как они «удалены от источников» [Герман: III]. Журнал, «издаваемый на русском языке статистиком, коему открыты все нужные

по его части источники», был призван доставить им необходимые сведения [Герман: III]. Герман высоко оценивал достоверность доступных ему источников, так как получил их напрямую «от некоторых знаменитых в государстве особ» и извлекал «из министерских бумаг» [Герман: IV].

Круг авторов, которых ученый привлек к работе в журнале, был весьма представительным. Наиболее заметные среди них – академик И.Ф. Герман, профессор Педагогического института М.А. Балугьянский, видный специалист «по части коммерции» Ф.Х. Вирст. Герман рассчитывал публиковать их статьи, характеризующие «состояние народа... население, народное богатство, просвещение, статистическое описание губерний и достопамятных мест, состояние правления: положение оно, образ правления, военные силы, финансы, иностранные отношения... сообщения о новых открытиях и великодержавных подвигах» [Герман: IV].

На практике в «Статистическом журнале» выходили теоретические исследования по политической экономии и статистике, топографические описания отдельных частей империи, а также различных отраслей экономики. За теоретический раздел отвечали К.Ф. Герман и Балугьянский. Первый опубликовал в журнале начало своей фундаментальной работы «Теория статистики», второй – политэкономическое сочинение «О народном богатстве». Под рубрикой «Материалы для российской статистики» в разных номерах журнала выходили статистические описания Саратовской, Таврической и Ярославской губерний, а также ряд статей по истории и статистике российской армии и флота. В разделах «Иностранная статистика» и «Новые учреждения и открытия» печатали переводные материалы о статистике зарубежных государств, а также обзоры на значимые события в области статистики, географии, государственного управления.

По сведениям Святловского, журнал выходил тиражом 175 экземпляров, 50 из которых получало Главное правление училищ [Святловский: 175]. Среди читателей журнала значились как крупнейшие представители управленческой элиты того времени – В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцов, А.С. Строганов, А.С. Шишков, так и служащие средних чинов, купцы, священнослужители, преподаватели гимназий¹. Разнородный состав подписчиков журнала свидетельствует об интересе к новой отрасли знаний со стороны разных социальных слоев. Всего за три года Герману удалось выпустить 4 номера «Статистического журнала». К 1808 г. число подписчиков резко сократилось. Академия наук не покрывала издательские расходы, и Герман был вынужден прервать работу над журналом, однако не оставил идею создания в России специализированного издания по статистике.

Десять лет спустя, будучи начальником Статистического отделения Министерства полиции, академик Герман убедил министра А.Д. Балашева в необходимости возобновления издания «Статистического журнала» уже при государственном ведомстве. Эта мысль нашла отражение в проекте реформы статистических учреждений, предложенном Балашевым в 1819 г. В записке «О статистическом учреждении», датированной 17 ноября 1819 г., министр доказывал необходимость централизованного статистического изучения страны, для чего предлагал создать специальное ведомство при Комитете министров. При нем планировалось организовать Статистическое общество, состоящее «из членов действительных и почетных, комиссионеров и корреспондентов». Оно, помимо прочего, должно было «издавать журнал Статистический и прочие статистические сочинения»². Комитет министров не поддержал инициативы Балашева, и центральное статистическое ведомство не было создано. После очередной реорганизации министерской системы Статистическое отделение К.Ф. Германа было передано в ведение МВД, и академик обратился к министру внутренних дел Кочубею с просьбой поддержать издание журнала. В донесении от 16 апреля 1820 г. он писал: «Статистическое отделение, по приказанию бывш[его] министра полиции, предполагая издавать Статистический журнал, для сей цели еще в минувшем году приготовило многие статьи и представило оные к его превосходительству, ныне оно сочло не излишним пересмотреть сии статьи вновь, исправить и представлять их по мере изготовления Вашему сиятельству»³. В последующие месяцы Герман направлял Кочубею рукописи готовых к публикации статей, о реакции министра на них ничего не известно. Добиться организации издания Статистического журнала при МВД Германа так и не удалось.

Несмотря на непродолжительный срок своего существования, «Статистический журнал» вошел в историю отечественной периодики как первое специализированное издание по статистике на русском языке [Шелестов: 118]. Он способствовал популяризации государственного управления как среди просвещенной бюрократии, так и в общественных кругах.

Преемник К.Ф. Германа по академической кафедре П.И. Кеппен предпринимал активные действия по организации при Академии наук специального издания по статистике. 8 сентября 1841 г. он обратился в Академию с предложением организовать издание сборника «Данные о России», который бы выходил по мере накопления и обработки статистических сведений. Коллеги Кеппена по Академии одобрили проект, однако по неизвестным причинам он так и не был воплощен в жизнь⁴. В 1854 г. Кеппен вновь поставил перед Академией вопрос о периодическом издании

по статистике. 10 марта он и его коллега по кафедре статистики и политической экономии К.С. Веселовский направили в Академию «Представление об издании сборника “Статистические материалы для познания России”». Документ – писарская копия чернилами на 5 листах с оборотами – сохранился в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Он позволяет из первых уст судить о проблемах академической статистической периодики. Текст «Представления» приводится полностью в качестве приложения к данной статье.

Рассуждая о содержании будущего издания, авторы классифицировали все работы по статистике на два вида – «собирающие, критическая обработка и обнародование» первичного эмпирического материала и собственно статистические исследования, в которых отобранные факты принимают форму «стройного и прагматичного описания» отдельных частей государства, отраслей хозяйства или «отдельных вопросов, относящихся до человека, как члена гражданского общества»⁵. Академики планировали сосредоточиться на публикации обширного массива первичных данных, накопленных в главном научном учреждении страны. Общеакадемические печатные органы, по мнению Кеппена и Веселовского, не подходили для этих целей, так как в них размещались статьи на иностранных языках, а целевой аудиторией статистического издания должна была стать российская публика. В качестве образца они предлагали ориентироваться на успешный немецкий опыт публикации статистических материалов.

«Представление» Кеппена и Веселовского было рассмотрено на заседании историко-филологического отделения Академии 24 марта 1854 г., его дальнейшая судьба неизвестна. Периодическое издание по статистике при Академии наук так и не было возобновлено. Как и ряд других организационных инициатив, проект издания сборника статистических сведений переместился из Академии наук в Русское географическое общество. Будучи управляющим Отделением статистики РГО, Кеппен с 1845 г. добивался согласия Совета на организацию периодического издания⁶. В 1851 г. трудами его преемника А.П. Заблоцкого-Десятовского был опубликован первый номер «Сборника статистических сведений о России». Всего с 1851 по 1858 г. удалось издать три выпуска, подготовка четвертого началась, но так и не была завершена [Вальская: 137].

Таким образом, публикация статистических материалов занимала важное место в обширном перечне задач Академии наук, связанных с изучением России. Ранние академические издания способствовали возникновению исследовательского интереса к статистике среди столичных чиновников и провинциальных интеллектуалов, признанию ее роли в практике

государственного управления. Специальные периодические издания по статистике, которые выходили усилиями Шторха и Германа, в дальнейшем послужили образцом для ведомственной статистической периодики.

Приложение
[Представление П.И. Кеппена
и К.С. Веселовского]
Об издании статистических материалов
для познания России

// (Л. 3)

Подано 10 марта 1854 года
Включено в протокол заседания
3 класса 24 марта 1854 года

Труды, существенно полезные для успехов отечественной статистики, можно главным образом разделить на два разряда:

1. Собираение, критическая разработка и обнаружение самих данных с целью представить готовый и годный к употреблению материал для статистики России.

2. Стройное и прагматичное изображение состояния государства, более или менее обширных частей его или, наконец, общественных учреждений, а также исследования отдельных вопросов, относящихся до человека как члена гражданского общества.

Исследования, направленные к разысканию общих законов, управляющих проявлениями общественной жизни, обогащают науку истинами, которые не могут иначе быть раскрыты, как статистическим путем; Статистические изображения края, // (Л. 3 об) если они составляют верную, полную и отчетливую картину, в которой всякая черта имеет свое значение и все явления представлены в их взаимной и разумной связи и последовательности, принадлежат к произведениям, которые имеют еще более важности в науке. Те и другие, так сказать, прагматические работы составляют труд вождельный и окончательную задачу науки. Но сколь ни заманчив подобный труд, ученый, посвятивший себя отечественной статистике, при всякой прагматической работе, касающейся России, на каждом шагу встречает остановки и затруднения, происходящие от недостаточности основных данных, от неразработанности еще первоначального материала, необходимого для решения того или другого вопроса, и потому место того, чтобы заниматься исследованиями, по необходимости обращается // (Л. 4) к собиранию и критическому разбору лишь одних материалов.

Вообще можно сказать, что при нынешнем положении статистики России разработка и обнаружение статистических данных имеет почти такую же важность и столь же необходима для успехов науки,

как и прагматические труды по сему предмету. У нас теперь печатается много сочинений по части статистики, но из них весьма немногие составляют существенное приращение для науки, именно потому, что лишь в немногих обращено должное внимание на критику данных, без которой они, строго говоря, большей частью вовсе не могут быть употребляемы в дело. Эта скудость основательных статистических трудов проистекает главнейше от того, что из основных данных, служащих // (Л. 4 об.) опорой статистики, весьма многие еще не собраны, не разработаны и не изданы.

Поэтому нет сомнения, что разработка и издание статистических материалов весьма много могут содействовать успехам статистики в России. Между тем для издания таких материалов ни один из нынешних органов Академии не представляется удобным. В «Мемуарах» и «Бюллетене Академии» и в издании «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches»⁷ помещаются лишь статьи на иностранных языках, тогда как издание многих статистических материалов желательно было бы делать преимущественно на русском языке, ибо материалы, которые в качестве материалов могут быть иногда весьма отрывочны и касаться частных, часто имеют поэтому весьма мало интереса для иностранцев, и, напротив, как бы ни // (Л. 5) были мелки, они необходимы для отечественных ученых, занимающихся статистикой России. Помещение статистических материалов в «Ученых записках» может также во многих случаях встретить неудобства и иногда даже невозможность; в сем издании более уместны статистические исследования и рассуждения, окончательные выводы ученых трудов; к тому же многие материалы, состоя из множества числовых данных, расположенных в таблицах, представляют слишком большой объем, и наконец, самый формат ученых записок оказывается иногда неудобным для помещения таблиц, для которых формат in 4 признается самым выгодным.

Если бы нужны были еще другие подкрепления для излагаемой нами здесь мысли, то мы бы могли сослаться // (Л. 5 об.) на пример предшественников наших по Академии г. Шторха, издававшего с 1804 по 1808 г. Статистический журнал под заглавием *Rußland unter Alexander dem Ersten*, и К. Германа, издателя Статистического журнала Российской империи, с 1806 по 1808 год. Издавая эти сборники, которые и до сего времени остаются драгоценным документом для науки, эти ученые тем самым показали, что они признают весьма важным издание статистических материалов.

В тех главных государствах Европы, где на статистику обращено более внимания, чем у нас, издание материалов считается весьма важным средством для развития сей науки. Так, Берлинское статистиче-

ское бюро, в котором сосредоточивается обильный запас статистических данных по всем отраслям администрации, издает журнал // (Л. 6) *Mittheilungen des Statistischen Bureau's in Berlin*⁸, который есть не что иное, как сборник статистических материалов. Наконец, мы должны еще упомянуть, что одним из нас, академиком Кеппеном, было уже однажды предполагаемо издание «Данных для статистики России»; но предположение это, одобренное Академией наук 8 сентября 1841 года⁹, по разным причинам не могло быть в то время приведено в исполнение.

По всем сим соображениям мы думаем, что если Императорская Академия наук не сочтет недостойным себя содействовать успехам отечественной статистики изданием материалов для оной, то для сего полезно было бы основать особый орган.

Печатанье статистических материалов в виде особого издания представляло бы для занимающихся // (Л. 6 об.) статистикой ту выгоду, что они находили бы в одном месте все статьи, для них нужные, не увеличивая своих расходов на приобретение изданий, в которых статистические статьи составляют лишь самую малую часть содержания и где большую часть оного составляют сочинения по предметам, для них посторонним.

Многочисленные статистические сведения, собранные до сих пор Академией посредством обширной переписки, которую она ведет с разными местами и лицами, составляют богатый запас данных, которые только ожидают своей очереди появления в свет. Кроме того, разные работы, которыми мы теперь занимаемся, принадлежа по роду своему к разработке материалов, нашли бы себе место // (Л. 7) в подобном издании, тогда как ныне они остаются в неизвестности, ибо по объясненным причинам не могут себе найти места в нынешних изданиях Академии. Наконец, в состав сего издания могли бы входить сочинения посторонних ученых, которые, по причинам малого расхода у нас сочинений ученого содержания, затрудняются изданием на свой счет статистических трудов о России.

Из сочинений, вошедших в состав сего сборника, те, которые или представляют особый интерес по предмету своему, или составят собою нечто ценное, могут быть передаваемы во французском или немецком переводах, вполне или в сокращениях, в Бюллетень Академии.

Если изложенное здесь предложение будет одобрено Академией // (Л. 7 об.), то мы принимаем на себя исполнение оного, с тем, что Веселовский принимает на себя все труды по редакции, а Кеппен соглашается содействовать ему имеющимися у него статистическими материалами. Предполагаемое издание могло бы выходить под заглавием «Статистические материалы для познания России». Объ-

ем издания и срок выхода не могут быть наперед определяемы. Каждый том будет выходить по мере его изготовления. Так как величина томов может быть весьма различна, то и цена должна быть определяема за каждый том отдельно, о чем и будет опубликовано в газетах и изданиях Академии. Но дабы можно было судить хотя приблизительно о величине издания, для соображения необходимых издержек, то на первый раз можно полагать, // (Л. 8) в виде опыта, что ежегодно будет выходить один том, примерно от 20 до 30 листов, смотря по обилию материалов, которые будут признано возможным печатать.

10 марта 1854 года.

Подписали: П. Кеппен, К. Веселовский¹⁰.

Примечания

¹ Имена особ, благоволивших подписаться на издание сего журнала // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 2. С. 265–270.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 189. 1819. Л. 671 об.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1820. Д. 168. Л. 1 об.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 30. Оп. 1. Д. 443. Л. 7.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 200. Л. 3

⁶ Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Ф. 1. Оп. 1а. Д. 2. Л. 49–50.

⁷ «Вклад в изучение Российской империи и сопредельных азиатских стран» – научное периодическое издание, выходившее при Санкт-Петербургской Академии наук на немецком языке. Журнал редактировали академики К. Бэр и Г.П. Гельмерсен.

⁸ Имеются в виду ведомственное периодическое издание «Известия Статистического бюро в Берлине».

⁹ Из «Перечня донесений и записок Кеппена в Императорскую академию наук» следует, что 8 сентября 1841 г. Кеппен обратился в Академию с предложением издавать сборник «Данные о России» (см. подробнее: СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 443. Л. 7).

¹⁰ Публикуется по: СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 200. Л. 2–8.

Список литературы

Афанасьев В.К. К 190-летию выхода в свет первого номера Статистического журнала в России // Вопросы статистики. 1996. № 8. С. 69–71.

Вальская Б.А. Первые попытки описания России Географическим обществом // Вопросы географии. 1951. Сб. 31. С. 132–147.

[Герман К.Ф.] Статистический журнал // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. I–VII.

Дмитриев А.Л. Карл Федорович Герман: статистик и экономист (к 250-летию со дня рождения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. Т. 33, вып. 3. С. 433–451.

Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.: исторические очерки / ред. и сост. Е.Ю. Басаргина. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 680 с.

Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 2. 476 с.

Уставы Академии наук СССР. Москва: Наука, 1975. 206 с.

Святловский В.В. К истории политической экономики и статистики в России. Санкт-Петербург: Начало, 1906. 200 с.

Сухова Н.Г., Красникова О.А. К биографии П.И. Кепена (1793–1864) // Деятели русской науки. Вып. 1. Санкт-Петербург, 2000. С. 31–61.

Шелестов Д.К. Первый русский научный гуманитарный журнал. К 170-летию издания при Российской Академии наук «Статистического журнала» // Вестник АН СССР. 1977. № 5. С. 109–119.

Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. St. Petersbourg, 1809, T. 1, pp. 489–730.

Vorerinnerung. Rußland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch. Juli–Dez, 1803, pp. 3–8.

References

Afanas'ev V.K. *K 190-letiiu vykhoda v svet pervogo nomera Statisticheskogo zhurnala v Rossii* [On the 190th anniversary of the first issue of the Statistical Journal in Russia]. *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics], 1996, no. 8, pp. 69–71. (In Russ.)

[German K.F.] *Statisticheskii zhurnal* [Statistical Journal]. *Statisticheskii zhurnal* [Statistical Journal], 1806, vol. 1, part 1, pp. 1–7. (In Russ.)

Dmitriev A.L. *Karl Fedorovich German: statistik i ekonomist (k 250-letiiu so dnia rozhdeniia)* [Karl Fedorovich Hermann: Statistician and Economist (on the 250th anniversary of his birth)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Saint Petersburg University Journal], 2017, vol. 33, no. 3, pp. 433–451. (In Russ.)

Imperatorskaia Akademiia nauk na puti obnovleniia v 1801–1855 gg.: istoricheskie ocherki [The Imperial Academy of Sciences on the path of renewal in 1801–

1855: Historical essays], ed. by E.Iu. Basargina. SPb., Nestor-Istoriia Publ., 2021, 680 p. (In Russ.)

Ptukha M.V. *Ocherki po istorii statistiki v SSSR* [Essays on the history of statistics in the USSR]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1959, vol. 2, 476 p. (In Russ.)

Shelestov D.K. *Pervyi russkii nauchnyi gumanitarnyi zhurnal. K 170-letiiu izdaniia pri Rossiiskoi Akademii nauk «Statisticheskogo zhurnala»* [The first Russian scholarly humanities journal. On the 170th anniversary of the publication of the “Statistical Journal” by the Russian Academy of Sciences]. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences], 1977, no. 5, pp. 109–119. (In Russ.)

Sukhova N.G., Krasnikova O.A. *K biografii P.I. Kepen (1793–1864)* [On the biography of P.I. Kepen (1793–1864)]. In *Deiateli russkoi nauki* [Figures of Russian Science]. Saint Petersburg, 2000, vol. 1, pp. 31–61. (In Russ.)

Svatlovskii V.V. *K istorii politicheskoi ekonomii i statistiki v Rossii* [On the history of political economy and statistics in Russia]. Saint Petersburg, Nachalo Publ., 1906, 200 p. (In Russ.)

Ustavy Akademii nauk SSSR [Statutes of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 206 p. (In Russ.)

Val'skaia B.A. *Pervye popytki opisaniia Rossii Geograficheskim obshchestvom* [The first attempts to describe Russia by the Geographical Society]. *Voprosy geografii* [Issues of Geography], 1951, sb. 31, pp. 132–147. (In Russ.)

Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. St. Petersbourg, 1809, vol. 1, pp. 489–730.

Vorerinnerung. Rußland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch. Juli–Dez, 1803, pp. 3–8.

Статья поступила в редакцию 02.01.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 05.03.2025.

The article was submitted 02.01.2025; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 05.03.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 32–37. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 32–37. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 548:069

EDN ZUQCSMA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-32-37>

МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В СТРУКТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В НАЧАЛЕ XX В.

Кузнецова Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, bon-box@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6915-0344>

Хламов Иван Иванович, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, hlamov_ii@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7806-6507>

Аннотация. Настоящее исследование посвящено организации Минералогического музея, созданного в 1902 году в Санкт-Петербургском политехническом институте Петра Великого благодаря деятельности Ф.Ю. Левинсон-Лессинга. Рассмотрены особенности размещения и работы музея, его яркие представители и их вклад в изучение минералогии в стране в начале XX века. Одной из задач авторы считали анализ не только характерной для музеев трансляции прошлого в настоящее, но и прикладной аспект, когда Минералогический музей способствовал полноценному образованию студентов Санкт-Петербургского политехнического института и обеспечивал знакомство с передовыми достижениями науки в практическом смысле. В данном случае при создании музея как прикладной институции на первый план выходит значение минералогии для развития политехнической школы металлургического отделения СПбПУ. В целом Минералогический музей в структуре Санкт-Петербургского политехнического института занимал важное место, обеспечивал подготовку специалистов-металлургов, а также кадры политехников для изучения регионов страны в направлении экономических, географических и геологических изысканий.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский политехнический институт Петра Великого, музей Политеха, минералогия, Левинсон-Лессинг, Белянкин, образование, металлургия.

Для цитирования: Кузнецова О.Н., Хламов И.И. Минералогический музей в структуре Санкт-Петербургского политехнического института Петра Великого в начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 32–37. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-32-37>

Research Article

MINERALOGICAL MUSEUM IN THE STRUCTURE OF PETER THE GREAT ST. PETERSBURG POLYTECHNIC INSTITUTE IN THE EARLY 20TH CENTURY

Olga N. Kuznetsova, PhD in History, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, bon-box@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6915-0344>

Ivan I. Khlamov, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, hlamov_ii@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7806-6507>

Abstract. The present study is devoted to organising the Mineralogical Museum, established in 1902 at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Institute thanks to the activities of Franz Yu. Levinson-Lessing. The features of the museum's location and operation, its prominent representatives and their contribution to the study of mineralogy in the early 20th century's Russia are considered. The authors considered one of the tasks to be the analysis not only of the translation of the past into the present characteristic of museums, but also of the applied aspect, when the Mineralogical Museum contributed to the full-fledged education of students of St. Petersburg Polytechnic Institute and provided acquaintance with the advanced achievements of science in a practical sense. In this case, when creating a museum as an applied institution, importance of mineralogy for the development of the polytechnic school of the metallurgical department of the SPbPU comes to the fore. In general, the mineralogical museum occupied an important place in the structure of St. Petersburg Polytechnic Institute, provided training for metallurgists, as well as polytechnic personnel to study the Russian regions, in the direction of economic, geographical and geological surveys.

Keywords: Peter I St. Petersburg Polytechnic Institute, Polytechnic Museum, mineralogy, Franz Levinson-Lessing, Dmitriy Belyankin, education, metallurgy.

For citation: Kuznetsova O.N., Khlamov I.I. Mineralogical Museum in the structure of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Institute in the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 32–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-32-37>

Как известно, при создании Санкт-Петербургского политехнического института в его структуре была предусмотрена организация трех музеев: образцов товаров, морского и геолого-минералогического. Товарный музей, или музей товароведения, был создан в 1904 году во многом благодаря В.А. Ковалевскому (1872–1914) для изучения образцов механики, оптики, электрической и химической промышленности. Он был оснащен не только образцами товаров, но и оборудованием – как из-за границы, так и продукцией российских предприятий [Кузнецова, Новицкая, Хламов: 203]. Создателем морского музея и самого кораблестроительного отделения стал К.П. Боклевский, внесший весомый вклад в организацию школы торгового судостроения России [Кузнецова, Хламов: 101].

В центре внимания данного исследования будет третий из созданных в Политехническом институте в первый период его существования – Минералогический музей. Он был основан в 1902 году профессором, академиком Ф.Ю. Левинсоном-Лессингом, крупнейшим ученым в области кристаллографии. Авторы стремились посмотреть процессы «встраивания» музея в структуру вуза, не акцентируя особого внимания на взаимоотношениях государственной власти и образовательного учреждения. Данный музей отличал прикладной характер использования, охват представленных коллекций минералов и высокий статус, что оказывало влияние на его функционирование.

Источниками настоящего исследования стали фонды Санкт-Петербургского (Петроградского) политехнического института имени Петра Великого, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), фонды Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Сюда же можно отнести «Обзоры преподавания» на различных отделениях Политехнического института начала XX века, переписку и материалы прессы.

В последнее время появился ряд серьезных исследований по изучению университетской истории. На наш взгляд, для большинства основополагающей стала работа М.И. Бурлыкиной по истории вузовских музеев [Бурлыкина: 3]. Ряд статей касаются музеев «своих вузов», где структурно опираются на указанную работу, при этом представляя фактологические особенности местных вузовских музеев [Третьякова, Филиппов, Козлова, Попов: 85].

Сведения справочного характера о музеях, в том числе и минералогическом, содержат работы специалистов СПбПУ – А.Н. Кобышева, В.А. Сметлова, Ю.С. Васильева [Кобышев: 208]. Среди них, как правило, выделяются работы к определенным юбилеям вуза, например: Н.П. Гербылева «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет – историко-культурный архитектурный памятник» (к столетнему юбилею СПбПУ) [Гербылева: 3]. Сегодня в СПбПУ регулярно проводятся конференции, такие как «Гуманитарный форум в Политехническом», где изучению истории университета отводится почетное место.

Несмотря на большое количество работ, ряд аспектов не попали в обзоры деятельности музеев, в частности, это касается анализа прикладного характера их деятельности в структуре вуза. В современном понимании музей вуза в основном позволяет осуществлять диалог культур и транслировать прошлое в настоящее, но на момент открытия Минералогического музея скорее способствовал полноценному образованию в сфере металлургии для студентов Политехнического института, обеспечивая знакомство с достижениями геологической науки. В данном случае можно заметить немецкое влияние на создание музея как прикладной институции. Это подтверждают визиты специалистов-политехников в Германию для изучения основ различных дисциплин и примеры включения в учебные планы различных техник.

Начальный период функционирования Минералогического музея в Политехническом институте был связан с созданием металлургического отделения. 4 мая 1901 г. министр финансов и главный вдохновитель создания Политехнического института в столице Российской империи С.Ю. Витте получил от ряда ведомств о начале работы института и, в частности, реакцию на открытое металлургическое отделение. Так, Министерство земледелия и государственных имуществ, обсудив программу металлургического отделения, указывало на недостаток часов в учебном плане для изучения «таких важных предметов, как кристаллография и минералогия, геология и учение о месторождениях и добыче полезных ископаемых» [Письмо: 1]. В качестве образцовых учебных планов металлургических отделений министерство рекомендовало планы высших школ в Аахене и Берлине, а также предлагало учесть опыт Рижского политехникума и его планов занятий по ряду дисциплин.

Также ряд научных школ и направлений использовали немецкие традиции, например, Н.А. Шевалев,

создатель «социальной техники», иначе – техники безопасности на производстве, изучал аналогичные разработки первых кафедр в Берлине и Вене в 1884 г., а также политехнических музеев в Мюнхене и Шарлоттенбурге [Кузнецова: 91]. После этого его деятельность продолжилась в России, где велась консультативная работа по развитию музеев института, например в части проведения экспертиз свойств минералов для нужд металлургии.

В целом в начале XX века для исследований в области минералогии высшие учебные заведения сыграли особую роль, в частности, при университетах Российской империи в Москве, Варшаве, Гельсингфорсе, Казани были открыты геологические и минералогические кабинеты и музеи. Существенную роль играли и Политехнический музей у Ильинских ворот в Москве, и Музей постоянной комиссии по техническому образованию, находящийся в Санкт-Петербурге, и ряд других, что предоставляли свои коллекции, приборы и препараты для интересующихся за абонементную плату. Университеты вели работу по составлению руководств для создания собственных коллекций минералов, таких как «Программы и наставления для наблюдений и собирания коллекций» или «Краткое руководство к микрохимическому анализу минералов» Д.С. Белянкина, где особо указывалось, что у русского читателя первоначальный интерес представляют минералы своей страны. Руководство Д.С. Белянкина было составлено по плану И.А. Штрэнга – профессора минералогии Университета г. Гиссен, в честь которого был назван водный фосфат железа – штрэнгит $\text{Fe}_3(\text{PO}_4)_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$, найденный в железном руднике близ города Гиссен в Германии [Фольбортит и штрэнгит: 8]. Краткое руководство Д.С. Белянкина было скомпоновано для определения минералов и их микрохимического анализа, оно широко использовалось в практической работе студентов в Минералогическом музее Политехнического института [Белянкин: 1]. Д.С. Белянкин использовал методы профессора Политехнической школы в Дельфте (Technische Universiteit Delft, также известный как Делфтский университет в Нидерландах) Г. Беренса – специалиста по микрохимическому анализу. В последствии проф. Д.С. Белянкин становится основоположником технической петрографии, ведет петрографические исследования огнеупоров в сфере силикатной технологии [Белянкин: 125].

Но максимальными при создании металлургического отделения и Минералогического музея СПбПИ были заслуги Ф.Ю. Левинсон-Лессинга, который с 1902 по 1930 г. заведовал кафедрой геологии и минералогии металлургического факультета Политехнического института. В сфере развития минералогии он являлся автором первого учебника ко всем читаемым в СПбПИ курсам кристалло-

графии [Учебник кристаллографии]. Учебник давал понятие о минералах, их кристаллических решетках и структурах формирования атомов камней – того, что представляло интерес для развития отраслей металлургии в России. При этом деятельность Ф.Ю. Левинсон-Лессинга была разнообразной, он активно сотрудничал с различными организациями, в частности, в сфере геологии он руководил Особой комиссией по изучению Якутской АССР (КЯР, 1924), являясь заместителем академика С.Ф. Ольденбурга. Комиссия организовала ряд экспедиций в Якутию в 1920-х гг. с целью изучения различных отраслей хозяйства для выяснения перспектив развития экономики севера [Комплексная экспедиция]. Также комиссия (КЯР) сотрудничала с Политехническим институтом, предоставляя ее участникам доступ к коллекциям, библиотеке и другим материалам, находящимся в институте. В частности, известно письмо-обращение АН СССР от 27 февраля 1926 г., направленное в Политехнический институт, о разрешении начальнику экономического отдела экспедиции КЯР Н.В. Воленс использовать фонды и инфраструктуру Института¹.

Обзор преподавания на металлургическом отделении Политехнического института за 1914 г. содержит раздел «Лаборатория и Музей минералогии и геологии» и дает их точное описание [Металлургическое отделение: 192]. Помещения находились на первом этаже Химического павильона общей площадью $545 + 93 \text{ м}^2$. Лаборатория была приспособлена для обязательных практических занятий больших групп студентов, а музей ограничивался тремя небольшими комнатами, где в витринах были выставлены коллекции минералов.

Одной из проблем создания Минералогического музея стала их классификация. Так, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг отмечал, что в конце XIX – начале XX в. имелось три типа классификаций в зависимости от трех различных точек зрения на рудное месторождение – морфологическая (форма, границы, протяженность), по составу руд месторождения и генетическая, исходящая из генезиса месторождения. Генетическая являлась наиболее удобной и общепринятой. При этом существовало до 10 разных вариантов генетической классификации [Рудные месторождения: 18]. Изначально в музее Политехнического института коллекции были классифицированы по нескольким разделам, первый из которых представлял систематическую коллекцию минералов по системе Дана. Эта иерархическая система основывалась на химическом составе и структуре минералов, она была разработана американским геологом Джеймсом Дуайтом Даной в 1837 г. В Минералогическом музее Политехнического института она состояла из 1702 образцов. Следующий раздел пред-

ставлял коллекции по динамической и исторической геологии, а также собрание минералов, образующих руды из 150 образцов. В музее была выставлена коллекция физических свойств минералов из 200 образцов и систематическая коллекция горных пород из 400 образцов.

Комплекс музея включал и библиотеку, где имелись комплекты журналов на русском и иностранных языках, такие как *Neues Jahrbuch für Mineralogie*; *Centralblatt für Mineralogie*, а также почти все издания Геологического комитета. Вместе с тем в музее имелись описания коллекций руд, минералов и горных пород по различным регионам страны, описания по металлургии и кристаллографии. Так, сохранилось описание руд Кривого Рога, которое содержит образцы 48 минералов, таких как магнитный железняк, гранит, сланец, кварц, песчаник и другие, а также образцы кристаллов – кальциты, доломиты и др. Минералогический музей был оборудован специальным аппаратом для резания горных пород и электрическим станком для их шлифования, что, как можно предположить, обеспечивало определенный интерактивный аспект.

Серьезная подготовка русских инженеров-специалистов в Политехническом институте в отрасли минералогии, горного дела и металлургии позволила многим ученым еще со студенческой скамьи найти свое призвание. Так, хранителем музея минералов долгое время был известный вулканолог В.И. Влодавец, начавший свой путь в геологии еще студентом. Позже он принимал участие в геологических изысканиях 1920–30-х гг., а именно экспедициях специалистов Политехнического института в Хибинские и Ловозерские тундры, предпринятых для изучения Арктики, где его заслугой стало оконтуривание массива щелочных гранитов мирового масштаба.

Завершение академической деятельности музея связано с событиями 1917 года в России и с изменениями в системе образования. Увеличивается число высших учебных заведений, растет количество студентов, происходит упрощение программ в связи с переходом к массовому высшему образованию. Процесс затронул и вузовские музеи. Так, к 1924 г. в институте насчитывалось уже 10 музеев, которые были практически на каждом отделении (факультете) института [Васильев: 75]. Если первое время Минералогический музей в целом сохранялся, то после реформирования института в 1930 г. экспонаты были переданы в различные структуры, например в отраслевые институты, или частично утеряны. В 1976 г. в структуре Политехнического института был создан Музей истории института, который после ряда переименований и сегодня хранит традиции музейного дела Санкт-Петербургского Политехнического университета.

Таким образом, в Политехническом институте была устранена узкая специализация технических направлений института, что напрямую связано с широкой работой музеев, в частности минералогического. Под влиянием немецкой традиции деятельность Минералогического музея Политехнического института была направлена не только на обеспечение учебного процесса отделения, но и предоставляла возможности для изучения кристаллографии и технологии горного дела. Анализ полезных ископаемых, представленных в музее института, проводился для дальнейшего практического применения руд, топлива, строительного материала и удобрений. На основе разработок практического характера таких специалистов-политехников, как Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, Д.С. Белянкин, В.И. Влодавец и других, изучение минералогии в России получило серьезный импульс, что, в свою очередь, внесло значимый вклад и в музейное дело с практической точки зрения. Вместе с тем не только подготовка русских инженеров, но и служение музея обществу и сегодня является актуальным аспектом развития науки и техники.

Примечания

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 47. Оп. 4. Д. 13. Л. 12.

Список литературы

Белянкин Д.С. Краткое руководство по микрохимическому анализу минералов. Санкт-Петербург, 1905. 39 с.

Белянкин Д.С. Петрография и огнеупоры. Б. м., 132 с.

Бурлыкина М.И. Музеи высших учебных заведений дореволюционной России. Сыктывкар, 2000. 238 с.

Васильев Ю.С. Избранные сочинения. Фрагменты истории СПбПУ. Санкт-Петербург, 2018. 295 с.

Гербылева Н.П. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет – историко-культурный архитектурный памятник: справочная книга. Санкт-Петербург, 2002. 68 с.

Кобышев А.Н. Политех. Преодоление, 1930–1940. Санкт-Петербург, 2024. 252 с.

Комплексная экспедиция Академии наук СССР. URL: <https://bsk.nios.ru/enciklodediya/kompleksnaya-ekspediciya-akademii-nauk-sssr/> (дата обращения: 02.10.2024).

Кузнецова О.Н., Хламов И.И. Морской музей в системе подготовки инженеров-кораблестроителей Санкт-Петербургского политехнического института Петра Великого в первой трети XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 101–112. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_4_101

Кузнецова О.Н. Вклад специалистов восстановительного периода советской экономики в создание базы индустриализации 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 1. С. 89–101. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.106>

Кузнецова О.Н., Новицкая Т.С., Хламов И.И. Создание Товарного музея Санкт-Петербургского политехнического института Петра Великого и история его коллекций в контексте развития экономической мысли начала XX века // История науки и техники. Музейное дело: материалы XVII науч.-практ. конф. 2024. Вып. 16. С. 203–208.

Металлургическое отделение. Обзор преподавания. Санкт-Петербург, 1914. 245 с.

Письмо Министра Финансов С.Ю. Витте государственному секретарю об организации Санкт-Петербургского политехнического института: от 4 мая 1901 г. № 5459. URL: https://elib.spbstu.ru/DI/2/Ed-13_100012_0000440700br.Pdf/View (дата обращения: 23.10.2024).

Попова В.И., Попов В.А., Котляров В.А., Хворов П.В., Штенбер М.В. Фольбортит и штрентит – редкие минералы Меднорудянского месторождения малахита (Урал) // Минералогия. 2015. № 3. С. 8–11. URL: <https://journal.mineralogy.ru/wp-content/uploads/2019/09/2015-3-2.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

Рудные месторождения: курс лекций, читанных профессором Левинсоном-Лессингом для студентов Metallurgicheskogo otdeleniya SPb. politehnicheskogo instituta imperatora Petra Velikogo v osennem semestre 1910 г. / изд. Студенческой кассы взаимопомощи. Санкт-Петербург, 1911. 183 с.

Третьякова О.Г., Филиппов В.Р., Козлова И.В., Попов В.Ф. Общеобразовательный аспект минералогического музея на примере Северо-Восточного Федерального университета, Якутск // Минералогия, vol. 7 (4). С. 85–92. <https://doi.org/10.35597/2313-545X-2021-7-4-6>

Учебник кристаллографии / соч. Ф.Ю. Левинсон-Лессинга. Санкт-Петербург, 1911. 160 с.

References

Beljankin D.S. *Kratkoe rukovodstvo po mikrohimicheskomu analizu mineralov* [A brief guide to the microchemical analysis of minerals]. Saint Petersburg, 1905, 39 p. (In Russ.)

Beljankin D.S. *Petrografija i ognepory* [Petrography and refractories]. B. m., 132 p. (In Russ.)

Burlykina M.I. *Muzei vysshih uchebnyh zavedenij dorevoljucionnoj Rossii* [Museums of higher educational institutions of pre-revolutionary Russia]. Syktyvkar, 2000, 238 p. (In Russ.)

Gerbyleva N.P. *Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj politehnicheskij universitet - istoriko-kul'turnyj arhitek-*

turnyj pamjatnik: spravocnaja kniga [St. Petersburg State Polytechnic University - historical and cultural architectural monument: reference book]. Saint Petersburg, 2002, 161 p.

Kobyshev A.N. *Politeh. Preodolenie 1930-1940* [Polytech. Overcoming the 1930-1940]. Saint Petersburg, 2024, 252 p. (In Russ.)

Kompleksnaja jekspedicija Akademii nauk SSSR [Complex expedition of the USSR Academy of Sciences]. URL: <https://bsk.nios.ru/enciklodediya/kompleksnaja-ekspediciya-akademii-nauk-sssr-> (access date: 02.10.2024). (In Russ.)

Kuznecova O.N., Hlamov I.I. *Morskoj muzej v sisteme podgotovki inzhenerov-korablestroitelej Sankt-Peterburgskogo politehnicheskogo instituta Petra Velikogo v pervoj treti XX v.* [The Maritime Museum in the training system for shipbuilding engineers of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Institute in the first third of the twentieth century]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economy, culture], 2023, no. 4 (77), pp. 101–112. (In Russ.)

Kuznecova O.N. *Vklad specialistov vosstanovitel'nogo perioda sovetskoj jekonomiki v sozdanie bazy industrializacii 1920–1930-h gg.* [The contribution of specialists from the reconstruction period of the Soviet economy to the creation of the industrialization base of the 1920s and 1930s.]. *Novejshaja istorija Rossii* [The modern history of Russia], 2024, vol. 14, no. 1, pp. 91–101. (In Russ.)

Kuznecova O.N., Novickaja T.S., Hlamov I.I. *Sozdanie Tovarnogo muzeja Sankt-Peterburgskogo politehnicheskogo instituta Petra Velikogo i istorija ego kollekcij v kontekste razvitiya jekonomicheskoy mysli nachala XX v.* [Creation of the Commodity Museum of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Institute and the history of its collections in the context of the development of economic thought at the beginning of the twentieth century]. *Istorija Nauki i Tehniki. Muzejnoe Delo* [The History of Science and Technology. Museum business: materials of the XVII scientific and practical conference]. Moscow, 2024, vol. 16, pp. 203–208. (In Russ.)

Metallurgicheskoe otdelenie. Obzor prepodavaniya [Metallurgical department. An overview of teaching]. Saint Petersburg, 1914, 245 p. (In Russ.)

Pis'mo Ministra Finansov S.Ju. Vitte gosudarstvennomu sekretarju ob organizacii Sankt-Peterburgskogo politehnicheskogo instituta [Letter from Finance Minister S.Y. Witte to the Secretary of State on the Organization of the St. Petersburg Polytechnic Institute, 4 May, 1901, № 5459]. URL: https://elib.spbstu.ru/DI/2/Ed-13_100012_0000440700br.Pdf (access date: 20.10.2024). (In Russ.)

Popova V.I., Popov V.A., Kotljarov V.A., Hvorov P.V., Shtenber M.V. *Fol'bortit i shtrentit – redkie mineraly*

Mednorudjanskogo mestorozhdenija malahita (Ural) [Olbortite and shtrengite are rare minerals of the Mednorudjansk malachite deposit (Ural)]. *Mineralogija* [Mineralogy], 2015, no. 3, pp. 8-11. URL: <https://journal.mineralogy.ru/wp-content/uploads/2019/09/2015-3-2.pdf> (access date: 02.10.2024). (In Russ.)

Rudnye mestorozhdenija: kurs lekcij, chitannyh professorom Levinsonom-Lessingom dlja studentov Metallurgicheskogo otdelenija SPb. politehnicheskogo instituta imperatora Petra Velikogo v osennem semestre 1910 g izdanie Studencheskoj kassy vzaimopomoshhi [Ore deposits: a course of lectures given by Professor Levinson-Lessing for students of the Metallurgical Department of St. Petersburg Polytechnic Institute of Emperor Peter the Great in the autumn semester of 1910. publication of the Student Mutual Assistance Fund]. Saint Petersburg, 1911, 183 p. (In Russ.)

Tret'jakova O.G., Filippov V.R., Kozlova I.V., Popov V.F. *Obshheobrazovatel'nyj aspekt mineralogi-*

cheskogo muzeja na primere Severo-Vostochnogo Federal'nogo universiteta, Jakutsk [The general educational aspect of the mineralogical Museum on the example of the Northeastern Federal University, Yakutsk]. *Mineralogija* [Mineralogy], vol. 7 (4), pp. 85–92. (access date: 02.10.2024). (In Russ.)

Uchebnik kristallografii [Textbook of crystallography], ed. by F.Ju. Soch, Levinson-Lessing. Saint Petersburg, 1911, 160 p. (In Russ.)

Vasil'ev Ju.S. *Izbrannye sochinenija. Fragmenty istorii SPbPU* [Selected works. Fragments of history]. Saint Petersburg, 2018, 295 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 06.02.2025.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 06.02.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 38–47. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 38–47. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.6. История науки и техники

УДК 623.1

EDN DIDIFC

<https://doi.org/10.34216/1988-0817-2025-31-2-38-47>

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДВИЖНЫХ МАСТЕРСКИХ ХИМИЧЕСКОЙ ЧИСТКИ ВОЕННОЙ ОДЕЖДЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ. ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ (1930–1990-е гг.)

Попов Александр Валентинович, кандидат военных наук, Научно-технический комитет (Департамента ресурсного обеспечения Минобороны России), Москва, Россия, aleksandr7popoff@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6660-0531>

Аннотация. В данной статье исследуются процессы проектирования, создания и развития уникального класса образцов военной техники, предназначенной для производства химической чистки военной одежды вне стационарных объектов для нужд Вооруженных сил в мирное и военное время. Особое внимание уделено предпосылкам к разработке передвижных мастерских химической чистки обмундирования и принимаемым решениям органами военного управления вещевого снабжения по развитию одного из закрепленных классов военной техники. В статье использованы архивные материалы Военно-хозяйственного управления Рабоче-крестьянской Красной армии, Управления обмундирования Красной армии, Главного интендантского управления Красной армии, Вещевого управления Министерства обороны СССР, Центрального вещевого управления Министерства обороны СССР. Сведения, полученные в архиве Базы (опытно-испытательной) в/ч 54169, впервые вводятся в научный оборот. Результаты исследования направлены на систематизацию историко-технического знания о военной технике в целом и технических средствах вещевого снабжения Вооруженных сил Российской Федерации в частности.

Ключевые слова: вещевая служба, технический комитет, передвижная мастерская химической чистки, тактико-техническое задание, технический проект, опытный образец, испытания, принятие на снабжение.

Для цитирования: Попов А.В. К вопросу о передвижных мастерских химической чистки военной одежды в Вооруженных силах. Предпосылки и история создания (1930–1990-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 38–47. <https://doi.org/10.34216/1988-0817-2025-31-2-38-47>

Research Article

ON THE ISSUE OF MOBILE DRY CLEANING WORKSHOPS FOR MILITARY CLOTHING IN THE ARMED FORCES. PREREQUISITES AND HISTORY OF CREATION (THE 1930s – 1990s)

Aleksandr V. Popov, Military PhD, Scientific and Technical Committee (Resource Support Department of the Russian Ministry of Defence), Moscow, Russia, aleksandr7popoff@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6660-0531>

Abstract. This article examines the processes of designing, creating and developing a unique class of military equipment samples intended for dry cleaning of military clothing outside stationary facilities for the needs of the Armed forces in peacetime and wartime. Particular attention is paid to the prerequisites for the development of mobile workshops for dry cleaning of uniforms and the decisions taken by the military departments of the clothing service on the development of one of the assigned classes of military equipment. The article uses archival materials from the Military Economic Directorate of the Workers' and Peasants' Red army, the Directorate of Cart and Clothing Supply of the Red army, the Main Quartermaster Directorate of the Red army, the Clothing Directorate of the USSR Ministry of Defence, and the Central Clothing Directorate of the USSR Ministry of Defence. Information obtained in the archive of the Base (experimental and test) military unit 54169 has been introduced into scientific circulation for the first time. The results of the study are aimed at systematising the historical and technical knowledge of military equipment in general and the technical means of the clothing service of the Armed Forces in the Russian Federation in particular.

Keywords: clothing service, technical committee, mobile dry cleaning workshop, tactical and technical assignment, technical project, prototype, testing, acceptance for supply.

For citation: On the issue of mobile dry cleaning workshops for military clothing in the Armed Forces. Prerequisites and history of creation (the 1930s – 1990s). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 38–47. <https://doi.org/10.34216/1988-0817-2025-31-2-38-47>

Военные конфликты новейшей истории с достаточной ясностью показали, что мало заготовить предметы военно-хозяйственного снабжения, распределить их военнотрудовым, надо также обеспечить срок носки этих предметов не меньше табельного, а если можно, то и больше. Последнее достигалось «не только добротностью материала, но и правильной эксплуатацией, своевременным предупредительным ремонтом, а также хорошей организацией среднего и капитального ремонта в зоне армейских и фронтовых баз» [Зылев 1940: 119].

Актуальность статьи обусловлена:

- научной значимостью изучения опыта по созданию образцов военной техники;
- востребованностью результатов исследования для внедрения позитивного опыта по конструированию, разработке, созданию и испытаниям технических средств;
- потребностью использования результатов исследования в работе по совершенствованию технической оснащённости системы материально-технического обеспечения на современном этапе строительства Вооруженных сил;

Цель исследования – провести комплексное, развернутое исследование деятельности органов военного управления, научных учреждений и предприятий промышленности по созданию военной техники для химической чистки военной одежды военнотрудовых в рассматриваемое время и сформулировать выводы, извлеченные из исторического опыта.

Опыт создания военной техники для химической чистки военной одежды военнотрудовых получил определенное освещение в отечественной историографии.

В периодических изданиях Министерства обороны был опубликован ряд статей военных специалистов, освещающих в основном итоги работы по созданию передвижных мастерских и их применения в повседневной деятельности войск. Прежде всего, необходимо назвать журналы: «Интендантский журнал», «Тыл и снабжение Красной Армии», «Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил».

Отдельное место занимают единичные издания, носящие информационный характер и содержащие сведения о тактико-технических характеристиках и порядке эксплуатации технических средств [Павлов, Шевяков].

Весь комплекс источников, использованных в исследовании, включает как опубликованные, так и архивные документы. Источниковую базу работы можно условно разделить на три группы: 1) нормативные правовые акты, инструкции, 2) делопроизводственная документация, 3) материалы периодической печати.

Основной массив источников, использованных в процессе работы над исследованием, составляют

впервые вводимые в научный оборот неопубликованные документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и Базы (опытно-испытательной) в/ч 54169.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что до настоящего времени комплексные специальные работы по истории создания технических средств вещевого службы в целом и передвижных мастерских химической чистки в частности не проводились.

В середине 1930-х гг. под руководством бригадинженера Якова Петровича Зылева, ответственного работника научно-технического отдела Управления обозно-вещевого снабжения Рабоче-Крестьянской Красной армии (УОВС, Красная армия), а впоследствии – Технического комитета Главного интендантского управления Красной Армии (Техком, ГИУ), были разработаны первые технические средства, называемые в то время механическими агрегатами ремонта армейской обуви. Необходимо отметить, что за проделанную работу и достигнутые результаты Якову Петровичу было присвоено ученое звание «профессор» [Вещевое обеспечение: 123, 124]. Под его руководством был разработан также первый опытный образец походной мастерской химической чистки.

В Красной армии вопрос о необходимости массового ремонта и химической чистки обмундирования встал на повестку в феврале 1940 г., когда шла к завершению Советско-финляндская война (1939–1940 гг.) и стала очевидной важная хозяйственная задача сохранения бывшего в эксплуатации в действующей армии зимнего обмундирования. Бойцы и командиры были обеспечены теплой одеждой в полном объеме¹. После завершения военных действий три четверти предметов обмундирования (из 695 вагонов теплых предметов военной формы одежды) были отремонтированы на мощностях г. Ленинграда, остальное имущество отправлено в города Москву, Ярославль и Киев². Исследование показало, что если изделия из материалов растительного происхождения после сбора из войск и сортировки подвергали стирке в мыльно-содовом растворе, то меховые, кожаные и суконные изделия необходимо было чистить «специальными растворителями (уйт-спирит, бензин, дихлорэтан, трихлорэтилен, четыреххлористый углерод, хлороформ, тетрахлорэтилен и др.) фабрично-заводским способом на фабриках химической чистки промкооперации» [Мозгов 1941: 23–26, Зылев 1941: 63–68].

Важно подчеркнуть, что химическую чистку меховых изделий «производили только две московские фабрики химической чистки» [Мозгов 1946: 31–33].

Учитывая важность ремонта и химической чистки обмундирования в конце 1940 г., ГИУ разработаны инструкции о порядке ремонта обмундирования,

обуви и снаряжения, химической чистки и обработки мыльно-содовым раствором обмундирования, которые утверждены главным интендантом Красной армии, генерал-лейтенантом интендантской службы А.В. Хрулевым и объявлены приказом народного комиссара обороны СССР от 29 января 1941 г. № 42. По нашему мнению, инструкции определяли порядок точно заданных правил производства ремонта вещевого имущества в войсковых частях, окружных мастерских и окружных складах, артелях промысловой кооперации, а также обработки обмундирования мыльно-содовым раствором и растворителем (уайт-спиритом).

Немного ранее указанных событий (1937 г.) была начата разработка опытного образца походной мастерской по ремонту и химической чистке обмундирования (ПМРХО) по тактико-техническим требованиям УОВС. Эскизный и технический проекты мастерской выполнялись Московским нефтяным институтом им. И.М. Губкина (МНИ) по договору с Народным комиссариатом обороны СССР (НКО) в лице УОВС³. В основу проекта закладывался технологический процесс Угрешской фабрики химчистки при заводе «Серп и Молот» в г. Москве, которая была «введена в строй в 1936 г. и являлась на тот момент единственным механизированным предприятием химической чистки в СССР» [Правда: 1936]. За основное технологическое оборудование принимались дорабатываемый образец стиральной машины завода «Сакко и Ванцети», центрифуга завода «Красный Пахарь». Сушилка, фильтр и регенерационная установка проектировались МНИ. Мы полагаем, что это и послужило отправной точкой в создании специального класса военной техники – технических средств химической чистки.

Необходимо отметить, что проводимая работа тесно увязывалась с интересами и требованиями не только Красной армии, но и Всесоюзного совета промысловой кооперации, так как предусматривалось использование спроектированного технологического оборудования и для стационарных мастерских системы бытового обслуживания населения, вопрос о строительстве которых поднимался на уровне советского правительства⁴.

По ходатайству НКО перед Главным управлением химического машиностроения Советского Союза был определен изготовитель опытного образца ПМРХО – Киевский машиностроительный завод им. Артема (КМЗ им. Артема) на условиях самостоятельной разработки washer-машины, разработки в кооперации с Крекинг-электровозостроительным заводом Народного комиссариата тяжелой промышленности регенерационной установки и поставки УОВС электростанции, парового котла и автоприцепов.

Важно добавить, что первые двухосные автоприцепы (автоприцепки) были сконструированы по за-

казу Военно-хозяйственного управления Красной армии в 1932 г. с целью повышения подвижности войсковых тылов и увеличения грузоподъемности автомобильного транспорта. Общая масса автоприцепки составляла 3,5 т и грузоподъемность 2,0 т. На базе этих автоприцепов и создавались первые механизированные средства интендантской службы: полевые хлебозаводы, мясокомбинаты, ремонтные мастерские. А создание электростанции на базе тракторного двигателя У-2 и смонтированных на автоприцепке было проведено в 1936–1937 гг., и основными применяемыми в интендантской службе образцами стали электростанции КЭС-12-36 (10 киловатт, 220 вольт), ПЭТП-10-37 (10 киловатт, 110 вольт) [Зылев 1940: 121, 122]. Что касается электростанций, то уже в первый месяц Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) взамен снятого с производства двигателя У-2 электростанция КЭС-12-36 комплектовалась двигателем ГАЗ-Комбайн и генератором СТ/15 взамен генератора ПНТ-100 и стала носить наименование ЭС-12-41⁵.

Учитывая все принятые решения по комплектующим, работа по монтажу и комплектованию ПМРХО начата во второй половине 1939 г., а войсковые испытания с положительным результатом проведены в зимних условиях начала 1941 г.⁶

Опытный образец мастерской состоял из цехов: химической чистки, ремонта обмундирования, подсобного (силовой и транспортный). Проектная производительность цеха химической чистки составляла 750 кг, цеха для ремонта обмундирования – средний ремонт 180 шинелей или эквивалентное количество других предметов за 8 часов работы. Технологический процесс химической чистки обмундирования длился около двух часов с использованием растворителей уайт-спирита или бензина. Основное технологическое оборудование ПМРХО монтировалось на семи автоприцепах:

1-й и 2-й автоприцепы – оборудование для чистки, отжима и сушки (washer-машина емкостью 22 кг, центрифуга емкостью 12 кг, сушильный барабан емкостью 22 кг);

3-й и 4-й автоприцепы – аппаратура для фильтрации и регенерации растворителя (дистилляционно-очистительные установки производительностью 572 л/час);

5-й и 6-й автоприцепы – паровой агрегат (паровые котлы);

7-й автоприцеп – электросиловой агрегат (электростанция). По мнению автора, несмотря на свою громоздкость, в комплектации мастерской были учтены и применены все доступные на тот момент технические решения для подобного технического средства.

Дополнительно «в пяти автоприцепах размещалось швейное оборудование и имущество ПМРХО,

включая палатки-цех для автохлебозавода (ПАХ) для размещения автоприцепов с оборудованием в зимний период» [Испытания 1941: 90; Зылев 1940: 127].

С началом Великой Отечественной войны работа по созданию ПМРХО была приостановлена и в период военного времени не проводилась, мощности КМЗ им. Артема были эвакуированы в г. Куйбышев. Началось крупномасштабное перемещение в начальный период войны с нацистской Германией из оккупационной зоны в восточные регионы страны населения, промышленных предприятий, культурных, научных учреждений, запасов, продовольствия, сырья и других ресурсов. Эвакуация позволила сохранить основную экономическую базу и промышленный потенциал страны и стала одним из факторов, обеспечивших победу в войне.

Первый и единственный на тот момент опытный образец ПМРХО был уничтожен в результате авианалета люфтваффе на железнодорожный транспорт № 21/8009 8.8-42г., находившийся на станции Сарепта Сталинградской обл. Произошло это в ходе эвакуации водным и железнодорожным транспортом из Сталинграда в Уфу интендантского имущества со склада НКО № 165 в период с 13 июля по 8 августа 1942 г.⁷

Решение о продолжении работы по созданию усовершенствованного опытного образца ПМРХО принято Техкомом только 1 июня 1945 г., что было подтверждено опытом войны, доказавшим необходимость иметь в армейском тылу мобильные средства химической чистки⁸. Проведенное исследование позволило нам сделать промежуточные выводы:

– во-первых, в СССР развитие производственных мощностей химической чистки одежды находилось на низком уровне, фабрики химической чистки располагались только в Москве, Ленинграде, Баку;

– во-вторых, для обработки значительного количества зимнего обмундирования войск (табл. 1)кратно увеличивалась нагрузка на транспорт для перевозки теплых вещей к местам обработки;

– в-третьих, и как следствие первых причин, – вынужденное проектирование в ходе Великой Отечественной войны окружных стационарных мастерских по химической чистке обмундирования и меховых изделий при складах НКО.

Важно отметить и факты тесной взаимосвязи фронта и тыла как одного из залогов победы в войне. Гражданское население оказывало разное содействие бойцам, но сбор и отправка теплых вещей на фронт стала ведущим видом помощи. Во время Великой Отечественной войны сбор и отправка теплых вещей защитникам Отечества, изначально начавшиеся как частная инициатива, были официально поддержаны правительством 5 сентября 1941 г., когда ЦК ВКП(б) принял постановление «О сборе теплых вещей и белья среди населения для Красной Армии». В соответствии с ним центральные, областные и краевые комитеты союзных республик были обязаны начать сбор теплых вещей.

Считаем необходимым осветить вопрос проектирования и строительства стационарных мастерских, так как это будет иметь в будущем значение при дальнейшем развитии технических средств химической чистки.

Результатами проведенного анализа опыта применения оборудования американского и отечественного производства стало разработанное в феврале 1943 г. задание на проектирование типовой мастерской с комплектом оборудования американского производства фирм Gofman-Laundry и American Laundry Machinery Co¹⁰.

В результате проведенной работы в комплект оборудования входили «2 washer-машины, 2 центрифуги, 2 сушильные машины, 2 фильтра, насос и дистиллятор [Вещевое обеспечение: 131]. По нашему мнению, данный комплект основного технологического оборудования полностью обеспечивал технологический процесс обработки вещевого имущества в заданных объемах.

Типовой проект стационарной механизированной мастерской химической чистки был выполнен Центральным военным проектом квартирно-эксплуатационного управления ГИУ Красной Армии и принят Техкомом 14 марта 1943 г.¹¹

По ходатайству НКО Народным комиссариатом внешней торговли было закуплено в США 1,5 тыс. т растворителя (сольвент) и 30 комплектов оборудования для комплектования мастерских первой очереди в городах Вологда, Горький, Казань, Куйбы-

Таблица 1

Из доклада члену Государственного комитета обороны Союза ССР А.И. Микояну о выполнении плана сбора теплых вещей, выданных на зиму 1941–1942 гг., по состоянию на 1 июля 1942 г.⁹

Наименование предметов	Ед. измерения	Отпущено фронтам и округам в 1941-1942 гг.	Подлежит сбору по постановлению ГКО № 1732сс от 12.05.1942 г.	Фактически собрано
Полушубки	тыс. шт.	2209,8	1844,4	2112,7
Жилеты меховые	–	867,8	597,5	680,2
Шапки-ушанки	–	14 232,8	11 031,5	9572,4
Рукавицы меховые	тыс. пар	2910,1	1630,5	2342,6

шев, Свердловск, Уфа, Чкалов, Омск, Новосибирск, Иркутск, Комсомольск и второй очереди в городах Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Ростов, Одесса, Минск, Чита, Хабаровск¹². Это способствовало кратному увеличению производственных мощностей химической чистки по всей глубине территории страны.

Руководство производственной деятельностью окружных мастерских химической чистки возлагалось на Управление вещевого снабжения ГИУ Красной Армии (УВС) – правопреемника УОВС.

Проведенное предшественниками исследование свидетельствует, что принятое решение о строительстве окружных мастерских химической чистки подтвердило свою актуальность и оправданность, и уже в 1945 г. «на 8 введенных в строй предприятиях (города Вологда, Горький, Иркутск, Казань, Комсомольск, Свердловск, Омск, Уфа) было вычищено более миллиона меховых и ватных изделий Красной армии» [Мозгов 1946: 31–33].

Вернемся к рассмотрению вопроса создания полевой составляющей химической чистки военной одежды. Так что же было сделано органами управления вещевой службы в направлении развития технической оснащённости войск передвижными средствами для химической чистки с июня 1945 г.?

На этот вопрос частично отвечают обобщенные материалы пленарного заседания Техкома УВС Министерства обороны СССР (МО) на тему «Оборудование для стационарных и подвижных мастерских по химической чистке вещевого имущества», проведенного 15 августа 1959 г. под руководством временно исполняющего обязанности начальника УВС генерал-майора интендантской службы С.П. Кудрявцева¹³.

По нашему мнению, можно сделать ряд выводов о результатах деятельности в этом направлении:

- во-первых, вне всякого сомнения, строительство окружных мастерских химической чистки позволило временно, хоть и не в полном объеме, решить проблему обработки военной одежды, поскольку в 1949 г. количество мастерских составляло 14 объектов, а в 1958 г. – 24 объекта с годовой производительностью 10,5 тыс. т вещевого имущества;

- во-вторых, тактико-техническое и технологическое несоответствия предъявляемым требованиям разработанного в довоенный период опытного образца ПМРХО и отсутствие какого-либо научно-технического задела в производстве подвижных мастерских химической чистки в мировой практике не позволяли в короткие сроки создать уникальное техническое средство;

- в-третьих, и самое главное, – это то, что спустя полтора десятилетия оборудование для стационарных мастерских химической чистки также закупалось за границей в странах-участницах Организации Варшавского договора, Германской Демократической Рес-

спублике (ГДР) и Чехословацкой Социалистической Республике (ЧССР) из-за слабой отечественной конструкторской, производственной и экспериментальной базы и, более того, отсутствия работы по наращиванию этих мощностей по линии Госплана СССР.

Исключением являлась разработка Научно-исследовательским институтом химического машиностроения в 1954–1955 гг. установки для химической чистки одежды. Сумским машиностроительным заводом и Чирчикским заводом химического машиностроения выпущено 11 комплектов разработанной установки. Исследование показало, что практика применения оборудования продемонстрировала его громоздкость, недостаточную производительность, и его производство было прекращено.

Итак, учитывая, в частности, те факты, что оборудование, поставленное в годы Великой Отечественной войны, морально и физически устарело, запасные части к нему отсутствовали, закупаемое импортное оборудование имело различные конструктивные недостатки, а потребность в химической чистке специальной одежды возрастала ввиду значительного увеличения численности военнослужащих, эксплуатирующих и обслуживающих военную технику и вооружение, действенные попытки реанимировать вопрос химической чистки в МО принимаются только в 1958 г.

МО, наряду с другими государственными организациями, в 1958–1959 гг. для замены устаревшего оборудования окружных мастерских химической чистки по линии Министерства внешней торговли СССР закупило в ГДР 25 комплектов оборудования «Ассордин». Для создания подвижных средств химической чистки в ЧССР закуплено 2 машины «Перун-три-15» (производства объединения «Мотоков») с емкостью барабана 15 кг как наиболее компактного существующего и доступного на тот момент образца, осуществляющего операции мойки, отжима и сушки в одной машине, а также имеющего дистиллятор для восстановления растворителя.

Несмотря на критические отзывы о габаритах и производительности машины «Перун-три-15», УВС приняло решение о попытке создания опытного образца подвижной мастерской для химической чистки обмундирования (ПМХО), и в первую очередь для получения научно-технического задела в этом классе военной техники.

По разработанному проектно-конструкторским бюро Московского областного совета промышленной кооперации техническому проекту и чертежам в 1959 г. начался монтаж ПМХО в мастерской Центрального опытно-конструкторского бюро УВС (ЦОКБ) по причине отказа промышленности от выполнения данной работы.

Одно отделение мастерской монтировалось на двух автоприцепах:

1-й – 4-тонный автоприцеп 2-ПН-4 – экстракционный агрегат (машина «Перун-три-15», насосная станция);

2-й – 2-тонный автоприцеп 2-ПН-2 – паросиловой агрегат (дизель-электрический агрегат АД-10, паровой котел системы Рябова и Игнаточкина РИ-1, насосная установка).

Проектная производительность мастерской составляла до 220 кг сухого обмундирования за 10 часов работы с использованием растворителя трихлорэтилен.

Работы по изготовлению опытного образца ПМХО были завершены в течение одного года совместными усилиями коллектива Техкома и ЦОКБ. Основным создателем опытного образца являлся главный конструктор цеха металлоизделий и технических средств ЦОКБ М.Н. Дятлов, под руководством которого «путем незначительного изменения конструкции стационарного оборудования химической чистки был произведен монтаж комплектующих на автомобильное шасси» [Полухин: 91–93].

Исходя из конструктивных особенностей мастерской, был определен и оптимальный состав обслуживающего персонала в количестве трех человек:

- оператор по обслуживанию экстракционного агрегата – начальник мастерской;
- кочегар для обслуживания парового котла – слесарь-водопроводчик;
- моторист-электрик для обслуживания дизель-электрического агрегата.

Полигонные испытания опытного образца проводились с февраля по июнь 1960 г. в войсковых частях Московского округа ПВО. За 4 месяца были выполнены 964 рабочих цикла чистки военной одежды, обработано 14,8 т обмундирования¹⁴.

По нашему мнению, проведенные испытания дали положительные результаты в части конструкции, применимости ПМХО, стоимости обработки вещевого имущества и подтвердили необходимость такого технического средства в войсках.

В то же время полученные знания и практика в конструировании агрегатов ПМХО и в практическом их применении дали дальнейший импульс к решению задачи по увеличению производительности мастерской до 250 кг за 8 часов работы, так как фактическая производительность в ходе испытаний составила не более 180 кг. Это достигалось путем подбора более производительного технологического оборудования. Также по итогам испытания необходимо было провести незначительные доработки систем паро-, водо- и электроснабжения и очистки растворителя.

В новом опытном образце ПМХО была смонтирована машина производства ЧССР «Тримор-25» с емкостью барабана 25 кг, дизель-электрический агрегат АД-20-Т/400 и паровой котел РИ-3 взамен машины Перун-три-15, дизель-электрического агрегата АД-10 и парового котла РИ-1. Автомобильное шасси электросилового агрегата заменено с 2-ПН-2 на 2-ПН-4¹⁵.

Документы свидетельствуют, что опытный образец ПМХО, успешно прошедший заводские испытания, которые завершились в сентябре 1961 г., без доработок в период с 5 октября по 30 декабря 1961 г. прошел испытания в войсковых частях Московского округа ПВО.

В ходе проведения испытаний были полностью подтверждены основные тактико-технические требования к образцу (табл. 2).

31 марта 1962 г. разработанная мастерская была признана руководством МО производительным, ком-

Таблица 2

**Основные тактико-технические характеристики опытного образца ПМХО
по итогам войсковых испытаний 1961 г.**

№ п/п	Показатель	Значение
1	Среднее количество циклов за 7 часов работы, ед.	10–12
2	Время одного цикла, мин.	30–50
3	Средняя часовая производительность, кг	40–45
4	Средний расход растворителя на 1 кг вычищенного обмундирования, г	403
5	Время разворачивания, ч летом зимой	1–1,5 1,5–2
6	Время свертывания, ч летом зимой	0,5 1,5–2
7	Площадь размещения, м	20×12
8	Средняя скорость передвижения, км/ч по шоссе по грунтовой дороге	40–50 15–20
9	Минимальная температура воздуха при работе агрегатов, °C	–30

пактным и маневренным техническим средством для химической чистки военной одежды, которое по своим тактико-техническим характеристикам может быть использовано в качестве подвижного средства в войсках как в мирное, так и в военное время и рекомендовано для принятия на снабжение Вооруженных сил СССР в первую очередь для беспереывной всесезонной эксплуатации в военных округах в мирное время.

В результате 28 апреля 1962 г. был издан приказ заместителя министра обороны – начальника тыла Вооруженных сил СССР № 41 «О принятии на снабжение войск в мирное время подвижной мастерской для химической чистки обмундирования».

Заказ укрупненной опытно-серийной партии 20 комплектов ПМХО в промышленности произведен уже в 1962 г. по полностью отработанной ЦОКБ технической документации [Ахметов: 84–86].

Учитывая, что подготовка специалистов, обслуживающих мастерскую, на тот момент не предусматривалась, в 1964 г. УВС издана инструкция по устройству и эксплуатации ПМХО [Временная инструкция: 136]. В 1971 г. мастерская включена в учебное пособие по техническим средствам службы вещевого снабжения [Технические средства: 147], а в 1973 г. – в учебное пособие по банно-прачечному обслуживанию войск [Банно-прачечное обслуживание: 494]. С точки зрения автора это позволило создать условия для надежной и долговременной эксплуатации мастерских.

Серийное производство ПМХО осуществлялось на 85-м Центральном ремонтном заводе ракетного вооружения (в/ч 75100) в г. Брянске (85 ЦРЗ). В процессе производства за 1962–1971 гг. была произведена замена экстракционных машин «Тримор-25» на машины «Тримор-25-2», а впоследствии – на машины «Тримор-25-3» ввиду снятия с производства первых и прекращения их поставки из ЧССР¹⁶.

В связи с тем, что машины «Тримор-25-3» в отличие от предыдущих образцов имели большую (на 260 мм) длину и меньшую (на 100 кг) массу, а также комплектовались пневмогидравлической системой управления технологическим процессом вместо ручного, 85-м ЦРЗ изготовлен комплект подвижной мастерской для химической чистки обмундирования с присвоением техническому средству нового индекса ПМХО-1.

Образец ПМХО-1 прошел заводские испытания в апреле 1971 г. и после доработки конструкции, разработки, корректировки и согласования с УВС технической документации был запущен в серийное производство на предприятии-изготовителе.

Доработка конструкции касалась экстракционного агрегата и заключалась в установке запасного колеса на передний борт с целью достижения равномер-

ного распределения нагрузок на оси автомобильного шасси, незначительных дополнений в системах регенерационной установки и распределительного электрошита, а также дополнительно в комплект было включено переносное оборудование: баллоны для сжатого воздуха, редуктор и компрессор.

Очередная модернизация ПМХО-1 пройдет на 85-м ЦРЗ в 1982 г. и коснется изменения системы теплоснабжения путем замены снятых с серийного производства паровых котлов системы Рябова и Игнаточкина на водогрейный котел, разработанный для изделия ММП-2 (малогабаритная механизированная прачечная). Модернизированной ПМХО-1 присвоен индекс ПМХО-1 (с водогрейным котлом).

Следующим этапом развития передвижных технических средств химической чистки военной одежды стало проектирование и создание принципиально новой мастерской ПМХО-М, начатое в 1973 г.¹⁷

Решение УВС о разработке новой мастерской обуславливалось в первую очередь необходимостью повышения производительности ввиду возрастания роли специального и защитного обмундирования военнослужащих при эксплуатации современной военной техники, а также необходимостью применения отечественного оборудования, повышения надежности мастерской, улучшения условий труда обслуживающего персонала и повышения мер безопасности.

Необходимо отметить, что подготовкой тактико-технического задания (ТТЗ) на разработку ПМХО-М, последнего в своем классе образца технического средства, занималось Центральное конструкторское бюро коммунального машиностроения, входящее в структуру Министерства строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР (Минстройдоркоммаш), а технического проекта (ТП) – Готвальдовский (Змиевский) машиностроительный завод (предприятие п/я В-8523).

Первый проект разработанного ТТЗ был представлен на рассмотрение 26 марта 1976 г., а ТП, согласованный с организациями, поставщиками и генеральными заказчиками комплектующих изделий, а также органами санитарной гигиены, пожарной охраны и энергонадзора МО, утвержден УВС 23 мая 1977 г.¹⁸

ТП предусматривались новые автомобильные шасси, прицепы 2-ПН-4М и 2-ПН-6М, на которых монтировались специальные кузова и машина для химической чистки КХ-015 производства предприятия п/я В-8523 с емкостью барабана 30 кг и электрическим обогревом, а также дизельный электрический агрегат АСД-100-Т/400-АПК.

По причине внесения необходимых изменений в тактико-технические требования к образцу мастерской и проектирования специальной машины для химической чистки рабочей и форменной одежды

Таблица 3

Показатели химической чистки в 1940–1944 гг. (тонн)²²

	Всего	в том числе по годам				
		1940	1941	1942	1943	1944
Меховые изделия	3169,0	384,0	–	481,0	1071,0	1233,0

по техническому заданию Всесоюзного промышленного объединения коммунального машиностроения второй и окончательный ТП опытно-конструкторской работы (ОКР) «Разработка передвижной мастерской для химической чистки форменной и рабочей одежды ПМХО-М» утвержден Центральным вещевым управлением МО СССР (ЦВУ) 30 апреля 1981 г.¹⁹

Далее в соответствии с планом ОКР, утвержденным решением Комиссии Президиума Совета министров СССР от 1981 г. № 280, предприятием п/я В-8523 изготовлен опытный образец ПМХО-М²⁰. По оценке создателей, принципиальные отличия ПМХО-М от всех модификаций ПМХО заключались в применении отечественной специальной машины химической чистки с электрическим обогревом, монтаже технологического оборудования мастерской в кузове-фургоне КП6М на шасси прицепа МАЗ-8925 и применении в качестве источника электроэнергии передвижной дизельной электростанции ЭСД-100-Т/400, смонтированной в кузове-фургоне КУНГ П6М на шасси прицепа МАЗ-5207, а также в исключении из обслуживающего персонала мастерской слесаря-водопроводчика.

В период с 28 ноября по 30 декабря 1983 г. с положительными результатами были проведены государственные испытания опытного образца мастерской на территории Киевского военного округа, и 24 марта 1984 г. приказом Министра обороны СССР № 69 ПМХО-М была принята на снабжение Советской армии и Военно-морского флота.

Интересен тот факт, что акт межведомственной комиссии по утверждению рабочей конструкторской документации для организации промышленного производства ПМХО-М утвержден ЦВУ и Минстройдоркоммаш только 26 мая 1986 г., то есть корректировка конструкторской документации по итогам государственных испытаний проводилась в течение двух лет после принятия образца на снабжение.

Производство передвижных мастерских химической чистки прекращено с распадом СССР. Производственные мощности предприятия п/я В-8523 и конструкторская документация передвижных мастерских химической чистки оказались за границей Российской Федерации.

В 1995 г. взамен ПМХО-М принят на снабжение разработанный в рамках ОКР шифр «Комплекс» подвижный банно-прачечный комплекс ПКБП-10 с назначением стирки и мелкого ремонта нательного, постельного белья и хлопчатобумажного обмунди-

рования, помывки личного состава малочисленных подразделений в полевых условиях, который по своей сути не являлся техническим средством для химической чистки военной одежды²¹.

Таким образом, задача разработки передвижных технических средств химической чистки в Вооруженных силах была более чем актуальна и оправдана по нескольким причинам:

1. Необходимость производить чистку военной одежды от грязи, жировых отложений, химических и механических примесей, которые невозможно удалить стиркой в моющих растворах, и, как следствие, продление эксплуатационных свойств обмундирования согласно требованиям нормативных правовых актов.

2. Большие объемы потребности в химической чистке в ходе Советско-финляндской, Великой Отечественной войн (табл. 3), послевоенный и мирный период, обусловленные развитием технической оснащенности видов и родов войск Вооруженных сил, что приводило к кратному увеличению военнослужащих-специалистов и их обеспечения специальной военной одеждой.

3. Приближение объектов химической чистки непосредственно к войскам как в мирное время, так и при ведении военных действий, что значительно разгружало все виды транспорта, учитывая объемы обмундирования, подлежащего обработке.

4. Отсутствие разветвленной сети предприятий химической чистки на территории СССР, которые в полной мере могли удовлетворить потребности не только гражданского населения, но и Вооруженных сил.

Как мы видим, эта задача решалась, возможно, не так быстро, как этого требовала потребность войск, но, несмотря на временные недостаточные производственные мощности советской промышленности, принимались оптимальные управленческие, технические и технологические решения, позволившие сконструировать и поставить в серийное производство четыре образца мастерских, которые успешно выполняли свои функции в военных округах и флотах.

Примечания

¹ На начало марта 1940 г. численность бойцов Красной армии, участвовавших в Советско-финляндской войне, составляла 760 578 человек; по данным на 1 октября 1940 г. – 3 446 309 человек.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 84. Оп. 12403. Д. 3177. Л. 166–202.

³ База (опытно-испытательная) в/ч 54169. Журналы технического комитета. 1938. С. 14–16.

⁴ Там же. Журналы технического комитета. 1939. С. 55–57.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 87. Оп. 235548. Д. 93. Л. 4.

⁶ База (опытно-испытательная) в/ч 54169. Журналы технического комитета. 1939. С. 50.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 84. Оп. 12403. Д. 38. Л. 258.

⁸ Там же. Ф. 87. Оп. 12410. Д. 57. Л. 76.

⁹ Там же. Ф. 84. Оп. 12403. Д. 32. Л. 163.

¹⁰ Там же. Ф. 87. Оп. 12410. Д. 57. Л. 75.

¹¹ Там же. Оп. 235548. Д. 93. Л. 106.

¹² Там же. Ф. 84. Оп. 12403. Д. 1067. Л. 181.

¹³ База (опытно-испытательная) в/ч 54169. Журналы технического комитета. 1959. С. 235–261.

¹⁴ Там же. Журналы технического комитета. 1960. С. 65–78.

¹⁵ Там же. Журналы технического комитета. 1962. С. 61–82.

¹⁶ Там же. Журналы технического комитета. 1971. Т. 2. С. 163–166.

¹⁷ Там же. Журналы технического комитета. 1976. Т. 1. С. 186–189.

¹⁸ Там же. Журналы технического комитета. 1977. С. 41–43.

¹⁹ Там же. Журналы научно-технического комитета. 1981. С. 1–3.

²⁰ Там же. Журналы научно-технического комитета. 1984. С. 1–3.

²¹ Приказ заместителя министра обороны Российской Федерации – начальника тыла Вооруженных сил Российской Федерации от 3 апреля 1995 г. № 15 «О принятии на снабжение Вооруженных Сил Российской Федерации подвижного банно-прачечного комплекса ПКБП-10.

²² ЦАМО РФ. Ф. 84. Оп. 12403. Д. 1067. Л. 180.

Список литературы

Ахметов А.З. Будущее за синтетикой // Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил. 1962. № 6. С. 84–86.

Банно-прачечное обслуживание войск: учеб. пособие / Павлов Б.В., Велтистов Н.Н. Москва: Воен. изд-во, 1973. 494 с.

Богорад С. Где почистить костюм? // Правда. 1936. 31 мая.

Вещевое обеспечение Красной Армии в годы Великой Отечественной войны / Макаренко Н.С., Тхоренко П.Я., Коновалов И.Ф.; под ред. Н.В. Дементюк. Москва: Воен. изд-во, 1999. 168 с.

Временная инструкция по устройству и эксплуатации подвижной мастерской для химической чистки

обмундирования (ПМХО) / Мин-во обороны СССР. Москва: Воен. изд-во, 1964. 136 с.

Зылев Я.П. Механизированные агрегаты интендантской службы // Интендантский журнал. 1940. № 1. С. 119–129.

Зылев Я.П. Химическая чистка обмундирования в полевых условиях // Интендантский журнал. 1941. № 4. С. 63–68.

Испытания походной мастерской по ремонту и химической чистке обмундирования // Интендантский журнал. 1941. № 1. С. 90.

Мозгов П.И. Чистка и ремонт обмундирования после войны с Финляндией // Интендантский журнал. 1941. № 4. С. 23–26.

Мозгов П.И. Химическая чистка обмундирования // Тыл и снабжение Красной Армии. 1946. № 7. С. 31–33.

Полухин К. Машины Дятлова // Тыл и снабжение Советских Вооруженных Сил. 1962. № 1. С. 91–93.

Технические средства службы вещевого снабжения: учеб. пособие / М.Я. Шевяков, В.Г. Комаровских; Воен. акад. тыла и транспорта. Ленинград: [б. и.], 1971. 147 с.

References

Akhmetov A.Z. *Budushchee za sintetiko* [The Future Belongs to Synthetics]. *Tyl i snabzhenie Sovetskikh Vooruzhennykh Sil* [Rear and Supply of the Soviet Armed Forces], 1962, no. 6, pp. 84–86. (In Russ.)

Banno-prachechnoe obluzhivanie voisk: *ucheb. posobie* [Bath and laundry services for troops: a textbook], Pavlov B.V., Veltistov N.N. Moscow, Military Publ., 1973, 494 p. (In Russ.)

Bogorad S. *Gde pochistit' kostium?* [Where to clean a suit?]. *Pravda* [Pravda newspaper], 1936, May 31. (In Russ.)

Ispytaniia pokhodnoi masterskoi po remontu i khimicheskoi chistke obmundirovaniia [Tests of a field workshop for the repair and dry cleaning of uniforms]. *Intendantskii zhurnal* [Quartermaster's journal], 1941, no. 1, p. 90. (In Russ.)

Mozgov P.I. *Chistka i remont obmundirovaniia posle voiny s Finliandiei* [Cleaning and repair of uniforms after the war with Finland]. *Intendantskii zhurnal* [Quartermaster's journal], 1941, no. 4, pp. 23–26. (In Russ.)

Mozgov P.I. *Khimicheskaiia chistka obmundirovaniia* [Dry cleaning of uniforms]. *Tyl i snabzhenie Krasnoi Armii* [Rear and supply of the Red Army], 1946, no. 7, pp. 31–33. (In Russ.)

Polukhin K. *Mashiny Diatlova* [Dyatlov's Machines]. *Tyl i snabzhenie Sovetskikh Vooruzhennykh Sil* [Rear and Supply of the Soviet Armed Forces], 1962, no. 1, pp. 91–93. (In Russ.)

Tekhnicheskie sredstva sluzhby veshchevogo snabzheniia: ucheb. posobie [Technical means of the clothing supply: a textbook].

hing supply service: a textbook], M.Ia. Sheviakov, V.G. Komarovskikh, VATT. Leningrad, 1971, 147 p. (In Russ.)

Veshchevoe obespechenie Krasnoi Armii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Clothing provision of the Red Army during the Great Patriotic War], N.S. Makarenko, P.Ia. Tkhorenko, I.F. Kononov; ed. by N.V. Dementiuk. Moscow, Military Publ., 1999, 168 p. (In Russ.)

Vremennaia instruktsiia po ustroistvu i ekspluatatsii podvizhnoi masterskoi dlia khimicheskoi chistki obmundirovaniia (PMKhO) [Temporary instructions for the construction and operation of a mobile workshop for dry cleaning of uniforms. (PMHO)], USSR Ministry of Defense. Moscow, Military Publ., 1964, 136 p. (In Russ.)

Zylev Ia.P. *Mekhanizirovannye agregaty intendant-skoi sluzhby* [Mechanized units of the quartermaster service]. *Intendantskii zhurnal* [Quartermaster's journal], 1940, no. 1, pp. 119–129. (In Russ.)

Zylev Ia.P. *Khimicheskaiia chistka obmundirovaniia v polevykh usloviakh* [Dry cleaning of uniforms in field conditions]. *Intendantskii zhurnal* [Quartermaster's journal], 1941, no. 4, pp. 63–68. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 04.04.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 04.04.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 48–54. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 48–54. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470)''1904/1905''

EDN FVIUTY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-48-54>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗЕРВНЫХ И ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 гг.

Леонов Евгений Александрович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург – Пушкин, Россия, e.leonoff@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3280-0122>

Аннотация. Предметом исследования является подготовка, размещение и использование резервных и запасных войск в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. В статье кратко рассматриваются условия начала войны с Японией, в рамках которых была осуществлена мобилизация войск Квантунской области, а также Сибирского и Приамурского военных округов. Анализируется значение реализации плана частичной мобилизации, который не предусматривал использование кадровых частей из западных военных округов на начальном этапе кампании, ставшего значимым фактором неудачного хода войны для русской армии. Делаются выводы, что совокупность недостатков в планировании и использовании мобилизационных ресурсов в боевых действиях стало одним из важных факторов в поражении России в конфликте на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: русская армия, запасные части, резервные войска, мобилизационный план, Русско-японская война, генерал А.Н. Куропаткин, военные округа.

Для цитирования: Леонов Е.А. Использование резервных и запасных частей в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 48–54. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-48-54>

Research Article

RESERVE UNITS USE IN THE RUSSO-JAPANESE WAR OF 1904–1905

Evgeny A. Leonov, Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, town of Pushkin, St. Petersburg metro area, Russia, e.leonoff@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3280-0122>

Abstract. The subject of the study is the training, deployment and use of reserve and reserve troops during the Russo-Japanese War of 1904–1905. The article briefly examines the conditions of the outbreak of war with Japan, within the framework of which the troops of the region Qingdao, as well as the Siberian and the Amur military districts were mobilised. The article analyses the significance of the partial mobilisation plan, which did not provide for the use of personnel from Western military districts at the initial stage of the campaign, which had become a significant factor in the unsuccessful course of the war for the Russian army. It is concluded that the combination of shortcomings in the planning and use of mobilisation resources in combat operations were among the important factors in Russia's defeat in the conflict in the Far East.

Keywords: Russian Army, reserve units, reserve troops, mobilisation plan, Russo-Japanese War, General Aleksey N. Kuropatkin, military districts.

For citation: Leonov E.A. Reserve units use in the Russo-Japanese War of 1904–1905. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 48–54 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-48-54>

Россия к началу XX в. уже вела активную экономическую деятельность в дальневосточном регионе, однако все еще не имела там значительных воинских частей для защиты своих интересов. В период конфликта на границе с Китаем в 1900 г. русская армия столкнулась со сложностями в переброске воинских частей из западных регионов империи, а также с трудностями комплектования запасных частей из малочисленных восточных военных округов. Все эти недостатки в полной мере проявились с началом войны с Японией спустя три года.

Проблемы организации и подготовки воинских резервов, в первую очередь запасных батальонов, и их роль в Русско-японской войне относительно мало освещены в отечественной историографии. До революции при освещении войны с Японией преобладали, по объективным причинам, патриотические работы консервативного и либерального толка. Учитывая практические потребности военных в анализе, рассматривались отдельные вопросы, в том числе связанные с подготовкой запасных батальонов. Первое крупное обобщение опыта войны можно найти в работе Военно-исторической комиссии, посвященной Русско-японской войне, изданной в 1910 г. Первая многотомная «История Русско-японской войны» под редакцией М.Е. Бархатова и В.В. Функе 1908–1909 гг. затрагивала некоторые вопросы организации тыла и особенности мобилизационных мероприятий [Горелов 2012: 40]. Интерес представляет и корпус мемуаров участников и свидетелей войны, например А.Н. Куропаткина, Я. Гамильтона, К.И. Дружинина и других. В советской историографии, если не говорить об обобщающих работах таких историков, как А.А. Свечин, Л.Г. Бескровный, П.А. Зайончковский, И.И. Ростунов, проблемам организации резервов также не уделялось достаточно внимания. Отдельно можно упомянуть исследования В.И. Баяндина, посвященные мобилизационным мероприятиям в Сибири.

В историографии современного периода, касающейся темы армии в Русско-японской войне и организации ее тыла, стали больше уделять внимания социологическим аспектам войны [Воробьева: 162]. К столетнему юбилею в 2004 г. вышел международный сборник под редакцией О.Р. Айрапетова, посвященный реалиям и оценкам войны современными историками. Коллектив авторов представлял исследователей из России, Европы, США, Японии. Среди исследований по вопросу организации резервов и тыла армии, в первую очередь в сибирском регионе, в настоящее время можно назвать историков Ю.П. Горелова и Н.Д. Ростова. Горелов отдельное внимание уделял вопросам тыла русской армии в СибВО, а также санитарным проблемам и опыту благотворительности. Также можно отметить ряд работ и статей,

посвященных вкладу дальневосточников и сибиряков на передовой и в тылу, например Р.С. Авилова, Б.В. Михеева, Ю.Д. Иванюка и других. Проблемы мобилизации в Сибири и на Дальнем Востоке рассматриваются в работах О.Р. Айрапетова, В.И. Баяндина, М.А. Ширшова. Эти авторы отмечали отрицательное влияние массовых мобилизаций на восточные регионы страны и их роль в революционизации русской армии. Из последних работ, которая затрагивает тему использования резервной пехоты в войне с Японией, а также исследует действия военных и гражданских властей в рамках мобилизации, можно назвать монографию С.Н. Бирюка.

В целом необходимо отметить, что тема Русско-японской войны в последнее время все больше отражается в работах исследователей с точки зрения интереса взаимоотношений государства, армии и общества в целом.

Мобилизационное планирование русской армии в начале XX в. опиралось на результаты реформы армии 1874 г., когда была введена всеобщая воинская повинность. Реформа изменила структуру и способ комплектования армии и увеличила ее резервы [История отечественной артиллерии 2: 26]. Кроме политической опасности вооружения и обучения широких масс подданных, критики новой системы всеобщего призыва с военной точки зрения уже тогда видели угрозу потенциального ухудшения подготовки новобранцев из-за сокращения сроков службы. Строительство обновленной армии начальником Главного штаба генералом Н.Н. Обручевым в последней четверти XIX в. было направлено на создание «дешевой» резервной и крепостной пехоты, бывшей войсками второго сорта [Свечин]. Общее количество подготовленных запасных чинов, считая и возрастных запасных, увеличилось по сравнению с 1877 г. в 5,5 раза и приблизилось к 3 млн человек. При этом Обручев отказывался переводить на Дальний Восток войсковые части, поскольку они находились в более приоритетном плане западного развертывания.

Офицерский запас накапливался еще медленнее. Количество ежегодно зачисляемых повысилось к 1903 г. только до 1223, что давало накопление лишь 10 тыс. прапорщиков – не больше половины потребности в офицерах запаса при первой мобилизации армии. Пополнение возможных потерь не имело резервов [Свечин]. В Русско-японскую войну, где действовала лишь пятая часть русских войск, полностью обеспечить действующую армию офицерами так и не смогли.

В азиатской части империи накануне Русско-японской войны в военных округах не было дивизий, а вся полевая пехота имела всего 16 бригад, включавших в себя 101 батальон. Предполагалось, что в военное время дивизии будут разворачиваться из ре-

зервных бригад, а из каждой двух дивизий будет формироваться армейский корпус [Бирюк: 21–23]. В мирное время все пехотные подразделения находились в сокращенном составе. В азиатской части насчитывалось при этом 20 резервных батальонов пятиротного состава. В случае мобилизационных мероприятий резервный батальон должен был разворачиваться в полк. Кроме того, строевые сибирские батальоны при мобилизации формировали еще один пехотный батальон и запасной батальон [Бирюк: 37]. Так, в СибВО дислоцировалось 8 резервных батальонов, на основании которых был сформирован знаменитый IV Сибирский корпус [Ростов, Шишов: 54]. Каждый батальон насчитывал 140 военнослужащих действительной службы и 1000 человек призванных запасных [Русско-японская война 7: 37]. Каждый из резервных батальонов далее разворачивался в пехотный полк, а также при нем формировался запасной и резервный батальоны.

Необходимо отметить, что кавалерия, состоявшая на Дальнем Востоке из казачьих частей, и местная малочисленная легкая артиллерия в мирное время не содержали собственные запасные кадры. Также, в частности, еще в 1899 г., во время поездки военного министра А.Н. Куропаткина в Забайкалье и посещения в Иркутске и Красноярске казачьих частей, были отмечены значительные проблемы в организации службы и общей низкой боеготовности казаков [Авилов: 148].

Эти особенности организации местных воинских частей азиатских военных округов не позволяли в случае начала большой войны мобилизовать достаточное количество войск из местных запасных кадров.

В рамках событий на китайской границе 1900–1901 гг. командование уже на практике столкнулось с проблемами кадров и их мотивацией, в том числе и у офицерского состава. Сохранилась переписка Главного штаба летом 1900 г., где зафиксированы случаи уклонения офицеров, назначаемых на командные должности на Дальнем Востоке¹.

В азиатских военных округах накануне войны действовало частное мобилизационное расписание № 8. Также в рамках плана предполагалось отправлять из европейской части России, в первую очередь из Киевского и Московского военных округов, 17-й и 10-й армейские корпуса [Русско-японская война: 412].

После нападения Японии 27 января 1904 г. уже 28 января была объявлена общая мобилизация Приамурского военного округа и Наместничества. Мобилизация Сибирского военного округа была начата 2 февраля. Также были мобилизованы запасные Казанского округа [Бирюк: 97].

6 февраля 1904 г. Забайкальская область была объявлена на военном положении. С началом военных

действий она стала фактически ближайшим тылом действующей армии. Были мобилизованы 4 второчередных полка Забайкальского казачьего войска, 2 казачьи батареи, а также 3 пеших казачьих батальона. Сформированы в Чите 2-й Читинский и 2-й Аргунский казачьи полки, 3-я и 4-я казачьи батареи, также были сформированы казачьи части в Верхнеудинске, Нерчинске и Уссурийске. Помимо казаков в регионе активно призывались и крестьяне. Призыв ратников был назначен уже на 1 июня 1904 г. [Михеев: 204].

В начальный период войны задача по подготовке укомплектований была возложена на 19 сибирских и дальневосточных запасных батальонов. На часть этих батальонов Приамурский военный округ возложил и оборонительные задачи [Свечин]. Однако ни казарм, ни офицеров для размещения и подготовки мобилизованных не хватало. Тем не менее ресурсы именно СибВО стали основным источником комплектования армии, где в 1903 г. на воинском учете стояло более 96 тыс. человек². Каждый второй солдат из всех мобилизованных был из Западной Сибири, а именно Тобольской и Томской губерний.

В СибВО мобилизации подлежали все запасные чины. Большие потери заставили правительство уже через 3 месяца после первого призыва провести в сибирском регионе повторную мобилизацию. Это обескровило малозаселенную Сибирь. Кроме того, в СибВО сформировали 24 пешие дружины ратников Государственного ополчения. Поэтому правительство остальные восемь мобилизаций с весны 1904 г. проводило уже в других регионах Империи [Горелов, Ростов: 96–98].

С февраля по март 1904 г. в соответствии с мобилизационным планом в Сибирском военном округе были развернуты следующие запасные батальоны: 7-й Красноярский, 11-й Семипалатинский, 8-й Томский, 12-й Барнаульский, 10-й Омский, 9-й Тобольский, 5-й Иркутский, 6-й Енисейский. В феврале 1904 г. были также сформированы 11 батальонов в Наместничестве на Дальнем Востоке. Из этих частей были созданы Восточно-Сибирские стрелковые бригады и 1-я Сибирская пехотная дивизия. К концу февраля 1904 г. стрелковые бригады были развернуты в стрелковые дивизии четырехполкового состава [Шишов 2018а: 75].

Подкрепления для Дальнего Востока отправлялись в следующем порядке: IV Сибирский корпус, укомплектованный резервными частями; потом XVII и X армейские корпуса, бывшие единственным внутренним резервом перволинейных войск; затем V и VI Сибирские корпуса, которые были сформированы из плохо обученных резервных частей Казанского военного округа. Эти мобилизации производились за 3 недели до отправления войск железной

дорогой [Свечин]. По боеспособности русские части можно было разделить на три группы по убыванию: Восточно-Сибирские стрелковые полки, в мирное время находившиеся по штатам, близким к военному времени; пехотные армейские корпуса, которые укомплектовывались до штатов военного времени мобилизованными запасными; пехотные части, сформированные из развернутых резервных частей [Бирюк: 7]. Так, например, во время сражения частей IV Сибирского корпуса на р. Шахэ осенью 1904 г. был особо отмечен героизм и стойкость солдат-сибиряков, которые в течение трех дней непрерывно отражали атаки противника, неся тяжелые потери, и отступили только по приказу командования [Ширшов 2018б: 43]. Газета «Русский инвалид», описывая также IV Сибирский корпус, состоявший фактически из мобилизованных, отмечала его мужество и заслуги в остановке наступления японской армии [Ростов, Ширшов: 54]. Также отличились сибирские казачьи части. Доблесть и мужество казачьих разъездов были отмечены в отечественной и иностранной прессе того времени [Иванюк: 25]. Боеспособность сибирских полков объяснялась тем, что они были мобилизованы первыми и не имели связи с крестьянами европейской части России, уже охваченными революционными настроениями, а также их отношением к войне с Японией как к защите родной сибирской земли.

Однако к концу 1904 г. поражения русской армии, большие потери и рост общественной критики сделали войну в целом непопулярной как у нижних чинов, так и у офицерства [Русско-японская война: 413]. Проблемы качества управления отмечал в своих воспоминаниях К.И. Дружинин. Например, описывая бой на р. Ялу, он критиковал командующего Восточным отрядом М.И. Засулича за фактически оставленные им в начале сражения позиции и бегство вместе с обозом. При этом часть отряда мужественно погибла в бою, а другая часть разбежалась, оставшись без руководства [Дружинин: 74]. В мемуарах других офицеров – участников войны можно найти аналогичные оценки. Так, бывший штабной капитан А.А. Игнатъев отмечал, что военное руководство было некомпетентно и действовало нерешительно, а М. Бубнов подробно описывал героизм рядовых защитников Порт-Артура [Баяндин: 31].

Серьезные проблемы комплектования и снабжения Маньчжурской армии, как и предполагалось, возникли из-за малой пропускной способности Транссибирской железной дороги. Это, помимо сложности ведения боевых действий, сразу сделало СибВО наиболее важным тыловым районом в отношении пополнения людьми и материальными ресурсами для армии. За СибВО была также закреплена роль основной санитарной базы воюющей армии. В архивах сохранились данные о больших масштабах лечебной ра-

боты, однако также вскрывались случаи значительных хищений и коррупции [Горелов 2003: 130–132]. Помимо нехватки людских и материальных ресурсов, с началом боевых действий выяснилось, что сибирские аборигенные породы лошадей ввиду своей низкорослости не подходят для строевой службы. Поэтому ГАУ экстренно пришлось решать вопрос о закупке более 2,7 тыс. лошадей и их доставке из европейской части России для комплектования разворачиваемых частей³.

Проблемы малой численности и снабжения русской армии в Маньчжурии на начальном этапе усугублялись активным использованием японцами для наращивания своего численного превосходства доступных им местных мобилизационных ресурсов Китая. Так, уже к маю 1904 г. при содействии китайского правительства началось комплектование нестроевых японских частей китайскими солдатами [Куценко: 94].

В ходе боевых действий командование вынужденно приняло решение об увеличении запасных частей СибВО для возможности готовить пополнение для всей русской армии в Маньчжурии, а не ограничиваться Сибирским корпусом. Также началась реализация практики направления запасных из европейской части страны в запасные части СибВО [Ширшов 2018а: 75].

Основные проблемы, выявленные с начала боевых действий, связанные с использованием запасных частей на Дальнем Востоке, можно систематизировать следующим образом. Первое: использование запасных частей напрямую в качестве мобилизационного резерва не давало времени для нормальной подготовки постоянно прибывающих мобилизованных, а сами запасные батальоны фактически превратились в транзитные пункты для мобилизованных [Ширшов 2018а: 75]. Вторая проблема заключалась в пропорции чинов на действительной службе и призванных запасных в сформированных Восточно-Сибирских батальонах – она достигала один к двадцати. Третий недостаток заключался в самом планировании мобилизационных мероприятий Главным штабом, поскольку оно не предусматривало возможности перманентного восполнения убыли в запасных частях после отправки их в действующую армию.

Ситуация осложнялась отсутствием необходимого количества снаряжения и имущества для прибывших, так как хранившиеся запасы на местах были рассчитаны лишь на количество воинских чинов, которое должно было подлежать мобилизации в своем округе. Например, в Ачинске и Иркутске воинские начальники дополнительно закупали мобилизованным имущество, так как не хватало около 10 % от фактически требуемого, а у 2-го Сибирского запасного батальона вообще не было теплой одежды⁴. В целом быто-

вые условия размещения мобилизованных оставляли желать лучшего.

В тыловом сибирском регионе вскоре уже начал наблюдаться целый ряд негативных явлений. Изъятие до 200 000 запасников и ополченцев из малозаселенной Сибири сказалось на общей экономической и социальной обстановке. Мобилизация кадров повлияла и на региональную медицинскую службу. В результате повсеместно начались вспышки инфекционных заболеваний. К весне 1905 г. из-за мобилизации и потери лошадей стал ощущаться недостаток конского поголовья. Положение усугублялось тем, что железная дорога была сильно перегружена [Горелов, Ростов: 96–98]. Часть призывников в формируемых частях, особенно поздних пополнений, была подвержена революционной пропаганде в связи с событиями 1905 г. Все это выливалось в беспорядки, погромы питейных лавок, а иногда и в стрельбу [Ширшов 2018а: 77]. Так, за 1905 г., когда еще шла война, уже было зафиксировано более 20 вооруженных выступлений запасников.

Военное руководство усиливало действующую армию в Маньчжурии переброской армейских корпусов из Петербургского, Московского и Казанского военных округов. Тем не менее на протяжении всей войны резервные корпуса в составе действующей армии преобладали.

Ошибочным оказалось и представление о том, что резервные части первой очереди сопоставимы по своим боевым возможностям с полевыми армейскими войсками. Это приводило к большим потерям среди необученных частей, а также к недостижению поставленных задач. Все это усугублялось практикой призыва запасных старших возрастов [Бирюк: 470]. Подготовка, мотивация и состояние здоровья этих мобилизованных зачастую оставляли желать лучшего. Был зафиксирован ряд конфликтов между срочнослужащими и запасными старших возрастов, когда запасники отказывались подчиняться, заявляя, что «вы солдаты, так и деритесь, а мы мужики» [Куропаткин: 241–242]. Уже 25 января 1905 г. Генеральным штабом был представлен доклад по вопросу освобождения ратников государственного ополчения от боевых задач в виду их возраста и плохой подготовки и использования их для гарнизонной и охранной службы в тылу⁵.

По результатам проигранной войны ряд отечественных военных теоретиков уже тогда пришли к выводу, что применение крупных резервных частей даже для вспомогательных задач – это ошибка. В 1910 г., при военном министре В.А. Сухомлинове, резервные войска и крепостная пехота были упразднены. По германскому образцу была создана система «скрытых кадров».

Дискуссии относительно основных причин поражения России в войне с Японией и степени вины

в этом командного состава и качества комплектования воинских частей продолжают среди исследователей и сейчас. Так, например, Айрапетов в своей статье о стратегии и тактике России в Русско-японской войне отмечал, что к поражению в войне привела переоценка своих военных возможностей [Русско-японская война: 485–487]. Кроме того, среди прочих факторов неудачного использования русских войск он указывает излишнее упование на резервные части и их недостаточное слаживание еще на этапе мобилизационных мероприятий [Айрапетов: 223]. Американский историк Д. Стейнберг называл среди основных причин поражения плохие коммуникации и разведку внутри армии, а также отсутствие инициативы на всех уровнях командования [Русско-японская война: 243]. Несколько иные выводы озвучивал в своих работах Горелов. Он, в частности, отмечал, что одним из ключевых негативных факторов в войне с Японией, который в итоге и привел к поражению, была неподготовленность к современной войне высшего генералитета [Горелов 2004: 5].

Нам же видится возможным заметить, что помимо перечисленных выше общих недостатков, таких как переоценка своих сил, плохое руководство и удаленность театра военных действий, следует также принимать во внимание ошибки в подходах по формированию и развертыванию мобилизационных резервов. Как выяснилось на практике, мобилизационная система в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. еще на этапе планирования имела серьезные просчеты в территориальном разрезе. Была ошибочно определена необходимая численность нижних чинов с соответствующими материальными запасами в случае военных действий против Японии, не был создан механизм пополнения при значительных потерях, не подготовлены методики и кадры для ускоренного обучения призванных запасных нижних чинов. Все это усугублялось плохими бытовыми условиями, низкой дисциплиной и отсутствием полноценной воспитательной работы с личным составом мобилизованных.

Примечания

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 6. Оп. 2/5. Д. 2411. Л. 99.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1450. Оп. 3. Д. 1. Л. 65.

³ ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 21. Д. 30. Л. 131.

⁴ РГВИА. Ф. 1459. Оп. 3. Д. 4. Л. 143.

⁵ ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 21. Д. 14. Л. 774.

Список литературы

Авилов Р.С. Братья по несчастью: иркутская и красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материа-

лам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. № 3 (40). С. 147–160.

Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. Москва: Алгоритм, 2014. 496 с.

Баяндин В.И. Военная история Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. в мемуарах современников // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 30–33.

Бирюк С.Н. Русская пехота в русско-японской войне 1904–1905 гг.: «на сопках Маньчжурии» / Сергей Бирюк. Москва: Яуза: Эксмо, 2021. 508 с.

Воробьева Э.А. Сибирь и Дальний восток в Русско-японскую войну: к историографии вопроса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: информационно-аналитический журнал. 2023. № 2. С. 158–170.

Горелов Ю.П. Сибирская помощь раненым в русско-японскую войну (1904–1905 гг.) // Вестник КузГТУ. 2003. № 4. С. 130–135.

Горелов Ю.П. Вклад сибиряков в защиту отечества в войнах начала XX века: автореф. дис. ... д-ра истор. наук / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2004. 37 с.

Горелов Ю.П. Сибирь в Русско-японской войне (1904–1905 гг.): историография проблемы // Сиб-Скрипт. 2012. № 1. С. 40–42.

Горелов Ю.П., Ростов Н.Д. Особенности проведения мобилизации на территории Сибири в войнах начала XX века // Ползуновский вестник. 2003. № 3–4. С. 96–104.

Дружинин К.И. Воспоминания о Русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца. Санкт-Петербург: Русская скоропечатня, 1909. 504 с.

Иванюк Ю.Д. Сибирь и сибиряки в русско-японской войне // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения: сб. материалов XV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 29–30 апреля 2019 г.). Томск: ИД Томского гос. ун-та, 2019. С. 23–26.

История отечественной артиллерии. Т. 2. / отв. ред. маршал артиллерии К.П. Казаков; Упр. Командующего ракетными войсками и артиллерией; Воен.-ист. музей артиллерии и инж. войск. Москва; Ленинград: Б. и., 1966. 595 с.

Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны. Санкт-Петербург: Полигон, 2002. 527 с.

Куценко Б.О. Влияние Китая на события Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Манускрипт. 2020. № 8. С. 83–98.

Михеев Б.В. Участие населения Забайкальской области в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вестник БГУ. 2012. № 8. С. 204–207.

Ростов Н.Д., Шишов М.А. Отдельные батальоны Сибирского военного округа в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // ВИЖ. 2019. № 9. С. 53–60.

Русско-японская война 1904–1905 гг.: в 9 т. Т. 7. Тыл действующей армии. Ч. 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. Санкт-Петербург, 1910. 396 с.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие: междунар. истор. сб. / под ред. О.Р. Айрапетова. Москва: Три квадрата, 2004. 656 с.

Свечин А.А. Эволюция военного искусства. С древнейших времен до наших дней. Т. 2. // Милитера: военная литература: сайт. URL: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/09.html> (дата обращения: 09.02.2025).

Шишов М.А. Подготовка воинских чинов запаса для Маньчжурской армии в запасных батальонах Сибирского военного округа в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Манускрипт. 2018а. № 3 (89). С. 74–78.

Шишов М.А. 4-й Сибирский корпус в Русско-японской войне 1904–1905 гг. (сражение на реке Шахэ с 22 сентября по 4 октября 1904 г.) // Вестник Костромского государственного университета. 2018б. № 3. С. 39–44.

References

Ajrpetov O.R. *Na puti k krahu. Russko-japonskaja vojna 1904–1905 gg. Voennopoliticheskaja istorija* [On the way to collapse. The Russian-Japanese War of 1904–1905 Military and political history]. Moscow, Algoritm Publ., 2014, 496 p. (In Russ.)

Avilov R.S. *Brat'ia po neschast'iu: irkutskaia i krasnoarskaia kazach'i sotni v 1899 g. (po materialam pomezki A.N. Kuropatkina)* [Brothers in misfortune: Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack hundreds in 1899 (based on the materials of A.N. Kuropatkin's trip)]. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2021, № 3 (40), pp. 147–160. (In Russ.)

Bajandin V.I. *Voennaja istorija Sibiri i Dal'nego Vostoka vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. v memuarah sovremennikov* [Military history of Siberia and the Far East in the second half of the 19th – early 20th century. In the memoirs of contemporaries]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2008, no. 3. pp. 30–33. (In Russ.)

Biriuk S.N. *Russkaia pekhota v russko-iaponskoj vojne 1904–1905 gg.: «na sopkakh Man'chzhurii»* [Russian infantry in the Russian-Japanese War of 1904–1905: «on the hills of Manchuria»]. Moscow, Iauza, Eksmo Publ., 2021, 508 p. (In Russ.)

Druzhinin K.I. *Vospominaniia o Russko-japonskoj vojne 1904–1905 gg. uchastnika-dobrovol'ca* [Memories of the Russian-Japanese War of 1904–1905 a volun-

teer participant]. St. Petersburg, Russkaja skoropechatnaja Publ., 1909, 504 p. (In Russ.)

Istoriia otechestvennoi artillerii. T. 2 [The history of Russian artillery. Vol. 2], ed. by K.P. Kazakov; Commander of rocket troops and artillery, Military-hist. Museum of Artillery and Engineering troops. Moscow, Leningrad, 1966, 595 p. (In Russ.)

Ivanjuk Ju.D. *Sibir' i sibirjaki v rusko-japonskoj vojne* [Siberia and Siberians in the Russian-Japanese War]. *Voprosy istorii, arheologii, politicheskikh nauk i regionovedenija: sb. materialov XV Vser. (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii studentov, magistrantov, aspirantov i molodyh uchennyh (Tomsk, 29-30 aprelya 2019 g.)* [Issues of History, Archaeology, Political Science and Regional Studies: Acta of the 15th all-Russia (with international participation) scientific conference of students, Masters, postgraduates and young scientists (Tomsk, 29-30 April 2019)]. Tomsk, ID Tomskogo gos. un-ta Publ., 2019, pp. 23–26. (In Russ.)

Gorelov Ju.P. *Sibirskaja pomoshh' ranenym v rusko-japonskuju vojnu (1904–1905 gg.)* [Siberian aid to the wounded in the Russian-Japanese War (1904–1905)]. *Vestnik KuzGTU* [Bulletin of KuzSTU], 2003, no. 4, pp. 130–135. (In Russ.)

Gorelov Ju.P. *Vklad sibirjakov v zashhitu otechestva v voynah nachala XX veka: avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk* [The contribution of Siberians to the defense of the Fatherland in the wars of the early 20th century: DSc thesis, summary]. Kemerov. gos. un-t. Kemerovo, 2004, 37 p. (In Russ.)

Gorelov Ju.P. *Sibir' v Rusko-japonskoj vojne (1904–1905 gg.): istoriografija problemy* [Siberia in the Russian-Japanese War (1904–1905): historiography of the problem]. *SibSkript* [SibScript], 2012, no. 1, pp. 40–42. (In Russ.)

Gorelov Ju.P., Rostov N.D. *Osobennosti provedenija mobilizacii na territorii Sibiri v voynah nachala XX veka* [Features of mobilization on the territory of Siberia in the wars of the early twentieth century]. *Polzunovskij vestnik* [Polzunovsky bulletin], 2003, no. 3–4, pp. 96–104. (In Russ.)

Kuropatkin A.N. *Rusko-iaponskaia voina 1904–1905: Itogi voiny* [The Russian-Japanese War of 1904–1905: The results of the war]. Saint-Petersburg, Poligon Publ., 2002, 527 p. (In Russ.)

Kucenko B.O. *Vlijanie Kitaja na sobytija Rusko-japonskoj vojny 1904–1905 gg.* [China's influence on the events of the Russian-Japanese War of 1904–1905]. *Manuskript* Publ., 2020, no. 8, pp. 83–98. (In Russ.)

Mikheev B.V. *Uchastie naseleniia Zabaikal'skoi oblasti v rusko-iaponskoj vojne 1904–1905 gg* [Russian-Japanese War of 1904–1905 The participation of the population of the Trans-Baikal region in the Russo-Japanese War]. *Vestnik BGU* [Bulletin of the Buryat State University], 2012, no. 8, pp. 204–207. (In Russ.)

Rostov N.D., Shirshov M.A. *Otdel'nye batal'ony Sibirskogo voennogo okruga v gody Rusko-japonskoj vojny 1904–1905 gg.* [Separate battalions of the Siberian Military District during the Russian-Japanese War of 1904–1905]. *VIZh*, 2019, no. 9, pp. 53–60. (In Russ.)

Rusko-iaponskaia voina 1904–1905 gg.: v 9 t. T. 7. Tyl deistvuiushchei armii. Ch. 1. Organizatsiia i deiatel'nost' upravlenii deistvuiushchei armii [The Russian-Japanese war of 1904–1905: in 9 vols. Vol. 7. The rear of the active army. Part 1. Organization and activities of the departments of the active army], 1910, 396 p. (In Russ.)

Rusko-japonskaja vojna 1904–1905 gg. Vzgljad cherez stoletie: mezhdunar. istor. sb. [The Russian-Japanese War of 1904–1905 A look through a century: International Historical Collection edited by], ed. by O.R. Hayrapetov. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2004, 656 p. (In Russ.)

Svechin A.A. *Evolutsiia voennogo iskusstva. S drevneishikh vremen do nashikh dnei. T. 2* [The evolution of the art of war. From ancient times to the present day. Vol. 2]. *Militera: voennaia literatura* [Militera: military literature]. URL: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/09.html> (access date: 26.06.2024). (In Russ.)

Shirshov M.A. *Podgotovka voinskikh chinov zapasa dlia Man'chzhurskoi armii v zapasnykh batal'onakh Sibirskogo voennogo okruga v gody rusko-iaponskoj vojny 1904–1905 gg.* [Training of reserve military ranks for the Manchurian Army in the reserve battalions of the Siberian Military District during the Russian-Japanese War of 1904–1905]. *Manuskript* [The manuscript], 2018a, no. 3 (89), pp. 74–78. (In Russ.)

Shirshov M.A. *4-j Sibirskij korpus v Rusko-japonskoj vojne 1904–1905 gg. (srazhenie na reke Shahje s 22 sentjabrja po 4 oktjabrja 1904 g.)* [The 4th Siberian Corps in the Russian-Japanese War of 1904–1905 (battle on the Shakhe River from September 22 to October 4, 1904)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2018b, no. 3, pp. 39–44. (In Russ.)

Vorob'eva Je.A. *Sibir' i Dal'nij vostok v Rusko-japonskuju vojnu: k istoriografii voprosa* [Siberia and the Far East in the Russian-Japanese War: towards a Historiography of the Issue]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 5, Istoriija: Informacionno-analiticheskij zhurnal* [History: Information and Analytical Journal], 2023, no. 2, pp. 158–170. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 16.02.2025.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 16.02.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 55–60. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 55–60. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470.315)“1950/1980”

EDN GXQCLN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-55-60>

**«УСТРАНИТЬ ПАРАЛЛЕЛИЗМ И ПРЕДОСТАВИТЬ ПРАВО»:
ПОПЫТКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ РАСШИРИТЬ ПОЛНОМОЧИЯ В 1954 г.
(случай Ивановских обкома КПСС и облисполкома)**

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Аннотация. В статье анализируются проблема разграничения власти между центром и регионами в СССР к первой половине 1950-х гг. Ставится вопрос о соотношении полномочий, с одной стороны, центральных структур, с другой стороны, региональных партийных и советских органов, которые стремились после смерти И.В. Сталина к существенному расширению сферы своей компетенции. Для решения заявленной проблемы был привлечен ранее не вводимый в научный оборот исторический источник – ходатайство Ивановских обкома КПСС и облисполкома, адресованное Н.С. Хрущеву и датированное мартом 1954 г. Основное внимание сосредоточено на сюжете, связанном с предложениями региональной власти по расширению своих прав. Служебная записка была направлена из Иванова в Москву в ответ на постановление Президиума ЦК КПСС от 25 января 1954 г. «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата». Методологическую основу исследования составили принципы историзма и системности, сравнительно-исторический метод, сочетание анализа архивных документов и опубликованных источников. Теоретический базис статьи основан на идеях Е.Ю. Зубковой, А.Б. Коновалова, О.В. Хлевнюка, Й. Горлицкого. Каркас источниковой базы исследования составила делопроизводственная документация, деловая переписка, отложившаяся в фонде Государственного архива Ивановской области (ГАИО), материалы документальных публикаций и справочных изданий. В публикации проанализированы конкретные предложения Ивановских обкома и облисполкома по расширению полномочий региональных партийных и советских органов власти. Отмечается, что в ходатайстве в Москву региональный партийный лидер Ф.Е. Титов и председатель облисполкома Ф.Н. Казнов выступают как формально равные субъекты региональной политики. В статье делается вывод об ограниченном, управляемом центром процессе расширения самостоятельности регионов в период хрущевской оттепели. Подчеркивается, что на короткий период времени в 1950-е гг. региональные партийные комитеты стали значимыми субъектами региональной политики. Отмечается значимость внутривластной борьбы за власть в СССР после смерти И.В. Сталина, развернувшейся между Н.С. Хрущевым и Г.М. Маленковым, ее влияние на советскую региональную политику. Публикация является продолжением исследования проблемы взаимодействия Верхневолжских регионов и центра в 1950–80-е гг. на различных уровнях власти и управления – партийном, советском, хозяйственном.

Ключевые слова: СССР, Ивановская область, регионы Верхней Волги, Г.М. Маленков, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Ф.Е. Титов, Ф.Н. Казнов, обком КПСС, облисполком, региональная власть, партийная номенклатура, региональная политика, борьба за власть, расширение полномочий.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. «Устранить параллелизм и предоставить право»: попытка региональной власти расширить полномочия в 1954 г. (случай Ивановских обкома КПСС и облисполкома) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 55–60. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-55-60>

Research Article

**“TO ELIMINATE PARALLELISM AND TO GRANT RIGHTS”:
ATTEMPT BY REGIONAL AUTHORITIES TO EXPAND POWERS IN 1954
(the case of Ivanovo regional committee of the Communist Party
and the regional executive committee)**

Yury S. Nikiforov, PhD in History, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Abstract. The article analyses the problem of delimitation of power between the centre and the regions in the USSR by the 1st half of the 1950s. The question is raised about the relationship of powers, on the one hand, of the central structures, on the other

hand, of regional Communist Party's and Soviets' bodies, with the latter ones', after the death of Joseph Stalin, seeking to significantly expand the scope of their competence. To solve the stated problem, a historical source that had not previously been introduced into scientific circulation, was used – a petition from Ivanovo Regional Committee of the Communist Party and the Regional Executive Committee, addressed to Nikita Khrushchev and dated March 1954. The main attention is focused on the plot related to the proposals of the regional authorities to expand the rights of regional authorities. The memo was sent from Ivanovo to Moscow in response to the resolution of the Presidium of the Central Committee of the Party as of January 25, 1954: "On serious shortcomings in the work of the Party's and the state's apparatus." The methodological basis of the study was formed by the principles of historicism and systematicity, as well as by comparative historical method, combination of analysis of archival documents and published sources. The theoretical basis of the article is based on the ideas of Yelena Zubkova, Aleksandr Konovalov, Oleg Khlevniuk, Yoram Gorlizki. The framework of the source base of the study was formed by office documentation, business correspondence deposited in the fund of the State Archives of Ivanovo Region, materials of documentary publications and reference publications. The publication analyses specific proposals of Ivanovo Regional Committee and Regional Executive Committee to expand the powers of regional Party's and Soviets' authorities. It is noted that in the petition to Moscow, the regional Party leader Fyodor Titov and the chairman of the regional executive committee Fyodor Kaznov act as formally equal subjects of regional policy. The article concludes about the limited, centre-controlled process of expanding the independence of the regions during Khrushchevian Thaw. It is emphasised that for a short period of time in the 1950s, regional Party committees became significant subjects of regional policy. The significance of the internal political struggle for power in the USSR after the death of Joseph Stalin, which unfolded between Nikita Khrushchev and Georgy Malenkov, and its influence on Soviet regional policy are noted. The publication is a continuation of the study of the problem of interaction between the Upper Volga regions and the centre in the 1950s-1980s at various levels of power and governance – Communist Party's, the Soviets', economic ones.

Keywords: USSR, Ivanovo Region, Upper Volga regions, Georgy Malenkov, Joseph Stalin, Nikita Khrushchev, Fyodor Titov, Fyodor Kaznov, Communist Party regional committee, regional executive committee, regional power, Party nomenclature, regional policy, struggle for power, expansion of powers.

For citation: Nikiforov Yu.S. "To eliminate parallelism and to grant rights": attempt by regional authorities to expand powers in 1954 (the case of Ivanovo regional committee of the Communist Party and the regional executive committee). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 55–60 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-55-60>

Известный афоризм «схватка бульдогов под ковром», приписываемый, как правило, У. Черчиллю, точно отражал ожесточённую закулисную борьбу за власть после ухода с политической арены И.В. Сталина в марте 1953 г. Политическое противостояние, развернувшееся в 1950-е гг. в высших эшелонах власти СССР между бывшими сподвижниками умершего вождя, получило развернутый анализ и описание как в *документальных публикациях источников* [Берия; Георгий Жуков; Лаврентий Берия; Молотов], так и непосредственно в *научных исследованиях* [Жуков; Зубкова; Пивоваров; Пихоя; Хлевнюк, Горлицкий]. Среди новейших трудов отметим монографию, выполненную в компаративной плоскости и посвященную сравнительному анализу борьбы за власть после смерти И.В. Сталина в СССР и кончины Мао Цзедунa в Китае [Torigian].

После устранения наиболее опасного претендента на власть, Л.П. Берии [Политбюро], острый характер приобретает соперничество Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева [Зубкова]. М. Маккоули выделил в числе сторонников Н.С. Хрущева и представителей региональной партноменклатуры – «яркие, способные молодые чиновники, продвигавшиеся над головами своих старших товарищей» [McCauley: 13]. Одним из факторов победы Н.С. Хрущева стала опора на кадры региональных партийных комитетов [Реги-

ональная политика Н.С. Хрущева], которые стали активными субъектами региональной политики в СССР 1950–60-х гг. [Коновалов; Мохов; Hough; Rigby].

Региональная политика как центральный концепт исследования представляется многослойным процессом [Гладкий, Чистобаев: 19], включающем экономический, социальный и кадровый сегменты. Остановимся в настоящей статье на кадровом аспекте, в рамках которого наряду с сокращением численности партаппарата Н.С. Хрущев проводил линию на расширение прав партийных комитетов, сделав их надежными союзниками в борьбе с политическими соперниками. В постановлении Президиума ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» (1954) ставился вопрос о «расширении прав и повышении ответственности районных, областных, краевых и республиканских органов управления, а также об упрощении и сокращении отчетности местных организаций» [Региональная политика: 104]. Как этот вопрос решался на региональном уровне?

В настоящей статье будет предпринята попытка проанализировать сюжет, касающийся региональных инициатив в области расширения полномочий местных органов власти. В статье углублен ранее предпринятый научный поиск, представленный в авторских публикациях [Никифоров 2021, 2023]. Про-

дуктивным представляется взгляд на вопрос расширения самостоятельности регионов в ракурсе и региональной, и центральной перспектив. Такая оптика исследования подразумевает обращение к нескольким группам источников.

Во-первых, имел место анализ опубликованных докладных записок от 2 августа 1955 г. отделов партийных органов ЦК КПСС по РСФСР и союзным республикам, Управлению делами ЦК КПСС, адресованных в Секретариат ЦК КПСС: «О расширении прав местных партийных комитетов в решении некоторых организационно-партийных вопросов», «О расширении прав ЦК компартий союзных республик в решении некоторых организационно-партийных и финансовых вопросов» [Региональная политика: 123–129].

Во-вторых, на материале Ивановской области с опорой на неопубликованные архивные документы был проведен анализ оригинального ходатайства региональной власти, направленного лично Н.С. Хрущеву.

Итак, обратимся к региональному компоненту исследования. Показательна совместная служебная записка № 013/129-с первого секретаря Ивановского обкома КПСС Ф.Е. Титова и председателя Ивановского облисполкома Ф.В. Казнова, датированная 20 марта 1954 г. и адресованная Н.С. Хрущеву¹. Начинается документ с преамбулы, поясняющей причины направления записки, – отсылки к официальному документу: «В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 25 января 1954 г. “О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата” Ивановский обком и облисполком вносят предложения в ЦК КПСС»². Эти предложения были разделены на 3 блока-подраздела: «Об изменении некоторых уставных и других директивных положений в работе местных партийных, комсомольских и других общественных организаций»³; «О расширении прав и повышении ответственности областных и районных органов управления»⁴; «По упрощению и сокращению учета и статистической отчетности»⁵.

Таблица 1

Предложения Ивановского обкома КПСС и облисполкома в части расширения прав и повышения ответственности областных и районных органов управления⁸

Сфера расширения прав и повышения ответственности	Предложения
Организационные вопросы	«Внести изменения в ст. 84 и 86 Конституции РСФСР, установив созыв сессии – не реже одного раза в 4 месяца для облсовета»
Планирование народного хозяйства	«Планирование Министерствами СССР и РСФСР жилищно-коммунального и социально-культурного строительства согласовывалось с исполкомами краевых и областных Советов»
Бюджет	«Возмещать выпадающие доходы местных бюджетов за счет госбюджета в случае изменения в законодательстве»; «оставлять в местных бюджетах средства, поступающие по дополнительно выявленным доходам»
По штатам, заработной плате и планам по труду	«Во изменение постановления Совнаркома от 5 июня 1941 г. № 1473 «О гос. штатной комиссии при Совнаркоме» «предоставлять право облисполкомам утверждать штаты... изменять ставки зарплаты отдельным работникам подведомственных организаций, учреждений и предприятий»
Капитальное строительство и ремонт	«Предоставлять право облисполкомам утверждать сметы на капитальный ремонт»
Распределение материалов и оборудования	«Предоставлять право облисполкомам самостоятельно распределять по потребителям кирпич и другие стройматериалы»
Сельское хозяйство	«Предоставлять право облисполкому устанавливать выполнение плана оргнабора рабочих за счет городов... не затрагивая колхозников»; «упростить систему исчисления подоходного налога с колхозов, установив прогрессивные ставки»
По коммунальному и жилищному хозяйству	«Предоставлять право горисполкомам утверждать списки жилых домов для продажи»
По торговле	«Предоставлять право областным отделам торговли утверждать списки магазинов по продаже товаров мелким оптом...»
По дорожно-транспортному хозяйству	«Утверждать штаты линейного персонала»
По народному образованию	«Установить порядок, что распределение молодых специалистов, оканчивающих педагогические вузы, производится по областям, а назначение на работу областным отделом народного образования»
По здравоохранению	«Предоставлять право распоряжаться зав. обл. отделами здравоохранения расходованием средств по бюджету на противоэпидемические мероприятия»
По социальному обеспечению	«Пересмотреть сроки освидетельствования для инвалидов, удливив вместо 6 мес. – 1 год, вместо 1 года – 2 года»
По вопросам финансирования	«Вместо существующих четырех банков долгосрочного кредитования (промбанка, сельхозбанка, торгбанка, цекомбанка ⁹) создать единый банк долгосрочного кредитования народного хозяйства»

Первый блок, наименьший по объему, «Об изменении некоторых уставных и других директивных положений в работе местных партийных, комсомольских и других общественных организаций» включал разнообразную палитру предложений Ивановского обкома. Так, в служебной записке предлагалось созывать областные конференции «один раз в два года, вместо одного в полтора», упразднить «неуставной партком» железнодорожного узла Иванова, проводить выборы руководящих органов в первичных комсомольских и общественных организациях открытым голосованием, упразднить квартальные статистические отчеты⁶. В том же первом блоке указывалось на необходимость уменьшения частоты представления статистических отчетов в ЦК по форме № 2, № 2А, № 3 («вместо двух, один раз в год»), упрощения статистических форм по кадрам (№ 4, 5, 6, 7) с установлением одной формы о составе и сменяемости с предоставлением ее один раз в год⁷.

Второй и наиболее объемный блок предложений, касавшийся расширения прав и повышения ответственности областных и районных органов управления, представлен ниже в таблице 1 в форме отдельных извлечений из документа.

Заключительный блок предложений ивановской номенклатуры был посвящен «упрощению и сокращению учета и статистической отчетности»¹⁰. Основная идея, которая проходила красной линией в этой части служебной записки, – «устранить параллелизм в представлении сводных отчетов»¹¹. Знакомо, что начало служебной записки предвляло вступление за подписью только первого секретаря Ивановского обкома КПСС, а заключительный лист документа завершался подписями и регионального партийного лидера Ф.Е. Титова, и председателя об-

лисполкома Ф.В. Казнова¹² как формально равных субъектов региональной политики и процесса коммуникации с центром.

Далее коснемся центральной перспективы – документов ЦК КПСС, обобщающих предложения региональных парткомитетов по широкому спектру вопросов: от бланков партийных документов до использования средств партийного бюджета [Региональная политика: 123–127]. Обратившись к таблице 2, сравним предложения местных партийных комитетов из обобщающей записки отделов ЦК и те из них, которые вошли в итоговое постановление ЦК КПСС.

Как видно из таблицы 2, не все предложения и не в полном объеме, а лишь частично были восприняты центром, найдя отражение в итоговом постановлении. Так, фонд зарплаты, как следует из сравнительного анализа, остался вне свободного распределения региональными партийными комитетами. Некоторые предложения (право перевода документов ЦК КПСС на национальные языки) и вообще были приняты с отсрочкой во времени. Усеченный характер итогового документа, расширяющего права региональных парткомитетов, демонстрирует, что не все предложения по увеличению полномочий местных партийных и советских органов власти, поступившие в центр из регионов, были приняты в той редакции, которой желала местная партноменклатура.

Подводя итоги, отметим, что санкционированная центром (лично первым секретарем ЦК Н.С. Хрущевым) в 1954–1955 гг. кампания по расширению полномочий региональной власти вызвала живой отклик на местах, но по своим результатам имела ограниченный характер. Подчеркнем, что в ходатайстве в Москву первый секретарь Ивановского обко-

Таблица 2

**Расширение прав местных партийных комитетов
в решении некоторых организационно-партийных вопросов¹³**

Предложения местных партийных комитетов, обобщенные в ЦК КПСС	Постановление Секретариата ЦК КПСС от 09.08.1955 г.
О высылке местным партийным органам бланков партийных документов	Утвержден новый порядок высылки бланков партийных документов
О выдаче партдокументов коммунистам взамен утерянных	Горкомам и райкомам партии предоставлено право выдавать партийные документы взамен утерянных
О перемещении штатных должностей из одной парторганизации в другую	Местным парторганам предоставлено право самостоятельно перемещать из одной партийной организации в другую одноименных должностей работников аппарата партийных органов, должностей освобожденных секретарей и других работников первичных парторганизаций в пределах общих штатов и фондов зарплаты
Об установлении ставок по зарплате для секретарей первичных парторганизаций; об использовании средств партийного бюджета	Обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик предоставлено право на распределение между партийными органами годовых ассигнований на расходы по каждой статье партбюджета (кроме фонда зарплаты) в пределах установленных ЦК КПСС общих ассигнований для республиканской, краевой, областной парторганизации
О переводе на местные национальные языки директивных документов, поступающих из ЦК КПСС	Право перевода документов ЦК КПСС на национальные языки предоставлено позднее – постановлением Секретариата от 30 сентября 1958 г.

ма Ф.Е. Титов и председатель Ивановского облисполкома Ф.Н. Казнов выступали как формально равные субъекты региональной политики. Анализ рассмотренного ходатайства Ивановского обкома КПСС и облисполкома показывает пестрый и объемный спектр «желаний» региональной власти по «расширению прав и повышению ответственности» местных партийных и советских органов власти. Они касались таких разных административно-бюрократических и социально-экономических вопросов, как созыв сессии облсовета, возмещение доходов местных бюджетов, штаты и ставки работников подведомственных организаций, сметы на капитальный ремонт, распределение строительных ресурсов, ограничение оргнабора рабочих в сельской местности, распределение молодых специалистов в сфере образования, прогрессивное налогообложение, мелкооптовая торговля, противоэпидемические мероприятия, сроки освидетельствования инвалидов и др. Значимо предложение ивановцев о создании единого банка долгосрочного кредитования народного хозяйства вместо четырех, частично реализованное: в 1956 г. был упразднен торгбанк, а в 1959 г. ликвидированы еще 2 специализированных банка СССР – сельхозбанк, цекомбанк. В целом все предложения Ивановских обкома и облисполкома сводились к двум основным векторам. Во-первых, региональные власти предлагали устранить «параллелизм» (дублирование) в многочисленной отчетности, направляемой в Москву. Во-вторых, ходатайствовали о расширении полномочий – предоставлении дополнительных прав регионам в хозяйственной жизни и в социальной сфере. Однако итоговое постановление Секретариата ЦК КПСС от 09.08.1955 г. отражало лишь некоторые из пожеланий регионов в плоскости расширения прав местных партийных комитетов. Представляется, что отставка в январе 1955 г. Г.М. Маленкова (основного соперника Н.С. Хрущева в борьбе за власть после устранения Л.П. Берии) с поста председателя Совмина СССР, усилившая позиции первого секретаря ЦК КПСС, оказала влияние на некоторую трансформацию кампании по расширению прав региональных партийных комитетов. Ее новым вектором стала реформа совнархозов 1957 г., реализация которой в областях Верхней Волги требует отдельного исследования.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. П-327. Оп. 9. Д. 968. Л. 98–125.
- ² ГАИО. Ф. П-327. Оп. 9. Д. 968. Л. 98.
- ³ Там же. Л. 99–100.
- ⁴ Там же. Л. 101–114.
- ⁵ Там же. Л. 115–125.
- ⁶ Там же. Л. 99.

⁷ Там же. Л. 100.

⁸ Сост. по: ГАИО. Ф. П-327. Оп. 9. Д. 968. Л. 101–114.

⁹ Цекомбанк – центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства, один из четырех специализированных государственных банков СССР, действовал до апреля 1959 г. (см.: Захаренко Е.В. Банковская сфера СССР // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С. 457–460).

¹⁰ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 9. Д. 968. Л. 115–125.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Там же. Л. 125.

¹³ Сост. по: О расширении прав местных партийных комитетов в решении некоторых организационно-партийных вопросов: постановление Секретариата ЦК КПСС от 9 августа 1955 г.; О порядке рассмотрения некоторых организационно-партийных вопросов: докладная записка отделов партийных органов ЦК КПСС по РСФСР и союзным республикам и Управления делами ЦК КПСС в Секретариат ЦК КПСС от 2 августа 1955 г. // Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты... С. 123–129.

Список литературы

Источники

- Берия: конец карьеры: сборник / сост. и общ. ред. В.Ф. Некрасова. Москва: Политиздат, 1991. 414 с.
- Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 9. Д. 968.
- Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А.Н. Яковлева. Москва: МФД, 2001. 820 с.
- Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А.Н. Яковлева. Москва: МФД, 1999. 512 с.
- Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А.Н. Яковлева. Москва: МФД, 1998. 848 с.
- Политбюро и дело Берия: сб. документов / сост. О.Б. Мозохин, А.Ю. Попов. Москва: Кучково поле, 2012. 1085 с.
- Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост.: О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прокуменщиков, В.Ю. Васильев и др. Москва: РОССПЭН, 2009. 774 с.

Исследования

- Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики. Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова, 1998. 659 с.
- Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5/6. С. 39–58.

Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 103–115.

Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 635 с.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермское кн. изд-во, 2003. 238 с.

Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. 275 с.

Никифоров Ю.С. 1953 г. как «поворотная линия» в карьере высших руководящих партийных кадров Верхневолжских областей РСФСР // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: материалы XV Междунар. науч. конф.; Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г. / отв. ред. А.К. Сорокин. Москва: РОССПЭН, 2023. С. 203–219.

Пивоваров Н.Ю. Никита Хрущев – Николаю Булганину: ты глупый, гнусный человек, непартийный человек // Родина. 2023. № 10. С. 52–58.

Пихоя Р.Г. О внутривластной борьбе в Советском руководстве в 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 3–14.

Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49.

Хлевнюк О., Горлицкий И. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. Москва: НЛЮ, 2024. 432 с.

Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. London, Yale University Press, 2020, 445 p.

Hough J.F. The Soviet Prefects. Cambridge, Mass., 1969, 416 p.

McCauley M. Khrushchev and khrushchevism. London, Macmillan Press LTD, 1987, 254 p.

Rigby T.H. Political Elites in the USSR. Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot, 1990, pp. 156–161.

Torigian J. “Notes”. Prestige, Manipulation, and Coercion: Elite Power Struggles in the Soviet Union and China after Stalin and Mao. New Haven, Yale University Press, 2022, 256 p.

References

Gladkij Yu.N., Chistobaev A.I. *Osnovy regional'noj politiki* [Fundamentals of Regional Policy]. Saint Petersburg, Mihajlova Publ., 1998, 659 p. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V. *Regional'naya vlast' v SSSR v 1953 - konce 1950-h gg. Ustojchivost' i konflikty* [Regional power in the USSR in 1953 - late 1950s. Stability and conflicts]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 2007, no. 3, pp. 31–49. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V., Gorliczkij J. *Sekretari. Regional'ny'e seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva* [Secretaries. Regional networks in the USSR from Stalin to Brezhnev]. Moscow, NLO Publ., 2024, 432 p. (In Russ.)

Kononov A.B. *Partijnaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noj vlasti (1945–1991)* [Party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945–1991)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2006, 635 p. (In Russ.)

Mohov V.P. *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945-1991)* [Regional political elite of Russia (1945-1991)]. Perm', Permskoe izd-vo Publ., 2003, 238 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950-1980-e gg.)* [Upper Volga regions of the RSFSR and the Union-Republican center (1950-1980)]. Yaroslavl, YGPU Publ., 2021, 275 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. 1953 g. kak «povorotnaya liniya» v kar'ere vy'sshix rukovodyashchix partijny'x kadrov Verhnevolzhskix oblastej RSFSR [1953 as a “turning line” in the career of senior leadership party cadres of the Upper Volga regions of the RSFSR]. 1953-j. *Podvedenie itogov i vy'bor puti: materialy` XV Mezhdunar. nauch. konf.* Ekaterinburg, 21-24 iyunya 2023 g. [Summing up and choosing a path: materials of the XV International Scientific Conference; Ekaterinburg, June 21-24, 2023], ed. by A.K. Sorokin. Moscow, ROSSPE`N Publ., 2023, pp. 203–219. (In Russ.)

Pihoya R.G. *O vnutripoliticheskoy bor'be v Sovetskom rukovodstve v 1945-1958 gg.* [On the internal political struggle in the Soviet leadership in 1945-1958]. *Novaya i novejschaya istoriya* [New and contemporary history], 1995, no. 6, pp. 3–14. (In Russ.)

Pivovarov N.Yu. *Nikita Hrushchev - Nikolayu Bulganinu: ty glupyy, gnusnyj chelovek, nepartijnyj chelovek* [Nikita Khrushchev to Nikolai Bulganin: You Are a Stupid, Vile Person, a Non-Party Person]. *Rodina* [Motherland], 2023, no. 10, pp. 52–58. (In Russ.)

Zhukov Yu.N. *Bor'ba za vlast' v partijno-gosudarstvennyh verhah SSSR vesnoj 1953 g.* [The Struggle for Power in the Party and State Upper Classes of the USSR in the Spring of 1953]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1996, no. 5/6, pp. 39–58. (In Russ.)

Zubkova E.Yu. *Malenkov i Hrushchev: lichnyj faktor v politike poslestalinskogo rukovodstva* [Malenkov and Khrushchev: the Personal Factor in the Policy of the Post-Stalin Leadership]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 1995, no. 4, pp. 103–115. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.03.2025; одобрена после рецензирования 22.03.2025; принята к публикации 24.03.2025.

The article was submitted 09.03.2025; approved after reviewing 22.03.2025; accepted for publication 24.03.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 61–68. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 61–68. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

УДК 94(510)“1950”

EDN HFLQCU

<https://doi.org/10.34216/1988-0817-2025-31-2-61-68>

СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО НАУЧНОГО ТРАНСФЕРА В 1950-е гг.

Гао Сюли, ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, gaoxiuli0405@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-3446-6182>

Аннотация. В статье систематизируются результаты исследований современных китайских ученых, посвященных проблематике научного трансфера между СССР и КНР в 1950-е гг. Анализируются труды Ли Тао, Чжан Байчунь, Шэнь Чжихуа и др. историков, в которых рассматриваются различные аспекты советско-китайского научно-технологического сотрудничества. Выделены основная тематика исследований и дискуссионные точки зрения. Показано, что большинство китайских ученых признает значимую роль советской помощи китайской науке и образованию в 1950-е – начале 1960-х гг. Много внимания в историографии уделяется как анализу общего контекста этой помощи, так и описаниям повседневной жизни китайских студентов и аспирантов в СССР, с одной стороны, и советских специалистов в Китае – с другой. В то же время в китайской исторической науке присутствует направление, представители которого акцентируют внимание на политических аспектах сотрудничества двух стран, подчеркивают, что у Советского Союза были свои интересы (не только академического плана), отмечают «неравносность» обмена. В статье сделан вывод о том, что изучение истории китайско-советского научного трансфера в 1950–60-е гг. помогает углубить объективное понимание развития отношений между двумя странами, сохранить общее историко-культурное наследие, способствует углублению плодотворного сотрудничества между РФ и КНР в будущем.

Ключевые слова: СССР, КНР, китайская историография, научный трансфер, история высшей школы, обучение в СССР, история науки и техники.

Для цитирования: Гао Сюли. Современная китайская историография истории советско-китайского научного трансфера в 1950-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 61–68. <https://doi.org/10.34216/1988-0817-2025-31-2-61-68>

Research Article

MODERN CHINESE HISTORIOGRAPHY OF SCIENTIFIC TRANSFER BETWEEN THE USSR AND THE PRC IN THE 1950S

Gao Xiuli, teaching assistant, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, gaoxiuli0405@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-3446-6182>

Abstract. The article systematises the results of research of the scientific transfer between the USSR and the People's Republic of China in the 1950s by modern Chinese historians. The author analyses Li Tao, Zhang Baichun, Shen Zhihua, etc. monographs devoted to various aspects of the Soviet-Chinese scientific and technological transfer. The main research topics and discussions are highlighted. It is shown that many Chinese scholars recognise the great role of Soviet assistance to Chinese science and education in the 1950s and early 1960s. The Chinese historiography paid attention both to the analysis of the general context of this assistance and to the description of the daily life of Chinese students in the USSR, on the one hand, and that of Soviet specialists in China, on the other. At the same time, there is a trend in Chinese historiography whose representatives focus on the political aspects of USSR-PRC cooperation, emphasise that the Soviet Union had its own interests (not only academic), and note the “inequality” of this exchange. The author concludes that the research of the history of the Sino-Soviet scientific transfer in the 1950s and 1960s contributes to understanding the historical evolution of Sino-Soviet relations, the common historical and cultural heritage of both countries, thereby laying a solid foundation for the development of relations between the two countries in the future.

Keywords: USSR, People's Republic of China, Chinese historiography, scientific transfer, history of high education, training in USSR, history of science and technology.

For citation: Gao Xiuli. Modern Chinese historiography of scientific transfer between the USSR and the PRC in the 1950s. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 61–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1988-0817-2025-31-2-61-68>

1950-е годы были золотым веком сотрудничества КНР и СССР во всех областях – от политики и экономики до науки и культуры. 14 февраля 1950 г. в Москве был подписан «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой¹. В рамках этого договора стороны подписали ряд соглашений, которые послужили основой для организации масштабной советской помощи Китаю.

Помощь Советского Союза сыграла решающую роль в первые годы существования Китайской Народной Республики как в восстановлении производства и развитии экономики, так и в укреплении международных позиций КНР. Существенную часть помощи составляла подготовка квалифицированных кадров и командирование советских специалистов (в 1950–60 гг. – около 20 тыс. чел.) [Шэнь Чжихуа: 410].

С 1951 по 1962 г. более 8 тыс. китайцев стажировались на заводах и фабриках СССР, а более 11 тыс. китайских студентов и аспирантов учились в советских вузах, причем советское правительство взяло на себя половину расходов на их обучение. Кроме того, в рамках системы научно-технического сотрудничества около 1500 китайских инженеров, техников и ученых посетили СССР для ознакомления с научно-техническими достижениями и производственным опытом [Чжан Байчунь: 252]. По возвращении в Китай выпускники советских вузов явились главной силой в китайском образовании, науке и народном хозяйстве. 79 из них стали академиками Китайской Академии наук, 63 – академиками Инженерной академии, многие – известными деятелями искусства [Ли Тао: 110–114].

Отправка китайских студентов, аспирантов и специалистов в Советский Союз стала одним из важных каналов научно-технологического трансфера. В литературе трансфер рассматривается как обмен научно-техническими достижениями, включающий в себя передачу знаний и технологий, продажу технологий, распространение знаний и т. д. [Гаврилюк: 15–20; Ганин: 1–14; Кувшинов: 1–56]. С нашей точки зрения, трансфер знаний и технологий стал одним из ключевых механизмов модернизации КНР.

За последнюю четверть века, по мере развития и укрепления международных отношений между Россией и Китаем, китайские ученые стали проявлять большой интерес к истории сотрудничества СССР и КНР в 1950-е гг. В настоящей статье анализируется комплекс трудов современных китайских историков, отражающий основные тенденции развития китайской историографии этого вопроса.

Исследования данной проблематики можно разделить на два направления: 1. Изучение тематики китайско-советского научного сотрудничества.

2. Обобщающие исторические исследования китайско-российского академического сотрудничества.

Рассмотрим подробнее комплекс исследований в рамках каждого из этих направлений.

1. Изучение тематики китайско-советского научного сотрудничества

1) Предпосылки организации образования китайских студентов в Советском Союзе и подъема волны обучения за рубежом. Ли Пэн в монографии «Обучение за рубежом и строительство: исследование обучения в Советском Союзе в ранний период нового Китая» дает обзор сведений о командировании китайских студентов и аспирантов в Советский Союз в ранний период создания КНР (до 1955 г.), а также анализирует исторические предпосылки реформы политики обучения за рубежом, подчеркивая, что молодая Китайская Народная Республика испытывала острый дефицит квалифицированных специалистов и необходимость в срочном наращивании кадрового потенциала страны [Ли Пэн]. Обстоятельное исследование автора дает нам четкое представление об общеисторическом контексте рассматриваемых событий. Ли Пэн обращает особое внимание на советско-китайский договор от 9 августа 1952 г., в соответствии с которым Советский Союз согласился принять и обучить студентов, направленных Китаем. Обучение китайских специалистов в СССР позволило в короткие сроки обеспечить китайскую промышленность необходимыми кадрами.

Книга Ли Тао «Извлечение урока и развитие: исследование китайско-советских образовательных отношений» представляет собой научный анализ китайско-советских отношений в сфере высшего образования в период с 1949 по 1966 г. [Ли Тао]. В частности, автор отмечает, что с момента основания КНР и до 1966 г. советская модель образования оказывала широкое и устойчивое влияние на реформу китайской системы образования. В книге дается объективная оценка исторических предпосылок, форм и результатов китайско-советского академического обмена. На основе обширного комплекса источников, впервые введенных автором в научный оборот, исследование показывает большие достижения в сотрудничестве между СССР и КНР в области высшего профессионального образования в 1950-е гг. Также Ли Тао анализирует китайско-советские отношения после «периода медового месяца» (такое название получил период 1950-х гг., когда Советский Союз, по словам Мао Цзэдуна, был «поучительным примером» для КНР). Работа Ли Тао имеет большое значение для тех, кто изучает историю сотрудничества двух стран.

2) Роль советских технических специалистов в подготовке инженерных и педагогических кадров Китая. В этом плане отметим пионерскую моногра-

фию Шэнь Чжихуа «Советские специалисты в Китае (1948–1960)» [Шэнь Чжихуа 2003]. Основываясь на большом количестве советских архивных документов, автор приводит множество исторических фактов и статистических данных о периоде пребывания советских специалистов в Китае: «Максимальное число советских экспертов и советников, работавших в Китае, составляло более 11 тысяч в 1954–1958 годах, более 5 тысяч в 1949–1953 годах, и наименьшее число, менее 2 тысяч, было в 1959–1960 годах» [Шэнь Чжихуа 2003: 360]. Шэнь Чжихуа высоко оценивает значение советской помощи. Он пишет, что она была подобна дождю после долгой засухи для нового Китая, испытывавшего острую нехватку талантов. Советские эксперты работали на передовых рубежах науки, активно обучая современным технологиям инженеров и готовя преподавателей университетов. Кроме того, Шэнь Чжихуа рассматривает изменение условий приезда советских специалистов, обстоятельства их жизни и работы в Китае, а также оценивает их влияние в различных областях.

В книге собран и систематизирован большой объем материалов устной истории, автор взял интервью у тех, кто тесно общался с советскими специалистами, в том числе у бывших членов Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) 1950-х гг., переводчиков Центрального бюро иностранных языков, сотрудников Бюро по трудоустройству иностранных специалистов, ученых, обучавшихся в СССР, и т. д. С помощью устной истории человек описывает место, контекст и обстановку того времени через свои личные ощущения, что, с одной стороны, может помочь исследователю в интерпретации письменных источников, а с другой – «оживить» историческую сцену, зафиксированную в безэмоциональных архивных документах.

Большой заслугой Шэнь Чжихуа стала многотомная публикация документов из российских архивов, посвященных истории российско-китайских отношений в 1945–1964 гг. [Шэнь Чжихуа 2015].

Ло Шишу написал монографию «От медового месяца до антипатии – советские эксперты в Китае», в которой рассказывается о работе и жизни советских специалистов в Китае, дается отчет об их преподавательской и научно-исследовательской деятельности в Народном университете Китая (Пекин), Харбинском технологическом институте и Пекинском сельскохозяйственном университете [Ло Шишу]. Книгу можно отнести к жанру истории повседневности. Она описывает реальные условия жизни и работы советских специалистов в Китае. Ло Шишу подчеркивает, что, согласно указаниям заместителя главы правительства КНР Лю Шаоци, в целом к советским экспертам относились очень хорошо, для них были организованы специальные гостевые дома, со всей

страны привозили поваров, умевших готовить русскую еду, чтобы создать комфортные условия проживания [Ло Шишу: 20–21]. В качестве примера в книге представлена история советского инженера Семена Шабашова, который в апреле 1952 г. приехал в Китай для создания Аньшанского металлургического комбината и привез с собой необходимые станки и научно-техническую документацию. Шабашов читал лекции в течение полугода. Аудиторий и классов не было, поэтому занятия проходили в столовой, где он писал и рисовал на маленькой доске, а рядом с ним деловито работал переводчик. Один из учеников Шабашова, Ху Чжаосэн, выучил русский язык и стал его ассистентом. Позже Ху Чжаосэн стал обучать других рабочих (в присутствии Шабашова). Советский инженер сидел рядом с рабочими и наблюдал, какие вопросы они задавали и как Ху Чжаосэн на них отвечал. Шабашов нередко повторял китайским коллегам русскую поговорку: “Семь раз отмерь – один раз отрежь”, призывая их к точности и тщательности в работе» [Ло Шишу: 281–287].

3) Результаты внедрения основных достижений советской науки и техники в народное хозяйство нового Китая. В книге «Передача технологий из Советского Союза в Китай. 1949–1966» известного китайского историка Чжан Байчунь [Чжан Байчунь] используется сочетание макроописания и case-studies. С одной стороны, излагается общий контекст, выделяются основные этапы научно-технического сотрудничества двух стран, а с другой – описываются конкретные ситуации. Чжан Байчунь проанализировал различные аспекты передачи технологий: во-первых, простой трансфер, то есть прямое копирование советских технологий, перенос производств для заполнения пробелов на внутреннем рынке; во-вторых, адаптация и освоение советских технологий, чтобы сделать их совместимыми с условиями страны и требованиями к их использованию; в третьих, разработка новых технологий с учетом советского опыта и локализация продукции [Чжан Байчунь: 401–408].

Передача советских технологий Китаю рассматривается ученым в широком контексте взаимодействия технологического, экономического, политического, дипломатического, национальной безопасности и других факторов. С другой стороны, детальный анализ трех репрезентативных примеров – производство автомобилей, создание Института вычислительной техники Китайской академии наук и Пекинского института авионавтики – представил советско-китайское сотрудничество в трех областях – промышленность, фундаментальная наука, высшее техническое образование. Высокоинформативное и оригинальное исследование Чжан Байчунь ценно также тем, что автор собрал и проанализировал большое количество материалов из китайских архивов, относя-

щихся к теме передачи технологий из СССР в КНР в 1950-е – 1960-е гг.

До 1990-х гг. из-за влияния идеологии в исследованиях научно-технической сферы КНР часто слишком много внимания уделялось достижению самообеспечения, а роль технической помощи Советского Союза преуменьшалась или отрицалась. Исследователи избегали этой темы. Таким образом, изучение передачи технологий из Советского Союза в Китай в исследованиях современных китайских ученых позволяет нам по-новому, объективно взглянуть на развитие науки и техники после основания КНР.

2. Обобщающие исторические исследования китайско-российского академического сотрудничества

В «Истории обучения за рубежом» Тянь Тао выделено образование студентов, обучавшихся за рубежом, разделено на два этапа: 1) подъем и последующий спад (1950–1965 гг.); прекращение и возобновление обучения за рубежом (1966–1977 гг.) [Тянь Тао: 30–70]. Книга знакомит с предысторией организации обучения в Советском Союзе в первые годы основания КНР, с реформой политики в области обучения за рубежом и организацией направления за границу для получения образования, оценивает численность китайских студентов в СССР, описывает их жизнь и учебу.

В книге Хуан Лицзюнь «Столетняя история обучения в Советском Союзе (России)» четвертая глава посвящена опыту обучения китайских студентов в Советском Союзе и их последующему вкладу в развитие своей родины [Хуан Лицзюнь: 187–214]. В динамике отправки китайских студентов в Советский Союз автор выделяет три этапа: подъем (1949–1953 гг.), расцвет (1954–1959 гг.) и сокращение данной работы (1960–1966 гг.). В приложениях представлены некоторые важные документы о направлении студентов в Советский Союз на всех трех этапах [Хуан Лицзюнь: 153–163].

Книга Юй Цзыцзян «Эволюция китайско-российского (советского) образовательного обмена» – это фундаментальная монография, которая всесторонне отражает эволюцию китайско-советских образовательных обменов [Юй Цзыцзян]. На макроуровне она демонстрирует глубокое влияние изменений в отношениях между Китаем и Советским Союзом в целом на образовательный обмен между двумя странами. На среднем уровне представлены траектории развития и особенности китайско-советских образовательных обменов в различные исторические периоды, также уделено внимание анализу и интерпретации острых вопросов 1950-х гг., когда наблюдалось резкое нарастание потока направлявшихся в СССР студентов и аспирантов из Китая. На микроуровне внимание уделяется подробному обсуждению дея-

тельности людей, организаций и учреждений, связанных с китайско-российскими образовательными обменами. Кроме того, книга сопровождается статистическими диаграммами и графиками.

Исследование Цзян Бо «История международного обмена и сотрудничества в образовании» показывает на основе статистических данных, как китайские студенты обучались в СССР в 1950–60-е гг., как работали советские специалисты в Китае и какое влияние советское образование оказало на Китай [Цзян Бо]. Автор утверждает, что важной особенностью командирования китайских студентов в СССР было сочетание этого процесса с повышением способности собственных высших учебных заведений готовить специалистов. Цзян Бо делает вывод, что без развития образования внутри самого государства эффект от отправки студентов всегда ограничен.

3. Работы по истории китайского студенческого сообщества в СССР

Книга Чжоу Шаньвэня «Волна студентов, обучавшихся в Советском Союзе в ранний период нового Китая: факты и размышления» [Чжоу Шаньвэнь] – это общее исследование положения студентов, обучавшихся в Советском Союзе в 1951–1965 гг., выполненное на основе архивных материалов, интервью с бывшими студентами и анкетных опросов. Оно дает объективную оценку роли выпускников советских вузов в строительстве нового Китая: «Подъем волны пребывания в Советском Союзе в начале 1950-х годов ускорил подготовку сильной созидательной команды для бедного талантами нового Китая и стал важным стратегическим выбором. Несмотря на взлеты и падения, роль бывших советских выпускников в строительстве нового Китая нельзя недооценивать.

Самое главное, что было подготовлено большое количество технических специалистов для Китая. Стоит отметить, что глубокое историческое и культурное наследие СССР и образованность его народа оставили незабываемое впечатление у бывших китайских студентов. Помимо усердной учебы в вузах, они также посещали многие места СССР во время каникул, проходили практику и работали в колхозах, общались с советскими людьми и сохранили множество трогательных историй, отражающих широту и глубину образовательных и культурных обменов между двумя странами» [Чжоу Шаньвэнь: 210].

В книге Шань Ган и Ван Инхуэй «Годы пролетели быстро: хроника китайских студентов, обучавшихся в Советском Союзе», написанной в жанре устной истории, представлены интервью со студентами, обучавшимися в Советском Союзе, анализируются и обобщаются их воспоминания и другие первоисточники [Шань Ган, Ван Инхуэй]. Оригинальность этой работы заключается в том, что авторы сами учились в СССР и смогли интегрировать свой личный

опыт в общую картину развития академического обмена между СССР и КНР. В книге рассказывается о нелегком процессе изучения русского языка на подготовительном отделении, об учебе и жизни в Советском Союзе, а также о том, какое положительное значение этот опыт имел по их возвращении на родину. Так, выпускник аспирантуры Ленинградского НИИ травматологии и ортопедии 1955 г. Го Цзыхэн вспоминал: «В первый год обучения в СССР, за исключением 7–8 часов сна, я проводил все свое время, изучая русский язык, используя для этого прогулки, поездки, покупки, еду, заучивал русские слова и никогда не расставался с русско-китайским словарем и карточками со словами. <...> В начале пребывания в Советском Союзе над китайскими студентами подшучивали из-за плохого произношения. В нашей группе была девушка, которая хотела купить нож, зашла в магазин и сказала: “Я хочу купить мужа!” Продавец ответил: “Мы не продаем мужей”» [Шань Ган, Ван Инхуэй: 46, 65].

Книга «Надежда на тебя: Воспоминания о годах пребывания в Советском Союзе» собрала воспоминания китайских студентов и аспирантов, которые рисуют нам реалистичную картину их жизни в Советском Союзе [Чжу Сюнь]. Один из них, Янлин Чжан, вспоминал: «В сентябре 1955 года я приехал в Москву, чтобы учиться в Московском высшем техническом училище им. Н. Э. Баумана, было довольно много трудностей в жизни и учебе. Однажды в перерыве между занятиями ко мне подошли Сережа и Нина и сказали: “Чжан, мы провели специальное комсомольское собрание, чтобы решить, как тебе помочь. Отныне мы вдвоем будем помогать тебе в учебе”. Я был так взволнован, что пожал им руки и сказал: “Большое спасибо!”» [Чжу Сюнь: 92].

Другой китайский студент, Чан Пуй Инь, гордился полученной в Советском Союзе медалью «За освоение целинных земель», присвоенной ему и его товарищам за летнюю практику на целине: «Спустя сорок лет меня охватило чувство умиления, когда я увидел почетные медали, которые сияют и сегодня. Эта золотая медаль – свидетельство незабываемого и славного пути китайской молодежи в Советском Союзе» [Чжу Сюнь: 136–137].

Мемуары являются непосредственным и ярким отражением жизни студентов и аспирантов, обучавшихся в СССР, и способны углубить наши представления о повседневности китайских студенческих сообществ в советских вузах. Кроме рассказов об учебе, книга содержит травелоги, характеристики общественной жизни в Советском Союзе и пр.

Издание «Основные образовательные документы Китайской Народной Республики (1949–1975)» представляет собой вспомогательное исследование, исторический очерк китайского образования с 1949

по 1975 г., с подробными записями основных событий первых лет основания страны, включая решение о направлении китайских студентов в Советский Союз [Хэ Дунчан].

Важно отметить, что среди китайских историков нет единства в вопросе роли СССР в развитии китайской науки и образования. Помимо ученых, которые признают большое значение советской помощи в данных областях в 1950-е – начале 1960-х г., в китайской историографии присутствует и другое направление, представители которого акцентируют внимание на политических аспектах сотрудничества, подчеркивают то, что у Советского Союза были свои интересы (не только академического плана), отмечают отрицательные стороны образовательного обмена и его односторонность.

Например, в книге Чжоу Хун «Иностранная помощь Китаю» главным мотивом помощи новому Китаю была названа защита Советским Союзом своих собственных экономических, политических интересов и интересов безопасности. Советское предложение академического сотрудничества, по мнению автора, было типичным дипломатическим жестом, который служил внешней стратегии Советского Союза и менялся в зависимости от изменений во внешней политике СССР [Чжоу Хун: 54].

Ян Цзэси и Цзуо Шиюань в статье «Попытка анализа советской экономической помощи Китаю в начальный период становления КНР» утверждают, что экономическая помощь Советского Союза Китаю была обусловлена в основном внутри- и внешнеполитическими соображениями [Ян Цзэси, Цзуо Шиюань]. Она, с их точки зрения, являлась частью внешней политики Советского Союза и была связана, прежде всего, с военно-стратегическими интересами СССР в контексте холодной войны между советским блоком и США и его союзниками [Ян Цзэси, Цзуо Шиюань: 52].

Автор статьи «О политизации китайско-советских экономических отношений в 1950-е гг.: результаты, причины и последствия – пример советской экономической помощи Китаю» Цинь Хунвэй приходит к следующим заключениям: масштабная экономическая помощь СССР Китаю была, по сути, инструментом достижения Советским Союзом своих внутри- и внешнеполитических целей, а значит, примером политизации экономических отношений; асимметрия сил между двумя сторонами привела к асимметричной взаимопомощи [Цинь Хунвэй]. Китай и Советский Союз были настолько далеки друг от друга в плане национальной мощи, что инициатива всегда находилась в руках Советского Союза, а Китай просто не имел возможности использовать экономические средства для влияния на советскую политику. Автор отмечает, что, анализируя научно-технический

обмен между Китаем и Советским Союзом, исследователи почти не упоминают о мерах, предпринятых китайской стороной. Разница в статусе держав породила зависимость Китая от Советского Союза и углубила его привязанность к нему [Цинь Хунвэй: 43].

Впрочем, можно сказать, что вышеизложенная точка зрения некоторых китайских историков не разделяется большинством исследователей. В целом современная китайская историография положительно оценивает исторический опыт научно-технического и образовательного сотрудничества с СССР в 1950-е гг. С другой стороны, бесспорно, что советская помощь Китаю была тесно связана с международной ситуацией того времени и внешнеполитическими решениями обеих стран, и ее следует рассматривать в контексте интересов обеих сторон. С советской стороны важным мотивом для оказания помощи стала идеологическая общность Китая и Советского Союза. Что касается Китая, то в рассматриваемый период времени КНР была бедна и слаба, к тому же находилась в ситуации блокады со стороны западных стран. По мере усиления дихотомии между Востоком и Западом Китай и Советский Союз неизбежно должны были сформировать политический союз с общими интересами, чтобы обеспечить безопасность обеих стран и мирные внутренние условия для развития экономики.

До начала 1990-х гг. в китайской историографии по известным политическим причинам практически отсутствовали исследования советско-китайского научного трансфера, а в работах, посвященных советско-китайским отношениям, доминировали отрицательные оценки. Нормализация двусторонних отношений в 1990-е гг., а затем и укрепление стратегического партнерства между Россией и Китаем в первой четверти XXI в. стимулировали, среди прочего, интенсивные исследования позитивного исторического опыта сотрудничества, в том числе и научно-технического, наших стран. Пройдя этап накопления количественных данных и осмысления свидетельств участников научного трансфера, сегодня китайские ученые постепенно фокусируются на том, как наука и технологии, переданные из СССР в 1950-е гг., были усвоены и трансформированы в собственные китайские знания и технологии.

Следуя традиции китайской историографии, широко использующей символические высказывания, мы можем заключить, что в работах китайских авторов, посвященных научному трансферу между СССР и КНР, новый Китай представляется чистым листом бумаги, на котором лучшие учителя – советские эксперты и специалисты – рисовали его будущее.

Изучение истории китайско-советского научного трансфера в 1950–60-е гг. помогает нам понять историческую эволюцию китайско-советских отношений, сохранить общее историко-культурное наследие, спо-

собствует углублению плодотворного сотрудничества между РФ и КНР в будущем.

Примечания

¹ Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. 14 февраля 1950 г. // Советско-китайские отношения. 1917–1957: сб. документов. Москва: Изд-во восточ. лит-ры, 1959. С. 219.

Список литературы

Гаврилюк А.В. Сущность, формы реализации и функциональное назначение трансфера технологий // Экономика и управление народным хозяйством. 2018. № 4. С. 15–20.

Ганин М.А. Историография трансфера промышленных технологий в первой трети XX века // Genesis: исторические исследования. 2022. № 8. С. 1–14.

Кувишинов С.В. Научно-техническая политика СССР в области трансфера технологий в эпоху послевоенной модернизации. Середина 1940-х – середина 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2012. 56 с.

Ли Пэн. Обучение за рубежом и строительство: исследование обучения в Советском Союзе в ранний период нового Китая. Шанхай: Изд-во Шанхайского ун-та Цзяотун, 2016. 228 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Ли Тао. Ивлечение урока и развитие: Исследование китайско-советских образовательных отношений. Чжэцзянь: Чжэцзянское образовательное изд-во, 2006. 348 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Ло Шишун. От медового месяца до антипатии – советские эксперты в Китае. Пекин: Мировое знание, 1999. 786 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Тянь Тао. Истории обучения за рубежом. Гуанчжоу: Гуандунское образовательное изд-во, 2010. 716 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Хуан Лицунь. Столетняя история обучения в Советском Союзе (России). Пекин: Изд-во литературы и истории Китая, 2002. 245 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Хэ Дунчан. Основные образовательные документы Китайской Народной Республики (1949–1975). Хайкоу: Изд-во «Хайнань», 1998. 1555 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Цзян Бо. История международного обмена и сотрудничества в образовании. Хайнань: Хайнаньское изд-во, 2001. 346 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Цинь Хунвэй. О политизации китайско-советских экономических отношений в 1950-е годы: результаты, причины и последствия – пример советской экономической помощи Китаю // Журнал Гессенского колледжа. 2005. № 3. С. 41–44. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Чжан Байчунь. Передача технологий из Советского Союза в Китай. 1949–1966 гг. Шаньдун: Шаньдунское образовательное изд-во, 2005. 529 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Чжоу Хун. Иностранная помощь Китаю. Пекин: Изд-во лит-ты по общественным наукам, 2013. 390 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Чжоу Шаньвэнь. Волна студентов, обучавшихся в Советском Союзе в ранний период нового Китая: факты и размышления. Шанхай: Изд-во Восточно-Китайского нормального ун-та, 2012. 244 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Чжу Сюнь. Надежда на тебя: Воспоминания о годах пребывания в Советском Союзе. Пекин: Китайское молодежное изд-во, 1997. 435 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Шань Ган, Ван Инхуэй. Годы пролетели быстро: хроника китайских студентов, обучавшихся в Советском Союзе. Пекин: Центральное компилятивное изд-во, 2007. 263 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Шэнь Чжихуа. Избранные российские архивы (Китайско-советские отношения): в 10 т. Шанхай: Восточное центральное изд-во, 2015. 4326 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948–1960 гг.). Пекин: Китайское междунар. вещательное изд-во, 2003. 447 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Юй Цзыцзын. Эволюция китайско-российского (советского) образовательного обмена. Шаньдун: Шаньдунское образовательное изд-во, 2010. 336 с. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

Ян Цзэси, Цзуо Шиюань. Попытка анализа советской экономической помощи Китаю в начальный период становления КНР // Журнал Технологического института Хуанши: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 4. С. 51–55. (На кит. яз., пер. Гао Сюли)

References

Gavrilyuk A.V. *Sushhnost', formy realizacii i funkcional'noe naznachenie transfera tehnologii* [Essence, forms of implementation and functional purpose of technology transfer]. *Jekonomika i upravlenie narodnym hozjajstvom* [Economics and management of national economy], 2018, no. 4, pp. 15–20. (In Russ.)

Ganin M.A. *Istoriografija transfera promyshlennyh tehnologii v pervoj treti HH veka* [Historiography of industrial technology transfer in the first third of the twentieth century]. *Istoricheskie issledovanija* [Genesis, historical research], 2022, no. 8, pp. 1–14. (In Russ.)

Kuvshinov S.B. *Nauchno-tehnicheskaja politika SSSR v oblasti transfera tehnologii v jepohu poslevoennoj modernizacii. Seredina 1940-h – seredina 1950-h gg. avtoreferat Dissertacii kandidata istoricheskikh Nauk* [Scientific

and technical policy of the USSR in the field of technology transfer in the era of post-war modernization. The mid-1940s – mid-1950s Dissertation Abstract of Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 2012, 56 p. (In Russ.)

Li Peng. *Obuchenie za rubezhom i stroitel'stvo: issledovanie obuchenija v Sovetskom Sojuze v rannij period novogo Kitaja* [Overseas learning and construction: a study of learning in the Soviet Union in the early period of new China]. Shanghai, Shanghai Jiaotong University Press Publ., 2016, 228 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Li Tao. *Iz vlechenie uroka i razvitie: Issledovanie kitajsko-sovetskikh obrazovatel'nyh otnoshenij* [Lesson involvement and development: A study of Sino-Soviet educational relations]. Zhejiang, Zhejiang Education Publ. House, 2006, 348 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Luo Shixu. *Ot medovogo mesjaca do antipatii – sovetskie jeksperty v Kitae* [From Honeymoon to Antipathy – Soviet Experts in China]. Beijing, World Knowledge Publ. House, 1999, 786 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Tian Tao. *Istorii obuchenija za rubezhom* [Histories of study abroad]. Guangzhou, Guangdong Education Publ. House, 2010, 716 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Huang Liquan. *Stoletnjaja istorija obuchenija v Sovetskom Sojuze (Rossii)* [One hundred years of education in the Soviet Union (Russia)]. Beijing, Publ. House of Chinese Literature and History, 2002, 245 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

He Dongchang. *Osnovnye obrazovatel'nye dokumenty Kitajskoj Narodnoj Respubliki (1949–1975)* [Basic Educational Documents of the People's Republic of China (1949–1975)]. Haikou, Hainan Publ. House, 1998, 1555 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Jiang Bo. *Istorija mezhdunarodnogo obmena i so-trudnichestva v obrazovanii* [History of International Exchange and Cooperation in Education]. Hainan, Hainan Publ. House, 2001, 346 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Qin Hongwei. *O politizacii kitajsko-sovetskikh jekonomicheskikh otnoshenij v 1950-e gody: rezul'taty, prichiny i posledstviya – primer sovetskoj jekonomicheskoi pomoshhi Kitaju* [On the politicization of Sino-Soviet economic relations in the 1950s: results, causes and consequences – the case of Soviet economic aid to China]. *Zhurnal Gessenskogo kolledzha* [Journal of Hesen College], 2005, no. 3, pp. 41–44. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Zhang Baichun. *Peredacha tehnologii iz Sovetskogo Sojuza v Kitaj. 1949–1966 gg.* [Technology transfer from the Soviet Union to China. 1949–1966]. Shandong, Shandong Educational Publ. House, 2005, 529 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Zhou Hong. *Inostrannaja pomoshh' Kitaju* [Foreign Aid for China]. Beijing, Social Science Literature Publishing House, 2013, 390 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Zhou Shanwen. *Volna studentov, obuchavshihsja v Sovetskom Sojuze v rannij period novogo Kitaja: fakty i razmyslenija* [The wave of students who studied in the Soviet Union in the early period of new China: facts and reflections]. Shanghai, East China Normal University Press Publ., 2012, 244 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Zhu Xun. *Nadezhda na tebjja: Vospominanija o godah prebyvanija v Sovetskom Sojuze* [Hope for you: Memories of the years in the Soviet Union]. Beijing, Chinese Youth Publ. House, 1997, 435 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Shan Gang, Wang Yinghui. *Gody proleteli bystro: hronika kitajskih studentov, obuchavshihsja v Sovetskom Sojuze* [Years Passed Fast: A Chronicle of Chinese Students Studying in the Soviet Union]. Beijing, Central Compilation Publ. House, 2007, 263 p. (in Chinese, translated by Gao Xiuli).

Shen Zhihua. *Izbrannye rossijskie arhivy (Kitajsko-sovetskie otnoshenija): v 10 t.* [Selected Russian Archives (Sino-Soviet Relations): in 10 vols.]. Shanghai, Oriental Central Publ. House, 2015, 4326 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Shen Zhihua. *Sovetskie specialisty v Kitae (1948–1960 gg.)* [Soviet Specialists in China (1948–1960)]. Beijing, China International Broadcasting Publ. House, 2003, 447 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Yu Zixia. *Jevoljucija kitajsko-rossijskogo (sovetskogo) obrazovatel'nogo obmena* [The Evolution of Sino-Russian (Soviet) Educational Exchange]. Shandong, Shandong Education Publ. House, 2010, 336 p. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Yang Zexi, Zuo Shiyuan. *Popytka analiza sovetskoj jekonomicheskoy pomoshhi Kitaju v nachal'nyj period stanovlenija KNR* [An Attempt to Analyze Soviet Economic Assistance to China in the Initial Period of China's Establishment]. *Zhurnal Tehnologicheskogo instituta Huanshi, Gumanitarnye i obshhestvennye nauki* [Journal of Huangshi Institute of Technology, Humanities and Social Sciences], 2010, no. 4, pp. 51–55. (In Chinese, translated by Gao Xiuli)

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 14.03.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 14.03.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 69–74. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 69–74. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1'0.09

EDN UAHISZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-69-74>

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ МАРТИРИЯ «МУЧЕНИЕ ФЕДОРА ТИРОНА» В ПРОСТОМ И СТИШНОМ ПРОЛОГЕ

Ремезов Алексей Владимирович, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, remezoff2010@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории бытования древнерусского памятника «Мучение Феодора Тирона» в составе Стишного Пролога, синаксарного славянского церковно-учительного сборника, переведенного на территории Балкан в процессе второго южнославянского влияния. В ней исследуется текст мучения в составе сербской и болгарской рукописей XIV–XV вв., проведен сопоставительный анализ южнославянских вариантов памятника с его русской версией в составе древнерусского нестишного Пролога Пространной редакции. При сравнении текстов были обнаружены значимые разночтения. В мучениях в составе Стишного Пролога появляются новые географические обозначения, отсутствовавшие в Простом Прологе. Южнославянские версии отличаются наличием детальных описаний пыток святого. Особую значимость приобретают элементы, отсутствующие в предполагаемом греческом протографе Стишного Пролога – Синаксаре Константинопольской церкви, появляется оценочная лексика, отражающая негативное отношение переписчиков к язычникам-грекам. В результате всех внесенных корректировок «Мучение Феодора Тирона» трансформировалось в уникальное произведение, сочетающее элементы древних синаксарных текстов с фрагментами из других источников, что делает его ярким примером литературной контаминации.

Ключевые слова: агиография, Феодор Тирон, Стишний Пролог, мучений, рукописи.

Для цитирования: Ремезов А.В. Особенности бытования мучения «Мучение Федора Тирона» в Простом и Стишном Прологе // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 69–74. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-69-74>

Research article

THE PECULIARITIES OF THE MARTYRDOM “THE TORMENT OF THEODORE THE RECRUIT” IN A SIMPLE AND VERSE PROLOGUE

Aleksey V. Remezov, postgraduate student, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, remezoff2010@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the monument “The Torment of Theodore the Recruit” of the Old Rus’ as part of the Verse prologue, a synaxarium of Church Slavonic educational collection translated into the Balkans during the second era of South Slavic influence. It examines the text of the martyrdom as part of the Serbian and Bulgarian manuscripts of the 14th to 15th centuries, and it conducts a comparative analysis of the South Slavic versions of the monument with its Russian version as part of the Verse prologue of the Old Rus’ as part of the Extended version. When comparing the texts, significant discrepancies were discovered. New geographical designations appear in the martyrdoms as part of the Verse prologue, which were absent from the Simple Prologue. The South Slavic versions are distinguished by the presence of detailed descriptions of the saint’s torture. Of particular importance are the elements that are absent from the supposed Greek prototype of the Verse prologue – the Synaxarium of the Church of Constantinople. Thus, evaluative vocabulary appears, reflecting the negative attitude of the copyists towards the pagan Greeks. As a result of all the adjustments made, “The Torment of Theodore the Recruit” was transformed into a unique work, combining elements of ancient Synaxarium’s texts with fragments from other sources, which makes it a striking example of literary contamination.

Keywords: hagiography, Theodore Recruit, Prologue, Martyrium, manuscripts.

For citation: Remezov A.V. The peculiarities of the martyrdom “The Torment of Theodore the Recruit” in a simple and verse prologue. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 69–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-69-74>

Истории древнерусской литературы в период с XIV по XVI в. в медиевистике посвящено множество исследований, предметом которых является характеристика графико-орфографических норм рукописей, репертуары древнерусской книжности, оформление кодексов, почерки переписчиков текстов [Гальченко: 325].

В 1894 г. А.И. Соболевский, рассмотрев на конкретных примерах графику и орфографию рукописных текстов XIV–XV вв., ввел в научный оборот термин «Второе южнославянское влияние»¹ (далее – 2-е ЮСлВ). В ходе своего исследования, посвященного характеристике изменений в рукописях указанного периода, ученый сделал вывод, что «между половиною XIV и половиною XV в. русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности» [Соболевский: 8].

Со 2-м ЮСлВ медиевисты связывают появление на Руси Стишного Пролога – календарного сборника Иерусалимского устава, привезенного и введенного в читательский обиход, вероятно, митрополитом Киприаном [Турилов: 39–50]. Этот памятник, переведенный с греческого в Сербии в XIV в., представляет собой собрание житий, которые предварялись краткими стихами в честь святых, в которых означался род смерти мученика или толковалось его имя [Фет: 379; Щеглова: 105]. Оригинал памятника был создан в Византии во 2-й пол. XII в. (близок к Сирмундову Синаксарю и синаксарю Константинопольской церкви) [Прокопенко: 380]. Памятник в научной литературе называют «независимым», что означает его обособленность от Обыкновенного Пролога.

Первые южнославянские переводы Стишного Пролога (болгарский² и сербский) датируются XIV в. Достоверно известно о 80 списках из различных учреждений Болгарии и Сербии. В эпоху 2-го ЮСлВ Стишной Пролог попал на Русь в числе южнославянских списков агиографической литературы. Книга пользовалась относительной популярностью среди древнерусских читателей. Это можно подтвердить количеством сохранившихся его списков. Так, в «Предварительном списке славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» содержатся сведения о 30 сборниках Стишного Пролога. Тем не менее он не заместил собою Обыкновенный Пролог. Обе книги переписывались и редактировались. Стишной Пролог интегрировался в восточно-славянскую книжность, в результате чего появились его новые версии. Наиболее ранний русский список памятника датируется концом XIV в. [Пролог: ГИМ, Чуд. собр., № 17].

Впоследствии Стишной Пролог трансформировался, в частности, дополнялся различными статьями из 1-й и 2-й редакций Обыкновенного Пролога. В XVI в. Стишной Пролог вместе с Пространной ре-

дакцией Обыкновенного Пролога вошел в Великие Минеи-четьи.

Тексты «Мучения Феодора Тирона» в Стишном Прологе бытуют в уникальном виде. Было найдено 3 южнославянских списка, в которых читается маририй: 2 болгарских [Пролог: Дечан. 55; Дечан. 57] и 1 сербский [Пролог: F.I.752]³, а также 8 русских списков. Болгарский текст «Мучения...» из Дечан.55 дефектный: представлено первые 14 строк жития, после чего оно обрывается. Поэтому данный материал не будет рассматриваться в настоящей статье. В таблице 1 представлены маририи из двух южнославянских сборников. Для сравнения текстов помещается рукопись Обыкновенного Пролога Пространной редакции F.I.311, как памятник, характеризующийся цельностью и содержащий наибольшее число подробностей.

Анализ текстов из рукописи пролога Пространной редакции и Стишного Пролога из южнославянских рукописей обнаруживает несколько отличий в поэтике и языковом оформлении⁴.

1. Текст маририя претерпевает композиционные сюжетные изменения. В начале текста в сербской и болгарской рукописях читается стишное предисловие, обязательное для Стишного Пролога: «Тиронъ явленный всесврьшено избранный оруужникъ. Богу принесе себе всесжигаема оруужника. В седми на десетии огнемъ Торона опалише», поскольку жития в нем всегда предваряются стихами. Их функция – прославить святого, в честь которого написан текст. В данном случае строки в начале посвящены истолкованию профессии Феодора Тирона при жизни и вида казни. Еще одним сюжетным отличием текста в Стишном Прологе от его варианта в Прологе Пространной и Краткой редакции является краткое указание на испытания святого: «Сый симъ [военачальником Вринкой] на истезание поставлень бывъ» // «И же от него [военачальника Вринки] на испытание етьбывъ». Испытание/истязание в Словаре русского языка XI–XVII вв. имеет значение «дознание/проверка» [Словарь: 303–304]. Этот небольшой эпизод восходит к сцене из пространного «Мученичества...», представленного в нескольких русских списках, оригинал которых – греческая рукопись Paris. gr. 520 (R), использованная в издании Delehaye H. «Les legendes grecques des saints militaires». По сюжету в этом моменте новобранцу Феодору предлагается пройти испытание: отдать почтение римским императорам-язычникам через принесение жертвы идолам. Подвижник отказывается и исповедует себя христианином.

Изменяются сцены борьбы святого Феодора с языческим культом греков. В рукописях Простого Пролога читается: «...онъ же ночью пожже церкъ идольскую» [Пролог РНБ F.I.311, л. 526]. В Стишном Прологе книжники составители подчеркивают важность поступка св. Феодора, сожжение идолов опи-

Таблица 1

Сербская рукопись РНБ ОР F.I.752 (92–92 об.)	Болгарская рукопись Дечан.57 (л. 139 об. – 140)	Русская рукопись РНБ F.I.311 (л. 526)
Паметь стго великомученика Феодра Тирона. Тиронъ явленнѣи обличіемъ оруужникъ. Благословитъ приходитъ обличіемъ огньнымъ Оруужникъ. Въ седмѣи же и десеты огнемъ Тирона съжегоше Съ стѣи мученикъ бе въ времена Максимиана и Максима царей от митрополи Амасійскыя съ села нарицаемаго Хоумиалонъ(ня). И спрѣва же воинствоу тиронскому примешень бывъ и въ чиноу препосита врингы Сѣи симъ на истезание поставлень бывъ. Христа Бога быти исповедавъ. И слоужение Елинское яко бездоушнаа капища и дела роукъ члвчїихъ въ мръзость въменивъ. Временоу же пришедшоу по сещения, не безделно бысть о сихъ. Нъ величїе вѣще и сѣдеа. Идоли бо иже б...ивыи Елины Бога нарицахоу огнемъ съжеже темъ и етъбывъ и виновнъ быти съжежения исповедавсе. Прѣвїе оубо обешень бывъ стрѣганъ бысть таже въ пещь огненоу вложенъ бывъ скончасе. Сѣврѣшаѣт же се съборъ его въ с темъ его моучении еже е въ Форакии в соуботу прѣвѣе недеѣ поста егда и чюдо бысть от него коутіамъ избавле православыи люди от скврѣни пище идольскыя Гране сїе коутіамъ пищоу коутїеи снедаѣтъ градъ тирскїи пищоу поставль безделноу скврѣноу Пищоу предложѣшему безделноу и оскврѣноу	(Память стго и ... мчника Феодора Тирона Тиронъ явленнѣи всесъврѣшено избранныи оруужникъ. Богоу принесе себе всесжїгаема оруужника. Въ седмѣи на десетїи огнемъ тирона опалише. Сѣи стѣи мучникъ въ времена бѣше Максимиана и Максимиана црѣма нарицаемъ от митрополе амасїйскаго от села глаголемаго Хоумелеани. И оуже воинство тиронское пременивъ и подъ чиноу препосита вринка прилоучасе. И же от него на испытанїе етъбывъ. И исповеда Христа истиннаго Бога быти. И чтомаа от еллинь яко бездоушнаа капища и дела роукъ человекъ похоуливъ. Времени подавшоусе емоу не пребытие съ сещению нъ не всъсѣлованїе о немъ. Тѣчию великою детель съврѣшии Ибо идола богомъматере яко же еллини б...словетъ и попали. Того ради естъ бысть и само делцъ быти запалению исповедавъ. Прѣвѣе повешень и стрѣганъ тааже въ скрадоу огнюу въврѣжень иже и въ не и скончасе. Сѣврѣшаѣт же се съборъ его въ с темъ его моучении соуцоуемоу въ Форакии. И въ соуботу прѣвою седморицоу свѣтохъ постъ. Вънегда и чюдо коутїи от него бысть. И избавльшомоу православнии люди от скврѣненнаго брашна идоложрѣтвнїихъ Христа пищоу коутїиноу предлагаѣтъ Тиронъ градоу Пищоу предложѣшему безделноу и оскврѣненноу	В тот же день святого мученика Фодора Тирона. Святой Феодор Тиронъ бе въ царство Максимиане и Диоклетиане гордои гонителю ино въ войскоу чиноу гаголемемъ тиронате и бе воинствоуа под Вринкою препоситомъ сїи от предела Амасїйскаго. Слышавши же многи моучимы Христа ради поревновавъ и всъхоте пострадати за Христа. И прихоще къ Вринце въ Амасїю и внѣгла мимо некое место хотяше минути и виде змии велик зело близъ Еоухатомъ и помысли яко змиа сего аще оубио побѣжу и диавола и сї глаголевъ оубий змиа копїемъ своимъ. И шедъ въ Амасїю предъ Вринкою и исповедася христианъ. Вринка же оудивлься даѣтъ емоу время на расмотрѣнїе, онъ же ночью пожже церкъ идольскую. И разгнеवासя Вринка и вверже и въ огнь съжеже и, и тако скончася и положень бысть въ Еоухатех

сывается «великим делом»: «Тѣчию великою детель съврѣшии» [Пролог Дечан. 57, л. 139].

В Мучении Феодора Тирона из Стишного Пролога в очень сокращенном варианте включено «Чудо о коливе» (коутино чюдо). Оригинал этого сочинения написан Нектарием, патриархом Константинопольским. Его можно прочесть в 121-м томе Патрологии Миня. Император Юлиан, желая оскорбить религиозные чувства христиан, приказывает разрешить продажу в канун поста лишь оскверненной языческими «требами» пищи. Константинопольскому патриарху⁵ является в видении великомученик Феодор и советует сварить пшеницу и раздавать ее бедноте, иначе лишённые запасов продовольствия бедняки будут покупать на торжище оскверненную «ядь». С той поры, говорится далее, первая неделя поста и стала именоваться Федоровой. Святитель обращает внимание на значение имени святого (Феодор – Божий дар), «иже въистину Божий дар на спасение наше и веры».

В Стишном Прологе чудо представлено несколькими строчками в зачаточном виде. Пересказана только суть: спасение православных людей через яв-

ление им благочестивой пищи. В латинском оригинале Феодор помогает лишь советом.

В тексте мартирия из Стишного Пролога отсутствует несколько сцен, привычных для этого же текста в простом Прологе Краткой и Пространной редакции. Так, не включена сцена погребения святого (и тако положен бысть в Еухантех – в FI311). В памятнике нет и змееборческих сцен. Змей, которого побеждает Феодор Тирон своим копьем в Прологе Пространной редакции («вънегда мимо некое место хотяше минути и виде змии велик зело близъ Еоухатомъ и помысли яко змиа сего аще оубио побѣжу и диавола и сї глаголевъ оубий змиа копїемъ своимъ»), не упоминается в южнославянских рукописях.

2. Расширение географии памятника. Пространство мартирия пополняется новыми топонимами. Упоминаются такие населенные пункты, как Хоумелеан (Хоумиалон), Форакия, которые не встречаются нигде, кроме списков Стишного Пролога. Они фигурируют в просмотренных 8 русских и трех южнославянских рукописях без исключения. При этом из памятника уходит основной город Евхаит – ме-

сто погребения св. Феодора Тирона (по проложным спискам Краткой и Пространной редакций). Из контекста мартирия ясно, что «Хоумелелеан» – это населенный пункт недалеко от Амассии (города на севере Турции в наст. вр.). Древние биографические сведения о Феодоре Тироне не содержат конкретных географических данных. Так, Григорий Нисский сообщает, что святой родился на Востоке: «отечество сего доблестного мужа, – страна лежащая на восток солнца» [Нисский: 201]. В более поздних текстах, например в анонимном пространном греческом мартирии VI–VII вв., появляются только Амассия и Евхаиты [BHG, N 1761 (изд.: Delehaye, 1909, pp. 127–135)]. В дальнейшем в византийских и славянских «Мучениях»/«Чудесах» св. Феодора ни одна новая местность больше не упоминается.

Каковы истоки топонимов? На западе Ирана есть село «Gowmelian», однако оно расположено очень далеко от места действия, описанного в памятнике, и вряд ли составители Стишного Пролога имели в виду именно эту местность. Можно предположить, что в случае с упоминанием села «Хоумелиана» (χοῦμιαλῶν) имеет место быть своеобразное написание села «Евхания» (Εὐχάνεια), связанное с Феодором Стратилатом. Близость и путаница двух святых порождала многочисленные смешения в рукописных памятниках и даже ошибки в научной литературе. Действительно, оба являются воинами, родились в одном регионе, из поселений с очень похожими названиями: Евхаиты и Евхания [Афиногенова: 270]. Предположительно, южнославянские книжники переписали топоним, относящийся к похожим святым, из оригинальных месяцесловов XII в. Действительно, в Синаксаре Константинопольской церкви читается слово «χοῦμιαλῶν» [SynCP: 469 стб.]. Хотя известно, что даже в византийскую эпоху два города часто путали или отождествляли [Крюкова: 226]. Однако, как кажется, трудно предположить, чтобы χοῦμιαλῶν и Εὐχάνεια являлись одним и тем же местом. Возможно, речь идет о ныне неизвестном населенном пункте. Помимо Синаксаря и Стишного Пролога он также встречается в южнославянской Супральской рукописи в «Мучении святого Василиска» 5 марта: «да шед оустроя языкы своя въ вси Хоумелеаньске». Разыскание этого села – дело будущих исследований.

Говоря о «Форакии», едва ли можно утверждать, что речь идет о Фракии – географической области на востоке Балкан. Кажущееся созвучие не имеет к ней отношения. Контекст памятника повествует о месте проведения церковной службы по святому: «Съвршаеъ же се съборъ его въ с темь его моучении соущоу въ Форакии». В оригинале Константинопольского Синаксаря читается «Σφορακίου». Вероятно, имеется в виду местность Сфоракион, где находится Церковь святого Феодора, построенная па-

трикием Сфоракием. Это небольшого размера древний храм в Константинополе, посвященный великомученику Феодору Тирону, существовавший уже в I-й пол. V в. О нем вполне могло быть известно переписчикам Стишного Пролога в эпоху активных церковных связей в XIV–XV вв., и присовокупление его в текст мартирия является показателем осведомленности переписчиков о древностях Константинополя.

3. Говоря о мартирии в Стишном Прологе, нельзя не отметить изменения в системе образов памятника. Так, в рукописи читается добавление эллиновязычников, ранее не упоминавшихся в проложных текстах Краткой и Пространной редакции: «Идоли бо иже бледивы Елины Бога нарицахоу огнемъ съжеже». Образ греков встречается в синаксаре Константинопольской церкви: «Το γὰρ εἶδολον τῆς τῶν θεῶν μητρος, ὡς ἑλληνες ληρωδοῦσιν...» (Ибо это образ матери богов, как безрассудно говорят греки) [SynCP: 469 стб.]. Автор использует глагол ληρωδοῦσιν (говорить безрассудно), описывая веру греков в мать богов. Вместе с тем образ препозита Вринки, один из основных в Простом Прологе и древнем тексте Мучения V в., отходит на второй план и упоминается всего один раз.

4. «Мучение Феодора Тирона» претерпело некоторые стилистические изменения в Стишном Прологе. Это проявляется в лексике памятника. Появляются новые выражения, не встречавшиеся ранее ни в Простом Прологе, ни в его предполагаемом протографе Менологии Василия II. Они перекочевали в рукопись из мартирия в SynCP. Например, описание мученической смерти святого в мартирии в Стишном Прологе теперь содержит новые физиологические подробности вместо сухого сообщения о гибели мученика, которое читалось в Менологии и Простом Прологе. Ср.: «и вверже [Феодора Тирона] и въ огньи съжжеи, и тако скончася» // «Пръвее повешень и стръганъ тааже въ скраадоу огньоу въвржень иже и въ не и скончасе». В тексте появляется орудие пыток – сковорода огненная (в греческом оригинале и некоторых славянских рукописях огненная печь), кратко описывается порядок самого процесса: повешение, стругание⁶ и сожжение. Не все страсти были переведены с греческого протографа (в SynCP при описании пыток читается «...μεν κρεμασθεῖς ζεεται ετετα δε και εις καμινον πυρος εμβληθεις τελειουται»⁷). Пытка «струганием», вероятно, восходит к более ранним текстам византийского периода (Григорий Нисский упоминает «терзание плоти»), а также встречается в текстах, посвященных мучению Феодора Стратилата.

В мартирии в Стишном Прологе можно фиксировать любопытную стилистическую особенность, присущую только текстам славянских переписчиков. В описании сожжения святым идола языческой матери богов⁸ отчетливо фиксируется личное отно-

шение славянских книжников к эллинам и их языческим практикам. Это выражается появлением нейтральной или стилистически сниженной славянской лексики. Например, в болгарской рукописи читается: «Ибо идола богоматере яко же еллини б...ословеть и попали» [Пролог. Дечан. 57, л. 139]. В современном русском литературном языке глагол «б...словити» имеет табуированный корень, употребление которого регламентируется действующим законодательством. В рукописных славянских источниках это слово не было запретным и употреблялось свободно. В Словаре русского языка XI–XVII вв. этот глагол имеет значение: «суесловить, говорить вздор» [Словарь: 250]. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского выписано значение «многоглаголить» [Срезневский: 122–123 стб.]. В том же контексте этот глагол попадает и в русские рукописи. Глагол фиксируется во всех 7 просмотренных списках. Например, в Стишном Прологе РНБ Кир.-Бел. 1/1240 книжник сообщает: «Ибо идола богоматерь яко же еллини б...ословить попали» [Пролог, РНБ Кир.-Бел. 1/1240л. 300 об. – 301]. Отдельным случаем следует отметить выражение сербского книжника в рукописи РНБ ОР F.I.752: «Идоли бо иже б...ивыи Елины Бога нарицахоу огнемъ съжеже» [Пролог. РНБ ОР F.I.752, л. 92]. Во фразе читается прилагательное с неодобрительным значением по отношению к эллинам. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» оно имеет несколько значений: «вздорный», «распутный», «лживый» и «еретический» [Словарь: 249]. Последнее больше остальных подходит к характеристике православным сербским писцом греков, занимающихся языческими практиками. Во всех просмотренных русских и южнославянских рукописях это единственный список, где слово, имеющее в настоящее время табуированный корень, употребляется в описательном контексте. Очевидно, южнославянские и русские переписчики намеренно вставляют в переводной мартырий отдельные слова, характеризующие народ эллинов, с тем чтобы выразить свое неодобрение к языческим практикам.

Отдельно необходимо отметить особую деталь, встречающуюся исключительно в русских рукописях. В трех южнославянских памятниках в начале «Мучения Феодора Тирона» упоминаются императоры Максимиан и Максимин. Во всех просмотренных памятниках русского происхождения в начале мартырии вместо императора Максимиана упоминается Диоклетиан. Это можно объяснить наследием частого упоминания императора-гонителя в списках Пролога Пространной редакции.

Таким образом, можно сделать несколько выводов о бытовании текста «Мучения Феодора Тирона» в Стишном Прологе. Южнославянские списки содержат мартырий, типологически схожий с его вариан-

том в SynCP. Памятник отличается от его варианта в Простом Прологе и его предполагаемом протографе Менологии Василия II по сюжету и композиции, фиксируются вставные элементы, присущие только Стишному прологу и его греческому протографу: стишное предисловие, отдельное указание на «испытание» святого Феодора, упоминание языческого культа греков. Меняется география памятника: фиксируются употребление двух новых топонимов, не употребляющихся ранее в Простом Прологе. Читателям физиологические подробности пытки святого в южнославянских версиях мартырии.

Русские переписчики Пролога в эпоху пересмотра и обновления письменных памятников, исправления их по образцу среднеболгарского правописания, стремления к орфографической нормализации рукописей добавляют детали в текст «Мучения Феодора Тирона», не встречающиеся в греческой версии памятника. Появляется оценочная лексика, выражающая неодобрительное отношение переписчиков к грекам-язычникам. «Мучение Феодора Тирона» приобретает иные элементы и таким образом представляет собой контаминацию древних синаксарных текстов и вставных элементов из других памятников.

Примечания

¹ В настоящее время в науке не существует точного определения 2-го ЮСлВ. Описание академических споров вокруг этого явления см.: [Лихачева: 197–211].

² Также известный как тырновская редакция.

³ К сожалению, это все рукописи в зарубежных библиотеках и хранилищах, доступных для исследования на сегодняшний день.

⁴ Языковые особенности памятников, связанные со вторым южнославянским влиянием, в настоящей статье не рассматриваются, поскольку это проблема, заслуживающая отдельного исследования.

⁵ Кафедру в эти годы занимал архиепископ Евдоксий – замечание св. Димитрия Ростовского.

⁶ Предположительно, пытка металлическими зубцами по живому телу.

⁷ Примерный перевод: повешенный [висит] тогда он и в печь огня вметается и завершает свою судьбу.

⁸ Речь идет о языческой богине Цибеле, дочери неба (Урана) и земли (Геи); она почиталась как великая мать богов, так как греческая мифология считала ее матерью олимпийских богов с Зевсом во главе.

Список литературы

Источники

Григорий Нисский. Похвальное слово великомученику Феодору (Тирону). Москва: Тип. В. Готье, 1871. Ч. 8. С. 198–212.

Пролог XIV в. Государственный исторический музей. Чудовское собрание. № 17.

Пролог Последняя четверть XIV в. Российская национальная библиотека. Отдел Рукописей. F.I.752.

Пролог 1481 г. Российская национальная библиотека. F.I.311.

Пролог XV в. Дечан.57 (Рукописи монастыря Высокие Дечаны, Сербия).

Пролог XIV в. Дечан.55 (Рукописи монастыря Высокие Дечаны, Сербия).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 / гл. ред. С.Г. Бархударов. Москва: Наука, 1975. 371 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6 / гл. ред. С.Г. Бархударов. Москва: Наука, 1979. 359 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1893. 1420 стб.

Фет Е.А. Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) Ленинград: Наука, Ленинградское отд., 1987. С. 376–381.

Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanum e codice Sirmondiano nunc Berolinensi, ed. by Hip. Delehaye. Bruxellis, Apud Socios Bollandianos, 1902, 322 p.

Исследования

Афиногенова О.Н. Феодор Тирон // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2023. Т. 71. С. 265–271.

Гальченко М.Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Москва: УНИК, Алетеия, 2001. Т. 1. С. 325–382.

Крюкова А.Н. Феодор Стратилат // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2023. Т. 71. С. 225–226.

Лихачева Е.С. Второе южнославянское влияние: история и современное состояние проблемы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 197–211.

Прокопенко Л.В. Пролог // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. Т. 58. С. 378–382.

Соболевский А.И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1894. 30 с.

Турилов А.А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV–XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. Москва: Институт истории СССР, 1978. С. 39–50.

Щеглова О.Г. О Стишном Прологе и задачах его изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. НГУ. 2011. Т. 10, № 9. С. 105–110.

Delehaye H. Les légendes grecques des saintes militaires. Paris, A. Picard, 1909, 272 p. (In French)

References

Afinogenova O.N. *Feodor Tiron* [Theodore Tiron]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Research Center «Orthodox Encyclopedia» Publ., 2023, vol. 71, pp. 265–271. (In Russ.)

Gal'chenko M.G. *Vtoroe iuzhnoslavianskoe vlianie v drevnerusskoi knizhnosti* [The second South Slavic influence in Ancient Russian literature]. *Knizhnaia kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevnei Rusi* [Book culture. Book writing. Inscriptions on icons of Ancient Russia]. Moscow, UNIK, Aleteia Publ., 2001, vol. 1, pp. 325–382. (In Russ.)

Kriukova A.N. *Feodor Stratilat* [Theodore Stratelates]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Research Center «Orthodox Encyclopedia» Publ., 2023, vol. 71, pp. 225–226. (In Russ.)

Likhacheva E.S. *Vtoroe iuzhnoslavianskoe vlianie: istoriia i sovremennoe sostoianie problemy* [The Second South Slavic Influence: History and Current State of the Problem]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2022, no. 3 (108), pp. 197–211. (In Russ.)

Prokopenko L.V. *Prolog* [Prologue] *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Orthodox Encyclopedia Church Research Center Publ., 2020, vol. 58, pp. 378–382. (In Russ.)

Sobolevskii A.I. *Iuzhno-slavianskoe vlianie na russkuiu pis'mennost' v XIV–XV vekakh* [South Slavic influence on Russian writing in the 14th–15th centuries]. Saint Petersburg, Tip. M. Merkusheva Publ., 1894, 30 p. (In Russ.)

Turilov A.A. *Original'nye iuzhnoslavianskie sochineniia v russkoi knizhnosti XV–XVI vv.* [Original South Slavic works in Russian literature of the 16th–17th centuries]. *Teoriia i praktika istochnikovedeniia i arkhografii otechestvennoi istorii* [Theory and practice of source studies and archeography of Russian history]. Moscow, Institute of History of the USSR Publ., 1978, pp. 39–50. (In Russ.)

Shcheglova O.G. *O Stishnom Prologe i zadachakh ego izucheniia* [About the Verse Prologue and the tasks of its study]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriia, filologiiia* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. Novosibirsk State University Publ, 2011, vol. 10, no. 9, pp. 105–110. (In Russ.)

Delehaye H. Les légendes grecques des saintes militaires. Paris, A. Picard Publ., 1909, 272 p.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 18.04.2025.

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 18.04.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 75–81. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 75–81. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN URIOQW

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-75-81>

«ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»: ОБ АВТОРСКОМ ЗАГЛАВИИ И ЕГО ПРЯМОМ И ПЕРЕНОСНОМ ЗНАЧЕНИИ

Падерина Екатерина Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, kbogan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8970-7269>

Аннотация. Простое и понятное на вид название последней книги Гоголя раскрылось с неожиданной стороны в ходе подготовки текста для академического издания собрания сочинений писателя. Статья продолжает комментирование гоголевского названия, ранее сосредоточенное на понятии «переписка» [Падерина 2022], и представляет результаты анализа заголовка в проекции на реальную историю создания текста. В центре внимания данной статьи гоголевское определение отобранных из эмпирической переписки компонентов – «места». Обнаружилось, что под «выбранными местами» подразумеваются не письма или их фрагменты, поскольку подавляющее число глав написано без эпистолярных источников текста. Значение многозначного в языке и частотного в книге слова конкретизируется в разных речевых контекстах глав, оно участвует в формировании значительных мотивов книги. В заголовке оно одновременно указывает на структуру и композицию, на архитеконику произведения и на «все, что более относится к вопросам, занимающим ныне общество», по выражению Гоголя в предисловии к «Выбранным местам...».

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, заголовок, «Выбранные места из переписки с друзьями», история текста, эпистолярные источники текста, академический комментарий.

Для цитирования: Падерина Е.Г. «Выбранные места из переписки с друзьями»: об авторском заглавии и его прямом и переносном значении // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 75–81. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-75-81>

Research Article

“SELECTED PASSAGES FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS”: ABOUT THE AUTHOR’S TITLE AND ITS DIRECT AND FIGURATIVE MEANING

Ekaterina G. Paderina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kbogan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8970-7269>

Abstract. The title of Nikolai Gogol’s latest book, simple and understandable in appearance, was revealed from an unexpected side during the preparation of the text for the academic edition. The article continues the commentary on Nikolai Gogol’s title, that was previously focused on the idea of “the Correspondence”. The article presents the results of the analysis of the title in projection on the real history of the creation of the text. The article is focused on Nikolai Gogol’s definition of the components, selected from empiric correspondence, – “passages”. It turned out that the term “selected passages” does not mean letters or their fragments, since the majority of chapters are written without epistolary text sources. The meaning of a polysemantic word in a language and a frequent word in a book is concretised in different speech contexts of chapters; it takes part in the formation of significant motifs of the book (fields, for example). In the title the meaning of the word simultaneously points to the structure and composition, to the architectonics of the work and to “everything that is more related to the issues that currently occupy the society,” as Nikolai Gogol wrote in the preface to “Selected Passages...”

Keywords: Nikolai Gogol, title, “Selected Passages from Correspondence with Friends”, text history, text epistolary sources, academic commentary.

For citation: Paderina E.G. “Selected Passages from Correspondence with Friends”: about the author’s title and its direct and figurative meaning. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 75–81 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-75-81>

Название последней книги Гоголя – «Выбранные места из переписки с друзьями» – прямо указывает на жанрово-стилевую и структурную организацию текста. Оно, как и задумывал Гоголь, было «не шумным»¹ для современников, отсылая к привычным литературным явлениям – распространенной практике выхода на страницы печати реальных эпистолярных документов (с разного типа фрагментацией) и выборочному принципу составления целого из готовых компонентов². Как простое и привычное оно воспринималось до нашего времени и не обсуждалось за отсутствием, как казалось, в том необходимости. Однако при комментировании произведения для новейшего академического собрания сочинений и писем Гоголя (ИМЛИ РАН), по определению предусматривающем описание заголовочного комплекса, выяснилось, что простой на вид заголовок требует особого, не формального внимания.

В плане эпистолярной основы книги гоголевское название, надо сказать, только кажется совершенно привычным для своей эпохи. В обычном случае, когда в эпистолярной форме в журнальной и книжной печати появлялись статьи, заметки или обзоры о заграничных впечатлениях, размышления философского, религиозного и публицистического характера одного автора, в заголовке или в подзаголовке содержалось слово «письмо» (или «письма»), но – не «переписка», как у Гоголя. А гоголевское определение источника выборки как «переписки» выглядит парадоксом³, кажется избыточным, поскольку собранные под одной обложкой, отобранные или фрагментированные, его письма все равно воспринимаются как сборник высказываний, адресованных читателю. И редактор книги П.А. Плетнев сообщал С.П. Шевыреву в сентябре 1846 г., отвечая на вопрос о печатаемой «переписке», что «новая книга Гоголя содержит просто отрывки из его писем к друзьям» [Лит. наследство: 687], и современники по выходе книги из печати в своих письмах часто употребляли разные парафрастические варианты с ключевым словом «письма» и присоединением имени Гоголя⁴. Чаще всего, впрочем, такие упоминания носили аллюзивный характер и не выделялись на письме графически, но они свидетельствуют о потребности несколько подправить авторский заголовок.

Между тем сам Гоголь использовал только три типа сокращения своего заголовка: в 1846 г., пока книга печаталась, – «Выбранные места», а в 1847 г., когда разразился скандал и посыпались упреки за неуместную для светского писателя проповедь и/или непозволительную в печати исповедь, – «Переписка» и «Переписка с друзьями»⁵, последним из двух вариантов он также назвал книгу в «Авторской исповеди» и в предназначенном для печати письме к В.А. Жуковскому «Искусство есть примире-

ние с жизнью». Заметим, что в первом случае Гоголь буквально сократил длинное название, и такой «экономичный» способ номинации был и остается законным и привычным в печатной сфере, а во втором – выделил ключевые слова, которые и закрепились, наряду с полным и сокращенным книжным заголовком, в биографической, критической и научно-аналитической литературе.

Еще в 1847 г. П.А. Вяземский в рецензии на «Выбранные места...» отметил, что гоголевское «заглавие изъясняет историю книги» [Вяземский: 175]. В академическом комментарии эта история реконструируется в двух аспектах – как творческий процесс (от замысла до завершённой концепции, сюжета и т. п.) и как процесс подготовки текста (стадиальность авторской работы с текстом и ее отражение в последовательности рукописных источников). В этом отношении вторая часть названия, указывая на источник выборки («переписка с друзьями»), в большей мере ориентирует комментатора в творческой истории книги, а первая («выбранные места»), давая типологическую характеристику предъявленных фрагментов, является авторской навигацией в истории текста. Взгляд комментатора творческой истории книги на авторский заголовок мы обозначили ранее в статье «"Не шумное по названию" произведение Гоголя: "Выбранные места из переписки с друзьями"» [Падерина 2022], поставив вопрос об особом значении в восприятии жанра книги употребленного автором слова «переписка». Обратимся теперь к той части названия книги, в которой Гоголь дал общее определение отобранному компоненту «переписки с друзьями» – «выбранные места».

Кажется, что под «местами» подразумеваются конкретные письма, только очищенные от излишней (эмпирической) приватности и мелочей событийно-биографического плана. Это вполне согласуется и с подзаголовками к большому числу глав – «письмо» или «из письма». Более того, к такой трактовке подводит автор в «Предисловии»: «Выбираю сам из моих последних писем, которые мне удалось получить назад, все, что более относится к вопросам, занимающим ныне общество» (курсив наш. – Е. П.) [Гоголь 1937–1952 8: 215]. Логично при этом предположить, что Гоголь использовал слово «места» вместо «письма» во избежание тавтологического эффекта со значением важного для него слова «переписка».

Однако фронтальный просмотр писем Гоголя за 1843–1846 гг. (в соответствии с выставленными им датами к главам) в поисках эпистолярных источников текста разных глав книги привел текстологов нового академического издания к другому и неожиданному результату: понятийное наполнение многозначного слова «место» локализуется в предметно-тематиче-

ском и хронологическом, а не жанрово-речевом плане. По наблюдению Ю.В. Балакшиной, подавляющее число глав, имеющих эпистолярную форму, было написано им в 1846 г. для задуманной книги, а не перемещено из эмпирической сферы письменной речи в литературную с помощью той или иной обработки стилового и стилистического характера [Балакшина: 46]. Подчеркнем при этом, что мы говорим не о мыслях, суждениях, идеях и концепциях, а о работе Гоголя с текстами реальных писем указанного периода. «Не исключено, что не все письма Гоголя, предшествующие книге, до нас дошли; возможно, не все письма были возвращены писателю адресатами по его просьбе» [Балакшина: 46]⁶, но на данный момент фактически подтвержденных исключений из обнаружившейся тенденции только три. То есть мы располагаем эпистолярными источниками текстов следующих глав (по хронологии подготовки): «Карамзин» (гл. XIII; адресована Н.М. Языкову), «Что такое губернаторша» (гл. XXI; адресована А.О. Смирновой), «Предметы для лирического поэта в наше время» (гл. XV; адресована Языкову).

В первых двух случаях мы имеем дело с реальными письмами 1846 г., сознательно ориентированными при написании на литературную будущность, то есть письмами с двойной (приватной и публичной) адресацией: к Языкову от 5 мая н. ст. 1846 г. (по поводу установления в Симбирске в 1845 г. памятника Н.М. Карамзину и произнесенной тогда М.П. Погодиным речи) и к Смирновой от 6 июня н. ст. 1846 г. (по поводу ее непростой роли губернаторши). То и другое письмо всего лишь стилистически обработано для книги (суждения о Карамзине из письма к Языкову еще и несколько расширены), и в обоих случаях Гоголь работал не с присланными ему обратно письмами, а с оставленными себе текстами отосланных писем – предшествующими черновиками или повторяющими письма более или менее точно копиями (см. подробный сравнительный анализ эпистолярного и литературного источников обоих писем: [Балакшина: 39–46]).

Иначе обстоит дело с использованными в работе над главой «Предметы для лирического поэта» двумя письмами к Языкову, написанными по поводу и под впечатлением от его стихотворения «Землетрясение» и возвращенными адресатом в копиях. Стихи восхитили Гоголя («Какое величие, простота и какая прелесть внушенной самим Богом мысли!» [Гоголь 1937–1952 12: 377]), и он дважды писал другу об их программном значении для последующего творчества поэта и современной лирической поэзии в целом (от 2 и 26 декабря 1844 г.), а 22 июля н. ст. 1846 г. попросил вернуть ему эти письма «по поводу “Землетрясения”» [Гоголь 1937–1952 12: 89]. При этом первое из двух (от 2 декабря) насыщено текстуальными

совпадениями и сближениями с вышеназванной главой «Выбранных мест...», а второе (от 26 декабря) почти нет. Глава разделена на два «письма» (что обозначено и в подзаголовке), и последовательность тезисов, их распределение между двумя высказываниями на одну тему в реальных и литературном текстах разные, а словесная форма выражения во второй части главы сильно отличается от эпистолярных источников по стилю, приняв вид своеобразного «лирического воззвания» в прозе.

В целом авторская работа над этими тремя главами при всех текстологических подробностях совершенно соответствует той логичной и привычной трактовке слова «место» в гоголевском заголовке, которую имел в виду Вяземский, говоря об «истории книги» (см. выше), и первый биограф Гоголя П.А. Кулиш, кратко эту историю обозначивший (ср.: «он *собрал у друзей своих лучшие свои письма и выбрал из них* то, что, по его мнению, “искупит бесполезность всего дотоле им написанного”» [Кулиш: 61; курсив наш. – Е. П.]), а также всякий задумавшийся над названием книги, но не осведомленный о реальных источниках читатель.

Еще одна глава «Выбранных мест...» – «Об Одиссее...» – требует источниковедческого примечания. Она должна была попасть в перечисленные исключения, поскольку Гоголь, отправляя Плетневу 4 июля 1846 г. статью для предваряющей публикации в «Современнике», сообщил, что выработал ее из реального письма к Языкову 1845 г. [Гоголь 1937–1952 13: 84]. Но такого письма в эпистолярном наследии Гоголя нет, и Языков, судя по всем данным, такого письма не получал. Н.С. Тихонравов по этому поводу отметил, что и в ответных письмах Языкова «нет указаний на получение того первоначального письма об Одиссее» [Тихонравов 1889: 488], в то время как обычно поэт чутко откликался на затронутые Гоголем в письмах вопросы, а «Одиссеей» Жуковского живо интересовался на протяжении 1843–1844 гг. Однако в самом начале 1845 г. этот интерес был удовлетворен самим Жуковским, чье объяснение о цели, специфике и ходе работы (в форме письма к А.П. Елагиной) было обнародовано в № 1 «Москвитянина» за тот год, и Гоголь был осведомлен об этом объяснении лучше других еще в предшествующем декабре (см. его письмо к С.Т. Аксакову от 21 декабря н. ст. 1844 г.). Словом, у Гоголя не было ни повода, ни причины изъясняться в личном письме к другу на эту тему. Добавим, что сам Языков, прочитав присланную ему в 1846 г. для публикации в московских периодических изданиях статью, отзывался о ней как о замечательной, «прекрасно написанной», но совершенно для него новой [Переписка Гоголя 2: 432]. Ссылка Гоголя на реальное письмо легко объяснима: Плетнев должен был стать и стал издателем книги, но и он, и все другие

друзья (и друзья-адресаты) оставались для Гоголя читателями, которым предстояло оценить произведение, рожденное из реального эпистолярного диалога, чему осведомленность в лабораторных, так сказать, подробностях могла лишь помешать. Реальные условия создания текста «Выбранных мест...» знал, судя по всему, только Жуковский⁷.

Какова же связь работы над текстами всех остальных глав-писем с названным Гоголем общим источником фрагментации, то есть с его «перепиской с друзьями»? Очевидно, что структура гоголевской работы над книгой в целом была явно сложнее и разнообразнее вычитываемой из названия при трактовке слова «места» как «письма» или отрывки «из писем». К примеру, специфичным, судя по историко-биографическим данным, было рождение глав, обращенных к Жуковскому, А.П. Толстому и М.Ю. Виельгорскому. Эти главы ничем не подкреплены в гоголевских *письмах* к названным адресатам, между тем «предметам» рассуждений и описаний в таких главах (например, «О лиризме наших поэтов» с обращением к Жуковскому или «Значение болезней» с обращением к Толстому) посвящены многие строки и целые периоды в письмах к другим корреспондентам⁸. Зато с названными выше адресатами Гоголь вместе и/или рядом не раз проживал за границей, так что темы обращенных к ним глав обсуждались, как можно полагать, в живых разговорах, каковых было достаточно⁹. Авторский выбор для соответствующих глав конкретного адресата – особый и отдельный вопрос.

Обращает на себя внимание и то, что, судя по содержанию не подкрепленных эпистолярными источниками текста глав-писем (даже тех, реальные адресаты которых легко угадываются по указанным Гоголем криптонимам¹⁰), работа над ними вовсе не требовала опоры на свои же эпистолярные формулировки прошлых лет. Логика заставляет усомниться, в частности, в необходимости эмпирического материала для подготовки текста в тех случаях, когда в главе выражено отношение к событию, как поступок Погодина-журналиста с гоголевским портретом (возмутивший Гоголя еще в 1844 г., о чем он писал Языкову 26 октября того года, и эта обида долго его не отпускала), или к явлению современности, типа «состояния текущей литературы», тоже обсуждавшегося с Языковым (и не только) письменно, а с Жуковским устно. Еще естественней применить эту логику к таким предметно-тематическим векторам книги, пронизывающим, можно сказать, реальные гоголевские письма к разным друзьям (и родным) с начала 1840-х годов, как религиозное мировоззрение, пафос необходимого каждому духовного роста, убеждение в промыслительности всякого события и в божественных истоках искусства, идея служения на разных поприщах и др. Идеи власти просвещенного монарха

и сословной организации государства, например, укоренены в гоголевских высказываниях 1830-х годов – в печатном виде в «Арабесках»¹¹ (сам Гоголь, кстати, связи «Выбранных мест...» с этим циклом из вида не упускал¹²), из незавершенных замыслов – в трагедии об английском монархе-просветителе Альфреде Великом¹³. Наконец, вспомним главу «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», образы эпистолярных собеседников в которой являются результатом типизации многих реальных примеров, в том числе и в дружеской переписке, а сами реплики автора «Мертвых душ» о проблемах восприятия и поэмы, и характера авторской работы над ней, и сути творческого процесса как такового также не зависели от прежних формулировок и не нуждались в них.

Заметим, что выбранному Гоголем для заголовка слову свойственна речевая универсальность – способность замещать множество самых разных предметных, временных, пространственных, культурных, социальных и других номинаций локализации или вычленения частей из целого. Ясно, что слово «место» в названии книги, указывая на структурную организацию целого и направляя нас в эмпирическую историю рождения текста, имеет и второй план значения. Какой – отчасти проясняется из гоголевского объяснения Языкову в упомянутом письме с просьбой о возврате некоторых писем: «Мне их нужно пересмотреть. Они, верно, очень вялы и немудры, как все мои письма, писанные прежде. Я даже любопытен знать, как я выразил ту мысль, которая бы могла иметь на тебя некоторое впечатление и не имела никакого. Она выразилась, верно, бесильно, а может быть, даже не выступила вовсе из-за неопытных и неточных слов моих» [Гоголь 1937–1952 13: 89–90]. То есть Гоголя в прежних письмах интересовали высказанные им мысли, и речь надо вести о тех значениях слова «место», которые, с той или иной степенью определенности в каждой главе, относятся к мыслям, идеям, суждениям и/или – в более широком плане – к продуманным темам, к важным для него предметам осмысления, в конечном итоге – к сути своих реплик в диалогах разного времени с разными друзьями¹⁴. Кстати, Гоголь многократно прибегает к обсуждаемому слову и в тексте книги.

Это возвращает нас из зоны внимания к истории текста в творческую историю книги. Е.И. Анненкова (один из ведущих комментаторов книги в новейшем академическом издании) пришла по этому поводу к следующему заключению: «Материал личных писем мыслился как некая основа, которая в процессе создания книги могла видоизменяться; “Выбранные места” призваны были придать максимальное обобщение затрагиваемым проблемам, но непременно – при сохранении личной интонации; отобрать, отшли-

фовать материал, но поддержать впечатление текста становящегося, рождающегося чуть ли не на глазах у читателей, вызвать ощущение живого послания» [Анненкова 2019: 22].

В свете всего вышесказанного иначе прочитывается процитированное нами в начале статьи сообщение Гоголя в «Предисловии» о том, что из своих «последних писем», которые ему «удалось получить назад», он выбрал «все, что более относится к вопросам, занимающим ныне общество». Упоминание о возврате писем здесь (как и в письме к редактору от 30 июля н. ст. 1846 г.) адресовано читателю и указывает на тот самый привычный для 1840-х годов эпистолярный жанр, что и первый план «не шумного» заголовка. Второй, и более глубокий, смысловой план заглавия должен был открыться после многократного прочтения всей книги как целого произведения, на чем, как известно, настаивал ее автор. Принимая во внимание частотность употребления слова «место» в книге и разнообразие его контекстно-речевых значений, которые, в свою очередь, включены в мотивы разной направленности и протяженности (место как поприще, например), репрезентативность гоголевской формулировки в заглавии книги следует признать абсолютной, охватывающей не только состав (целое, составленное из компонентов предшествующего целого), композицию (четко продуманное место каждой главы и особое значение первой и последней), всю структуру целого текста, но и архитектонику содержательного наполнения произведения.

Примечания

¹ Ср. в письме к А.О. Смирновой от 2 апреля н. ст. 1845 г.: «Это будет небольшое произведение и не шумное по названию в отношении к нынешнему свету, но нужное для многих» [Гоголь 1937–1952 12: 472–473].

² Ср., например, названия подборок разного типа: «Выбранные места из книг Блаженного Августина о православной кафолической церкви и о нерадящих о ней» (1795), «Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и поэтики, и обозрение истории русской литературы, изданные Николаем Гречем» (1819–1822).

³ Именно так автор настоящей статьи и квалифицировала это явление при первом обращении к названию [Падерина 2022: 94].

⁴ Ср., например, в письме Плетнева к Шевыреву от 1 ноября ст. ст. 1846 г.: «Печатание Писем Гоголя встречает препятствия на каждом шагу» [Гоголь. Материалы: 164]; Д.Н. Свербеев в письме к С.Т. Аксакову от 16 января ст. ст. 1847 г. называет книгу «Избранные письма Гоголя» [Шенрок: 520]; часто встречается вариант «письма к друзьям» (ср., например: [Лит. на-

следство: 700, 704, 710]); см. об этом подробно: [Падерина 2022: 94–95].

⁵ См. его письма 1847 г. к Плетневу от 5 января и 10 июня н. ст. и письма к Шевыреву от 20 января, 2 и 18 декабря н. ст.

⁶ По этому поводу надо отметить, что при всех утратах в двустороннем гоголевском эпистолярном сохранившаяся часть свидетельствует, что друзья и прочие корреспонденты Гоголя и без особых с его стороны просьб в 1840-е годы сберегали его письма, в отличие от него (вряд ли пренебрегавшего этим, но постоянно кочующего). Это не позволяет исключить скрытые от нас факты подобного рода, но сводит к минимуму их вероятность.

⁷ О роли Жуковского в замысле и подготовке текста «Выбранных мест...» см.: [Георгиевский 1910].

⁸ Ср., например, рассуждения о сущности лиризма в письмах к Н.М. Языкову от 15 февраля и 2 апреля н. ст. 1844 г. или многие пассажи на тему благотворного значения болезней в письмах к нему же; см. также о наполнении главы «Русский помещик» «материалами» писем к родным и к А.С. Данилевскому 1843 г.: [Анненкова 2019: 31–33].

⁹ См. предположения об устном характере обсуждений, легших в основу глав с обращением к графу Толстому: [Воропаев 2014: 200; Анненкова 2019: 23].

¹⁰ Обзор разных типов адресации в «Выбранных местах...» см.: [Балакшина: 46].

¹¹ Сопоставительный анализ текста «Ал Мамуна», в частности с разными главами последней книги Гоголя, сделан в работе А.Б. Куделина («К характеристике исторических взглядов Гоголя: от “Арабесок” к “Выбранным местам из переписки с друзьями”»), пришедшего к выводу, «что некоторые принципиальные взгляды, получившие основательную разработку в “Выбранных местах”, в существенной мере созрели у Гоголя уже к осени 1834 г. в России до написания его главных художественных произведений и были тогда же впервые обнародованы» [Куделин: 312].

¹² См., в частности, эпизод 1851 г. из воспоминаний И.С. Тургенева о том, как Гоголь для опровержения мифа о резком переломе в мировоззрении, якобы выразившемся в «Переписке с друзьями», цитировал мемуаристу и М.С. Щепкину «Арабески» [Тургенев 11: 60] (статью «О преподавании всеобщей истории», как полагают комментаторы [Тургенев 11: 359; Воропаев 2010: 38–39]).

¹³ На очевидную связь замысла трагедии с осмыслением роли Петра I как строителя российского государства указал еще в 1856 г. Н.Г. Чернышевский [Чернышевский: 527].

¹⁴ Как Гоголь выразился в «Авторской исповеди» по поводу адресации высказываний в книге, «тут были письма, писанные к людям разных характеров, разных склонностей, и притом находившимся на раз-

ных степенях своего собственного душевного состояния» [Гоголь 1937–1952 8: 465].

Список литературы

Источники

Гоголь Н.В. Полное собр. соч.: в 14 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

<Кулиш П.А.> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Санкт-Петербург: В тип. Юлиуса Штауфа, 1856. Т. 2. 315 с.

Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Карпова, М.Н. Виролайнен. Москва: Худож. лит., 1988. Т. 1–2.

Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: в 3 т. Санкт-Петербург: Тип. Министерства пут. сообщ., 1896. Т. 2. 968 с.

Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем: в 28 т. / гл. ред. М.П. Алексеев. Москва; Ленинград: Акад. наук СССР, 1961.

Чернышевский Н.Г. Полное собр. соч.: в 15 т. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1949. Т. 3. 718 с.

Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Москва: Тип. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 4. 978 с.

Исследования

Анненкова Е.И. «О сословиях в государстве»: незавершенный трактат или набросок «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя? // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 2. С. 148–259.

Анненкова Е.И. От писем к «Выбранным местам...» // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 4. С. 21–37.

Анненкова Е.И. Письмо в структуре «Выбранных мест из переписки с друзьями» и эпистолярное наследие Гоголя // Н.В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Юбилейные Гоголевские чтения. Москва: Фестпартнер, 2010. С. 45–52.

Балакишина Ю.В. Эпистолярное наследие Гоголя как источник «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 4. С. 38–48.

Воропаев В.А. Гоголь как мыслитель // Н.В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Юбилейные Гоголевские чтения. Москва: Фестпартнер, 2010. С. 38–44.

Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Паломник, 2014. 336 с.

Георгиевский Г.<П>. Гоголь и Жуковский в 1846 году // Журнал Министерства народного просвещения: Новая серия. 1910 (Апрель). Ч. 26. С. 253–290.

Гоголь Н.В. Материалы и исследования / АН СССР. Ин-т рус. лит.; под ред. В.В. Гippiуса; отв. ред.

Ю.Г. Оксман. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. 629 с.

Куделин А.Б. К характеристике исторических взглядов Гоголя: от «Арабесок» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» // Контекст: литературно-теоретические исследования. Москва, 1996. Т. 1993. С. 296–313.

Литературное наследство. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Москва: Изд-во АН СССР, 1952. 1059 с.

Падерина Е.Г. «Не шумное по названию» произведение Гоголя: «Выбранные места из переписки с друзьями» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 93–98.

Падерина Е.Г. О диалогичности жанровой природы замысла «Выбранных мест из переписки с друзьями»: заметки на полях книги Ю.В. Манна «В поисках живой души...» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83, № 2. С. 5–21.

Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты. «Выбранные места из переписки с друзьями» // Сочинения Н.В. Гоголя. Т. 4. 10-е изд. Москва: Изд. кн. магазина В. Думнова, под фирмой «Наследники бр. Салаевых», 1889. С. 465–547.

References

Annenkova E.I. “*O sosloviakh v gosudarstve*”: nezavershennyyi traktat ili nabrosok “*Vybrannykh mest iz perepiski s druz'iami*” Gogolia? [“On Estates in the State”: an Unfinished Treatise or a Sketch of “Selected Passages from Correspondence with Friends” by Gogol]. *N.V. Gogol': Materialy i issledovaniia* [N.V. Gogol: Research and Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, vol. 2, pp. 148–259. (In Russ.)

Annenkova E.I. *Ot pisem k “Vybrannym mestam...”* [From Letters to “Selected Passages...”]. *N.V. Gogol': Materialy i issledovaniia* [N.V. Gogol: Research and Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, vol. 4, pp. 21–37. (In Russ.)

Annenkova E.I. “*Pis'mo v strukture “Vybrannykh mest iz perepiski s druz'iami” i epistoliarnoe nasledie Gogolia*” [“A Letter in the Structure of ‘Selected Passages from Correspondence with Friends’ and Gogol's Epistolary Legacy”]. *N.V. Gogol' i ego tvorcheskoe nasledie. Desiatye Iubileinye Gogolevskie chteniia* [N.V. Gogol and his Creative Legacy. 10th Anniversary Gogol Readings]. Moscow, Festpartner Publ., 2010, pp. 45–52. (In Russ.)

Balakshina Iu.V. *Epistoliarnoe nasledie Gogolia kak istochnik “Vybrannykh mest iz perepiski s druz'iami”* [Gogol's Epistolary Legacy as a Source of “Selected Passages from Correspondence with Friends”]. *N.V. Gogol': Materialy i issledovaniia* [N.V. Gogol: Research and Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, vol. 4, pp. 38–48. (In Russ.)

Georgievskii G. *Gogol' i Zhukovskii v 1846 godu* [Gogol and Zhukovsky in 1846]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education: New Series], 1910 (April), vol. 16, pp. 253–290. (In Russ.)

Gogol' N.V. Materialy i issledovaniia [Gogol N.V. Research and Materials], ed. by V.V. Gippius, ex. ed. Iu.G. Oksman. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1936, vol. 1, 629 p. (In Russ.)

Kudelin A.B. *K kharakteristike istoricheskikh vzgliadov Gogolia: ot "Arabesok" k "Vybrannym mestam iz perepiski s druž'iami"* [To Characterize Gogol's Historical Views: from "Arabesques" to "Selected Passages from Correspondence with Friends"]. *Kontekst*, 1993, pp. 296–313. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage], vol. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol. Moscow, AN SSSR Publ., 1952, 1059 p. (In Russ.)

Paderina E.G. "Ne shumnoe po nazvaniu" proizvedenie Gogolia: "Vybrannye mesta iz perepiski s druž'iami" [Nikolay Gogol's Work with "A Modest Title": "Selected Passages from Correspondence with Friends"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], vol. 28, no. 2, 2022, pp. 93–98. (In Russ.)

Paderina E. G. *O dialogichnosti zhanrovoy prirody zamysla "Vybrannykh mest iz perepiski s druž'iami": zametki na poliakh knigi Iu.V. Manna "V poiskakh zhivoi dushi..."* [On the Dialogism of Genre Nature of the

Concept of "Selected Passages from Correspondence with Friends": Notes on the Margins of the Book by Iu.V. Mann "In Search of a Living Soul..."]. *Izvestia Rossiiskoi akademii nauk. Seria literatury i azyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series], 2024, vol. 83, no. 2, pp. 5–21. (In Russ.)

Tikhonravov N.S. *Primechaniia redaktora i varianty. "Vybrannye mesta iz perepiski s druž'iami"* [Editor's Notes and Options. "Selected Passages from Correspondence with Friends"]. *Sochineniia N.V. Gogolia. T. 4* [Works by N.V. Gogol, vol. 4], 10th ed. Moscow, Izdatel'stvo knizhnogo magazina V. Dumnova, pod firmoiu "Nasledniki brat'ev Salav'ykh" Publ., 1889, pp. 465–547. (In Russ.)

Voropaev V.A. *Gogol' kak myslitel'* [Gogol as a Philosopher]. *N.V. Gogol' i ego tvorcheskoe nasledie. Desiatye Iubileinye Gogolevskie chteniia* [N.V. Gogol and his Creative Legacy. 10th Anniversary Gogol Readings]. Moscow, Festpartner Publ., 2010, pp. 38–44. (In Russ.)

Voropaev V.A. *Nikolai Gogol': Opyt dukhovnoi biografii* [Nikolai Gogol: The Experience of Spiritual Biography], 2nd ed. Moscow, Palomnik Publ., 2014, 336 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 18.04.2025.

The article was submitted 24.02.2025; approved for reviewing 15.04.2025; accepted for publication 18.04.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 82–89. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 82–89. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19/20”

EDN ELIESH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-82-89>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО МОТИВА «БОРЬБЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ» В РАННЕЙ ЛИРИКЕ К.Д. БАЛЬМОНТА

Вартазарова Жаклин Артуровна, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, vartoliver@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5254-7719>

Аннотация. Статья посвящена исследованию традиционного мотива «борьбы жизни и смерти» в творчестве К.Д. Бальмонта. С помощью сравнительного анализа мы устанавливаем наиболее общие признаки между формульными стереотипами, присущими фольклору, и поэтическими формулами, характерными для реализации мотива «борьбы жизни и смерти», остановившись на таких из них, как видение, сновидение, обращение и молитва. В результате исследования мы пришли к выводу, что в своих произведениях поэт активно использует такие архетипические элементы, как видения, сновидения, молитвы и обращения, которые служат инструментами для раскрытия глубинных философских противоречий между жизнью и смертью. Эти традиционные формы помогают выразить сложные экзистенциальные переживания через призму универсальных символов и образов. В лирике раннего периода творчества Бальмонт создает уникальный синтез декадентского мировоззрения и фольклорной традиции. Используя поэтические концепты и формулы фольклора, ему удается рассказать о чувствах и эмоциях лирического героя не просто как об индивидуальном переживании, а как о событии, имеющем самое непосредственное отношение к картине мира русского народа.

Ключевые слова: традиционные формулы, мотив «борьбы жизни и смерти», инициация, экзистенциальные вопросы жизни и смерти, видение, сновидение, обращение, молитва.

Для цитирования: Вартазарова Ж.А. Репрезентация традиционного мотива «борьбы жизни и смерти» в ранней лирике К.Д. Бальмонта // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 82–89. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-82-89>

Redearch Article

REPRESENTATION OF THE TRADITIONAL MOTIF OF THE “STRUGGLE OF LIFE AND DEATH” IN THE EARLY LYRICS OF KONSTANTIN BALMONT

Zhaklin A. Vartazarova, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, vartoliver@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5254-7719>

Abstract. The scientific article is devoted to the study of the traditional motif of the “struggle of life and death” in the works of Konstantin Balmont. Using comparative analysis, we establish the most common features between the formulaic stereotypes inherent in folklore and the poetic formulas characteristic of the realisation of the motif of the “struggle of life and death”, focusing on those like vision, dreaming, conversion and prayer. As a result of the research, we came to the conclusion that in his works, the poet actively would use the following archetypal elements – visions, dreams, prayers and appeals – which serve as tools for revealing deep philosophical contradictions between life and death. These traditional forms help to express complex existential experiences through the prism of universal symbols and images. In the lyrics of the early period of his work, Konstantin Balmont created a unique synthesis of a decadent worldview and folklore tradition. Using poetic concepts and formulas of folklore, he managed to tell about the feelings and emotions of the lyrical hero not just as an individual experience, but as an event that had been directly related to the picture of the world of the Russian people.

Keywords: traditional formulas, “life and death struggle” motif, initiation, existential questions of life and death, vision, dream, prayer

For citation: Vartazarova Zh.A. Representation of the traditional motif of the “struggle of life and death” in the early lyrics of Konstantin Balmont. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 82–89 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-82-89>

К.Д. Бальмонт (1867–1942) – выдающийся представитель Серебряного века русской литературы. В его ранней лирике особое место занимают стихотворения, в которых он осмысливает важнейший экзистенциальный вопрос противопоставления жизни и смерти. С формальной точки зрения Бальмонт следует за русским народно-христианским мифом, который наиболее полно отражен в древнерусской литературе и фольклоре: в апокрифах, духовных стихах, легендах, преданиях, заговорах, быличках, причитаниях, молитвах, а также в иконографии. Он становится для него не только источником вдохновения, но и основой для создания собственной поэтической мифологии. В произведениях Бальмонт активно пользуется традиционными формулами как готовыми конструктами, а концептам придает новые художественные смыслы.

В данной статье мы намерены проанализировать, какими формулами и концептами пользуется Бальмонт для реализации традиционного мотива «борьбы жизни и смерти», выражающего его внутренние ощущения, философские идеи и эстетические предпочтения. В связи с этим мы ставим перед собой следующие задачи: 1) выявить традиционные формулы; 2) показать, как поэт работает с концептами, что в его интерпретации остается константным, а во что вносятся новаторский элемент; 3) оценить механизмы репрезентации мотива «борьбы жизни и смерти».

Мы предполагаем, что Бальмонт использует готовые формулы видения, сновидения, обращения, молитвы для создания своего уникального художественного мира, где есть конфликт между жизнью и смертью, и вносит в них индивидуальные смыслы. Материалом нашего исследования стали произведения раннего периода творчества поэта, подборка стихотворений осуществлена из книг «Под северным небом» (1894) и «В безбрежности» (1895).

В.В. Полонский относительно раннего творчества Бальмонта пишет: «В первой книге герой предстает еще в диссонансах традиционного романтического двоемирия. Он прикован к земле с ее сумерками, горестями и печалью, но рвется в мечтах к другому “небу”. Он еще робок и угнетен, круг его впечатлений и переживаний ограничен, их пока сдерживают христианские заповеди» [Полонский: 406]. И.В. Корецкая отмечает: «...в книге “Под северным небом” рядом со славословиями красоте христианской жертвы и готовности “отереть хотя одну слезу” возникало отречение от них <...> Это отступничество герой оправдывал прихотливой подвижностью своего лирического мира <...> С тех пор возведенная в культ изменчивость, протеизм настроений и чувств, их “мимолетность” станут для Бальмонта девизом» [Корецкая: 939]. Действительно, одной из ключевых характеристик фольклорной культуры

выступает синкретизм, который предполагает способность к свободному заимствованию и синтезу различных элементов, отвечающих ее потребностям. Этот принцип находит свое отражение и в творчестве Бальмонта. С легкостью он обращается к разнообразным духовным традициям и практикам, органично интегрируя их в художественную ткань своих произведений. Поэт черпает вдохновение из разных источников: христианской традиции, народной культуры, мифологии «стран солнца», создавая тем самым уникальный синтез. Как справедливо отмечает Н.А. Молчанова, «он страстно ищет всеединое начало, которое соединило бы в себе христианскую жертвенность, языческий пантеизм и “молчаливую” мудрость Браммы. Утверждая приоритет личностного сознания в творчестве, поэт в то же время стремится соотнести свое индивидуальное “я” с универсальным космическим целым, равновеликим этому “я”» [Молчанова: 77].

Бальмонт был известен своей эксцентричностью и любовью к самым разным культурам и духовным практикам. Он легко соединял в своих стихах Бога и дьявола, многие его приемы можно принять за целенаправленный эпатаж, но также с уверенностью можно сказать, что в этом декадентском эпатаже ощутимо виднелось стремление поэта обрести истину. Весь творческий путь Бальмонта определялся этим стремлением, он пытался постичь тайны мироздания и узреть в них настоящего Бога. Оттого и примерял на себя и христианство, и индуизм, и солнцепоклонничество, увлекался различными духовными практиками. В письме жене он писал: «Я люблю и католическую церковь, и православный храм. Я люблю, когда темный русский мужик произносит слово “Христос”, – я чувствую тогда благое веяние духа, побеждающее могуче и сладостно века и пространства. Как мог бы я не быть мусульманином с мусульманами, и верным Одина, и молитвенником Браммы, и покорным Озириса. Моя душа везде, и, когда допеваюсь сейчас в озаренной церкви сладчайшие тихие песнопения, я чувствовал острые закраины кратеров Луны» [Андреева-Бальмонт: 136]. Бальмонт предпочитал духовный синтез традиций и религий, выбирая из интересующих его культур наиболее близкие его эстетическому сознанию фрагменты, которые дали бы возможность развить их в своем художественном мире, сделать их частью авторского мифа. Как отметил В.В. Полонский: «Философские, научные, исторические и эстетические доктрины, вычитанные из книг, он неизменно превращал в произвольные вариации своей прихотливой поэтической темы, подчинял их логике движения лирической эмоции. Истинный смысл доктрин при этом выхолащивался, зато всеохватная, экспансивная, не экономная в средствах бальмонтовская муза получала новые им-

пульсы и слова для выражения субъективных переживаний поэта» [Полонский: 394].

В одном из эссе под названием «В странах солнца» Бальмонт пишет: «Узнать Мексику, и всей душой на месяцы уйти в погасшие века, полные тайн, я хочу. Я был счастлив несколько часов в Корунье. Это типичный испанский город, гавань в Галисии. Во мне испанская душа. Я обошел весь город из конца в конец, заходил в жалкую церквульку, обедал в каком-то Cafe Oriental, заходил в разные магазины, и мне все было радостно, как родное, и с каждым я говорил с наслаждением. Испанцы – искренние дети» [Бальмонт]. Бальмонт очаровывался и влюблялся в страны, культуры, людей, находил прекрасное в неизведанном: «Жажда к познанию мира во всем его многообразии заставляла поэта с одинаковым рвением зачитываться трудами по естественным наукам, этнографии индейцев майя, религиям Востока, русскому фольклору, германской мифологии и истории мирового искусства» [Полонский: 392].

Творчество Бальмонта эклектично и мозаично. Образы, мотивы, приемы могут быть собраны им из самых разных частей мира и соединены поэтическим мастерством в одном произведении, если они отвечают его запросу и видению. Такой тип избирательности, свободы выбора в заимствовании нужных элементов из «встречных» культур характерны для фольклора. Более того, Бальмонт, как и народный певец, черпал вдохновение в природе. Он, безусловно, поэт и пантеистического характера, который вдохновляется миром вокруг и видит истину в соединении души и природы, однако мы согласны с позицией Н.А. Молчановой, которая пишет: «...поэтическое мироощущение Бальмонта не ограничивается стихийным пантеизмом, его слагаемые сложнее. Внимательное изучение текстов, вошедших в “Горящие здания”, дают основание говорить о существенном влиянии на поэта христианских идей, которое сказало и в предшествующих книгах» [Молчанова: 71]. Будучи дворянином, выросшим в русской усадьбе, Бальмонт провел счастливейшее детство на лоне природы и отличался от своих собратьев по модернистскому цеху, которые в большинстве были выходцами из разночинных-купеческих семей. Детство, проведенное среди садов, аллей и полей в атмосфере особого дворянского мира, уже отмирающего, но еще не отжившего, наделило поэзию Бальмонта особым эстетическим эффектом: он писал как человек, чувствующий масштаб природы и умеющий черпать духовное из увиденного.

Мировоззрение Бальмонта заключалось в объединении христианства и язычества и по своей онтологии действительно походило на народное двоеверие. Этот факт отмечают многие исследователи-бальмонтоведы, к примеру, Н.А. Молчанова относи-

тельно художественного осмысления любви в книге «В безбрежности» пишет: «Любовь осмысливается одновременно и в христианском, и в языческом смыслах» [Молчанова: 45]. Благодаря воспоминаниям бывшей жены поэта Екатерины Андреевой-Бальмонт, мы можем увидеть, как поэт представлял себе идеальное христианство: «1920. 20 марта. Ночь. Вербная Суббота. ...Я был в нашей церкви и думал о тебе. Я люблю службу Вербной Субботы и фигуры молящихся с ветками вербы в руках. Если бы такого элемента было больше в христианском богослужении, я более чувствовал бы себя христианином. Я хочу в молитвенности присутствия Солнца, Луны, Звезд, Океана, магии Огня, цветов, музыки» [Андреева-Бальмонт: 136]. Таким образом, синкретизм характерен как для мировоззренческих концептов, так и для поэтики Бальмонта. Рассмотрим это на примере репрезентации мотива «борьбы жизни и смерти», где такие понятия, как жизнь и смерть, трактуются и интерпретируются поэтом с точки зрения разных культур и традиций.

Из биографии Бальмонта мы знаем, что 1890-й г. в жизни поэта был тяжёлым и переломным. Он столкнулся с большой творческой неудачей: первая книга стихов оказалась провальной и никем не признанной, в это же время его одолевают тяжелые обстоятельства в семейной жизни, что в итоге привело его к суицидальному поведению и к попытке самоубийства. «Позднее свой “воздушный путь” (поэт выбросился из окна третьего этажа и сильно покалечился) Бальмонт осмыслял как чудесное возвращение к жизни и божественный промысел – наставление на путь творчества» [Молчанова: 77]. Именно этот фрагмент биографии стал ключевым для создания стихотворения «Воскресший» (1895), вошедшего в сборник «В безбрежности» (1895). Смерть, с которой Бальмонт встретился лицом к лицу, с тех пор будет часто появляться в его художественном мире.

Лирический герой стихотворения «Воскресший» стремится обрести избавление от мучительных переживаний – печали, боли, тоски и страданий, что побуждает его к решительному шагу: прыжку из окна. Однако после падения он осознает, что остался жив, и приходит к пониманию тяжести содеянного. Герой признает, что совершил поступок, который не только противоречит нравственным законам, но и является грехом, что подчеркивает глубину его внутреннего кризиса и трагичность выбора: «И вдруг открылось мне тогда, / Что все, что сделал я, – преступно» [Бальмонт: 71]. В момент падения по своей воле лирический герой осознает свою никчемность и слабость: «В себе унизив человека, / Я от своей ушел стези» [Бальмонт: 71]. Стремиться к смерти самому – самое страшное преступление против жизни, соответственно, против Бога – богоборчество. Герой

лежит в ужасном состоянии посреди мостовой и клянет себя за совершенное, и в этот момент к нему приходит настоящее видение: «И сквозь столичный шум и гул, / Сквозь этот грохот безучастный. / Ко мне донесен звук неясный: / Знакомый дух ко мне прильнул» [Бальмонт: 71].

Исходя из текста, образ, явившийся герою, и есть сама Смерть: «То Смерть-владычица была, / Она явилась на мгновенье, / Дала мне жизни откровенье / И прочь – до времени – ушла» [Бальмонт: 71]. Она сообщает ему, что забвение тоже надо заслужить, так как смерть – это начало нового пути, новая жизнь, переход из одного духовного состояния в другое: «Ты не исполнил свой предел, / Ты захотел успокоенья, / Но нужно заслужить забвенье / Самозабвением чистых дел» [Бальмонт: 71]. И до этого уровня тоже надо дойти, а не сдаваться, иначе происходит перечеркивание всей земной жизни, из-за чего ты уже не можешь обрести долгожданный покой: «Умри, когда отдашь ты жизни / Все то, что жизнь тебе дала, / Иди сквозь мрак земного зла, / К небесной радостной отчизне» [Бальмонт: 71]. Смерть даровала лирическому герою Бальмонта «жизни откровенье», после чего он обретает осознание истины: «И новый, лучший день, алая, / Зажегся для меня во мгле» [Бальмонт: 71] – и приходит к выводу, что жизнь – это дар, а проживать жизнь – это истинная задача человека, и «завершить» эту задачу своим самостоятельным решением уйти из жизни означает пойти против высшей воли Бога.

Если посмотреть на структуру стихотворения Бальмонта «Воскресший», то можно выявить цепочку следующих друг за другом событий: *видение* → *осознание* → *перерождение*.

Этот процесс соответствует фольклорной формуле инициации, где герой, преодолев испытание *жертвенной смерти*, *обретает новое духовное состояние* и *возрождается*. Лирический герой стихотворения «Воскресший» проходит инициацию через символическую смерть и физическое падение, а после возрождается в новом качестве – переосмыслившим свою жизнь человеком. В финале стихотворения он приходит к пониманию, что истинное освобождение и покой возможны только через принятие жизни во всей ее сложности и выполнение своего предназначения.

Начнем наш анализ с концепта, и в этой связи нельзя не вспомнить народное представление о судьбе-доле. Подробно эту тему с позиции исторического генезиса разбирал А.Н. Веселовский в своей статье «Судьба-Доля в народных представлениях славян» (1889). В частности, он отмечал, что в народной психологии не было противоречия, как, например, в христианстве, когда в доктрине прописано, что «загробная судьба человека определяется содержанием его земного подвига: праведные полу-

чат вознаграждение, грешники будут наказаны» [Веселовский: 173], а в реальной жизни – «злые нередко преуспевают, добродетели – в загоне» [Веселовский: 173]. «Понятие судьбы, – пишет А.Н. Веселовский, – объясняло дело проще, минуя вопрос о вменяемости: человек счастлив или нет, потому что так ему *прирождено, суждено, на роду написано*, невесть откуда *навеяно*. Все эти понятия входят в представление народной славянской Доли, Среchi и их фантастических образов. Образы колеблющиеся, представление сложное, объединившее разнородные элементы прирожденности и случайности, непререкаемости и свободной воли, которая может изменить Долю» [Веселовский: 173]. К.Д. Бальмонт не говорит напрямую о фатуме, но в стихотворении есть факт смирения лирического героя со своей судьбой, то есть с Долей прирожденной, и это, безусловно, ближе к суеверному мышлению.

Далее рассмотрим формулу видения, которая занимает важное место в стихотворении «Воскресший». Н.И. Прокофьев, размышляя о видении как популярном жанре древнерусской литературы, выделял следующие устойчивые структурные компоненты: 1) молитва или раздумье видящего, после чего он обычно впадает в «тонок сон»; 2) появление чудесных сил, которые, сообщая видящему «откровение», разрешают какой-либо вопрос и призывают к действию; 3) испуг видящего; 4) смысл «откровения»; 5) приказание о проповеди среди народа «откровения» [Прокофьев: 35–35]. В стихотворении «Воскресший» мы находим следующее соответствие: 1) история начинается с молитвы, которая предшествует психофизиологическим состояниям, сопровождающимся видениями; 2) затем главный герой наблюдает потусторонние силы; 3) далее описывается его страх; 4) после этого раскрывается значение «откровения»; 5) обосновывается необходимость говорить о нем другим людям.

Видения к лирическим героям Бальмонта всегда приходят в момент измененного сознания, вызванного нахождением на грани между жизнью и смертью, то есть в момент «борьбы жизни и смерти». Визионер, по Бальмонту, всегда черпает из видений высшее духовное знание, открывает завесу над устройством рая и ада. Он наполняется божественным светом и видит новые горизонты, прокладывая свой новый путь по заветам видения.

Таким образом, можно сделать вывод, что Бальмонт использует традиционную формулу видения, но наделяет ее дополнительными смыслами. Все, что происходит с лирическим героем, неслучайно, однако, заглянув в глаза смерти, он получает шанс по-новому осмыслить свою жизнь. Смерть дарует ему надежду и направляет на путь перерождения и духовного роста.

В стихотворении «Ночью мне виделся Кто-то таинственный...» (1895) лирический герой также проходит инициацию, но через сон. В фольклорной традиции концепт сна символически приравнивается к смерти, к путешествию в потусторонний мир, вернувшись из которого человек приносит с собой некое послание, предсказание, предзнаменование. Фольклорная формула инициации, вписывающаяся в мотив «борьбы жизни и смерти», соблюдается и в данном случае. Сон демонстрирует символическую смерть, преодолев которую герой возрождается к новой жизни.

Структура стихотворения выглядит следующим образом: *видение → успокоение → обретение уверенности → укрепление веры в новую жизнь → возрождение сердца, которое, преодолев страдание, наполняется новыми смыслами.*

Во сне к лирическому герою стихотворения Бальмонта «Ночью мне виделся Кто-то таинственный...» приходит откровение, дающее доступ к трансцендентному, к демонстрации иного, более высокого состояния бытия, превосходящего земные рамки. Это видение снимает экзистенциальную тревогу героя, утешая его и наполняя жизнь новым смыслом: «Что от незримых очей заслонялося / Тканью телесною, грезами дня, / Все это с ласкою нежной склонялося, / Выше и выше манило меня» [Бальмонт: 67].

Перед сном герой, вероятно, пережил глубокий внутренний кризис, близкий к состоянию духовной смерти, но сновидение становится для него моментом обновления. Сновидение вдохновляет его на жизнь, возвращает надежду и мотивацию: «Пали преграды, и сладкими муками / Сердце воскресшее билось во мне, / Тени вставали и таяли звуками, / Тени к родимой влекли стороне» [Бальмонт: 67].

Пребывая в состоянии сновидения, лирический герой переживает сложную гамму чувств и эмоций. Герой воспринимает свет, который не только окружает его, но и пронизывает изнутри, что символизирует пробуждение духовного начала: «Светом нездешним во мне трепетал» [Бальмонт: 67]. Сновидение обретает интенсивность и яркость, что также фиксируется героем: «Сон позабытый все ярче вставал» [Бальмонт: 67]. Он становится свидетелем и участником мистического действия: слышит голоса, ощущает на себе взгляды: «Ждал меня, звал меня долгими взорами» [Бальмонт: 67], воспринимает звучание гимнов, которые несут в себе оттенок укора: «Гимны оттуда звучали укорами» [Бальмонт: 67]. Герой фиксирует физиологические изменения, такие как возобновление сердцебиения, которое описывается как процесс преодоления внутренних преград и возрождения: «Пали преграды, и сладкими муками / Сердце воскресшее билось во мне» [Бальмонт: 67]. Кроме того, он наблюдает тени, которые, возник-

шая и растворяясь в звуках, символически увлекают его к «родимой стороне»: «Тени вставали и таяли звуками, / Тени к родимой влекли стороне» [Бальмонт: 67]. Эти элементы сновидения формируют многогранный опыт героя, сочетающий в себе визуальные, аудиальные и эмоциональные аспекты, что подчеркивает глубину его переживаний и трансформации.

В работе «Невизуальное в сновидениях: толкование ощущений и чувств» антрополог А.А. Лазарева пишет: «...помимо визуального канала восприятия в сновидении задействованы все чувства: сновидец слышит звуки, ощущает вкус, запах, прикосновение, боль» [Лазарева: 50], но при этом он также понимает, что находится в ином мире. Исследовательница собирает разные примеры, чтобы доказать, как именно это ощущение становится для сновидца определяющим, когда он описывает предметы, действия и события сновидения, используя в целях коммуникации традиционные формулы. Стихотворение Бальмонта «Ночью мне виделся Кто-то таинственный...» – это рассказ о сне. Демонстрируя сложный синтез слуховых, осязательных и кинестетических ощущений, поэт почти не использует визуальных описаний, поскольку в ином мире, согласно фольклорным представлениям, доминирует бестелесность и легкость.

Таким образом, через призму сновидений и мистических откровений поэт раскрывает сложный внутренний мир героя, который, несмотря на сомнения и страдания, продолжает верить в возможность спасения и соединения с вечностью. Ощущения, переживаемые героем во сне, – слуховые, осязательные, кинестетические – становятся важным элементом интерпретации его духовного пути, подчеркивая значимость невидимого и неосязаемого в поиске истины.

Анализ структуры стихотворений Бальмонта, таких как «Воскресший» и «Ночью мне виделся Кто-то таинственный...», позволяет нам наблюдать, как поэт использует фольклорную формулу инициации для раскрытия глубоких философских и экзистенциальных тем. Лирический герой, проходя через испытания и откровения, обретает новое понимание себя и мира, что подчеркивает связь индивидуального переживания с универсальными архетипами. Это позволяет говорить о Бальмонте как о поэте, который, опираясь на традиционные формы, создает уникальный синтез фольклорной традиции и декадентского мировоззрения, раскрывая сложные духовные и философские вопросы через призму личного опыта героя.

Жизнь в художественном мире поэта представляется тяжелым трудом, но одновременно и великим даром, полным загадок и красоты. Поэт подчеркивает, что и жизнь, и смерть – это равноправные части вечного замысла Творца, а истинная гармония заключается в принятии этого единства.

В 1894 г. К.Д. Бальмонт пишет сонет «Смерть», а спустя почти десять лет стихотворение «К смерти» (1903). Н.А. Молчанова, сравнивая эти два произведения, пишет: «Если в ранней книге “Под северным небом” Бальмонт осознавал смерть в христианском духе в качестве успокаивающего перехода к “существованию неземному” (см. стихотворение “Смерть”), то в “*Danses macabres*” она является в отвратительном, “адском” облике (стихотворение “К смерти”))» [Молчанова: 94]. В сонете «Смерть» (1894) Бальмонтом на первый план выдвигается тезис о том, что смерть – это начало нового пути: «Не верь тому, кто говорит тебе, / Что смерть есть смерть: она – начало жизни, / Того существования неземного, / Перед которым наша жизнь темна, / Как миг тоски – пред радостью беспечной» [Бальмонт: 9]. В этом произведении лирический герой воспринимает смерть как начало нового пути, его настроение оптимистично, он полон надежд и не считает конец земной жизни окончанием духовного пути. Анализ стихотворений Бальмонта, посвященных этой теме, позволяет увидеть внутреннюю борьбу поэта, где поэзия становится полем битвы для его размышлений и переживаний. И данное произведение («Смерть») до того ярко контрастирует с «К смерти», что борьба становится очевидной: «Чтоб не было для наших душ соблазна / До времени покинуть мир земной» [Бальмонт: 9]. Герой осознает греховность соблазна покинуть этот мир по своей воле. Всегда присутствует элемент выбора, который героя мучает, соблазняет, сбивает с пути. Перед нами откровение, которое сдерживает порывы героя поскорее слиться с вечным. Он готов к новым испытаниям: «Пока ты человек, будь человеком / И на земле земное совершай, / Но сохрани в душе огонь нетленный / Божественной мистической тоски» [Бальмонт: 9], из чего следует, что, пока он на земле, он должен соответствовать земной жизни и не стремиться раньше времени ее покинуть, стоически вынося испытание выбором: жить или умереть раньше времени.

Стихотворение «К смерти» ощутимо отличается от ранних представлений поэта о смерти и вступает в спор с предыдущим тезисом. Лирический герой обращается к смерти, осознавая, что ранее он ошибался и всё это время слишком её идеализировал, романтизировал и напрасно ожидал с надеждой, ведь на самом деле – это обман. Лирический герой приходит к выводу, что после смерти его вероятнее ожидает ад, нежели рай, а также перспектива блуждать в полночь по кладбищу в качестве призрака, что говорит об отсутствии упокоения души: «Лишь одной отрадой нищенской / Ад могу я услаждать: / Пред оградой кладбищенской / Белой тенью в полночь встать» [Бальмонт: 238]. Потеряв веру в идею, что смерть – это новая жизнь, герой бранит себя за ложные ожидания и больше не видит в этом процессе руку Творца.

Олицетворение смерти, ее способность вступать в диалог с человеком берет свое начало в средневековой западноевропейской культуре. В древнерусской культуре перевод одной из версий «Пляски смерти», сделанного в Новгороде в конце XV в. при дворе архиепископа Геннадия, прижился не сразу. Несколько веков «Двоесловие живота и смерти, сиречь стязания животу с смертью» обрабатывалось и лишь к XVII в. сформировалось в произведение с названием «Прение живота и смерти», которое сопровождалось миниатюрами, где смерть изображалась в виде скелета, а жизнь – в виде воина с мечом. В фольклоре этот сюжет трансформировался в духовный стих и в весьма популярный лубок «Аника-воин и Смерть» [Говенько: 3]. С тех пор мотив «борьбы жизни и смерти» и формула прения между живым человеком и Смертью становятся одним из самых популярных, особенно в народной культуре.

Обращение лирического героя к смерти мы находим у Бальмонта в раннем сонете «Смерть». Сохраняя концепт «Пляски смерти», лирический герой обращается к Смерти как к «владыке всех пространств и всех времен», называет ее «царем», «духом забвения», но, в отличие от средневековых «летучих листов», он жаждет встречи с ней и надеется на примирение. Однако в более позднем произведении – «К смерти» – герой признаёт, что прежде заблуждался, наделяя смерть романтическим смыслом и ожидая её с неким трепетным предвкушением. Теперь он знает, что смерть – это нечто обманчивое и чуждое, не оправдывающее его прежних идеализированных представлений. В строках «Смерть, медлительно-обманная, / Смерть, я ждал тебя года, / Но для каждого ты странная / И неожиданная всегда» [Бальмонт: 238] звучит разочарование: смерть оказывается не возвышенным явлением, не надеждой, а лишь неизбежным концом, лишённым какого-либо глубокого смысла. Это переосмысление подчёркивает трагическое прозрение героя, разрушающее его прежние иллюзии. Акцентируя внимание на разрушении и тлении плоти, поэт описывает читателю, что происходит с человеческим телом в физическом плане после погребения с беспощадной прямоотой: «Вот, рука окоченелая / Точно манит и грозит, / Синевато-грязно-белая, / Искривилась... Гнусный вид! // Вот, лицо покрылось пятнами, / Восковою пеленой, / И дыханьями развратными / Гниль витает надо мной» [Бальмонт: 238].

Таким образом, сопоставительный анализ двух стихотворений Бальмонта, созданных с интервалом в почти десятилетие, позволяет выявить важную закономерность: трансформация мировоззренческих идеалов поэта находит свое непосредственное отражение в эволюции концептов его произведений, тогда как сама формула обращения к смерти сохраняет

свою устойчивость, оставаясь в рамках традиционных границ.

Центральным мотивом еще одного стихотворения из раннего сборника К.Д. Бальмонта – «Молитва» (1894) – также является «борьба жизни и смерти». Жизненный путь представлен как череда испытаний, стремление к вечному покою обосновано тем, что лирический герой просит Бога избавить его от «бесцельного страдания» и «непосильной борьбы»: «Не искушай нас бесцельным страданьем, / Не утомляй непосильной борьбой, / Дай возвратиться к Тебе с упованием, / Дай нам, о Господи, слиться с Тобой!» [Бальмонт: 11] Эти строки выражают усталость героя от земной жизни. Борьба здесь символизирует не только физическое или моральное напряжение, но и метафизическое противостояние между временным и вечным. Герой стремится к слиянию с Богом, что можно интерпретировать как желание преодолеть границы земного существования и обрести бессмертие. Бог в восприятии лирического героя предстаёт как всемогущий Творец, чьи деяния исполнены мудрости и грандиозного масштаба: «Тьму отделил Ты от яркого света, / Создал Ты небо, и Небо небес». Он велик, всесилен и преисполнен любви, однако остаётся недостижимым и трансцендентным, что порождает в герое стремление к познанию Божественной сущности: «Имя Твое непонятно и чудно, / Боже Наш, Отче Наш, полный любви! / Боже, нам горько, нам страшно, нам трудно, / Сжался, о, сжался, мы – дети Твои!» В этих строках выражена не только глубокая вера в божественную любовь и милосердие, но и трагическое осознание человеческой слабости и отдалённости от Творца, что подчёркивает драматизм духовных поисков героя.

Важным аспектом стихотворения является мотив изгнания, который отсылает к библейскому сюжету о грехопадении и изгнании Адама и Евы из Рая. Герой обращается к Богу с вопросом: «Создал Ты Рай – чтоб изгнать нас из Рая. / Боже, опять нас к себе возврати» [Бальмонт: 11]. Эти строки подчеркивают трагическое противоречие между божественным замыслом и человеческой судьбой. Рай, созданный Богом, становится недостижимым идеалом, а изгнание из него символизирует утрату гармонии и вечного покоя. Герой просит вернуть его в состояние божественной близости, что можно рассматривать как метафору преодоления смерти через возвращение к истокам бытия.

Мольба – это не только просьба о физической смерти, но и желание духовного преображения, возвращения к изначальной гармонии, утраченной после изгнания из Рая. Оставаясь в рамках земного бытия, лирический герой уже обращен к вечности, что подчеркивает его глубокую внутреннюю раздвоенность и стремление к преодолению границ смерт-

ного существования. Молитва выступает здесь связующим звеном между двумя мирами – миром жизни с её мучительными испытаниями и миром вечности, где царят гармония и покой. Такая философия формулируется в признание субъективности индивидуального «я», в изображение душевной боли, крика души.

Завершая анализ ранних стихотворений экзистенциальной направленности, следует обратиться к произведению «Жизнь» (1899), которое представляет собой поэтическое восхваление процесса жизни. Лирический герой видит в жизни не только труд, страдания и грехи, но и истинную красоту и загадку: «Царственный вымысел, пропасть глухая без дна, / Вечность мгновения – миг красоты – тишина» [Бальмонт: 168]. Как загадочна смерть, точно так же загадочна и жизнь. Но это сложнее осознать, когда ты находишься внутри потока. Поэтический дар дает Бальмонту возможность увидеть и передать всю многогранность и важность жизни. Жизнь предстает перед нами таким же таинством, как и смерть. Это два равноправных и прекрасных состояния. Вероятно, осознание этой истины и называется полноценной гармонией.

Проведенное исследование позволяет нам сделать вывод о значимости традиционного мотива «борьбы жизни и смерти» в ранней лирике К.Д. Бальмонта и его глубокой связи с фольклорными и литературными традициями. Анализ поэтических формул, таких как видение, сновидение, молитва и обращение, помог нам выявить основные механизмы репрезентации: формула видения вводится в стихотворение «Воскресший», чтобы герой, переживший падение из окна, обрел через контакт со смертью новое знание и духовное перерождение; формула сновидения, которое в фольклорной традиции символически приравнивается к смерти, вводится в стихотворении «Ночью мне виделся Кто-то таинственный...» с тем, чтобы перед героем открылись трансцендентные истины; формула обращения к смерти вводится в сонет «Смерть» и вместе с возвышенным пафосом позволяет реализоваться романтическим идеям; формула молитвы вводится в стихотворение «Молитва», где герой, обращаясь к Богу, просит избавить его от страданий земной жизни и дать ему духовное освобождение.

С концептуальной точки зрения поэтика Бальмонта насыщена архетипическими смыслами, укорененными в культуре разных народов. С одной стороны, сравнивая и синтезируя, он пользуется ими для раскрытия собственных сложных философских и экзистенциальных противоречий, а с другой – открывает новые горизонты для осмысления вечных тем через призму современного ему декадентского мировоззрения.

Список литературы

Источники

Бальмонт К.Д. В странах солнца. URL: <https://traumlibrary.ru/book/balmont-v-stranah-solnca/balmont-v-stranah-solnca.html> (дата обращения: 17.03.2025).

Бальмонт К.Д. Полное собрание сочинений поэзии и прозы в одном томе. Москва: Альфа-Книга, 2018, 1399 с.

Исследования

Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 157 с.

Веселовский А.Н. Судьба-Доля в народных представлениях славян // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Разыскание в области русских духовных стихов. Ч. XIII. Вып. V. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1889. Т. 46, № 6. С. 173.

Говенько Т.В. Происхождение и развитие сюжета Аника-воин и смерть (По следам работ Ф.И. Буслаева, Н.С. Тихонравова, А.Н. Веселовского, И.Н. Жданова, А.А. Котляревского, Р.П. Дмитриевой и других) // Начало. Москва, 2002. Вып. 5. С. 3–34.

Корецкая И.В. Константин Бальмонт. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Москва: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. Кн. 1. 958 с.

Лазарева А.А. Невизуальное в сновидениях: толкование ощущений и чувств // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 12 (33). С. 50–58.

Молчанова Н.А. Поэзия К.Д. Бальмонта: проблемы творческой эволюции: дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2002. 347 с.

Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. Москва: ИМЛИ РАН, 2011, 471 с.

Прокофьев Н.И. «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 231: Вопросы стиля художественной литературы. Москва: МГПИ им. В.И. Ленина, 1964. С. 35–56.

Соболева А.Б. Жанр видений в древнерусской литературе (на материале Азбучного патерика) // Проблемы исторической поэтики. 2016. С. 153–169.

References

Andreeva-Balmont E.A. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, Sabashnikovyykh Publ., 1997, 157 p. (In Russ.)

Govenko T.V. *Proiskhozhdenie i razvitie siuzheta Anika-voin i smert'* (Po sledam rabot F.I. Buslaeva, N.S. Tikhonravova, A.N. Veselovskogo, I.N. Zhdanova, A.A. Kotliarevskogo, R.P. Dmitrievoi i drugikh) [The Origin and Development of the Plot of Anika the Warrior and Death (Following the Works of F.I. Buslaev, N.S. Tikhonravov, A.N. Veselovsky, I.N. Zhdanov, A.A. Kotlyarevsky, R.P. Dmitrieva, and Others)]. *Nachalo* [Beginning]. Moscow, 2002, iss. 5, pp. 3–34. (In Russ.)

Koretskaia I.V. *Konstantin Bal'mont. Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Konstantin Balmont. Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – Early 1920s)]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., 2001, vol. 1, 958 p. (In Russ.)

Lazareva A.A. *Nevizual'noe v snovideniiakh: tolkovanie oshchushchenii i chuvstv* [The Non-Visual in Dreams: Interpretation of Sensations and Feelings]. *Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia* [RGGU Bulletin. Ser.: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies], 2017, no. 12 (33), pp. 50–58. (In Russ.)

Molchanova N.A. *Poeziia K.D. Bal'monta: problemy tvorcheskoi evoliutsii: dis. ... d-ra filol. nauk* [The Poetry of K.D. Balmont: Problems of Creative Evolution: Dr. Sci. (Philology) Dissertation]. Ivanovo, 2002, 347 p. (In Russ.)

Polonskii V.V. *Mezhdru traditsiei i modernizmom. Russkaia literatura rubezha XIX–XX vekov: istoriia, poetika, kontekst* [Between Tradition and Modernism. Russian Literature at the Turn of the 19th–20th Centuries: History, Poetics, Context]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, 471 p. (In Russ.)

Prokof'ev N.I. «*Videnie*» kak zhanr v drevnerusskoi literature [“Vision” as a Genre in Old Russian Literature]. *Uchenye zapiski MGPI im. V.I. Lenina. T. 231: Voprosy stilia khudozhestvennoi literatury* [Scientific Notes of the Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin. Vol. 231: Questions of Style in Fiction]. Moscow, MGPI im. V.I. Lenina Publ., 1964, pp. 35–56. (In Russ.)

Soboleva A.B. *Zhanr videnii v drevnerusskoi literature (na materiale Azbuchnogo paterika)* [The Genre of Visions in Old Russian Literature (Based on the Alphabetical Patericon)]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2016, pp. 153–169. (In Russ.)

Veselovskii A.N. *Sud'ba-Dolia v narodnykh predstavleniiakh slavian* [Fate-Destiny in Slavic Folk Beliefs]. *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk. Razyskanie v oblasti russkogo dukhovnogo stikha. Ch. XIII. Vyp. V.* [Research in the Field of Russian Spiritual Verse. Part XIII. Issue V. Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1889, vol. XLVI, no. 6, p. 173. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 15.04.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved for reviewing 10.04.2025; accepted for publication 15.04.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 90–96. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 90–96. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09"16/17"

EDN JWBLQD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-90-96>

ОБ ОТСЫЛКАХ К «МАКБЕТУ» В ПОСЛЕДНЕМ РОМАНЕ ДИККЕНСА «ТАЙНА ЭДВИНА ДРУДА»

Халтрин-Халтурина Елена Владимировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, elenahaltrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2205-9444>

Аннотация. Несмотря на хорошо известную специалистам систему шекспировских отсылок в произведениях Диккенса, переводы и адаптации «Тайны Эдвина Друда» часто игнорируют эту перекличку, что сказывается на восприятии романа за пределами англоязычного мира. Настоящее исследование фокусирует внимание на системе ключевых отсылок к «Макбету» в «Тайне Эдвина Друда» и выявляет, как эти реминисценции изменяют трактовку персонажей и событий романа. Исследуется, как Диккенс использует скрытые и явные цитаты из шекспировской трагедии для создания атмосферы предопределенности, сближая образ Джона Джаспера с Макбетом. В статье рассматриваются мотивы вероломного нарушения гостеприимства и безумия. Уделяется внимание сцене бури, символизирующей поправку законов нравственности и миропорядка. Упоминается фигура хозяйки опиумного притона – Принцессы Курилки, сходной с макбетовскими ведьмами. Проводится параллель между галлюцинациями, преследующими Макбета и Джона Джаспера. Помимо литературного анализа, работа содержит краткий обзор нескольких экранизаций «Тайны Эдвина Друда» (включая российский телеспектакль 1980 г.).

Ключевые слова: Чарльз Диккенс, Уильям Шекспир, реминисценции, аллюзии, готика, суггестия, сцена бури, гостеприимство, призрачные видения, переводы, адаптации.

Для цитирования: Халтрин-Халтурина Е.В. Об отсылках к «Макбету» в последнем романе Диккенса «Тайна Эдвина Друда» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 90–96. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-90-96>

Research Article

ALLUSIONS TO *MACBETH* IN DICKENS' LAST NOVEL *THE MYSTERY OF EDWIN DROOD*

Elena V. Haltrin-Khalturina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. elenahaltrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2205-9444>

Abstract. Although the presence of Shakespearean allusions in Dickens' works is well known to scholars, translations and adaptations of *The Mystery of Edwin Drood* often overlook this aspect of the novel, affecting its reception outside the Anglophone world. This study focuses on the system of key references to *Macbeth* in *The Mystery of Edwin Drood* and examines how these reminiscences shape the interpretation of the novel's characters and events. It explores Dickens' use of both explicit and implicit quotations from Shakespeare's tragedy to create an atmosphere of fatal inevitability, drawing a parallel between John Jasper and Macbeth. The article discusses the motifs of betrayal of hospitality and madness, emphasising the significance of the storm scene, which symbolises the violation of moral and cosmic order. Special attention is given to the opium den keeper, Princess Puffer, whose role evokes that of *Macbeth*'s witches. The study further examines the parallels between the hallucinations haunting both Macbeth and John Jasper. In addition to a literary analysis, the article offers a brief overview of several screen adaptations of *Drood*, including the 1980 Soviet television production.

Keywords: Dickens, William Shakespeare, reminiscences, allusions, Gothic, suggestion, storm scene, hospitality, spectral visions, translations, adaptations.

For citation: Haltrin-Khalturina E.V. Allusions to *Macbeth* in Dickens' Last Novel *The Mystery of Edwin Drood*. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 90–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-90-96>

Незавершенный роман Диккенса «Тайна Эдвина Друда» (“The Mystery of Edwin Drood”, 1870), оборвавшийся вместе с жизнью писателя, обрел репутацию детективного произведения в годы расцвета детективного жанра, то есть к концу 1890-х гг.: примерно через два десятилетия после первой публикации книги. Внимательно обращаясь с фактами истории литературы, следует признать: роман написан до того времени, когда полностью оформились жанры детективного повествования. Тому, как менялось восприятие произведения – включая представления о его жанре и о «тайне» заглавия, – посвящены исследования многих диккенсоведов [Cox, Matz, Orford]. Известно также, что продолжатели Диккенса пытались домысливать роман в разных, не только детективных, плоскостях.

В 1870 г., когда Диккенс создавал свой роман, использованное им слово *mystery* в контексте литературных интересов того времени предполагало направленность внимания на сферу не только протодетективную (связанную с расследованием преступления) и не только мистическую (сопряженную с поверьями и предрассудками), но и на сенсационно-психологическую. То есть современников Диккенса занимал вопрос: «Как именно и почему осуществлялось столь неприемлемое для приличного общества деяние?».

В тексте романа зловеще выписан подозреваемый виновник трагедии: Джон Джаспер, дядюшка Эдвина Друда, служивший регентом хора в городском соборе и пользовавшийся уважением многих людей. Противоречие между доброй репутацией Джаспера и его совсем не добрыми действиями, красочно описываемыми Диккенсом, не может не тревожить умы читателей, возбуждая желание разобраться в происходящем. В воспоминаниях близкого круга Диккенса отмечено, что именно Джаспер, по замыслу автора, оказывался преступником [Orford, Сафонова, Чечётко и Фролов, Халтрин-Халтурина]. Зачем и какими путями столь достойный человек дошел до совершения страшного преступления, и способен ли он сам осознать и принять содеянное, – действительно темная история (*mystery*, тайна), на которую, согласно вкусам викторианских читателей, следовало бы пролить свет. По сути, это роман о раздвоении личности Джаспера. В завершенных им главах романа Диккенс вплотную подвел своего читателя к моменту, когда, находясь под действием опиума и расправившись с Эдвином, дядюшка Джаспер постепенно приходит в себя и никак не может смириться с мыслью о том, что его любимый племянник погиб.

Известны многие персонажи английской литературы XIX в., переживающие раздвоение личности (см. об этом, например: [Wadoux]). Для них характерны психическая неуравновешенность, при-

страстие к наркотическим веществам, приступы агрессии и частичная потеря памяти. Джон Джаспер у Диккенса именно такого типа герой. Он очень близок мистическим «двойникам» – заглавным героям повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), по-своему предвосхищая их появление примерно на 16 лет.

Пытаясь укоренить в сознании читателей мысль о том, что Джаспер является убийцей Друда, Диккенс опирается на технику *suggestion* (суггестия, внушение). В художественном тексте это выглядит как постоянное акцентирование тревожных смыслов, передающихся читателю с помощью скрытых цитат из шекспировской трагедии «Макбет» и мерцающих аллюзий. Понятно, что такого рода аллюзии обыкновенно рассеиваются при переводе на другие языки, в том числе и на русский. Не всегда сохраняется макбетовское эхо в его театральных и кинематографических переделках, что заметным образом сказывается на восприятии данного произведения мировой литературы, искажая его смыслы. Поэтому привлечь внимание русскоязычной аудитории к соответствующим лакунам, образующимся при отдалении от оригинального текста, весьма целесообразно.

В научной литературе о перекличках между Диккенсом и Шекспиром сказано немало. Правда, это литература, написанная в основном на родном для Шекспира и Диккенса английском языке. В 1930-е гг. в британском Диккенсовском обществе выносились на обсуждение отдельные макбетовские мотивы, фигурирующие в «Тайне Эдвина Друда» [Duffield], а в 1970–90-х гг. этот перечень был серьезно расширен и упорядочен в специальных трудах [Jacobson, Gager]. По подсчетам научных комментаторов, легко узнаваемых «макбетовских» отголосков в диккенсовском романе не менее двух десятков [Jacobson: 2, 31, 33, 103, 107, 113, 127, 129]). И это не просто общие места для произведений с готической и сенсационной тематикой. В комментариях к изданным русским переводам «Тайны Эдвина Друда» подобного рода сведения на сегодняшний день отсутствуют. Поскольку данный смысловой пласт слабо освоен за пределами англо-американского диккенсоведения, широкий зритель (да и читатель) совершенно лишен возможности насладиться изысканной шекспировской составляющей последнего диккенсовского романа.

По моим наблюдениям, искусно вплетая в свой текст реминисценции из «Макбета», Диккенс не ограничивается трагедийно-готической составляющей этих перекличек: он подпитывает то гнетущую атмосферу мрачных ожиданий, то ощущение театральной происходящего, развешивающего такую атмосферу. Иначе говоря, далеко не все макбетовские отголоски в «Тайне Эдвина Друда» – удручающие,

встречаются и комические. Далее мы остановимся на нескольких группах отголосков, связанных с бушеванием разгневанной стихии, с ведьмами-предсказательницами, с попранием законов гостеприимства, с призрачными видениями.

Мрачную атмосферу создает диккенсовский рассказчик, опираясь на систему не вполне эксплицитных аллюзий. Вспомним отрывок из гл. 14 романа, живописующий исчезновение Эдвина Друда в зимнюю ночь с 24 на 25 декабря, обнаруженное жителями города после пронесшегося урагана. Незабываемая буря, разразившаяся в ночь на Рождество, полностью изменила судьбу главного героя и потряхнула жизни многих персонажей.

В свое время сильнейшая буря разразилась и в «Дэвиде Копперфильде» (гл. 55). Однако та диккенсовская буря была насыщена отсылками к «Королю Лиру»: она ассоциировалась не с убийством, а с нарушениями порядка мироустройства, нравственной и ценностной иерархии – и потому неслучайно неотвратимое наказание бесчестным нарушителям законов общества (ср. Лира и Стирфорта) [Beer, Whiteley]. Эти памятные бури также вырывали из тайных уголков и выбрасывали на открытое пространство прежде обездоленных героев: в «Короле Лире» после бури на путь восхождения встает бедный Том, в «Дэвиде Копперфильде» – Дэвид.

В романе «Тайна Эдвина Друда» кажется, что вся природа содрогается по другим причинам: это не только восстание против законов чести и иерархий, это грех душегубства. Запах страшного смертоносного злодеяния витает в растревоженном воздухе. В шекспировской трагедии «Макбет» буря грянула той самой ночью, когда Макбет убил Дункана. Прямо перед тем, как Макдуф обнаружит труп («О ужас, ужас, ужас!»), Леннокс замечает (act 2, sc. 3, ls. 59–66):

Lennox:

The night has been unruly: where we lay,
Our chimneys were blown down; and, as they say,
Lamentings heard i' the air; strange screams of death,
And prophesying with accents terrible
Of dire combustion and confused events
New hatch'd to the woeful time: the obscure bird
Clamour'd the livelong night: some say, the earth
Was feverous and did shake [Shakespeare: 175].

В пер. Ю. Корнеева:

Леннокс:

Какая буря бушевала ночью!
Снесло трубу над комнатою нашей,
И говорят, что в воздухе носились
Рыданья, смертный сон и голоса,
Пророчившие нам годину бедствий
И смут жестоких. Птица тьмы кричала
Всю ночь, и, говорят, как в лихорадке,
Тряслась земля [Шекспир: 36].

Строку из шекспировского оригинала (“Our chimneys were blown down”) Диккенс по-своему припоминает в сцене бури, сопровождающей исчезновение Эдвина Друда: “Chimneys topple in the streets” (в переводе О. Холмской – «На улицах с крыш валятся трубы») [Диккенс: 462–463]). Англоязычные комментаторы обычно не оставляют без внимания рухнувшие наземь во время бури каминные трубы (см., например: [Jacobson: 132–133, Pures, Robison]). Впечатляет символичность насильственного разрушения камина, домашнего очага (chimney, fireside), у которого собираются близкие друг другу люди и в праздники, и в радости, и в горе.

В диккенсовском оригинале отголоски из «Макбета», разумеется, прочитываются куда яснее, чем в переводах. Пробиваясь сквозь текст романа то тут, то там, реминисценции из шекспировской трагедии резонируют друг с другом, что должно вызывать у читателей нарастание тревожного беспокойства и внушать мысль, что свершилось нечто непоправимое.

Подобные трагические предчувствия в свое время нащептала “ведьма” – хозяйка опиумного притона, прозванная Принцессой Курилкой (Princess Puffer), напоминающая макбетовских «вещих» ведьм и владеющая секретом замешивания опиумного зелья (подробнее о шекспировских и диккенсовских ведьмах см., например: [Beer, Jacobson]). Вот одно из ее предсказаний, адресованное самому Эдвину Друду, которого уменьшительно-ласкательным именем Нэд называл только его дядюшка Джаспер. Старуха встречается Эдвину на дороге, ведущей к дому Джаспера, где юноша собирается встречать Рождество.

«– Эдвин, Эдвин, Эдвин, – сонно повторяет она, словно убаюканная собственным бормотанием. Потом вдруг спрашивает: – А уменьшительное от него как – Эдди? <...> Благодарю Бога за то, что тебя не зовут Нэдом. <...> Потому что сейчас это нехорошее имя. <...> Опасное имя. Тому, кого так зовут, грозит опасность» [Диккенс: 456–457].

Предсказанное Эдвину горе – своего рода загадка о резких поворотах судьбы в духе макбетовских ведьм, ритмично, с опорой на аллитерацию, твердящих свое знаменитое “Fair is foul, and foul is fair” (букв. «Доброе и прекрасное страшно и грязно, страшное и грязное – добро и прекрасно»). В русских переводах эту фразу передают по-разному: «Зло есть добро, добро есть зло» (Б. Пастернак); «Зло станет правдой, правда – злом» (М. Лозинский); «Как мутное ясно, как ясное мутно» (В. Раппопорт). Подобно тому, как Макбет самонадеянно выбирает удобное для себя толкование колдовских загадок, Эдвин самонадеянно отмечает потрясшее его предупреждение старухи-опиумщицы и откладывает размышление о нем «на потом».

К «ведьминым» предсказаниям диккенсовский рассказчик присовокупляет описание видений самого Джаспера, находящегося под воздействием наркотиков. Вспомним для сравнения шекспировского Макбета и посещавшие его видения. Все они были мистического свойства – видение парящего кинжала до совершения государевубийства (“floating dagger”; Act 2, Sc. 1) и видение призрака Банко после совершения убийства (“Banquo’s Ghost”; Act 3, Sc. 4). Если видения-иллюзии, насылаемые на Макбета ведьмами, были связаны с тайнами поворотов судьбы, то явившиеся Макбету призраки воплощали в себе голос поруганной совести. Эти галлюцинации усугубляют душевное нездоровье Макбета, обнаруживают его помешательство.

Теперь вновь обратимся к галлюцинациям Джаспера. У Диккенса мистический элемент тесно переплетается с медицинским. Опыренный опиумом Джаспер неоднократно наслаждается видением, в котором разыгрывается убийство его племянника – Эдвина Друда, коего он считает своим соперником в любви к прекрасной Розе. В романе Диккенса само место действия основных событий, городок Клостергэм, где находится монастырь со старинными склепами, представлен в виде огромного замка с привидениями. Кстати говоря, пропавший в «никуда» посередине романа его заглавный герой тоже превращается, образно говоря, в призрака, который повсюду мерещится и героям, и читателям «Таны Эдвина Друда». Ощущение охватившей всех паранойи, психологического неблагополучия пронизывает атмосферу романа (любопытно в этой связи сравнение незавершенного произведения Диккенса с обителью «литературных призраков»: [Bridgham]).

Открыто шекспировский «Макбет» упоминается в романе «Тайна Эдвина Друда» дважды. Обе отсылки, не отягощенные пеленой мрачной загадочности, забавны и не внушают ужаса – подобно тому, как боязнь привидений исчезает при белом свете дня.

Одна отсылка примыкает к описанию великолепного буфета и лекарственного шкафчика в доме Септимуса Криспаркла, наполненных вкуснейшими заготовками и травами лечебного свойства. Приведем ее в русском переводе:

«Каких только изумительных настоев – из генцианы, мяты, шалфея, петрушки, тимьяна, руты и розмарина – не поглощал его мужественный желудок! <...> и безропотно глотал все, что ему давали, только напоследок, чтобы изгнать неприятный вкус, окунал лицо и руки в большую вазу с сухими розовыми лепестками и еще в другую вазу с сухой лавандой, а затем уходил, не опасаясь дурных последствий от проглоченных снадобий, ибо столь же твердо верил в очистительную силу клойстергэмской плотины и собственного здорового духа, сколь мало верила леди Макбет в таковые же свойства всех вод земных» (гл. 10 «Попытки и примирения» [Диккенс: 387–388]).

Погружение радостного духом Криспаркла в ароматы роз и лаванды оттеняется, по принципу резкого контраста, тщетными попытками Макбета и его жены смыть со своих рук кровь невинноубиенного Дункана и заглушить запах расправы изысканными ароматами. Ср. реплики: Macbeth: “Will all great Neptune’s ocean wash this blood / Clean from my hand?” (act 2, sc. 2, ls. 59–60) [Shakespeare, p. 174]; Lady Macbeth: “All the perfumes of Arabia will not sweeten this little hand” (act 5, sc. 1, ln. 48) [Shakespeare: 201].

Второй раз Диккенс отчетливо произносит имя Макбета, описывая визит Эдвина Друда в контору юриста Грюгиса (в пер. О. Холмской – Грюджиуса). И снова произнесенное вслух имя Макбета не способно испортить приятную дружественную атмосферу. Чтобы приветить неожиданно появившегося гостя, юрист немедленно заказывает блюда в ближайшей таверне, и на пороге появляются расторопные официанты:

«И заметим тут в скобках, что нога этого молодого человека, которую он употреблял для открывания и закрывания двери, по-видимому, была одарена особо тонким чувством осязания: она всегда вдвигалась в комнату первой, как некое шупальце, на несколько секунд предшествуя ему самому и несомому им подносу; и всегда удалялась последней, медля еще в дверях после того, как он и поднос уже исчезли, подобно ноге Макбета, которая неохотно влачится за ним со сцены, когда он идет убивать Дункана» (гл. 11 «Портрет и кольцо» [Диккенс: 408]).

Законы гостеприимства, свято соблюдаемые Грюгисом, были попорчены как Макбетом (Дункан гостил в замке своего будущего убийцы), так и Джоном Джаспером (Друд гостил в доме Джаспера в Клостергэме). Контраст сопоставления доброго хозяина со скверными Диккенс смягчает, отсылая своих современников к постановке «Макбета», где заглавную роль исполнял Уильям Макриди – известный и уважаемый Диккенсом актер, который порой двигался по сцене очень неспешно, что производило курьезный эффект в неподходящих ситуациях [Jacobson: 113]. Сняв напряжение улыбкой (ср. comic relief), автор на некоторое время развеивает стгутившийся трагедийный сумрак, подобно тому как вставные сцены в «Макбете» (знаменитый стук в ворота и речь призрака) на время отвлекали внимание зрителей от печальных событий. Благодаря вторжению забавного злые силы в романе Диккенса перестают казаться непобедимыми: даже если они наносят большой ущерб, в мире продолжает существовать добро и радость, а также люди, способные позаботиться о торжестве справедливости.

Обилие отсылок к Макбету не могло не затронуть киноадаптации романа. Однако эти отсылки заметнее англоязычной аудитории, нежели российскому зрителю. Проиллюстрируем нашу мысль, кратко обра-

тившись к трем известнейшим экранизациям «Тайны Эдвина Друда» 1935, 1980 и 2012 гг.

В старых киноверсиях диккенсовского романа, к примеру в черно-белом американском фильме 1935 г. *“The Mystery of Edwin Drood”*, прекрасно передана атмосфера викторианской Англии (реж. Стюарт Уолкер, сценарий Джона Болдерстона и Глэдис Ангэр). Заметим: Болдерстон был известен своим участием в создании готических сценариев «Дракулы» (1931; 1979), «Франкенштейна» (1931; 1935) и «Газового света» (1944). Этот опыт, подпитывавшийся также тягой к немецкой экспрессионистской кинематографии, пригодился сценаристу и для работы над диккенсовским «Друдом». Фильм выдержан в стилистике фильмов ужасов, изображающих мрачные душные пространства, запутанные коридоры и вскрытые гробницы. Сцена разоблачения преступника в конце фильма – в склепе прямо над останками Эдвина Друда, – придуманная сценаристами, весьма показательна. Любопытно, что, изображая рождественскую бурю, создатели фильма крупным планом показали не падающие с крыш каминные трубы, а раскачиваемый сильным ветром, а затем погасший и рухнувший уличный фонарь.

Среди отечественных постановок диккенсовского романа безусловно выделяется телеспектакль 1980 г. в четырех сериях «Тайна Эдвина Друда» (реж. А. Орлов; авторы сценария А. Орлов и Г. Капралов) с участием В. Гафта, Р. Плятта, А. Леонтьева, С. Юрского, Е. Кореневой, М. Тереховой. Советская постановка отдала дань постмодернистскому духу времени, предусмотрев, насколько это возможно в видеозаписи, «интерактивность» спектакля: сценаристы попытались изобразить сцену разбирательства детективной истории и вовлечь зрителей в размышления о событиях и персонажах романа. Отсылки к «Макбету» не являются значимыми для этой версии романа. В частности, начало спектакля обнаруживает перед зрителем не опиумный притон, хозяйкой которого является «ведьма», умеющая колдовать над «котелками» с зельем, затуманивая границу между злом и добром, прекрасным и ужасным, “foul” и “fair” (так было у Диккенса). Здесь глазам телезрителя явлена жизнеутверждающая сцена: младший каноник Кришпакл окунается в прорубь у стен зимнего монастыря и бодро бежит домой, всем своим видом излучая здоровье тела и духа. С другими реминисценциями из «Макбета» произошло схожее редактирование, что само по себе является оригинальным прочтением диккенсовского произведения. Так, сцена бури снята на фоне не пустоши и не заснеженного города, а на фоне деревьев, утопающих в зеленой листве. И рассуждение о разрушениях после бури вкладываются в уста мэра города – мистера Сапси, персонажа очень курьезного (роль исполнил Е. Весник), почти

комического – и едва ли способного воскресить суровые интонации Леннокса. Любопытно, что от шекспировских и диккенсовских каминных труб, падающих с крыш во время грозной «метафизической» бури, создатели постановки 1980 г. отказались. А фонарь, фигурирующий на экране крупным планом (но не потухший, а просто привлекающий внимание к контрасту света и мрака), воспринимается как реминисценция из вышеупомянутого фильма 1935 г.

В одной из недавних англоязычных экранизаций романа (2012 г.), изначально содержащей восемь 30-минутных серий, а затем переведенной в формат двухсерийного полнометражного фильма, содержится отсылка не только к тексту трагедии «Макбет», но и к ее кинематографическим версиям, включая картину 1948 г. Орсона Уэллса (подробнее о переключках между англоязычными киноверсиями «Тайны Эдвина Друда» и экранизациями Шекспира см., например: [Bridgham, Wadoux]). Помимо игры со светом и тенью примечательно использование искривленных или размытых крупных планов, мешающих видеть происходящее и имитирующих искажение зрительного восприятия, какое бывает во время галлюцинаций. Так, страшные опиумные видения Джаспера, поощряемые “ведьмой” – хозяйкой опиумного притона, – представлены очень ярко и мистично. Усиление определенных звуков – настороженного шепота, отголосков эха – тоже используется как прием, нагнетающий напряжение. В конце этой экранизации романа перед Джаспером в потоке ослепляющего света является, как ему кажется, призрак Эдвина Друда (напоминает явление шекспировских призраков – призрака Банкво и «призрака» Макдуфа). Однако выясняется, что это не бесплотное видение, а настоящий Эдвин Друд, живой и невредимый (концовка диккенсовского романа здесь переделана Гвинет Хьюз). Жертвой Джаспера оказывается совершенно другой человек, погубленный по недоразумению.

Таким образом, густая сеть диккенсовских отсылок к «Макбету», присутствующая в оригинальном тексте незавершенного романа «Тайна Эдвина Друда» – это не просто орнаментальные элементы готики, но важные структурно-смысловые опоры произведения, задающие определенную динамику развития действия. Диккенс, используя суггестивные техники и скрытые цитаты, формирует психологический портрет Джона Джаспера как викторианского Макбета, одержимого роковой страстью, преследуемого галлюцинациями и осознанием собственной вины. Символичность бушующей бури и рухнувших каминных труб в трагическую ночь, когда с героем происходит несчастье (гибель Дункана, исчезновение Эдвина Друда), нарушение законов гостеприимства, лежащие тяжким грузом на совести Макбета и Джаспера, регулярное появление ведьм с их загадочными

вещаниями создают ощущение продуманной переключки диккенсовского повествования с шекспировской пьесой. Создается впечатление, что преступления Джаспера являются отголосками преступлений Макбета, а несчастная судьба Друда по-своему повторяет несчастную судьбу Дункана. Однако важный нюанс диккенсовского подхода заключается в сочетании мрачной трагедийности с богатством иронии, что отличает роман 1870 г. от пьесы начала XVII в., где (исключая редкие моменты комической разрядки) царит метафизический ужас. Рассмотрение экранизаций «Тайны Эдвина Друда» доказывает, что не все адаптации романа сохраняют сеть шекспировских отголосков. Возможно, будущие сценарные обработки «Тайны Эдвина Друда», в том числе создающиеся на русском языке, отразят в себе комплекс макбетовских реминисценций, эффектно и зрелищно раскрывая связь последнего романа Диккенса с великой трагедией Шекспира.

Список литературы

Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда / пер. с англ. О. Холмской // Собрание сочинений Диккенса: в 30 т. Т. 27 / под ред. А.А. Аникста, В.В. Ивашева. Москва: Гос. изд. худож. лит.-ры, 1962. С. 277–583.

Сафонова С.Ю. Особенности построения сюжета в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и романе Ч. Диккенса «Тайна Эдвина Друда» // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 4 (65). С. 94–97.

Халтрин-Халтурина Е.В. Диккенс и игры в вариации и номинации-2: Роман «Тайна Эдвина Друда» и сюрпризы жанра // Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации / отв. ред. М.Р. Ненарокова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 314–340. URL: <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0777-9-314-340>

Чечётко М., Фролов И. Великая загадка: роман Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда» в литературной критике и в попытках его завершения // Deutsche Internationale Zeitschrift Für Zeitgenössische Wissenschaft, 2023, no. 57, s. 26–30.

Шекспир У. Макбет / пер. Ю. Корнеева // Уильям Шекспир. Полное собр. соч.: в 8 т. Т. 7 / под общ. ред. А. Смирнова, А. Аникста. Москва: Искусство, 1960. С. 3–100.

Beer J. Opium, Dreams, and the Unconscious in *The Mystery of Edwin Drood*. Dickens Studies Annual, 1984, vol. 13, pp. 157–175.

Bridgham E. Recent Dickens Studies: 2011. Dickens Studies Annual, 2013, vol. 44, pp. 243–267.

Cox D.R. The Mystery of Edwin Drood: An Annotated Bibliography. New York, AMS, 1998, XXXVI + 669 p.

Dickens Ch. The Mystery of Edwin Drood. London, Chapman and Hall, 1870, 190 p.

Duffield H. The Macbeth Motif in Edwin Drood. The Dickensian, 1934, no. 30, pp. 263–271.

Gager V.L. Shakespeare and Dickens: The Dynamics of Influence. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1996, 419 p.

Jacobson W.S. The Companion to “The Mystery of Edwin Drood”. London, Allen & Unwin, 1986, XVII+209 p.

Matz B.W. The Mystery of Edwin Drood: A Bibliography. The Dickensian, 1911, vol. 7, no. 5, pp. 130–133.

Orford P. The Mystery of Edwin Drood: Charles Dickens' Unfinished Novel & Our Endless Attempts to End It. Barnsley (UK), Pen & Sword Books, 2018, 259 p.

Pypeć M. Playing with the Past: Neo-Victorianism and Metatheatricality in *The Mystery of Edwin Drood*. Anglica: An International Journal of English Studies, 2011, vol. 20, pp. 81–99.

Robison R. Storm Symbolism and Fate in Dickens' *The Mystery of Edwin Drood*. Journal of Victorian Studies, 1972, vol. 19, pp. 45–67.

Shakespeare W. Macbeth, ed. by S. Clark & P. Mason. London, Bloomsbury Publishing, 2015, 447 p. (The Arden Shakespeare Third Series). [Electronic Kindle edition].

Wadoux C. Dickens and His Doppelgänger: Playing Detective in Neo-Victorian Fiction. Litterae Mentis: Studies in Literature and Consciousness, 2018, vol. 5, pp. 19–36.

Whiteley G. The Gothic in Dickens and Shakespeare: Shadows and Echoes. The Palgrave Handbook of Gothic Origins, ed. by Clive Bloom. London, Palgrave Macmillan, 2021, pp. 92–115.

References

Chechetko M., Frolov I. *Velikaya zagadka: roman Charl'za Dikkensa «Tayna Edvina Druda» v literaturnoy kritike i v popytkakh yego zaversheniya* [The Great Riddle: Charles Dickens's Novel The Mystery of Edwin Drood in Literary Criticism and in Attempts to Complete It]. *Deutsche Internationale Zeitschrift Für Zeitgenössische Wissenschaft*, 2023, no. 57, pp. 26–30. (In Russ.)

Dickens Ch. *Tayna Edvina Druda* [The Mystery of Edwin Drood], trans. from English by O. Kholmakaya. *Sobraniye sochineniy Dikkensa: v 30 t. T. 27* [Collected Works of Dickens: in 30 vols. Vol. 27], ed. by A.A. Anikst, V.V. Ivasheva. Moscow, Gos. izd. khudozh. lit-ry Publ., 1962, pp. 277–583. (In Russ.)

Haltrin-Khalturina E.V. *Dikkens i igry v variacii i nominacii-2: Roman «Tajna Edvina Druda» i syurprizy zhanra* [Dickens and the Variations/Nominations Game-2: The Mystery of Edwin Drood and the Wanders of the Genre]. *Anglijskaja klassicheskaja literatura v mirovoj kul'ture: recepcii, transformacii, interpretacii* [English classical literature in world culture: receptions, transformations,

interpretations], ed. by Maria R. Nenarokova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, p. 314–340. (In Russ.)

Safonova S.Yu. *Osobennosti postroyeniya syuzheta v romane F.M. Dostoyevskogo «Prestupleniye i nakazaniye» i romane Ch. Dikensa «Tayna Edvina Druda»* [Features of the plot construction in the novel by F.M. Dostoevsky “Crime and Punishment” and the novel by C. Dickens “The Mystery of Edwin Drood”]. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [Humanitarian and socio-economic sciences], 2012, no. 4 (65), pp. 94–97. (In Russ.)

Shakespeare W. *Makbet* [Macbeth], trans. by Yu. Korneev. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Complete Works: in 8 vols. Vol. 7], ed. by A. Smirnov, A. Anikst. Moscow, Iskustvo Publ., 1960, pp. 3–100. (In Russ.)

Beer J. Opium, Dreams, and the Unconscious in *The Mystery of Edwin Drood*. Dickens Studies Annual, 1984, vol. 13, pp. 157–175.

Bridgham E. Recent Dickens Studies: 2011. Dickens Studies Annual, 2013, vol. 44, pp. 243–267.

Cox D.R. *The Mystery of Edwin Drood: An Annotated Bibliography*. New York, AMS, 1998, XXXVI + 669 p.

Dickens Ch. *The Mystery of Edwin Drood*. London, Chapman and Hall Publ., 1870, 190 p.

Duffield H. The Macbeth Motif in Edwin Drood. *The Dickensian*, 1934, no. 30, pp. 263–271.

Gager V.L. *Shakespeare and Dickens: The Dynamics of Influence*. Cambridge, Cambridge Univ. Press Publ., 1996, 419 p.

Jacobson W.S. *The Companion to “The Mystery of Edwin Drood”*. London, Allen & Unwin Publ., 1986, XVII+209 p.

Matz B.W. *The Mystery of Edwin Drood: A Bibliography*. *The Dickensian*, 1911, vol. 7, no. 5, pp. 130–133.

Orford P. *The Mystery of Edwin Drood: Charles Dickens' Unfinished Novel & Our Endless Attempts to End It*. Barnsley (UK), Pen & Sword Books Publ., 2018, 259 p.

Pypec M. Playing with the Past: Neo-Victorianism and Metatheatricality in *The Mystery of Edwin Drood*. *Anglica: An International Journal of English Studies*, 2011, vol. 20, pp. 81–99.

Robison R. Storm Symbolism and Fate in Dickens' *The Mystery of Edwin Drood*. *Journal of Victorian Studies*, 1972, vol. 19, pp. 45–67.

Shakespeare W. *Macbeth*, ed. by S. Clark & P. Mason. London, Bloomsbury Publ., 2015, 447 p. (The Arden Shakespeare Third Series). [Electronic Kindle edition].

Wadoux C. Dickens and His Doppelgängers: Playing Detective in Neo-Victorian Fiction. *Litterae Mentis: Studies in Literature and Consciousness*, 2018, vol. 5, pp. 19–36.

Whiteley G. *The Gothic in Dickens and Shakespeare: Shadows and Echoes*. *The Palgrave Handbook of Gothic Origins*, ed. by Clive Bloom. London, Palgrave Macmillan Publ., 2021, pp. 92–115.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was submitted 21.02.2025; approved for reviewing 24.03.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 97–103. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 97–103. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(73).09"19" ; 821.161.1.09"19"

EDN KQPDST

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-97-103>

ПОСТРОМАНТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ С РОМАНТИЗМОМ: «ПИСЬМА АСПЕРНА» И «ПИКОВАЯ ДАМА»

Луговцова Александра Эдуардовна, аспирант, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, winchester_alex@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7726-9369>

Аннотация. Новелла Г. Джеймса «Письма Асперна» (1888/1908) не единожды привлекала внимание своими перекличками с «Пиковой дамой» (1834) А.С. Пушкина. В частности, отдельные сцены и сюжетные параллели новеллы и повести были подробно откомментированы отечественными и зарубежными специалистами. Джеймсоведы не исключают, что писатель был знаком с текстом «Пиковой дамы». Замысел возник у Джеймса в первой половине 1887 г. благодаря «анекдоту» о бостонском мореплавателе, одержимом желанием отыскать письма английских романтиков через пожилую даму, вдовившую с ними знакомство в юные годы. Пушкинской «Пиковой даме» также приписывалась связь с традицией «анекдотов», что сближает произведения и на уровне жанровой принадлежности. Любопытна и такая схожесть сюжетных функций, как разворачивание событий в «городе на воде» (Петербург/Венеция), и то, как аристократическая игровая среда трансформируется в литературные круги эмигрантов. Выбранный ракурс сопоставления известных повестей позволяет продемонстрировать, как один сюжет используют писатели разных направлений, что делает каждое произведение текстом своей эпохи: романтической – в случае с Пушкиным и постромантической – в связи с Джеймсом.

Ключевые слова: Генри Джеймс, А.С. Пушкин, малая проза, русский романтизм, западноевропейский постромантизм, «перекличка поколений».

Для цитирования: Луговцова А.Э. Постромантический диалог с романтизмом: «Письма Асперна» и «Пиковая дама» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 97–103. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-97-103>

Research Article

A POST-ROMANTIC DIALOGUE WITH ROMANTICISM: “THE ASPERN PAPERS” AND “THE QUEEN OF SPADES”

Alexandra E. Lugovtsova, Postgraduate Student, Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, winchester_alex@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7726-9369>

Abstract. Henry James’s novella “The Aspern Papers” (1888/1908) has frequently been examined in connection with Alexander Pushkin’s “The Queen of Spades” (1834). Scholars—both Russian and Western—have analysed various parallels between the two works, including specific scenes and narrative structures. Some Jamesian scholars suggest that the author may have been familiar with Pushkin’s text. The idea for “The Aspern Papers” emerged in early 1887 from an anecdote about a Boston sailor obsessed with finding letters from English Romantic poets through an elderly woman who had once known them in her youth. Similarly, “The Queen of Spades” has been linked to the literary tradition of “anecdotes,” further aligning the two works in terms of genre. Another striking similarity lies in their settings: both stories unfold in “cities on water” (St. Petersburg and Venice), and while Pushkin’s aristocratic gambling milieu is central to his narrative, James transposes this dynamic into the world of expatriate literary circles. This comparative approach highlights how authors from different literary traditions reinterpret a shared plot structure, illustrating what makes each work a product of its respective era—Romanticism in Pushkin’s case and Post-Romanticism in James’s.

Keywords: Henry James, Alexander Pushkin, short fiction, Russian Romanticism, Western European Post-Romanticism, “dialogue of generations.”

For citation: Lugovtsova A.E. A Post-Romantic Dialogue with Romanticism: “The Aspern Papers” and “The Queen of Spades”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 97–103 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-97-103>

Затронутая нами тема достаточно открыто заявлена в отечественном и зарубежном литературоведении: подробно откомментированы реминисценции «Пиковой дамы» (1834) в «Письмах Асперна» (1888/1908) как минимум в десяти исследованиях. Любопытную перекичку подмечает А.А. Елистратова: в предисловии к изданию повестей и рассказов Генри Джеймса (1973 г.) исследовательница упоминает эпизод, когда «умирающая старуха... застигает своего жильца на месте преступления...» [Елистратова: 12]. Этот фрагмент, по мнению исследовательницы, роднит новеллу с «Пиковой дамой», но скорее напоминает одноименную оперную постановку П.И. Чайковского, нежели повесть Пушкина. Премьера оперы Чайковского, как известно, состоялась в конце 1890 г., и примечательно, что сочинялась она во Флоренции – городе, где и сам Джеймс работал над «Асперном» с 1887 г. Переговоры об оперной адаптации пушкинского сюжета, так или иначе, проводились в культурных кругах того времени еще до сценического воплощения, то есть приблизительно в период пребывания Джеймса в Италии, однако факт влияния остается на уровне догадок.

Более развернутые исследовательские осмысления этого «странного сближения» в основном существовали в рамках контактно-генетических связей и типологических сопоставлений. Почти одновременно с комментарием Елистратовой выходит статья английского литературоведа Э.Д. Бриггса о возможном влиянии Пушкина на Джеймса, где акцентируется не только параллель «Писем Асперна» с «Пиковой дамой», но и затрагиваются другие возможные пушкинские влияния на англо-американского писателя¹. Пушкиноведы, в свою очередь, обнаруживают справедливые текстуальные совпадения между новеллой и повестью (подробнее см.: [Есипов]). Отечественные джеймсоведы также упоминают об этом исследовании, однако, по их мнению, «сравнительному анализу подвергается не оригинал повести Джеймса, а ее русский перевод» и, как следствие, «возникающие у русскоязычного читателя пушкинские аллюзии могут быть отнесены за счет сознательной (или бессознательной) ориентации переводчика на типологически сходные национальные образцы» [Анцыферова: 102], что, кстати, действительно заметно при чтении новеллы Джеймса в переводе². Такое замечание может быть и справедливо, если основывать наблюдение на русскоязычных текстах. Однако сам факт существования иноязычных исследований на заявленную тему (см. некоторые из них: [Briggs; Comwell, 1990, 2004; Voisine-Jechova]) противоречит этому наблюдению.

Исследователями отмечено, что «Пиковая дама» была интегрирована в европейскую культуру благодаря переводу на французский Проспером Мериме в 1849 г. Перевод подвергался дальнейшей доработке: окончательная редакция была выпущена в 1852 г.,

однако в переводе сохранилось некоторое количество неточностей (подробнее об этом см.: [Боброва]), и переиздания на этом не заканчивались. Так или иначе, повесть была известна в литературных кругах того времени, и не без помощи И.С. Тургенева. В 1875–1876 гг. Г. Джеймс проживал в Париже, где он встречался с членами «кружка Флобера», в том числе и с Тургеневым, ставшим для него близким наставником. Тургенев исправно снабжал своего младшего друга новостями о культурной жизни России и Европы, в том числе и литературными новинками. Джеймс всегда покидал своего русского учителя «в состоянии “внутреннего возбуждения”, с ощущением, что “ему предложены все возможные литературные ценности”» (цит. по: [Гулевич: 31]).

Будучи признанным литературным гением, создавшим крупные произведения в период с 1820-х по 1830-е годы, то есть на исходе западноевропейской романтической эпохи, Пушкин оказал глубокое влияние на русский романтизм, и примечательно, что из французских писателей, входящих в «главу» о романтизме, наиболее тесную связь имел с П. Мериме³. Тем не менее оценка отношения Пушкина к романтизму остается спорной, несмотря на созвучие его творчества традиционным темам романтизма (превознесение свободы от социальных и культурных ограничений, эмотивность, проявление иронии, жанрового разнообразия, интереса к народной литературе и истории). «Пиковая дама», так или иначе, создавалась в этом ключе.

Новелла Г. Джеймса, безусловно, творилась в иных культурных реалиях, и мы имеем полное право определить эти реалии как постромантические. Несмотря на то, что многие исследователи указывали на схожесть сюжетного построения повести Пушкина и новеллы Джеймса, они редко обращали внимание на различия романтических и постромантических повествовательных техник. Научная новизна статьи и заключается в аналитическом изучении не только сходств произведений, но и их повествовательных отличий.

* * *

Сюжет «Пиковой дамы» А.С. Пушкина не требует предварительного изложения, поскольку, безусловно, известен русскоязычному читателю еще со школьной скамьи. Новелла «Письма Асперна» (*The Aspern Papers*) не снискала широкой известности у аудитории, потому обратимся к ее краткому содержанию.

Роль повествователя новеллы отведена безвестному литературному издателю американского происхождения, поклоннику вымышленного покойного поэта-романтика Джеффри Асперна (также американец). Герой замышляет завладеть письмами поэта к его бывшей возлюбленной, Джулиане Бордеро, которые, как он полагает, все еще у нее хранятся. Джу-

лиана, ныне пожилая женщина, живет в Венеции со своей племянницей Тиной, «дамой бальзаковского возраста». Охотник за рукописями представляется вымышленным именем (которое читателю, кстати сказать, остается неизвестным, как и его настоящее имя) и притворяется, что является бескорыстным поклонником творчества Асперна. Он снимает комнаты в их палатце за высокую цену, завоевывает доверие Тины и пытается собрать как можно больше интимных подробностей о жизни Асперна. В конечном итоге герой прокрадывается к секретеру дамы в надежде заполучить письма. Далее следует ключевая сцена, напоминающая ключевую сцену «Пиковой дамы». После похорон старой дамы издатель пытается выкупить рукописи, но племянница может допустить его к семейному наследию, только если он станет членом их семьи, то есть женится на ней.

Тема почти маниакальной погони за чужой тайной определяет сюжет «Асперна» и «Пиковой дамы», но стоит отметить и схожесть художественных деталей: молодой человек – неизвестный, но представительный *иностранец*; старуха, сравниваемая с ведьмой⁴; женщина помоложе – робкая и полностью подчиненная пожилой (Лизавета Ивановна и Тина); огромный дом, похожий на дворец; темный, непроницаемый будуар с реликвиями; зеленый цвет как элемент таинственности; «оживленные глаза» старухи и даже схожее движение поднятых рук перед смертью⁵. Таких примеров много. В обоих текстах также используется повествовательный прием нагнетания тревожного ожидания (*suspense*). Однако у Пушкина события развиваются стремительно, а у Джеймса – неторопливо.

Как же эта «постромантическая» неторопливость выражается у Джеймса? Повествование в новелле Джеймса представлено внутренним монологом издателя, его долгими размышлениями, наблюдениями и манипуляциями. «Ненадежность» повествователя заставляет читателя сомневаться в достоверности его мотивов. Герой заикливается на приобретении любовной переписки покойного поэта, и такого рода стремление можно было бы оправдать его интеллектуальной тягой и профессиональными требованиями литератора, однако его действия выходят за рамки этических норм. Для героя-рассказчика Асперн – излучающее свет божество. Герой его идеализирует, потому таким важным ему кажется обретение его автографов. Однако повествователь не действует в рамках приличия, дабы их получить, а встает на несправедливый путь обмана⁶. Сюжет в связи с этим разворачивается как своеобразная детективная история. Существуют ли эти письма на самом деле? Сможет ли охотник за рукописями быть искренним в человеческих взаимоотношениях? Читатель понимает, что Джулиана не хочет делиться письмами просто так. Очевидно,

что героиня заботится о том, чтобы обеспечить безбедное будущее для своей племянницы. Возможно, Джулиану привлекла бы идея принести более широкое общественное признание своему бывшему поэту-возлюбленному и/или сохранить свое место в его истории, если бы она могла быть уверена в благонадежности издателя. Предположений много, но Джеймс оставляет читателя без определенных ответов.

Германн, главный герой Пушкина, «лицо истинно романическое», становится одержим мистическим секретом графини о трех «волшебных» картах, знание которых приведет его к богатству. Пушкинская повесть более сжата: психологические нюансы пусть и значительны, но все же основное внимание здесь акцентировано на внешних событиях – аффективное расстройство Германа проявляется в его поступках, а не во внутренних размышлениях. Как замечают пушкиноведы, «повествование двусмысленно совмещает внешнюю (“реальную”) точку зрения на события и внутреннюю (“фантастическую”) точку зрения самого героя. <...> Автор всеведущ во всех реальных подробностях, но его знание и повествование останавливается перед областью “тайны”» [Бочаров: 190, 200–201], что наводит на мысль о повествовательной организации пушкинского текста, свойственной механизмам построения романтической новеллы. Концепция романтической двойственности укоренилась в тексте на множестве уровней, и не в последнюю очередь в изображении практически всех персонажей этой истории.

Исследователи неоднократно развивали мысль о том, как поэтика повести вбирает в себя принцип игры в «фараон»⁷, а «повествование с ироническим благодушием вводит читателя в забавные последствия игры» [Виноградов: 77]. В рамках семиотического подхода азартная игра в XVIII – начале XIX в. воспринималась как модель социума, «становясь языком, на который переводились разнообразные явления внешнего <...> мира» [Лотман: 797]. «Фараон» в литературе тех лет, тем самым, предстает как модель жизни, как игра с неизвестностью и случаем – «случаем», не случайно прозвучавшим в качестве реплики-реакции на анекдот о выигрыше графини; последовавшая за этим реакция Германа – «Сказка!», – будто бы соединила рассудок и предрассудок, навлекла и сам фатальный случай развития ситуации, и «сказочный» к ней фон.

Вернемся же к новелле Джеймса и ее контексту, для чего необходимо прибегнуть к текстологической справке. История об Асперне возникла у писателя в связи с «анекдотом» о бостонском мореплавателе-энтузиасте, который надеялся выкрасть письма лорда Байрона и П.Б. Шелли у Клэр Клермонт, их бывшей подруги, на тот момент пожилой дамы, проживающей с воспитанницей во Флоренции (где

обосновался Джеймс). Текст изначально был опубликован в выпусках журнала *The Atlantic Monthly* за март – май 1888 г., а в 1908 г. писатель переосмыслил свою новеллу и написал к ней предисловие, в котором размышлял над «привлекательностью» романтического периода, «заклученной, скорее, в “особом эффекте”, в какой-то глубокой ассоциативной силе, чем в присущем ей внутреннему преимуществу» (“an appeal residing doubtless more in the ‘special effect’, in some deep associational force, than in a virtue more intrinsic”) [James: xxxii]. Поколение романтиков (последнее десятилетие XVIII – первое десятилетие XIX в.), по его мнению, находится на стыке между прошлым и настоящим, между историей и памятью, между желанием прикоснуться к прошлому как к чужому и в то же время ощутить его как свое собственное настоящее. В том же предисловии он характеризует это как *visitable past* (или *the Byronic Age*): «...осоздаемое, воображаемое, доступное для посещения прошлое, более близкие расстояния и более ясные тайны, знаки и отметки мира, до которого можно дотянуться... драгоценный элемент близости, так много говорящий о связях, но так сильно улавливающий различия» (“a palpable imaginable visitable past—in the nearer distances and the clearer mysteries, the marks and signs of a world we may reach over to... the precious element of closeness, telling so of connexions but tasting so of differences”) [James: xxxi]. Эта формула предполагает разрыв между поколениями примерно в 60–70 лет. Любопытно, что и в «Пиковой даме», которая написана на исходе романтической эпохи (в Англии в 1834 г. исполнилось 10 лет с года гибели последнего представителя поколения «младших романтиков» – Байрона) прослеживается тот же таинственный разрыв поколений, а сюжетная коллизия, если подходить к ней с этого ракурса, даже не столько в тайне трех карт, сколько в тайне самой фигуры графини, окруженной ореолом тех далеких и одновременно близких времен (как, собственно, и Джулиана Джеймса). Небезынтересно и то, что Пушкин указывает на ту же дистанцию между поколениями бабушек и их внуков, измеряя ее шестью десятилетиями: «Надобно знать, что бабушка моя, лет *шестьдесят*⁹ тому назад...», «...и одевалась так же долго, так же старательно, как и *шестьдесят* лет тому назад», «По этой самой лестнице... может быть лет *шестьдесят* назад... прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле...» [Пушкин: 228, 231, 245].

Итак, оба писателя затрагивают некое ассоциативное ощущение прошлого. Перенос Джеймсом сюжета из Флоренции в мифическую, «летающую», солнечную Венецию способствовало воссозданию этого воображаемого прошлого. Меланхоличный, холодный Петербург, обладающий тем же мифическим статусом в русской литературе (известный как Пальмира Севера,

Северная Венеция), в свою очередь, не давал покоя воображению Пушкина. Атмосфера XVIII в. входит в повесть через антураж дома графини, а также выражается в отсылках на Казанову, «просвещенный век» и парижское общество. Французский опыт княгини Н.П. Голицыной, известный прототип старой графини, способствовал мифологизации аристократических традиций и практик, мелькающих в «Пиковой даме». Аристократическое общество того времени, как пишут исследователи, славилось искусством вести галантную беседу, «непременными качествами которой считались естественность и в то же время игровой характер». Именно как шутку воспринимает старая графиня историю трех карт, как дань остроумию. Обращение же Германа с графиней весьма отличается от галантного почитания женщины. «Старая, аристократическая, общежительная, веселая культура», тем самым, «вытесняется новой, демократической, индивидуалистической, серьезной (“сердитой”）」 [Гречаная: 47]. «Письма Асперна» также изобилует обращениями к байронической эпохе, к «изошренной Венеции Казановы и Гольдони в стиле рококо» (“<Her tone, hadn’t it been so decent, would have seemed to carry one back to> the queer rococo Venice of Goldoni and Casanova” [James: 40]). Мотив воды, вероятно, самый повторяющийся литературный символ, источник жизни и смерти, также привносит своеобразную метафоризацию художественного пространства. Все это рисует своеобразный историко-литературный палимпсест, конструирует вневременную художественную реальность.

Зрелая проза Джеймса фактически строится на психологических нюансах и неоднозначности, что является характерным признаком постро-мантической художественной техники. Вспомнить, хотя бы, саму фигуру Джеффри Асперна, вымышленного американского поэта. Высказываются предположения, что, не взирая на Байрона и Шелли, Джеймс воплощал в этом образе черты своих соотечественников-«романтиков» – Н. Готорна, Э.А. По, У. Уитмена. Однако некоторые исследователи находят здесь и черты А.С. Пушкина, как бы за-прятанного в фамилии загадочного поэта новеллы Джеймса (*АСПерн*) [Анцыферова: 107].

Контраст между живым и мертвым, настоящим и прошлым также играет важную роль в этих сюжетах. Герой Джеймса одержим идеей запечатлеть и сохранить прошлое, можно сказать эстетизировать его. Однако Джулиана Бордеро – не просто персонаж в погоне издателя за новыми знаниями, но и неотъемлемая часть той истории, единственный живой источник сведений той эпохи. Отказ отдать личные документы представляет своего рода вызов навязчивому стремлению героя. Пушкинская графиня, объект одержимости Германа, хоть и олицетворяет та-

инстинтивное прошлое, все же не является активным персонажем в том смысле, в каком является Джулиана. Старая женщина у Пушкина не столько персонаж, обладающий собственной волей, сколько катализатор падения главного действующего лица. Это принципиально отличает их взаимодействие с Германном, построенное скорее на монологе последнего, от «драматических» диалогов рассказчика с Джулианой в новелле Джеймса.

Даже любовная линия здесь воплощает в значительной степени отстраненное, интеллектуальное желание, «романтизированный» взгляд на прошлое. Попытки ухаживания героя за Тиной преломляются через призму представления об отношениях Асперна и Джулианы и не несут в себе никакой искренности. Своими хищническими действиями по отношению к чужой любви герой все дальше отходит от понимания истинных человеческих чувств. Романтические элементы в пушкинской истории затмеваются жадностью Германна – он относится к Лизавете как к «ступеньке» на пути к своей «великой» цели. Романтическое отчуждение, условно говоря, перетекает в постромантический вариант конфликта, его трудноразрешимую версию.

Парадоксальная основа авторской концепции воплощается и в самой повествовательной форме: Джеймс преобразил сюжет так, что происходящие события и действия персонажей постоянно противоречат ожиданиям читателей и меняют восприятие. Сама природа парадоксальности, если обращаться к ней в рамках того «байронического века» (а равно и пушкинского), который так хотел передать писатель, лежит в основе «романтической иронии» – сосредоточенности не на осязаемой реальности, а на недоступном для восприятия идеале, ее формирующем¹⁰. Чем интенсивнее воспоминание о якобы романтической Венеции и ее прошлом, тем более ироничен и сам повествователь-энтузиаст, разрушающий это прошлое. В то же время чем отчетливее его современная недобросовестность в стремлении к рукописям, тем более эффектна противоположная ей подлинная тяга романтиков к прекрасному. Не менее интересно такая ироническая парадоксальность отслеживается и в пушкинской повести. Ирония, по мнению пушкинистов, «разъедает ткань повествования» [Виролайн: 170] в «Пиковой даме». Очевидно, что «анекдот» Томского, интригующий своим авантюрным ореолом, распал и без того пылкое воображение Германна. Герой не может устоять перед тайной старухи и создать необходимую дистанцию между идеализированным, «сверхъестественным» содержанием и своими реальными возможностями. Зацикленность на увеличении «капитала» противоречит его страстным порывам. Монолог Германна, который он произносит перед графиней, сначала исполнен страстной мольбы, а затем

гневом игрока, которому отказываются раскрывать тайну. Жажда власти захватывает и поглощает его так, что он, на пороге достижения желаемого, в конце концов допускает ошибку по невнимательности. Попытка обмануть судьбу оказалась для героя роковой: «судьба наказывает Германна за предательство по отношению к жизни и к самому себе» [Виролайн: 174].

Итак, в рамках различных традиций, культурных контекстов и механизмов повествования один сюжет окрашивается разными красками. Обе повести объединяет основная тема: острое чувство истории, которое воплощает «живая реликвия» прежних времен, и маниакальное стремление раскрыть ее тайну. Пушкин внедрил в свою «Пиковую даму» двойственную мотивировку – реальную и фантастическую, присущую сюжетному механизму романтической новеллы. Постромантическая новелла Джеймса строится иначе, скрывая в себе множественные смыслы. Обработка сюжета, тем самым, подчинена законам литературной эволюции. Германн закономерно расплачивается за свои преступления, что нельзя сказать про героя Джеймса: его судьба покрыта «дымовой завесой». Метафорическая «игра в загадки» перерастает в литературную игру с читателем: у Пушкина – по законам начала XIX века, у Джеймса – по законам его конца.

Примечания

¹ Автор подмечает существенную связь между «Асперном» и пушкинским «Медным всадником» через один важный эпизод. Рассказчик новеллы Джеймса ближе к концу повествования натывается на статую Бартоломео Коллеони. По мнению исследователя, «читатель, знакомый с Пушкиным, будет поражен сходством между этой сценой и между пушкинским героем и статуей Петра» [Briggs: 59]. Обе статуи исторических личностей, в момент противопоставления их героям, напоминают читателям о мелочности локальных человеческих конфликтов. Столь изысканное отступление на мгновение останавливает само движение времени и рисует широкую перспективу, на фоне которой следует оценивать все более локализованное и эгоцентричное поведение рассказчика новеллы.

² Новелла «Письма Асперна» была впервые переведена на русский язык Е.Д. Калашниковой в 1973 г.

³ Для иллюстрации вспомним эпизод «обратного перевода» Пушкиным Мериме и Мериме Пушкина: стихотворный цикл «Песнь западных славян» (1835) Пушкин заимствовал из прозаической мистификации Мериме *La Guzla* (1827), представляющей собой будто бы песни юго-западных славян, переведенные на французский язык с иллирийского. Мериме, в свою очередь, подарил французской литературе несколько переводов пушкинских повестей.

⁴ “She was such a subtle old witch that one could never tell where one stood with her” [James: 62] / «— Старая ведьма! — сказал он, стиснув зубы» [Пушкин: 242]. (В переводе Мериме, кстати, “maudite vieille” упоминается два раза.)

⁵ “She waved me off with her old hands, retreating before me in horror; and the next thing I knew she had fallen back with a quick spasm, as if death had descended on her, into Miss Tina’s arms” [James: 79] / «При виде пистолета графиня во второй раз оказала сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела... Потом покатила навзничь... и осталась недвижима» [Пушкин: 242].

⁶ Подробнее об аспекте «обретения богатства не-праведным путем» в связи с обозначенной темой см.: [Белова].

⁷ Фараон — карточная игра, популярная во Франции конца XVIII в. Игроки ставят свои фишки на карту, которая, по их мнению, выиграет. Затем «банкомет» игры вытягивает две карты: одну карту от себя и одну карту игрока. Любая ставка, сделанная на число, совпадающее с картой игрока, выигрывает, а все, что совпадает с картой банкмета, проигрывает. В игре используется скорее случай, чем мастерство: игроки совершают символический жест, ставя на саму судьбу, поскольку у них нет возможности распоряжаться картами. Когда читатель впервые встречает Германна, он сидит за карточным столом и внимательно наблюдает за игроками, не участвуя в игре сам. Он очарован игрой, но отказывается играть, мотивируя это своей причиной: «...я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее» [Пушкин: 227].

⁸ Кстати сказать, первый полный перевод «Пиковой дамы» на английский язык вышел только в 1892 г., что не исключает возможного знакомства Джеймса с этим произведением в момент позднейшего редактирования своего сочинения для нью-йоркского собрания.

⁹ Курсив в данном цитировании наш. — А. Л.

¹⁰ Подробнее о терминологии в романтическом контексте (в том числе и в свете «Пиковой дамы») см.: [Shrayer].

Список литературы

Анциферова О.Ю. Джеймс и Пушкин // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX–XX веков: Литературные связи, типология, интертекст. Иваново: ИвГУ, 2001. С. 101–111.

Белова Т.Н. Трансформация пушкинской темы («Пиковая дама») в повести Г. Джеймса «Письма Асперна» (1888) // Александр Сергеевич Пушкин как культурный феномен: материалы II Всерос. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 6 июня 2024 г. Санкт-Петербург: СПбХПА им. А.Л. Штиглица, 2024. С. 5–11.

Боброва Е.И. Перевод П. Мериме «Пиковой дамы» // Пушкин: Исследования и материалы. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 354–361.

Бочаров С.Г. «Пиковая Дама» // Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. Москва: Наука, 1974. С. 186–206.

Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2. С. 74–147.

Виролайнен М.Н. Ирония в повести Пушкина «Пиковая дама» // Проблемы пушкиноведения: сб. науч. трудов / отв. ред. Е.А. Маймин. Ленинград: Госпединститут, 1975. С. 169–175.

Гречаная Е.П. Две заметки к теме «Пушкин и Франция». Ч. 2. Французский контекст «Пиковой дамы» // Россия и Франция: диалог культур: статьи и материалы / сост. Е.Е. Дмитриева, А.Ю. Сорочан, А.Ф. Строев. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2015. С. 43–49.

Гулевич Е.В. Г. Джеймс и И. Тургенев: формы и этапы рецепции. Гродно: ГрГУ, 2014. 127 с.

Елистратова А. Предисловие // Джеймс Г. Повести и рассказы / пер. с англ.; сост. А. Елистратовой. Москва: Худож. лит., 1973. С. 3–18.

Есипов В.М. Пушкинские реминисценции в «Письмах Асперна» // Московский пушкинист: ежегодный сборник / сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий. Москва: ИМЛИ РАН: Наследие, 1995. С. 279–284.

Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. С. 786–814.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 8, кн. 1. С. 225–252.

Briggs A.D. Alexander Pushkin: A Possible Influence on Henry James. Forum for Modern Language Studies, 1972, vol. 8, no. 1, pp. 52–60.

Comwell N. Pushkin and Henry James. Comwell N. The Literary Fantastic: From Gothic to Postmodernism. New York, London, Harvester Wheatsheaf, 1990, pp. 113–139.

Comwell N. Pushkin and Henry James: Secrets, Papers and Figures (“The Queen of Spades”, “The Aspern Papers” and “The Figure in the Carpet”). Two Hundred Years of Pushkin, ed. by R. Reid, J. Andrew. Amsterdam, Editions Rodopi, 2004, vol. 3, pp. 193–208.

James H. The Aspern Papers and Other Stories, ed. with an introd. and notes by A. Poole. Oxford, New York, Oxford University Press, 1991, 212 p.

Scales J.N. The Ironic Smile: Pushkin’s “The Queen of Spades” and James’ “The Aspern Papers.” CLA Journal, 1991, vol. 34, no. 4, pp. 486–490.

Shrayer M.D. Rethinking Romantic Irony: Puškin, Byron, Schlegel and “The Queen of Spades.” The Slavic and East European Journal, 1992, vol. 36, no. 4, pp. 397–414.

Voisine-Jechova H. Le Secret de la Vieille Dame: A.S. Puškin et Henry James. *Revue de Littérature Comparée*, 1995, vol. 69, no. 3, pp. 263–271.

References

Antsyferova O.Iu. *Dzheims i Pushkin* [James and Pushkin]. *Natsional'naia spetsifika proizvedenii zarubezhnoi literatury XIX–XX vekov: Literaturnye sviazi, tipologiya, intertekst* [National Specifics of Works of Foreign Literature of the 19th–20th Centuries: Literary Connections, Typology, Intertextuality]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2001, pp. 101–111. (In Russ.)

Belova T.N. *Transformatsiia pushkinskoi temy ("Pikovaia dama") v povesti G. Dzheimsa "Pis'ma Asperna" (1888)* [The Transformation of the Pushkin Theme ("The Queen of Spades") in H. James's Novella "The Aspern Papers" (1888)]. *Aleksandr Sergeevich Pushkin kak kul'turnyi fenomen: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf.; Sankt-Peterburg, 6 iyunia 2024 goda* [Alexander Pushkin as a Cultural Phenomenon: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, June 6, 2024]. St. Petersburg, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design Publ., 2024, pp. 5–11. (In Russ.)

Bobrova E.I. *Perevod P. Merime "Pikovoio damy"* [P. Mérimée's Translation of "The Queen of Spades"]. *Pushkin. Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Studies and Materials]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1958, vol. 2, pp. 354–361. (In Russ.)

Bocharov S.G. *"Pikovaia Dama"* ["The Queen of Spades"]. Bocharov S.G. *Poetika Pushkina. Ocherki* [Poetics of Pushkin: Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 186–206. (In Russ.)

Elistratova A. *Predislovie* [Preface]. *Dzheims G. Povesti i rasskazy* [James H. Stories and Tales], trans. from English, comp. by A. Elistratova. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973, pp. 3–18. (In Russ.)

Esipov V.M. *Pushkinskie reministsentsii v "Pis'makh Asperna"* [Pushkin's Reminiscences in "The Aspern Papers"]. *Moskovskii pushkinist: ezhegodnyi sbornik* [Moscow Pushkinist: An Annual], comp. ex. ed. by V.S. Nepomniashchii. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 1995, pp. 279–284. (In Russ.)

Grechanaia E.P. *Dve zametki k teme "Pushkin i Frantsiia". Ch. 2. Frantsuzskii kontekst "Pikovoio damy"* [Two Notes on the Topic "Pushkin and France". Part 2: The French Context of "The Queen of Spades"]. *Rossiia i Frantsiia: dialog kul'tur: Stat'i i materialy* [Russia and France: Dialogue of Cultures: Articles and Materials], comp. by E.E. Dmitrieva, A.Iu. Sorochan, A.F. Stroeve. Tver', M. Batasova Publ., 2015, pp. 43–49. (In Russ.)

Gulevich E.V. *G. Dzheims i I. Turgenev: formy i etapy retseptsii* [H. James and I. Turgenev: Forms and Stages of Reception]. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2014, 127 p. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *"Pikovaia dama" i tema kart i kartochnoi igry v russkoi literature nachala XIX veka* ["The Queen of Spades" and the Theme of Cards and Card Games in Russian Literature of the Early 19th Century]. Lotman Iu.M. *Pushkin: Biografiia pisatel'ia. Stat'i i zametki, 1960–1990. "Evgenii Onegin": Kommentarii*. [Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; Eugene Onegin: Comments]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 1995, pp. 786–814. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [Complete Works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1940, vol. 8, iss. 1, pp. 225–252. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Stil' "Pikovoio damy"* [The Style of "The Queen of Spades"]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin. Bulletin of the Pushkin Commission]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1936, vol. 2, pp. 74–147. (In Russ.)

Virolainen M.N. *Ironiia v povesti Pushkina "Pikovaia dama"* [Irony in Pushkin's Tale "The Queen of Spades"]. *Problemy pushkinovedeniia: sb. nauch. trudov* [Problems of Pushkin Studies: A Collection of Research Papers], ed. by E.A. Maimin. Leningrad, Gospedinstitut Publ., 1975, pp. 169–175. (In Russ.)

Briggs A.D. Alexander Pushkin: A Possible Influence on Henry James. *Forum for Modern Language Studies*, 1972, vol. 8, no. 1, pp. 52–60.

Comwell N. Pushkin and Henry James. Comwell N. *The Literary Fantastic: From Gothic to Postmodernism*. New York, London, Harvester Wheatsheaf, 1990, pp. 113–139.

Comwell N. Pushkin and Henry James: Secrets, Papers and Figures ("The Queen of Spades", "The Aspern Papers" and "The Figure in the Carpet"). *Two Hundred Years of Pushkin*, ed. by R. Reid, J. Andrew. Amsterdam, Editions Rodopi, 2004, vol. 3, pp. 193–208.

James H. *The Aspern Papers and Other Stories*, ed. with an introd. and notes by A. Poole. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 1991, 212 p.

Scales J.N. The Ironic Smile: Pushkin's "The Queen of Spades" and James' "The Aspern Papers." *CLA Journal*, 1991, vol. 34, no. 4, pp. 486–490.

Shrayer M.D. Rethinking Romantic Irony: Puškin, Byron, Schlegel and "The Queen of Spades." *The Slavic and East European Journal*, 1992, vol. 36, no. 4, pp. 397–414.

Voisine-Jechova H. Le Secret de la Vieille Dame: A.S. Puškin et Henry James. *Revue de Littérature Comparée*, 1995, vol. 69, no. 3, pp. 263–271.

Статья поступила в редакцию 15.03.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 15.03.2025; approved for reviewing 17.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 104–111. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 104–111. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09"19"

EDN NGKFRS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-104-111>

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ОБРИ БЕРДСЛИ И «НОВОГО ИСКУССТВА» В ЖУРНАЛЕ «ПАНЧ»

Новокрещенных Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, ira-tabunkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0877-4823>

Аннотация. Восприятие творчества Обри Бердсли в журнале «Панч» в 1894–1895 гг. обнаруживает интерес к его графическому творчеству и к «новому искусству» в целом. Литературная рецепция «нового искусства» и Бердсли представлена в экфрастической заметке о выставке, в стихотворном «рецепте» произведения искусства, в стихотворении о литературе, женщине и нравах современности, в рецензии на издания современных романов. Творчество Обри Бердсли рассматривается в контексте современного ему искусства английских импрессионистов через уничижительные сравнения и обнаруживает тоску по истинному и реалистичному образу женщины и образу природы. Анализируемые произведения из «Панча» объединяет пафос противопоставления строго и нового, который воплощен в произведениях литературы, графики, живописи, а также в общественных нравах и актуальных проблемах конца XIX в. Для «Панча» Бердсли становится определяющим знаком нового времени: характеризуемый в контексте живописи импрессионистов и прерафаэлитов, он выделяется и среди них, оказываясь ближе к современной литературе (поэзии и прозе). Пародирование выражается в искажении имени художника, умалении творческого процесса и его результата, акцентировании страдания зрителей, в снижении гротескных образов, во введении фигуры «старомодного» цензора.

Ключевые слова: английская литература, «Панч», рецепция, экфрастическое стихотворение, рецензия, Обри Бердсли, «новое искусство».

Для цитирования: Новокрещенных И.А. Критика творчества Обри Бердсли и «нового искусства» в журнале «Панч» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 104–111. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-104-111>

Research Article

THE LITERARY RECEPTION OF AUBREY VINCENT BEARDSLEY AND THE “NEW ART” IN “PUNCH”

Irina A. Novokreshchennykh, PhD in Philology, Perm State University, Perm, Russia, ira-tabunkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0877-4823>

Abstract. The interest in graphic work of Aubrey Vincent Beardsley and the “new art” is discovered in “Punch, or The London Charivari” of 1894–1895. The literary reception of the ‘new art’ and Beardsley is presented in an ekphrastic note about an exhibition, in a poetic recipe for a work of art, in a poem about literature, women and the mores of contemporary times, in a review of editions of topical novels. The work of Aubrey Beardsley is considered in the context of contemporary art of English impressionists through derogatory comparisons. The reception of Beardsley reveals a longing for true and realistic image of woman and an image of nature. The works from “Punch” are united by the pathos of opposition of the strict and the new, which is embodied in works of literature, graphics, painting, as well as in social mores and current problems of the late 19th century. Beardsley becomes a defining sign of the new time for “Punch”. Beardsley is characterised in the context of impressionist and pre-Raphaelite painting. He stands out among impressionists and pre-Raphaelites, being closer to modern poetry and modern prose. Parody of Beardsley is expressed in the distortion of the artist’s name, belittling the creative process and its result, emphasising the suffering of the audience, in reducing grotesque images, in introducing the figure of an ‘old-fashioned’ censor.

Keywords: English literature, “Punch” magazine, reception, ekphrastic poem, review, Aubrey Beardsley, “new art”.

For citation: Novokreshchennykh I.A. The literary reception of Aubrey Vincent Beardsley and the “New Art” in “Punch”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 104–111 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-104-111>

Обри Бердсли (Aubrey Vincent Beardsley, 1872–1898) – английский художник, создатель стиля модерн в графике, денди. Кроме многочисленных иллюстраций его перу принадлежат стихотворения и прозаические произведения, среди которых роман «Под Холмом, или История Венеры и Тангейзера» [Бочкарева, Табункина: 33–208]. Графические и литературные произведения О. Бердсли обусловили неоднозначный интерес современников к его творчеству. Уже при жизни Бердсли они стали предметом пародии, на них создавали пастиши, ему подражали.

На страницах еженедельного юмористического журнала «Панч» (“Punch, or The London Charivari”), основанного в 1841 г., на протяжении 1894–1895 гг. почти каждый месяц (иногда дважды в месяц) появляются литературные тексты разных жанров на тему современного искусства и литературы, сопровождаемые рисунками английского иллюстратора Эдварда Рида (Edward Tennyson Reed, 1860–1933). Рид «не только подражал стилю Бердсли, но и пропагандировал его» [Stead: 122].

Имитация стиля Бердсли обнаруживается в изображении линий, черно-белых масс, объемных шевелюр, изогнутых губ и удлинённых пальцев рук и ног персонажей, фривольных сюжетов в выпусках от 10 и 17 марта 1894, 28 апреля 1894, 28 июля 1894, 27 октября 1894, 2 февраля 1895, 2 марта 1895, 13 апреля 1895. Часто в композицию рисунка Бердсли добавлены новые детали или изменяется облик персонажа искажением формы губ, лица, волос. Под рисунками расположены подписи «автора», в которых искажается фамилия Бердсли: “Danby Weirdsley” (28 апре-

ля 1894), “Mortarthurio Whiskersly” (27 октября 1894), “Daubaway Weirdsley” (2 февраля 1895). Псевдонимы усиливают пародийное отношение к творчеству Бердсли. “Danby” сходно по звучанию с “dandy” (денди), “Daubaway” – “daub” (мазня), “Mortarthurio” – “mortar” (строительный раствор).

В рождественском выпуске 1895 г. «Панча» был опубликован рисунок Э.Т. Рида “Britannia a’la Beardsley”, стилизованный под художественную манеру Бердсли: гротеск, пятна черного и белого цветов, причудливо завивающиеся линии, тщательно выписанные детали костюмов аллегорических персонажей (рис. 1).

Рисунок имел подзаголовок “By Our ‘Yellow’ Decadent”, намекающий на связь Бердсли с журналом “The Yellow Book”. В четырех выпусках этого издания (апрель 1894 – январь 1895) Бердсли работал художественным редактором и сделал идею английского декаданта «наглядной» [Хорольский: 42, 66]. Два основных раздела журнала, задуманных с первого выпуска (Letterpress/Literature, Pictures/Art), оформили и подтвердили идею художественного синтеза разных видов искусства, важную для творчества и поэтики Обри Бердсли.

Гротескный и пародийный стиль самого Бердсли провоцировал появление имитирующих его сатирических рисунков. Ч.Л. Грэйвз утверждает, что «Панч» не видел в творчестве Бердсли «ничего, кроме своейвольной, экзотической и декадентской причудливости», журнал «нападал на него под разными псевдонимами, все они были гротескными и звучали нелестно» [Graves: 304]. В.П. Шестаков считает, что юмор «Панча» «никогда не оскорблял общепринятой морали» [Шестаков: 51].

Цель нашей статьи – исследовать литературное восприятие графического творчества Обри Бердсли в журнале «Панч». Материалом исследования стали четыре анонимных публикации 1894–1895 гг., в которых представлена критика «нового искусства» и графического творчества О. Бердсли.

На второй неделе апреля 1894 г. открылась выставка «Нового английского искусства» (“New English Art Club”) в галерее Дадли (Dudley Gallery), где рисунки Бердсли были представлены рядом с полотнами Моне, Дега, Сарджента, Чарльза Фупса, Уолтера Сиккерта, Филипа Уилсона Стира. Он «произвел впечатление», «привлек к себе внимание и похвалу» – последовали отзывы в журналах “The Magazine of Art”, “Spectator” [Sturgis: 132]. 5 мая 1894 г. в «Панче» была опубликована экфрастическая заметка “Novus Homo Nova Ars” (лат. «Новый человек – новое искусство»), сопровождаемая рисунком Э.Т. Рида “Played out; or, The 252 nd Mrs. Tanqueray (By our ‘Yellow Book’ Impressionist)”. Объектом иронии и насмешки стали творчество Бердсли, гравюры на дереве Р. Фрая,

Рис. 1. Э.Т. Рид. Британия а'ля Бердсли (1895)

импрессионистические полотна Ф. Стира, У. Стотта, У. Сиккерта и др. Заметка выполнена в репортажном стиле: создается впечатление, что автор вместе с читателем идет по выставке, рассматривает и обсуждает полотна, указывая их расположение (*underneath, comes, passing by*) и порядковые номера. Экфрасисы картин отражают личное, субъективное отношение автора заметки, который не только комментирует сюжеты и технику исполнения картин, но и предлагает свой вариант сюжета.

Первый абзац задает ироничный пафос всего произведения. Автор сетует на трудность в определении «будущего английского искусства» (*“future of English Art”*) в египетском зале галереи Дадли, где с 1886 г. выставлялись работы нового английского искусства в противовес Королевской Академии. Для описания ситуации использовано латинское выражение *“Ars est celare”* («Искусство – это сокрытие») и образ «потерянного» человека (мумии): *“Gave up after a little, being reminded that *Ars est celare*, &c. Possibly some confusion with performance of Missing Man in same building”* [Novus Homo Nova Ars: 208].

Рассматривая каталог выставки, автор публикации сообщает, что в нем приведены на французском языке названия выставленных произведений – *“L’Éducation Sentimentale”* и *“L’Homme à la Palette”*. Первое – это рисунок Бердсли «Сентиментальное воспитание», выполненный для журнала *“The Yellow Book”* (1894, vol. 1, p. 55). Второе произведение – это картина «Человек с палитрой» («Автопортрет в манере Уистлера», 1893–1894) У. Сиккерта. Иронию создает сопоставление автором заметки французских («без перевода и отсылки к словарю») названий произведений со счетами за проезд, при этом он желал бы видеть на этой выставке немного больше французского влияния и идей: *“a little more French influence; some ideas, some invention...”* [Novus Homo Nova Ars: 208].

Далее ирония продолжается в отношении картин: многие из них были «сделаны» (автор даже «предпочитает не использовать слово “закончены”») до того, как художник определился с темой полотна. Умаление нового английского искусства продолжается в интерпретации цитаты, приписанной французскому романтику А. де Мюссе: «Он страдал, но изобрел (*“He suffered, but he invented”*)». По словам автора заметки, по отношению к новому английскому искусству можно говорить только о страданиях зрителя, а не о результатах изобретения: *“Can only speak for my own suffering in present case; as for new English invention, there is little patent here”* [Novus Homo Nova Ars: 208].

В следующем абзаце содержится прямой выпад не только на живописцев, но и на графику Бердсли. Те, кто пользуются карандашом или мелками и не слишком полагаются на цвет (художник-гра-

фик), справляются лучше тех, кто пользуется красками (художник-живописец). Однако «мистер Бердсли кажется исключением из первых». Ироничный автор заметки надеется, что случай с Бердсли не станет общим правилом. В экфрасисе нескольких его рисунков отмечается «злобность лиц». На экспонированном на выставке листе № 17 представлена в виде параллелепипеда пожилая леди, а лист № 19 шокировал бы любого здравомыслящего жирафа: *“His faces are of a surprising wickedness, and as for figures, the old lady in no. 17 is nothing but a preposterous parallelobiped, while those in no. 19 would shock any right-minded giraffe”*. Аллюзия к жирафу связана с изображением вытянутых фигур на листах Бердсли.

Далее разговор о новом английском искусстве продолжается упоминанием «нового желчного ежеквартального издания», под которым, очевидно, имеется в виду журнал *“The Yellow Book”*: «И пусть тот, кто держит его в руках, не дает волю чувствам, пока не увидит портрет 252-й миссис Тенкерей, которая выглядит словно после долгой пробежки» [Novus Homo Nova Ars: 208]. Миссис Тенкерей – героиня пьесы Артуро Пинеро (Sir Arthur Wing Pinero, 1855–1934) «Вторая миссис Тенкерей» (*“The second Mrs Tanqueray”*), поставленной в 1893 г. В центре сюжета пьесы Пинеро – прошлое женщины, которое становится причиной трагического финала ее жизни.

Как в социально-психологической пьесе Г. Ибсена «Кукольный дом» (1879), у Пинеро уже в первом акте пьесы открывается тайна. Если у Ибсена это тайна недолжных семейных отношений, то во «Второй миссис Тенкерей» – тайна неравного брака состоятельного Обри Тенкерее с женщиной легкого поведения Паулой, которая стремится стать «хорошей женщиной» (*“good woman”*). В попытке построить новую жизнь Паула сначала скучает от респектабельной жизни, но со временем меняется, отдаляясь от прежних вульгарных друзей. Узнав, что избранником падчерицы Эллин стал ее бывший любовник, Паула рассказывает об этом супругу и его дочери, жертвуя своей и так хрупкой репутацией. Несправедливые упреки Эллин, убеждение в собственной испорченности и невозможности стать «хорошей женщиной», эмоциональная чуткость приводят героиню к самоубийству. Трагический финал подчеркивают слова падчерицы: *“But I know – I helped to kill her. If I had only been merciful!”* [Pinero: 195].

Имя главного героя пьесы Пинеро совпадает с именем Бердсли (Aubrey Tanqueray), а роль миссис Паулы Тенкерей сыграла Патрик Кэмпбелл (Patrick Campbell), которую изобразил Бердсли на листе *“Portrait of Mrs Patrick Campbell”* (1894) для первого, апрельского, тома журнала «Желтая книга» за 1894 г. (рис. 2). Миссис Тенкерей представлена в профиль с опущенными руками и скорбным лицом. Это подчеркивает искрен-

Рис. 2. О. Бердсли. Портрет миссис Патрик Кэмпбелл (1894)

ние переживания героини Пинеро и невозможность отменить прошлое в обществе, где она живет.

В «Панче» рисунок Э.Т. Рида "Played out; or, The 252 nd Mrs. Tanqueray (By our 'Yellow Book' Impressionist)" (рис. 3) сопровождает экфрастическую заметку "Novus Homo Nova Ars" и представляет пародию на рисунок Бердсли.

Э.Т. Рид заимствует композицию рисунка Бердсли, изменяя фигуру героини. Ее повисшие вперед руки на фоне срезанной линии платья, наклон корпуса вперед, растрепавшиеся пряди волос делают ее похожей на только что бежавшую. Миловидное лицо и четко очерченные губы актрисы на рисунке Бердсли приобрели в «Панче» очертания обезьяньего профиля. Рисунок Рида приписывается вымышленному художнику – «нашему импрессионисту из "Желтой книги"». Получается, что автор заметки приравнивает Бердсли к импрессионистам. Замученный вид героини и ее животный профиль пародируют искреннее желание Паулы измениться, покончить с прошлым, сочетавшись браком с Обри Тенкереем. Порядковый номер «252» высмеивает Паулу и множество других женщин, желавших путем замужества изменить свой неблагополучный социальный статус.

В следующих абзацах обзора представлены ироничные экфрасисы полотен неназванных художников, а также импрессионистических пейзажей Линднера, Стира, Э. Стотта и У. Сиккерта. Заметка открывается упоминанием работ Бердсли и Сиккерта, которым уделяется особое внимание. В 1894 г. Сиккерт создает портрет Бердсли (Национальная портретная галерея, Лондон). Таким образом, экфрастическая заметка

Played Out; or, The 252nd Mrs. Tanqueray.
(by our "Yellow Book" Impressionist.)

Рис. 3. Э.Т. Рид. Разыгранная; или 252-я миссис Тенкерей (1894)

"Novus Homo Nova Ars" демонстрирует восприятие графического творчества Бердсли в контексте современного ему импрессионистического искусства, выставленного в галерее Дадли. Линия импрессионистического контекста в рецепции Бердсли будет продолжена Дж. Голсуорси в романе «Белая обезьяна» (1924) [Новокрещенных 2020: 95–106].

28 июля 1894 г. на страницах «Панча» было опубликовано стихотворение "How It is Done (An Art-Recipe)". Оно представляет рецепт создания «произведения искусства высочайшего качества» ("ART – in highest feather!") и напоминает, с одной стороны, о традиции поэтик от Античности до классицизма, с другой – о пародийном «Руководстве для желающих стать поэтами-культистами...» (1613) Франсиско Гомеса Кеведо, который высмеивает поэму Луиса де Гонгоры «Одиночества» (или «Уединения»). Культисты не принимали реальность и противопоставляли ей «прекрасный и совершенный мир искусства, постижение красоты которого, по их мнению, доступно лишь немногим "избранным"» [Плавский 1980]. Для этого они использовали так называемый «темный стиль», усложненный синтаксис, неологизмы, сложные метафоры. Если Кеведо советует, как создавать литературные образы, то в стихотворении «Панча» подзаголовок "Art-Recipe" и опубликованный рядом рисунок (рис. 4) подчеркивают визуальную направленность рецепта. Глагол повелительного наклонения take повторяется в стихотворении четыре раза и подчеркивает настойчивый характер советов.

Стихотворение состоит из двух предложений: первое – из 24 строк, второе умещается в одной стро-

Рис. 4. Как это сделано (художественный рецепт) (1894)

ке. Все стихотворение можно разделить на 4 строфы по характеру перекрестной рифмы. В конце четвертой строфы появляется лишняя строка, вводящая парную рифму и предвещающая финал – второе предложение в последней строке.

В стихотворении пародийно описывается процесс создания произведения искусства, детали которого указывают на стиль Бердсли. Здесь можно обнаружить реминисценции к листам Бердсли к «Смерти короля Артура» Мелори (1893), к «Остротам» Лэма и Джерольда (1893), «Удивительным историям Вергилия, исследователя Рима» (1893), «Правдивой истории» Лукиана (1894), «Саломее» (1894), многочисленным рисункам в периодических изданиях.

В первой строфе стихотворения содержится совет взять черные треугольники и бесформенные красные пятна, россыпь блесток и «уродливую» голову горгоны Медузы, ее рыжие локоны, сбившиеся колтунами, алый зонтик от солнца:

Take a lot of black triangles,
Some amorphous blobs of red;
Just a sprinkle of queer spangles,
An ill-drawn Medusa head;
Some red locks in Gorgon tangles,
And a scarlet sunshade, spread...

[How It is Done: 47]

Во второй строфе автор предлагает причудливыми пятнами расписанную занавесь, вздернутые носы, отвисшие, как у помешанного, губы и скошенный подбородок. Персонажу следует придать определенную позу и надеть соответствующую шляпу:

Take a 'portière' quaint and spotty,
Take a turn-up nose or two;

The loose lips of one 'gone dotty',
A cheese-cutter chin, askew;
Pose like that of front-row 'TOTTIE',
Hat as worn by 'COSTER LOO'... [How It is Done: 47]

Талия такого героя напоминает песочные часы, а плечи – размах грудной клетки верблюда. У героя задумчивый взгляд черных глаз, странное уныние или, напротив, дикое удивление во взоре:

Take an hour-glass waist, in section,
Shoulders hunched up camel-wise;
Give a look of introspection
(Or a squint) to two black eyes;
Or a glance of quaint dejection,
Or a glare of wild surprise... [How It is Done: 47]

В последней строфе предлагается представить все это на фоне тумана и продавать как ИСКУССТВО под похвалы простофиль:

Slab and slop them all together
With a background of sheer sludge;
(Like a slum in foggy weather),
And this blend of scrawl and smudge
Vend as ART – in highest feather! –
Dupes in praise will blare and blether

[How It is Done: 47].

В финальной строке "Honest Burchells will cry – 'FUDGE!!'" нереалистичный метод художников по контрасту подчеркивает фамилия зоолога и натуралиста У. Барчелла (William John Burchell, 1781–1863), используемая во множественном числе: самые честные Барчеллы воскликнут, что такое изображение – выдумка, а такое искусство – вздор.

Соотношение напечатанных заглавными буквами слов ART и FUDGE объясняет подпись на латинском языке под рисунком к стихотворению: "Quid Est Pictura? – Veritas Falsa (Epictetus)". Это цитата «Что есть картина? – Ложная истина» из спора Адриана Августа и философа Эпиктета. Подпись под карикатурным рисунком Э.Т. Рида намекает на то, что нарисованное, то есть то, что предлагается в стихотворении нарисовать, оказывается ложным. Рисунок выполнен в стиле Бердсли – это черно-белые пятна и линии, черное платье и кружева на платье дамы. Изображение кота напоминает кота с виньеток 1894 г. к «Остротам» С. Смита и Р. Шеридана [Бердслей: 67, 69, 75]. Пародию акцентируют хищническое выражение лица дамы, череп на ее платье (у Бердсли же были бы павлиньи перья с глазками) и посвящение-апология художнику-графику, выполненное как сочетание фразы "apologies to" и монограммы Бердсли в виде трех свечей и капающего воска.

В опубликованном 23 февраля 1895 г. стихотворении "A Valediction to St. Valentine (By an Old-fashioned Fellow)" творчество Бердсли ("A Beardsley design") представлено в контексте современной литературы ("verse", "poetry", "lyrics", "song", "poesy"). Co-

гласно автору стихотворения, рисунки Бердсли стали знаком современного мира, в котором нет места нежности, доброте и чувствам, которые олицетворяет фигура Святого Валентина. Подзаголовок «Прощальная речь Святому Валентину» от «старомодного приятеля» создает впечатление иронии и сожаления. Стихотворение из шести строф построено по принципу «тогда» (время Святого Валентина) и «теперь» (мы, Современность, Современное искусство, Новая женщина). Сейчас фигура Святого Валентина умирает, потому что его правилу – быть нежным – пришел конец, стало вульгарным давать клятвы, дурным тоном посвящать стихи. Возможно, старые рифмы глупы, но современные – еще хуже:

Well, Saint, your old rhymings were stupid
But new ones seem worse

[A Valediction to St. Valentine: 95].

Сердца и стрелы Святого Валентина были связаны с нарциссами, жаворонками и ягнятами весной. А сейчас, продолжает автор «Панча», когда мы стали мудры и состоятельны, эта простота кажется притворной. Картина современности, представленная в словах “new”, “neurotic”, “slaves to the queer”, создана через образы произведений разных видов искусства и восприятие их современным автору человеком в отталкивании от образа Святого Валентина и связанных с ним пониманий любви и искусства. Рисунки Бердсли, поэзия Верлена и Ле Гальена, дух романа Дэвидсона о графе Лавендере, к которому Бердсли сделал фронтиспис (“Le GALLIENNE's lyrics, / And DAVIDSON's Lavender-scent, / Would certainly give you hysterics”), а также песни, которые нравятся современным девушкам, шокировали бы Святого Валентина, вызвали его неодобрение, причинили боль и даже довели до истерики (“Our maidens like brisk galliambics / On which you would frown”). Современная («наша») поэзия стала бы для Валентина рубашкой Несса (“new shirt of Nessus”), которая убила Геракла.

A Beardsley design, now, would shock you.
And so would a verse by VERLAINE.
Our Art, modern Art, would but mock you,
Our poetry give you much pain.
Oh Woman, New Woman, thou clamorest
Loudly for right to revolt

[A Valediction to St. Valentine: 95].

Еще одна аллюзия к Бердсли представлена в цветовой характеристике современного искусства: “Our art is all yellow – or blue”. В желтом и голубом цветах им был сделан постер к постановке «Комедии вздохов» Дж. Тодхантера и «Страны, желанной сердцу» У.Б. Йейтса в театре «Авеню». На этом постере в голубом цвете изображена дама за прозрачной занавеской с крупными желтыми пятнами. Желтым цветом выполнено название театра и буквы афиши.

Постер стал предметом литературной пародии О. Симена и рисунка “Venus Domina”, опубликованных в «Панче» за 21 апреля 1894 г. (см. об этом: [Новокрещенных 2025]). И в стихотворении “A Valediction to St. Valentine”, и в “Ars Postera” Симена предметом осмысления становится новое искусство и образ новой женщины. Оба стихотворения проникнуты ироническим восприятием нового искусства, представленного рисунками Бердсли. В обоих стихотворениях слышны тоска по истинному, реалистичному образу женщины, по поступкам и чувствам, которые не вписываются в современность, олицетворенную уродующей красоту и природу графикой Бердсли.

Тематика и проблематика февральского стихотворения “A Valediction to St. Valentine” близки опубликованной ранее в этом же месяце в «Панче» прозаической пародии «1894» Макса Меребума (вымышленное имя, пародирующее Макса Бирбома и его эссе «1880») [Mereboom: 58]. В ней тоже описано современное состояние литературы и изобразительного искусства. Если произведение «1894» подается как «историческое» исследование, то посвящение стихотворения Святому Валентину обращает внимание на описание мира чувств и образа человека. Связи между публикациями в разных выпусках «Панча» подтверждают интерес журнала к творчеству Бердсли и создают единый рецептивный контекст.

Традиционный в «Панче» журнальный раздел “Our Booking-office” за 2 марта 1895 г., подписанный “B. de B.-W.”, включает короткие рецензии на книги издателей Ф. Анвина и Дж. Лейна. Три книги объединяет имя Бердсли, создавшего рисунки для фронтисписа или обложек, а также воображаемый цензор – Барон (Baron), который признает, что становится старомодным: “I am becoming old-fashioned” [B. de B.-W.: 105]. Он прочитал рецензируемые книги, его мнение транслирует автор публикации. В издательстве Ф. Анвина вышла книга мистера Дж. Дэвидсона “A Full and True Account of the Wonderful Mission of Earl Lavender, which Lasted One Night and One Day; with a History of the Pursuit of Earl Lavender and Lord Brumm by Mrs. Scamler and Maud Emblem”, которая была отмечена как «знаковое явление современности» «старомодным человеком» из стихотворного послания Святому Валентину. Как книга, так и фронтиспис Бердсли подвергаются остракизму. Учитывая, что раздел “Our Booking-office” помещен в юмористическом журнале и автор ссылается на вымышленного цензора, негодование оборачивается иронией и насмешкой.

Книга «Граф Лавендер» мистера Джона Дэвидсона, по мнению критика Барона, – это «пагубная бессмыслица», а фронтиспис Обри Бердсли – «если его вообще можно назвать ‘фронтисписом’, учитывая его содержание», «несколько лет назад поста-

вил бы под сомнение существование самой книги: “Mr. JOHN DAVIDSON's *Earl Lavender* is ‘pernicious nonsense’, and the Aubrey Beardsley frontispiece – if, considering its subject, it can, with absolute correctness, be described as a ‘frontispiece’, – might, a few years ago, have endangered its existence” [B. de B.-W.: 105]. На фронтисписе Бердсли изображена дама в длинном платье, которая держит в одной руке хлыст, а второй придерживает декольте платья. Перед ней в склоненной позе мужчина с обнаженной спиной. В словах Барона очевидна игра – *frontispiece* как рисунок в начале книги, перед первой страницей, и колено-преклоненный мужчина перед героиней. В рецензии в вопросной форме размышлений выражается негативное отношение Барона к «странной иллюстрации» (“this extraordinary illustration”) Бердсли: книгу нельзя оставить на столе в гостинной.

Две другие книги с рисунками Бердсли входили в серию “Keynotes” издателя Джона Лейна. К роману “The Great God Pan” Артура Мейчена (Arthur Machen, 1863–1947) Бердсли сделал обложку. Среди вьющихся стеблей растений изображен Пан с рогами, заостренными ушами и шерстью ниже пояса. Правой рукой он держит посох с привязанной свирелью. Книгу и рисунок Барон воспринял отрицательно: “And as to *The Great God Pan* (‘Key-note’ series), well – infernally or diabolically clever it may be, but should I be informed”, quoth the Baron, “that we should never look upon its like again, I, for one should not grieve” [B. de B.-W.: 105]. Возможно, это дьявольски умно, отзывается он, но если ему скажут, что мы никогда больше не увидим ничего подобного, то он не будет горевать.

“The Dancing Faun” («Танцующий Фавн») рецензент называет «главной книгой» (“Keynoteworthy book”) в серии “Key-note series”. Это роман Флоренс Фарр (Florence Farr, 1860–1917), выступавшей в театре «Гейети». На обложке к произведению Бердсли изобразил фавна, который сидит на диване, поджав под себя правую ногу. Левая нога, украшенная бантом, изящно отставлена. Автор рецензии высказывает уже свое мнение, без ссылки на Барона, создавая воображаемую ситуацию появления романа Флоренс Фарр под названием «Танцующая Воган» несколько лет назад, в период расцвета театра «Гейети», когда элегантная Кейт была первой танцовщицей. Этот роман имел бы популярность среди завсегдатаев вышеупомянутого заведения, которое считалось храмом бурлеска и феерий: “Had a novel appeared some years ago in the palmy, but not less leggy, days of the drama at the Gaiety, entitled *The Dancing Vaughan*, when the elegant KATE of that ilk was the light and leading *danseuse*, what a vogue such a volume would have had among the patrons of the above-mentioned Temple of Burlesque-Extravaganza. ‘Où sont les neiges

d'antan?” and ‘Where is dat barty now?’” [B. de B.-W.: 105]. Кейт Воган (Kate Vaughan – настоящее имя Кэтрин Элис Кэнделин, 1852–1903) – танцовщица и актриса, известная «танцем юбки» (более скромный вариант канкана). С 1876 г. в течение 7 лет Кейт выступала в Gaiety Theatre в жанре викторианский бурлеск. Ирония рецензента в «Панче» строится на сопоставлении комической актрисы и мифологического Пана, на несоответствии легкомысленных ассоциаций и печальных комментариев о течении времени.

Примечательно, что опубликованные в разделе “Our Booking-Office” книжные рецензии на романы «Граф Лавендер» Дж. Дэвидсона, «Великий бог Пан» А. Мейчена, «Танцующий фавн» Ф. Фарр с оформлением Бердсли акцентируют внимание больше на обложках книг и иллюстрациях к ним, чем на содержании романов. Для «Панча» Бердсли становится определяющим знаком нового времени: характеризуемый в контексте живописи импрессионистов и прерафаэлитов, он выделяется и среди них, оказываясь ближе к современной литературе (поэзии и прозе). Создавая «образ старомодного» читателя-зрителя, авторы журнала иронически противопоставляют Бердсли идеалам прошлого, акцентируя внимание как на условной манере рисунков, так и на карикатурном изображении женщин. При этом графика самого журнала не столько противопоставляется манере Бердсли, сколько менее талантливо подражает ей, определяя тенденции будущего столетия.

Таким образом, в опубликованных в 1894–1895 гг. в журнале «Панч» произведениях (экфрастическая заметка о выставке, стихотворения о современной литературе и искусстве, рецензии на книги) рисунки Бердсли связывались с «новым искусством» (импрессионизмом и символизмом) и противопоставлялись природе и традиционному искусству. Пародирование выражается в искажении имени художника, умалении творческого процесса и его результата, акцентировании страдания зрителей, в снижении гротескных образов, во введении фигуры «старомодного» цензора. Особое внимание уделяется теме «новой» женщины, изображению гротескных персонажей в работах художника. Поскольку сам Бердсли создал в своих произведениях изящный гротескно-пародийный стиль, рисунки в «Панче» кажутся не столько пародиями на его произведения, сколько грубыми подражаниями, а стихотворные и прозаические отклики стимулировали художника продолжить начатую игру как в графике, так и в литературном творчестве.

Список литературы

Бердслей О. Рисунки. Проза. Стихи. Афоризмы. Письма. Воспоминания и статьи о Бердслее / сост. А. Басманов. Москва: Игра-техника, 1992. 288 с.

Бочкарева Н.С., Табункина И.А. Художественный синтез в литературном наследии Обри Бердсли / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 254 с.

Новокрепченых И.А. Образы современных художников в романе Дж. Голсуорси «Белая обезьяна» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 3. С. 95–106. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2020-3-95-106>

Плавский З. Комментарий // Франциско де Кеведо. Книга обо всем и еще о многом другом, составленная ученым и многосведущим во всех предметах единственным в своем роде наставником Мальсавидильо, писанная, дабы удовлетворить любопытство прониц, дать пищу болтунам и потешить старушенок / пер. А. Сиповича. Ленинград: Худож. лит., 1980.

Хорольский В.В. Эстетизм и символизм в поэзии Англии и Ирландии рубежа XIX–XX веков. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. 144 с.

Шестаков В.П. Анатомия английского юмора. Москва: БуксМАрт, 2017. 152 с.

A Valediction to St. Valentine (By an Old-fashioned Fellow). Punch, or The London Charivari, 1895, 23 February, p. 95.

B. de B.-W. Our Booking-office. Punch, or The London Charivari, 1895, 2 March, p. 105.

Graves Ch.L. Mr. Punch's history of modern England: in 4 vols. L., N. Y., Toronto and Melbourne, Cassel and Company, Ltd., 1922, vol. 4, 1892–1914, 426 p.

How It is Done (An Art-Recipe). Punch, or The London Charivari, 1894, 28 July, p. 47.

Mereboom M. 1894. Punch, or The London Charivari, 1895, 2 February, p. 58.

Novus Homo Nova Ars. Punch, or The London Charivari, 1894, 5 May, p. 208.

Pinero A.W. The second Mrs. Tanqueray. L., William Heinemann, 1900, 195 p.

Stead E. Grotesque and Performance in the Art of Aubrey Beardsley. Cambridge, Open Book Publishers, 2024, 292 p. <https://doi.org/10.11647/OBP.0413>

Sturgis M. Aubrey Beardsley. A biography. Woodstock, N. Y., Overlook Press, 1999, 404 p.

References

Berdslei O. *Risunki. Proza. Stikhi. Aforizmy. Pis'ma. Vospominaniia i stat'i o Berdslee* [Drawings. Prose. Poems. Aphorisms. Letters. Memories and articles about Beardsley]. Moscow, Igra-tehnika Publ., 1992, 288 p. (In Russ.)

Bochkareva N.S., Tabunkina I.A. *Khudozhestvennyi sintez v literaturnom nasledii Obri Berdsli* [Artistic synthesis in the literary heritage of Aubrey Beardsley]. Perm, Perm State University Press Publ., 2010, 254 p. (In Russ.)

Khorol'skii V.V. *Estetizm i simbolizm v poezii Anglii i Irlandii rubezha XIX–XX vekov* [Aestheticism and sym-

bolism in the poetry of England and Ireland at the turn of the 19th–20th centuries]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta Publ., 1995, 144 p. (In Russ.)

Novokreshchennykh I.A. *Obrazy sovremennykh khudozhnikov v romane Dzh. Golsuorsi «Belaia obez'iana»* [Images of contemporary artists in the novel 'The White Monkey' by John Galsworthy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm university herald. Russian and foreign Philology], 2020, vol. 12, no. 3, pp. 95–106. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2020-3-95-106>. (In Russ.)

Plavskin Z. *Kommentarii* [Comments]. *Frantsisko de Kevedo. Kniga obo vsem i eshche o mnogom drugom, sostavlennaia uchenym i mnogovedushchim vo vsekh predmetakh edinstvennym v svoem rode nastavnikom Mal'savidil'o, pisannaia, daby udovletvorit' liubopytstvo pronyr, dat' pishchu boltunam i poteshit' starushonok* [Francisco de Quevedo. A book about everything and much more, compiled by the learned and well-versed in all subjects, the only one of his kind teacher Malsavidillo, written to satisfy the curiosity of the sneaky, to give food to the chatterboxes and to amuse the old women], ed. by A. Sipovich. Leningrad, Khudozh. lit. Publ., 1980. (In Russ.)

Shestakov V.P. *Anatomiia angliiskogo iumora* [Anatomy of English humor]. Moscow, BuksMArt Publ., 2017, 152 p. (In Russ.)

A Valediction to St. Valentine (By an Old-fashioned Fellow). Punch, or The London Charivari, 1895, 23 February, p. 95.

B. de B.-W. Our Booking-office. Punch, or The London Charivari, 1895, 2 March, p. 105.

Graves Ch.L. Mr. Punch's history of modern England: in 4 vols. L., N. Y., Toronto and Melbourne, Cassel and Company, Ltd. Publ., 1922, vol. 4, 1892–1914, 426 p.

How It is Done (An Art-Recipe). Punch, or The London Charivari, 1894, 28 July, p. 47.

Mereboom M. 1894. Punch, or The London Charivari, 1895, 2 February, p. 58.

Novus Homo Nova Ars. Punch, or The London Charivari, 1894, 5 May, p. 208.

Pinero A.W. The second Mrs. Tanqueray. L., William Heinemann Publ., 1900, 195 p.

Stead E. Grotesque and Performance in the Art of Aubrey Beardsley. Cambridge, Open Book Publ., 2024, 292 p. <https://doi.org/10.11647/OBP.0413>

Sturgis M. Aubrey Beardsley. A biography. Woodstock, N. Y., Overlook Press Publ., 1999, 404 p.

Статья поступила в редакцию 16.03.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 16.03.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 112–116. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 112–116. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(438).09"20"

EDN NOMJXK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-112-116>

АРХЕТИП КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ В ЦИКЛЕ АБСУРДИСТКИХ ПЬЕС О ЛИСЕ СЛАВОМИРА МРОЖЕКА

Зиновьева Регина Владимировна, кандидат филологических наук, Балтийское высшее военно-морское училище им. Ф.Ф. Ушакова, Калининград, Россия, regina46@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1875-0729>

Аннотация. В статье рассматривается написанная в 70-х гг. XX столетия серия одноактных абсурдистских пьес польского драматурга Славомира Мрожека о Лисе, который является характерной модификацией архетипа антигероя-трикстера в рамках присущей для театра абсурда попытки ремифологизации. Автор исследует трансформацию знаменитого средневекового эпоса в вышеназванном цикле пьес о Лисе, принимая во внимание работы таких польских литературоведов, как Я. Блоньского, А. Краевской, М. Сугеры и Х. Стефан, когда-либо занимавшихся изучением творчества абсурдиста. Делается акцент на затеянной Мрожеком постмодернистской игре посредством пародии, иронии и аллегории, при которой классический вариант сюжета теряет свою актуальность в силу тех изменений и потрясений, которые претерпело европейское общество в середине XX века. Обосновывается тезис о трагедии человеческой цивилизации, воплощением чего становится судьба Лиса-жертвы. Делается вывод о всеобщей дезутопизации в современную эпоху и постмодернистской исчерпанности традиции.

Ключевые слова: театр абсурда, Мрожек, архетип, культурный герой, Лис, традиция, постмодерн.

Для цитирования: Зиновьева Р.В. Архетип культурного героя в цикле абсурдистских пьес о Лисе Славомира Мрожека // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 112–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-112-116>

Research Article

THE ARCHETYPE OF THE CULTURAL HERO IN THE CYCLE OF THE ABSURDIST PLAYS ABOUT THE FOX BY SLAWOMIR MROŻEK

Regina V. Zinoveva, PhD in Philology, Baltic Higher Naval College named after Admiral F.F. Ushakov, Kaliningrad, Russia, regina46@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1875-0729>

Abstract. The article deals with a series of one-act absurdist plays written in the 1970s by the Polish playwright Slawomir Mrozek about the Fox, which is a typical modification of the anti-hero-trickster archetype within the framework of the attempt of remythologization, which is characteristic of the theater of the absurd. The transformation of the famous medieval epic in the above-mentioned cycle of plays about the Fox is investigated. The author takes into an account the research of such Polish specialists in study of this absurdist's drama, as J. Błoński, A. Krajewska, M. Sugiera and H. Stephan. The emphasis is made on Mrozek's postmodernist game through parody, irony and allegory in which the classic version of the plot loses its relevance due to the changes and upheavals that European society underwent in the mid-20th century. The thesis of the tragedy of European civilization is substantiated, which is embodied in the fate of the fox-victim. The conclusion is made about the general desutopization in the modern era and the postmodern exhaustion of tradition.

Keywords: theater of the absurd, Mrozek, archetype, cultural hero, Fox, tradition, postmodernism.

For citation: Zinoveva R.V. The archetype of the cultural hero in the cycle of the absurdist plays about the fox by Slawomir Mrozek. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 112–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-112-116>

Обращение польского представителя театра абсурда, Славомира Мрожека, в своем цикле одноактных пьес о Лисе к книжному французскому эпосу о Лисе Ренаре является попыткой создать собственную модификацию этого легендарного сюжета, вписав его действия в рамки социокультурных проблем своего времени. «Роман о Лисе», будучи ярким примером средневековой литературы, отличается, по мнению Е.В. Казаковой, тем, что «его сюжет, идеи и человеческие образы, представленные под масками животных, оказались чрезвычайно актуальными во все эпохи, и сам роман продолжает жить не только в литературе, но и в культуре (искусстве) многих стран» [Казакова: 357]. Пародийно-сатирическое начало романа, послужившее обличению пороков общества, власти и церкви, по словам исследовательницы, «побудило писателей последующих эпох создавать свои варианты «Романа о Лисе» [Казакова: 357]. Сложилась целая традиция литературных преобразований «Романа о Лисе». Помимо средневекового текста к ней относятся сатирическая поэма Иоганна Вольфганга фон Гёте «Рейнеке-Лис» (1794 г.), а также творчество люксембургских писателей: поэма Мишеля де Роданжа «Рейнерт, или Лис в человеческом образе и одеянии» (1872 г.), роман Лео Мулена «Лис» (1968 г.) и роман Эмиля Коллинга «Лис во время войны» (1978 г.). Во второй половине XX века переработка знаменитого сюжета появилась и во французской литературе в произведениях Мориса Женева «Роман о Лисе» (1958 г.), Альбера-Мари Шмидта «Роман о Лисе, переложенный с соблюдением его оригинальной вольности с целью развлечь скучающих и привести в уныние святош» (1963 г.), а также в серии детективных комиксов «Лисий детектив» сценариста Жана-Жерара Эмбара и художника Жана-Луи Юбера (1979 г.).

Польский абсурдист Славомир Мрожек продолжает традицию литературных преобразований о Лисе. В серии одноактных пьес: «Серенада» («Serenada», 1976), «Охота на лиса» («Polowanie na lisa», 1976), «Лис-философ» («Lis-filozof», 1977), «Лис-аспирант» («Lis-aspirant», 1978), написанных в 70-х гг., драматург опирался на средневековую характеристику главного героя, представлявшего собой «желчного мизантропа... неисправимого озорника, бунтаря, драчуна и забияку» [Błoński: 13], который непременно выходил сухим из воды и выполнял «социальную функцию» разоблачителя пороков своего окружения. Таким образом, Славомир Мрожек не только делает из Лиса плута и разбойника, но и в контексте постмодернистской поэтики превращает его в жертву с учетом вызовов новой эпохи.

Такая амбивалентная сущность образа Ренара-Лиса связана, прежде всего, с обращением Мрожека к мифу о сотворении мира, в котором воспроизводит-

ся борьба космоса, персонифицированного в образе бога или культурного героя, и хаоса. Поскольку театр абсурда, появившийся в атмосфере «тоски» эпохи по мифу, отражает общекультурную тенденцию к ремифологизации в новой цивилизационной эпохе, о чем часто писали литературоведы XX века, такие как русский философ Н.А. Бердяев с его понятием об «апокалиптическом времени» [Бердяев: 16], а также современный сербский богослов В. Еротич с теорией религиозности литературы [Еротич 2008: 5], и, следовательно, ее мифоцентричности. Абсурдистские пьесы С. Мрожека о Лисе являются ярким примером такого «возвращения к мифу» либо, по любопытному выражению польского литературоведа Я. Блоньского, «тоски по порядку, заключённому в традиции» [Błoński 1978: 283–284]. Лис в пьесах польского абсурдиста, по сути, является модификацией архетипа антигероя-трикстера. О том, что герой Лис сочетает в себе две амбивалентные сущности, пишет исследователь средневековой литературы Жан Батани (цит. по: [Казакова: 63], а также польский исследователь Я. Блоньски: «Лис должен быть хитрым, ловким, находчивым – в общем, умным. Лис – это мудрец. Однако он также должен быть и прожорливым, беспощадным и жестоким... Амбивалентность героя свидетельствует о том, что Мрожек насквозь разглядел и определенным образом преодолел оппозиции, на которых строил свои пьесы» (здесь и далее в тексте статьи перевод наш. – *P. B.*) [Błoński: 94].

В первой пьесе «Серенада» (1976 г.) Мрожек воспроизводит басенную традицию противостояния хитрого Лиса и доверчивого Петуха. По словам Х. Стефан, эта пьеса затрагивает «тему хитрости в контексте мужской и женской психологии» [Stefan: 188]. В «Серенаде» драматург создает классическую ситуацию, в которой Лис, используя мастерство вероломного оратора, донжуана-соблазнителя с целью выманить из курятника трех кур, в финале обманывает их хозяина, Петуха, и съедает его. Неслучайно Лис в попытке полакомиться курами прибегает к беспринципному методу обольщения: он исполняет серенаду и играет роль интеллигентного музыканта. «Да какой же он музыкант? – восклицает с негодованием Петух. – Он бандит, обманщик и мерзавец!» [Mrozek: 55]. Лису удастся провести кур, которые выступают в роли «стереотипных женщин» [Stefan: 188], но настоящей жертвой становится все же наивный Петух, терзаемый любопытством и ревностью.

В следующей пьесе «Охота на лиса» («Polowanie na lisa», 1976) удача изменяет герою: роль палача сменяется ролью жертвы. Неслучайно в этой пьесе и в последующей («Лис-философ», 1977) возникает образ-аллегория постапокалиптического мира, напоминающего «свалку»: «повсюду валяются изорванные клочки старых газет, апельсиновые корки,

консервные банки» [Mrozek: 29]; «в глубине вышпашается безлистное дерево» [Mrozek: 19]. Такая свалка, по словам М. Сугеры, является «явным знаком конца нашей цивилизации, изничтожившей саму себя» [Sugiera 1994: 125]. Мрожек совершенно жалким представляет тот мир, в котором уже не осталось диких зверей, кроме одного-единственного Лиса. Преследуют его уже не некогда славная знать, а буквально все – даже паралитики. «Мы пришли к тому, что охотятся уже все, но нет никого, на кого можно было бы охотиться» [Mrozek: 42], – восклицает Бывший Король. Лис, в попытке в очередной раз спастись, предлагает немыслимое, но вполне закономерное для драмы абсурда Мрожека решение: «Следует диких животных заменить на домашних, например на птицу» [Mrozek: 46]. В этой доведенной до абсурда ситуации, в которой прослеживается характерная для драматурга писательская манера, заключающаяся в себе понимание абсурда как логического противоречия, кроется, как верно заметил Я. Блоньски, «насмешка над современными утопиями» [Błoński: 95]. «Охота на лиса» заканчивается тревожным, доносящимся из глухой чащи волчьим завыванием, символизирующим неутешительный прогноз на будущее, в котором наступит время волков. В этом явно прослеживается отсылка к стародавнему конфликту средневекового произведения – противостоянию волка Изенгрина и лиса Ренара, которому всегда удавалось одержать верх над своим соперником. Однако у Мрожека данный конфликт опущен, и в отличие от средневекового романа в основе сюжета пьесы он не лежит. М. Сугера, улавливая пессимистические настроения Мрожека, писала: «У Мрожека Лис, давний комедийный трикстер, уже не в состоянии нарушить ни одного запрета, переступить социальный барьер во имя неограниченного инстинкта жизни. <...> На сцене-свалке все его хитрости безрезультатны, поскольку исчез тот порядок, против которого он мог бы бороться. Лис становится патетической жертвой умирающей цивилизации» [Sugiera 1996: 99]. Сравнивая конец пьесы Мрожека с концовкой «Романа о Лисе», в котором погребальная церемония оборачивается внезапным оживлением Лиса, исследователь довольно категорично заключает, что у Мрожека отсутствует «надежда на воскресение этого героя» [Sugiera 1996: 99]. Мы же склонны предполагать, что в цикле пьес о Лисе Мрожека была осуществлена дегероизация, то есть герой был изображен как жертва отчуждения за счет иронического сближения его с мифологическим архетипом антигероя-трикстера. Обращение польского драматурга к столь знаменитому средневековому сюжету знаменует собой не просто выявление при помощи пародийной игры, сатиры и аллегории изъянов польского социалистического общества, но глубже – постмодернист-

скую исчерпанность традиции, предполагающую, по словам польского литературоведа Марии Янион, «всеобщую дезутопизацию общества», в результате которой классические идеалы «потеряли силу своего убеждения» [Janion: 8].

В пьесе «Лис-философ» отчетливо прослеживается характерная для средневекового эпоса антиклерикальная тематика. Критика Мрожека обращена не столько к институту церкви, сколько, в общем, к понятиям морали и нравственности, на которых зиждется человечество. В этой драме Лис ищет обратную дорогу к традиции и ушедшим в прошлое идеалам. В связи с этим он обращается за помощью к Епископу как блюстителю моральных норм и «духовному проводнику» [Mrozek: 22]. Затрагивая философские вопросы утраты веры в высшие принципы и ценность метафизического страдания, Лис одновременно признается в том, что вынужден следовать своему охотничьему инстинкту. Осознавая всю трагедию своего двойственного положения, Лис умоляет Епископа об отпущении грехов: «Скажи, что мне делать, как жить! То есть как убивать и как умирать. В смысле не как, только за что» [Mrozek: 22]. В свою очередь, Епископ остается безмолвным и не отвечает мольбам Лиса. Согласно общей концепции Мрожека, безжалостно обличающего прогресс, поведение священнослужителя, который вынимает из-под своих одежд огромную женскую грудь и начинает кормить младенца, представляется не столько абсурдным, сколько фарсовым и трагикомичным. «Скорость прогресса превзошла все мои смелые ожидания» [Mrozek: 25] – с деликатной насмешкой и тонким юмором восклицает Лис. Неутешительными и полными безысходности кажутся последние слова раздавленного Лиса, который, словно давая прогноз всему человечеству, произносит: «Конец» [Mrozek: 25]. Согласимся с умозаключениями Х. Стефан, которая усмотрела в этой пьесе гибель традиции. «Епископ оказывается женщиной, – пишет польская исследовательница, – в результате сама традиция разваливается, а с ней уже и сам до того павший институт морального авторитета. Оставленный всеми Лис из старой сказки остается один, чтобы жить в новом мире, без традиции, без признанных принципов и авторитетов, в мире, в котором само человечество стало уже как бы менее привлекательным» [Stefan: 188].

В последней одноактной пьесе Славомира Мрожека «Лис-претендент» («Lis-aspirant», 1978), которая является вершиной критицизма польского драматурга и его насмешки над цивилизационным прогрессом, Лис, обращаясь в своем монологе к манекену обезьяны, которая принадлежит шарманщику, затрагивает философские вопросы эволюции и места человека и человекоподобных существ в ней. Завидуя положению обезьяны в линейной модели развития

человечества, Лис пытается понять, почему он вынужден владеть свое существование в мире животных. «Разве эволюция не является единственным законом, единственно верной религией, единственным смыслом вселенной? Разве прогресс, который, будучи маршем совершенства, взлетом к более высоким вершинам, не является единственной целью и единственной причиной существования? – непоколебимо провозглашает Лис свою веру в прогресс. – Давай-те дальше пойдем вместе. (Обращаясь к обезьяне. – *P. B.*) Вы станете человеком, а я обезьяной. Потом, когда человек станет ангелом, я займу место человека. А ведь это еще не конец. Возможны следующие ступени эволюции, доселе нам не известные. Архангел, архиархангел и так далее, далее к головокружительным вершинам» [Mrożek: 236].

Хвалебный гимн Лиса человеку как «венцу творения» [Mrożek: 236] внезапно обрывается, когда на сцене, воплощающей знакомое читателю/зрителю из предыдущих пьес этого цикла постапокалиптическое пространство («изорванные клочки старых газет, пустые бутылки и банки от консервов» [Mrożek: 237]), начинает виднеться «безлистное дерево» [Mrożek: 237], на котором висит мертвое тело шарманщика. Логически противопоставляя человека как «наивысшую форму существования на земле» [Mrożek: 236] и его трагическую судьбу, Мрожек тем самым не только осуждает понимание прогресса как линейной модели развития истории, но и играет с устоявшейся гносеологической традицией, шокируя публику гротескными образами и ситуациями.

В представленном Мрожеком опустошенном постапокалиптическом мире антигерой-трикстер Лис более не чувствует себя уверенным. Былой образ хитреца и пройдохи потерял свою актуальность. В этой связи интересной нам кажется концепция польского исследователя А. Винха, который, опираясь на теорию современного британского философа и литературоведа Т. Иглтона о «постчеловеческом звере» («post-human animal» [Eagleton: 189]), образовавшемся в результате окончательного отказа от наследия иудео-христианской культуры, называет мрожековского героя, в том числе и Лиса, «пре-постчеловеком» [Winch: 14]. Будучи научно и технически подкованным существом, пре-постчеловек, однако, «не в состоянии глубоко постичь онтологической сути мира» [Winch: 14]. Это обстоятельство чрезвычайно беспокоит его, но одновременно является спасительной силой, которая сохраняет в нем «остатки человечности» [Winch: 14]. Мучаемый ощущением бессмысленности жизни и неустроенностью в мире, терзаемый одиночеством и тоской, пре-постчеловек все еще способен к восприятию метафизического страха и экзистенциального волнения. «Судьба Лиса, – пишет исследователь, – отмечена тем же несчастьем, которое постигло лю-

дей, принадлежащих к западному, иудео-христианскому культурному порядку в прошлом веке, особенно во второй его половине. Для них эпистемологическая и аксиологическая почва неожиданно ушла из-под ног. Человек из гордого и абсолютного хозяина творения, руководствующегося в своих действиях чисто рациональными предпосылками, превратился в постмодернизме в мало знающего, сомневающегося во всех истинах, растерянного и напуганного пре-постчеловека» [Winch: 15–16].

Таким образом, средневековый французский сюжет о хитром и побеждающем Лисе в рамках постмодернистской поэтики кардинально трансформируется в цикле пьес Славомира Мрожека о Лисе. В контексте всеобщей дезутопизации современности традиционные идеалы, равно как и традиционные сюжеты, теряют силу своего убеждения и становятся неактуальными. Посредством иронии и пародии на мифологический архетип антигероя-трикстера герой Лис изображается как жертва отчуждения и более не способен одерживать победу над реальностью и поражать общество своей изобретательностью.

Список литературы

- Бердяев Н.А.* Кризис искусства. Москва: Интерпринт, 1990. 48 с.
- Еротиш В.* Психологическое и религиозное бытие человека. Москва: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. 206 с.
- Казакова Е.В.* Средневековый «Роман о Лисе» в контексте последующих литературных интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3 (1). С. 357–363.
- Михайлов А.Д.* Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса // Роман о Лисе. Москва: Наука, 1987. С. 3–34.
- Błoński J. Polak – jakim go widzą, jakim siebie marzy.* Odmarsz. Kraków, Wydawnictwo literackie, 1978, 300 s.
- Błoński J.* Wszystkie sztuki Sławomira Mrożka. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1995, 283 s.
- Eagleton T.* Culture and the Death of God. New Haven and London, Yale University Press, 2014, 234 p.
- Janion M.* Zmierzch paradygmatu. Czy będziesz wiedział, co przeżyłeś. Gdańsk, Tower Press, 2000, s. 4–14.
- Krajewska A.* Dramat i teatr absurdu w Polsce. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996, 274 s.
- Mrożek S.* Polowanie na lisa. Serenada, Lis filozof, Lis aspirant. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1979, 238 s.
- Stephan H.* Mrożek. Kraków, Wydawnictwo literackie, 1996, 281 s.
- Sugiera M.* Kogut, Lis i Mrożek. Mrożek i Mrożek. Materiały z sesji naukowej zorganizowanej przez Zakład Teatru Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu

Jagiellońskiego 18–21 czerwca 1990 roku; red.: E. Widota-Nyczek, J. Opalski, tłum.: A.M. Uggla, M. Sugiera, M.B. Kamiński. Kr., PWST im. L. Solskiego; Kraków, Mrozek Festiwal, 1994, s. 138.

Sugiera M. Dramaturgia Sławomira Mrożka, wyd. 1. Kraków, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 1996, 293 s.

Winch A. Dramat ciemnych gier. Teatr absurdu pre-postczłowieka. Warszawa, Instytut Sztuki PAN, 2015, 300 s.

References

Berdyaev N.A. *Krizis iskusstva* [The crisis of the culture]. Moscow, SP Interprint Publ., 1990, 48 p. (In Russ.)

Erotich V. *Psikhologicheskoe i religioznoe bytie che-loveka* [The psychological and religious individual's being]. Moscow, Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andrey a Publ., 2008, 206 p. (In Russ.)

Kazakova E.V. *Srednevekovyy «Roman o Lise» v kontekste posleduyushchih literaturnykh interpretacij* [The medieval Novel about the Fox in the context of the next literary interpretations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2012, no. 3 (1), pp. 357–363.

Mihajlov A.D. *Starofrancuzskij «Roman o Lise» i problemy srednevekovogo zhivotnogo eposa. Roman o Lise* [The Old French “The Novel about the Fox” and the issue of the medieval animal epic]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 3–34.

Błoński J. Polak – jakim go widzą, jakim siebie marzy. Odmarsz. Kraków, Wydawnictwo literackie, 1978, 300 s.

Błoński J. Wszystkie sztuki Sławomira Mrożka. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1995, 283 s.

Eagleton T. *Culture and the Death of God*. New Haven and London, Yale University Press Publ., 2014, 234 p.

Janion M. *Zmierzch paradygmatu. Czy będziesz wiedział, co przeżyłeś*. Gdańsk, Tower Press, 2000, s. 4–14.

Krajewska A. *Dramat i teatr absurdu w Polsce*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996, 274 s.

Mrozek S. *Polowanie na lisa. Serenada, Lis filozof, Lis aspirant*. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1979, 238 s.

Stephan H. Mrozek. Kraków, Wydawnictwo literackie, 1996, 281 s.

Sugiera M. Kogut, Lis i Mrozek. Mrozek i Mrozek. Materiały z sesji naukowej zorganizowanej przez Zakład Teatru Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego 18–21 czerwca 1990 roku; red.: E. Widota-Nyczek, J. Opalski, tłum.: A.M. Uggla, M. Sugiera, M.B. Kamiński. Kr., PWST im. L. Solskiego; Kraków, Mrozek Festiwal, 1994, s. 138.

Sugiera M. Dramaturgia Sławomira Mrożka, wyd. 1. Kraków, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1996, 293 s.

Winch A. Dramat ciemnych gier. Teatr absurdu pre-postczłowieka. Warszawa, Instytut Sztuki PAN, 2015, 300 s.

Статья поступила в редакцию 05.01.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 19.02.2025.

The article was submitted 05.01.2024; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 19.02.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 117–125. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 117–125. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(44).09”20”

EDN QLKFSR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-117-125>

«СТРОБОСКОПИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» ЭЛЕН СИКСУ: ДЕЛЕЗИАНСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЖЕНСКОГО ТЕКСТА

Чадова Елизавета Владимировна, аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, elizavetachadova19@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6738-3235>

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать основные концепции Элен Сиксу сквозь призму концептуальных идей Жюль Делёза, который посвятил творчеству писательницы одну из своих статей в журнале «Le Monde». Концептуальный план философских работ Жюль Делёза и Феликса Гваттари, связанных с пониманием текстуальности Элен Сиксу (в частности, «Капитализм и шизофрения», «Элен Сиксу или “стробоскопическое” письмо»), применяется к ее собственной идее женского письма (на примере текстов «Хохот Медузы», «Приход к письму» и др.). В основной части статьи сравниваются концепты Делёза, которые также применяются относительно художественных текстов Элен Сиксу в его работе, и более полно раскрываются в его философских работах. Значимым термином становится «стробоскопическое письмо», которое он использует относительно текстов писательницы и отмечает, что они обладают особой «скоростью» и «интенсивностью». В статье делается вывод о том, что термины «женское письмо» и «стробоскопическое письмо» могут в некоторой мере быть синонимами, так как разделяют целый ряд характеристик, свойственный обоим. Идеи Делёза о нелинейности и множественности делают его интеллектуальным союзником Элен Сиксу, так как ее «стробоскопический» способ выстраивания нарратива отрицает привычные правила организации текста. Если традиционное письмо имеет причинный и последовательный порядок, то Сиксу заменяет его внутренним движением смысла, возникающим в разных слоях. В итоге делается вывод о том, что «стробоскопическое письмо» Сиксу можно сравнивать с идеей о «книге-ризоме» у Делёза, который предлагает нам нелинейное развертывание и сеть связей вместо строго деления на центр и периферию.

Ключевые слова: женское письмо, постструктурализм, стробоскопическое письмо, интенсивности, французская литература.

Для цитирования: Чадова Е.В. «Стробоскопическое письмо» Элен Сиксу: делезианское прочтение женского текста // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 117–125. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-117-125>

Research Article

HÉLÈNE CIXOUS’S “STROBOSCOPIC” WRITING: A DELEUZIAN READING OF THE FEMININE TEXT

Elizaveta V. Chadova, postgraduate, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, elizavetachadova19@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6738-3235>

Abstract. The article attempts to analyse the basic concepts of Hélène Cixous through the prism of the conceptual ideas of Gilles Louis René Deleuze, who devoted one of his articles to the her works in “Le Monde” magazine. The conceptual outline of the philosophical works of Gilles Deleuze and Pierre-Félix Guattari related to the understanding of the textuality of Hélène Cixous (in particular, “Capitalism and Schizophrenia”, “Hélène Cixous or Stroboscopic Writing”) is applied to her own idea of women’s writing (using the example of the texts “The Laugh of the Medusa”, “Coming to Writing”, etc.). The main part of the article compares Deleuze’s concepts, which are briefly applied to literary texts by Cixous in his article, and are more fully revealed in his philosophical works. The concept of “stroboscopic writing” becomes a significant term, which he uses in relation to the writer’s texts and notes that they have a special “speed” and “intensity”. The article concludes that the terms “feminine writing” and “stroboscopic writing” may be synonymous to some extent, as they share a number of characteristics peculiar to both. Deleuze’s ideas about nonlinearity and multiplicity make him an intellectual ally of Cixous, as her “stroboscopic” way of constructing a narrative negates the usual rules of rhythm and organisation. If traditional writing has a causal and sequential order, then Cixous replaces it with an internal movement of intensities, bursts of meaning that arise in different layers. As a result, it is concluded that Cixous’s “stroboscopic writing” can be compared with the idea of a “rhizome book”, which offers us a non-linear unfolding and strengthening of connections instead of strictly dividing into a centre and a periphery.

Keywords: women's writing, poststructuralism, stroboscopic writing, intensity, French literature.

For citation: Chadova E. V. Hélène Cixous's "stroboscopic" writing: a Deleuzian reading of the feminine text. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 117–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-117-125>

Элен Сиксу (Hélène Cixous) – известная французская писательница, получившая широкую репутацию как у себя на родине, так и во всем мире. Одним из важнейших достижений Сиксу является оригинальная концепция «женского письма», до сих пор волнующая критиков, литературоведов и читающую публику. С 70-х годов XX века гендерные исследования в литературоведении занимают одну из ведущих позиций как с точки зрения вовлеченности методологического аппарата в научный обиход, так и с точки зрения растущего количества научных текстов, словарей и публикаций, посвященных этой тематике. Литературоведение и гендерные исследования часто являются собой продукт сложного переплетения терминологии, берущей начало из философии и социологии. Сфера гендерных исследований в литературоведении также сталкивается и с проблемой научной ангажированности: возможно ли смежное исследование зон и проблематик, связанных не только и не столько литературным материалом, сколько с событиями реальности. Необходимо ли полностью оставаться на стороне «строгой», «объективной» терминологии или следует расширить взгляд, включив элементы социологического и частного в поле научного? «Ангажированный феминистский интеллект», выражаясь словами Линды Нохлин, – каталогизатор и инструмент, который можно использовать для того, чтобы обнаружить несостыковки и противоречия, касающиеся не только женского вопроса, но и статуса науки в целом [Нохлин: 16]. Тем не менее гендерная теория все еще нуждается в уточнении, особенно в русскоязычном пространстве, даже несмотря на впечатляющую библиографию. Кроме того, существует большая разница между западной спецификой гендерных исследований и российским контекстом, для которого была характерна иная проблематика¹, обусловленная научными представлениями о гендере в литературоведении. Безусловно, литературная критика, связанная с женским письмом, подвергалась рассмотрению в русскоязычном пространстве: примечательными в этом плане являются работы И. Ильина (хрестоматия «Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа», 1998), И. Жеребкиной и С. Жеребкина («Введение в гендерные исследования», 2001). Их аналитические труды могут считаться той базой, на которой выстраивалась феминистская литературная критика в России. Однако есть и ряд существенных проблем, связанных как с переводом западных терминов, так и с развитием собственных концепций, которые, в опоре на западную методологию, приобретают зна-

чительную дробность. Ряд исследователей, в числе которых О.Ю. Анцыферова, также отмечают, что качество переводов работ западных теоретиков, таких как Розы Брайдотти, Люс Иригарэ, Гаятри Чакраворти Спивак, оставляет желать лучшего, так как представляет собой «бездумное калькирование иностранных текстов» [Анцыферова: 1]. Исследовательница комментирует лишь один из многих примеров подобных немотивированных заимствований: калька выражения «феминистский литературный критицизм», запущенного в обиход современными отечественными теоретиками. Дело в том, что данный термин не только делает понимание терминологии затруднительным, так как слово «критицизм» имеет довольно определенные коннотации в русском языке, связанные либо с критикой чего-либо, либо с философским учением Канта, но и плодит ненужные кальки, которые можно заменить русскоязычными понятными словосочетаниями («литературная критика» или «литературная теория»). Важным связующим аспектом для разных научных контекстов становится именно качественный перевод [Здравомыслова, Темкина: 21]. Большое участие в популяризации и усвоении гендерной теории в русскоязычной среде приняла переводчица и исследовательница Ольга Липовская, переводившая хрестоматийные и когда-то малоизвестные русскому читателю тексты и таким образом участвующая в создании общего «языка описания». В 1987–1991 она издавала журнал «Женское чтение», в котором публиковались переводы текстов и статей по гендерным вопросам. Кроме того, она приложила руку и к переводу ставших хрестоматийными текстов Элен Сиксу.

Многие из вышеупомянутых проблем имплицитно и эксплицитно представлены в текстах Сиксу, придумавшей термин «женское письмо», («écriture féminine») [Сиксу: 801; Cixous 1976: 877]. В настоящий момент наследие писательницы во Франции все еще вызывает большой интерес – после студенческих протестов в 1968 года Сиксу приняла активное участие в основании университета Париж 8, а также в 1974 году основала первый в своем роде в Европе Центр по изучению феминистских исследований («Centre de Recherches en Etudes Féminines»). Кроме того, актуальность ее работ с точки зрения литературоведения связана с детально проработанной писательницей концепцией женского письма, вызывающей активную писательскую и читательскую реакцию и ставящей ряд вопросов, в частности с точки зрения места женской прозы в рамках литературного канона. Женское письмо занимает положение «пе-

риферийного» и «маргинализованного» в некоторых академических дискурсах, что также определяет его особенности: отсутствие центра, начала и конца, большую восприимчивость к интертексту и т. д. Таким образом, рассмотрение категории женского письма ставит актуальный вопрос о том, какое место в литературном каноне тексты женщин-авторов занимают сегодня. Работы Сиксу получили большую рецепцию исследователей во всех областях – ей интересуются как литературоведы (Торил Мой, Элейн Шоуолтер) [Мой: 130; Жеребкина: 825], так и социологи, философы и даже исследователи, осмысляющие антропоген и экологию [Valiquette: 3].

Термин «женское письмо», придуманный Элен Сиксу, с одной стороны, предлагает новую перспективу того, каким образом можно взглянуть на литературный процесс и формирование западноевропейского канона, а с другой – отсылает к давно сложившейся традиции. Безусловно, женщинам удавалось писать и даже публиковать свои художественные тексты, которые вошли в мировую историю литературы. Однако Сиксу отмечает, что довольно часто в таком случае мы имеем дело не с женским письмом в чистом виде, а скорее с «мужским письмом», воспроизведенным женщинами. Подобные тексты не могут служить опорой для писательницы в ее художественном поиске, так как они не манифестируют новые грани литературы, а вторят конвенциональным установкам, связанным как с литературной формой, так и с описанием женского опыта. Впервые Сиксу подробно говорит о женском письме в своем эссе «Хохот Медузы» 1975 года: «Я говорю сейчас о мужском письме и безоговорочно утверждаю, что существует маркированное письмо, что до сегодняшнего дня письмо как практика управлялось (гораздо серьезнее, чем мы думаем или готовы признать) либидной культурной, то есть – политической, а значит, маскулинной – экономикой» [Сиксу: 803]. В таком случае женщина, используя язык, пропитанный «маскулинной культурой», не в состоянии описать свой уникальный опыт и создать новые формы высказывания. Для установления границ такого рода нового языка Сиксу и использует новый термин – «женское письмо»: «Я буду говорить о женском письме: о том, что оно совершит. <...> Женское письмо будет доступно лишь тем, кто разрушает автоматизм, тем, кто находится на периферии, и кто не поклоняется никакой власти» [Сиксу: 808].

Писательница подробно останавливается сразу на нескольких аспектах, определяющих женское письмо. В первую очередь оно разрушает устоявшиеся иерархии как в жизни, так и в языке, проявленные в первую очередь через «бинарные оппозиции». Сиксу заимствует эту терминологию у постструктуралистов-философов, в частности у близкого друга

Ж. Деррида. Женское письмо «не поклоняется никакой власти», то есть нарушает устоявшиеся отношения между телом и разумом, при которых разуму было отдано первенство, так как именно он ассоциировался с «субъектом», телу же выделялось место подчиненного разуму «объекта». Через автономность своего письма Сиксу также устанавливает автономность женского тела, больше неподвластного тому, что Симона де Бовуар, к примеру, называла «репродуктивным рабством». В «Хохоте Медузы» Сиксу несколько раз высказывает тезис о том, что именно женская телесность тесно связана с практиками письма и производством текстов, так как долгое время женщины не имели возможности получать образование и высказывать свои мысли ровно так же, как не могли свободно распоряжаться своим телом и сексуальностью.

Преодолевать любую бинарную оппозицию, к примеру противостояние женского мужскому, по мнению Сиксу, можно через идею гетерогенного различия. Писательница в данном случае вдохновлялась термином Деррида «*différance*» («различание»), который своим написанием создает «свободную игру означающего». Написание через «а» необходимо, чтобы отличить его в устной речи от обычного слова «различие» («*différence*»). Писательница воспринимает бинарный язык как западный, и потому именно деконструкция смыслов Деррида позволяет ей маневрировать, избегая этой ловушки. Деррида показывает, что смысл никогда не явлен нам целиком, а Сиксу демонстрирует, что женское письмо создает «различие» структур, форм, описаний, разрушая бинарную логику классического художественного текста. Таким образом, основная идея писательницы состоит в том, что именно женское письмо, если оно создается по особым причинам и с особыми предпосылками, может помочь обновить литературную практику и вписать в нее новые формы высказывания, значительно расширяющие уже существующее поле «золотого канона». Женское письмо – нелинейное, интертекстуальное, работающее над различием и потому открытое к восприятию как женского опыта, так и опыта Другого в широком смысле слова. Эту концепцию писательница разрабатывает на протяжении всей своей жизни и продолжает воспроизводить в своих художественных текстах и сегодня.

Несмотря на широкую известность работ писательницы, далеко не все ключевые тексты, написанные и связанные с ней, доступны русскоязычному научному сообществу на данный момент. Многие перекрестные связи философов и писателей, работающих с «женским письмом», которые могли бы расширить взгляд на концепцию Сиксу, представляют собой лакуны в русскоязычном научном обиходе, так как отсутствующий перевод не просто не способствует их

популяризации, но предаёт несправедливому забвению. Такая участь постигла в том числе статью Жюль Делёза «Элен Сиксу или “стробоскопическое” письмо» («Hélène Cixous ou L'écriture Stroboscopique»), опубликованную в журнале «Le Monde» в 1972 году, в секции обзора недавно вышедшей художественной литературы². Эта работа особенно важна не только потому, что представляет собой случай рецепции художественных текстов одним из ключевых философов XX столетия, но и потому, что предлагает ещё один интересный способ интерпретации метода Элен Сиксу, который можно применить для анализа и других ее текстов. Несмотря на то, что их личные связи остаются незафиксированными, их не связывали глубокие личные отношения, существуют определенные концептуальные пересечения, которые объясняют выбор статьи за авторством этого философа для расширения трактовок художественных стратегий Элен Сиксу. В первую очередь такой роднящей концепцией являются идеи о «ризоматическом» письме Делёза и Гваттари и идея женского письма у Сиксу – обе они направлены на разрушение традиционных линейных структур и иерархий в языке. Ризома противостоит «древовидным» моделям языка, в которых четко фиксируется иерархичность, точно так же как женское письмо избирает для себя «текучие», горизонтальные формы выражения и повествования вместо линейного повествования и иерархий. Отчасти подобный отказ от структурности объясняется тем, что оба автора были частью французского постструктуралистского движения, которое в целом было направлено на критику иерархического порядка, языкового плана выражения и содержания, а также четкого деления языка на структурные элементы. Кроме того, Делёз как философ видел в литературе пространство для трансформаций и изменения, о чем сам писал в своих работах о Ф. Кафке, Л. Кэрролле, М. Прусте. Сиксу с ее художественными стратегиями «женского письма» представляет собой еще один образец радикального эксперимента в литературе, представляющий интерес для Делёза. Философ вплетает свои философские идеи о производстве текстов в общий литературный процесс именно на примере текстов Сиксу, и, помимо деконструкции Деррида, мы приобретаем еще один инструмент рефлексии, который хорошо подходит для опеределенной текстуальной ситуации – работы с «женским письмом».

Целью статьи является анализ этой еще не переведенной на русский язык статьи Делёза в контексте художественного своеобразия работ Элен Сиксу, а также исследование термина «женское письмо» относительно термина «стробоскопического письма». Статья Делёза имеет особое значение, так как предлагает трактовку значимого для литературоведения метода «женского письма» Элен Сиксу в рамках пост-

структурализма. Художественные тексты Элен Сиксу в окружении философских концептов Делёза оживают и получают большее идейное наполнение, а также предлагают перекрестный взгляд на гендерную теорию, в частности с точки зрения литературоведения и философии.

Актуальность статьи и ее новизна сопряжены с предметом исследования, а именно – со способами говорить о репрезентации «женского» в литературоведении посредством других научных медиумов (к примеру, философии). Также важен сам термин, используемый Делёзом применительно к текстам Сиксу – «стробоскопическое письмо». Он может быть использован в том числе относительно других «женских» текстов независимо от гендера автора, если расширить его трактовку.

Для автора статьи важно осветить именно те концепции в литературоведении, которые могут частично заполнить «лакуны», создавая концептуальное напряжение между репрезентацией элементов «женского» в литературоведческой науке. Проблемным моментом для русскоязычного контекста является тот факт, что до середины 1990-х «видимость» такого рода исследований блокировалась, а проблема оставалась в значительной степени неизученной. Перспективной для данной статьи является возможность дополнить и расширить отношение к уже доступным и хорошо известным текстам гендерной теории, которые часто являют собой яркие образцы «женского письма» (не только работы Элен Сиксу, но и Люс Иригарэ, Моник Виттиг и др.). Дополняя постоянно ускользающий от фиксаций и определений дискурс гендерных исследований, статья делает небольшой, но важный вклад в создание языка теории, на котором можно помыслить «свободное» и объективное исследование на стыке гендерной теории и литературоведения, расширяя не только трактовку термина «женское письмо», но и вводя его частичный синоним – «стробоскопическое письмо».

Статья Делёза, представляющая собой интересный случай рецепции художественного текста философом, была посвящена работам Элен Сиксу неслучайно. В первую очередь мы можем говорить о том, что тексты Элен Сиксу, нелинейные, лишённые центра и наполненные яркими метафорами, представляют собой идеальную репрезентацию идей Делёза о «ризоматическом» письме, которыми он делится вместе с Феликсом Гваттари в работе «Тысяча плато: Капитализм и шизофрения». Они выделяют несколько типов книг («книга-корень» и «книга-ризома»): «Первый тип книги – книга-корень. Дерево – уже образ мира, а корень – образ древа-мира. Это классическая книга, подобная прекрасной органической интерьерности, означающей и субъективной (страты книги). Книга имитирует мир так же, как искус-

ство – природу... <...> Закон книги – это закон рефлексии» [Делёз: 8]. «Книга-ризома» противостоит «книге-корню», так как не подражает реальности, а работает по внутренним законам интенсивности, нарушая дихотомию «означающее-означающее». Идеальными примерами такой книги для Делёза будут работы Ф. Кафки, Г. Клейста и, в частности, Сиксу, о чем он сообщает в своей статье-обзоре. Становится очевидным, что Делёз противостоит структуралистскому пониманию литературы и языка, и потому его очаровывают те тексты, в которых наблюдается явное нарушение структуры повествования, линейности. Делёз видит творческий метод Сиксу как идеальный пример «скоростного», «ризоматического» письма, освобождающего потенциальные возможности текстуального поля.

Исследовательница Вероник Берген пишет о том, каким образом расширение полей структуры Делёзом помогает применить творческий метод Сиксу к освоению ее литературных текстов. Она называет свою статью «Силы внешнего на пересечении философии Делёза и Сиксу» и сводит концептуальные решения в философии Делёза к литературным способам высказывания у Сиксу, строя размышления на «философии» интенсивного телесного переживания аффектов, а также множественности переживающего их субъекта. Берген начинает свое сравнительное исследование с предпосылок, которые заставили исследователей отойти от структурализма в сторону «линий сгибания и ускользания», как называет их Делёз, то есть к постструктурализму. Структурализм и его знаки жаждут дешифровки, интерпретации, они хотят узнать всю правду и понять причины возникновения, так как на структурализме лежит бремя интерпретации. Постструктурализм, в котором в определенный момент встречаются Сиксу и Делёз, не ищет причин своего возникновения, а напротив, принимает правила игры и пытается выйти за пределы человеческого, «ведь именно человек – тот, кто всю историю метафизики и онтологий мечтал о безграничном присутствии, обнадеживающих оснований, открытии своего происхождения и конце игры» (пер. мой. – Ч. Е.) [Bergen: 3].

Берген начинает с Делёза, который в определенный момент отходит от идей о структуре и переходит к тому, что она называет «событием». Во всех его работах, начиная с «Различия и повторения» (1968), «Логика смысла» (1969) и заканчивая «Анти-Эдипом» (1972) и «Тысячей плато» (1980), можно наблюдать постепенное исчезновение референций к структурализму, а затем и его критику: таким образом происходит переход к «событию». Важным для Делёза становится и термин «тело без органов» (выражаясь словами Антонена Арто), тело, которое, в отличие от правильно структурированного организма, спо-

собно на осуществление любых своих потенций: «И это – то же самое все, но при таких условиях, что тело без органов заменило организм, экспериментирование заменило любую интерпретацию, в какой она более не нуждается. Потоки интенсивности, их жидкости, их волокна, их континуумы и их конъюнкции аффектов, дуновение, тонкая сегментация, микроперцепции заменили мир субъекта» [Делёз: 269].

Кроме того, когда Делёз отходит от структуры в сторону линий сгибания, он начинает разговор о «множественном» субъекте, заменяющем единое, нерасщепленное эго, таким образом критикуя объект лакановского психоанализа. Для него участники события – это всегда группа, множество, ризома, стая. Он иллюстрирует это примерами из текстов Вирджинии Вульф, в которых находит такого «множественного» субъекта: «Внутри нее – кишасящая толпа, пчелиный рой, схватка футболистов или группы туарегов. Я на краю этой толпы, на ее периферии; но я и принадлежу ей, я привязана к ней конечностями моего тела, руками или ногами. Я знаю, что такая периферия – мое единственно возможное место, я умерла бы, если бы позволила увлечь себя в центр схватки, как, конечно же, если бы я оторвалась от этой толпы. Мою позицию нелегко сохранить, ее даже весьма трудно удержать, ибо все эти существа безостановочно движутся, их движения непредсказуемы и не отвечают никакому ритму. Порой они крутятся, порой идут к северу и вдруг сворачивают на восток, ни один из индивидов, составляющих толпу, не остается на том же самом месте по отношению к другим. А значит, я сама тоже в постоянном движении; все это требует большого напряжения, но и сообщает мне чувство почти головокружительного, неистового счастья. Вот замечательный сон шизофреника. Быть целиком в толпе и – одновременно – полностью вне ее, вдали от нее: бордюр, прогулка Вирджинии Вулф (“я никогда больше не скажу: я – это, я – то”))» [Делёз: 51].

Этот отрывок в значительной мере иллюстрирует установку делезианского постструктурализма на отмену любой иерархичности, на удаление от структуры с четким центром в сторону ризомы, любая часть которой является периферией и центром одновременно. Структурализм, по мнению Берген, неотделим от новой трансцендентальной философии, «где места берут верх над тем, что их заполняет». Уже в «Анти-Эдипе» Делёз разрушает связь между структурой и событием: ассамбляж [agencement] желаемых машин, их интенсивное функционирование и потоки, которые их составляют, больше не умещаются в диалектику пустых создаваемых серий. Берген заявляет, что недостаточность структуры вынуждает Делёза, Гваттари, а также Сиксу обращаться к другим, лишенным иерархичности терминам. Выража-

ясь словами Леви-Стросса, структура – это агент, который упорядочивает реальность, а также, как уже было сказано, это способ извлечь из разнообразия ощущений совокупность закономерностей и таксономий. Ближе всего Делёз подходит к творческому методу Элен Сиксу во второй части работы «Капитализм и шизофрения», описывая структуру ризомы – нового вида текстуальности, который противостоит «книге-корню». «Книга-ризома», по мысли Делёза, неподвластна никаким структурам и законам: она горизонтальна, расплзается вширь, не выстраивая иерархий между «стволом» и «кроной». Делёз и Гваттари предлагают писать «лозунгами ризомы»: «Создавайте ризому, а не корень, никогда не сажайте! Не сейте – втыкайте! Не будьте ни единым, ни многим – будьте множественностями! Создавайте линию и никогда – точку! Скорость превращает точку в линию! Будьте быстрыми, даже стоя на месте! Линия шанса, линия бедра, линия ускользания. Не культивируйте Генерала в себе! <...> У книги нет ни объекта [objet], ни субъекта [sujet]*, она по-разному материально соткана из крайне разных дат и скоростей. Приписывать книгу субъекту – значит упускать из виду такую работу материй и внешний характер их отношений. Это значит фабриковать «благого Бога» ради геологических движений. <...> И линии, и измеримые скорости – все это конституирует некую *сборку*. Книга – такая сборка, и, как таковая, она ни к чему не приписана. Это – множественность, но мы еще не знаем, что подразумевает такое множественное, когда оно уже ни к чему не приписано, то есть когда оно возводится до статуса субстантива» [Делёз: 43].

Для того чтобы более подробно пояснить метод скоростей и нелинейных структур, приписываемый Делёзом текстам Элен Сиксу, рассмотрим структуру его статьи. Она начинается с предисловия о романе Сиксу «Neutre», в котором писательница описывает свою манеру письма через то, что называет «нейтральным». Нейтральное – это система метафор, которые создают в нас, приближают наступление аффекта. Главное намерение Сиксу состоит в том, чтобы уловить акт письма до того, как что-либо еще будет написано. Нейтральное для нее – это хаос, из которого рождается аффект. Делёз, в свою очередь, пишет об особой манере чтения, гармонирующей с модусом создания текстов Сиксу.

Он также пишет, что, несмотря на полученную в 1969 году премию Медичи, творческий поиск Элен Сиксу долгое время оставался недооценен и не понят многими критиками и читателями. Он обращается к написанной ей диссертации «Изгнание Джеймса Джойса», которую оценивает по достоинству и замечает, что на первый взгляд может показаться, что все творчество Сиксу имеет джойсовское происхождение: нейтральный автор, который вместе с тем включает

в себя множество голосов и озарений, находящихся на перекрестке процесса понимания и творения текста. Однако такой взгляд на ее творчество создает впечатление, что Сиксу – слишком сложная писательница и что ее место в нише сложных современных литературных течений. Однако у Сиксу есть своя «тайна», постигнув которую мы видим всю легкость и увлекательность ее текстов. Тайна Сиксу по Делёзу заключается в следующем: произведения автора, которого считают трудным для прочтения и понимания (к примеру, уже упомянутого Джойса, к которому Сиксу равнодушна), обычно требуют, чтобы их читали медленно, «ретардируя» процесс восприятия и дешифровки. Тексты Сиксу должны быть восприняты с точностью наоборот – это произведения, требующие, чтобы их читали быстро (хотя, как отмечает Делёз, возможно, придется перечитывать их все быстрее и быстрее). Трудности, с которыми может столкнуться «медлительный» читатель, исчезают по мере увеличения скорости чтения. Такая ситуация складывается потому, что Элен Сиксу производит новый, оригинальный вид письма, которому Делёз отводит совершенно исключительное место в современной литературе: своего рода стробоскопическое письмо, в котором повествование оживает, а различные темы и культурные пласты легко соединяются между собой. Слова образуют переменные фигуры в воображении в зависимости от выбранной нами скорости прочтения. Делёз вскользь отмечает важность наследия другого французского писателя и эссеиста, Поля Морана, который, по его мнению, «привнес скорость» в литературу в описаниях джаза, автомобилей и самолетов. Элен Сиксу избрывает и другие скорости, соответствующие современности, смешивая цвета своего стробоскопа так, что посредством движений они создают все новые нюансы и оттенки смысла: «Какой же эффект производят тексты Элен Сиксу? «Нейтральное» состоит из ассоциированных элементов: фиктивных элементов, порождаемых желаниями, фонологических элементов из букв, языковых элементов, критических элементов, состоящих из цитат, активных элементов, состоящих из сцен и т. д. Эти элементы образуют неподвижный, сложный ансамбль, то есть трудно расшифровать «нейтральное» [neutre], пока читатель остается на скорости 0 [la vitesse = 0]. На промежуточных скоростях образуются цепи, которые отступают [se rabattent] и складываются обратно [les rabattent] в тот или иной ансамбль, образуя отдельные истории [histoires] или отдельные версии истории. На все большей и большей скорости они вступают в постоянное скольжение, во вращение, которое сдерживает их от того, чтобы вернуться обратно и составить какой-либо конкретный ансамбль. Тексты Сиксу требуют такого чтения, которое функционирует в со-

ответствии со скоростью ассоциации читателя. <...> Ее тексты необходимо читать быстро и напряженно, действуя подобно современному механизму высокой точности» [Deleuze 2002: 203].

Особенно важны размышления Делёза о скоростях в письме. Уже в «Прусте и знаках» Делёз пишет о том, что понимает под стилем знаки, передвигающиеся с переменной скоростью. Обладая способностями аффекта и воздействия, движения, скорости и медлительности, книга составляет сборку. Мы также знаем, что для Делёза скорость – это вопрос потока, силы этого потока и что существуют «медленные скорости» и «быстрые медлительности». Создание произведения искусства, то есть книги, есть не что иное, как компоновка скоростей и интенсивностей в плане имманентности, если следовать мыслям Делёза и Гваттари. Важно отметить, что Деррида в биографической книге, посвященной Элен Сиксу, «*H. C. pour la vie, c'est à dire...*» (2002), также смотрит на ее творчество как на перекресток скорости и жизни, постоянного движения, в котором бесконечная скорость письма встречается с абсолютными силами жизни [Derrida: 135].

Скорость, которую Делёз видит в текстах Сиксу, – это одновременная скорость самого письма, то есть та скорость, с которой Сиксу рождает слова, а также скорость чтения, получения аффекта самим читателем, и потому стробоскопический метод чтения лучше всего описывает это переключение скоростей, ведь он состоит в последовательном чередовании света и тьмы. Берген пишет: «И черный и белый цвета создают сцену письма, которая постоянно распадается... это – танец фоном, в котором тело письма раскрывается и язык проявляет свою генетическую материю» [Bergen: 10].

Текст Сиксу завоевывает свою автономию посредством сгущения и смещения смыслов: она применяет механизмы сновидения наяву, которые не просто транслируются на уровне письма, но непосредственно становятся материалом ее языка. Для того чтобы продвигаться в суггестивном и вместе с тем чувственном письме, Сиксу не нужно останавливаться ни на минуту. Напротив, чтобы уловить некоторые ее палиндромы, которые рождаются и распадаются на протяжении всего текста, необходимо применять скорость вчитывания, «скользить» по тексту как по линиям ускользания, которые описывают Делёз и Гваттари. Сиксу перераспределяет свои территории, разворачивает границы своего родного языка, перескакивая с одного на другой – ей свойственна открытость границ между немецким, английским, французским.

Здесь необходимо одно биографическое пояснение, о котором Берген не пишет: Сиксу родилась в городе Оран, в Алжире, в семье французского сефарда и матери австро-немецки-ашкенази. Ашкеназы и сефар-

ды имеют одни и те же религиозные основы, но вместе с тем их культурные практики несколько отличаются. Таким образом, Сиксу росла в сложной матрице различий и исключений: еврейка в оккупированном французами Алжире; француженка среди угнетенного мусульманского большинства; женщина в патриархальном мире. Она говорила на немецком, французском, иврите и английском, и ее домашняя жизнь была местом постоянных переводов. Сиксу, очевидно, с самого начала своего жизненного пути была окружена инаковостью. И это привело ее к подобным мыслям о свободном пересечении языковых границ. Она сравнивает свои ощущения из детства, связанные с чувством собственного случайного нахождения в мире, отсутствия каких-либо корней или преемственности, с физическим ощущением хрупкого гриба, споры, выплывшей за одну ночь, которая держится за землю еще хрупкими корнями. Из этого пространства шаткой принадлежности, одновременно материального и эфемерного, Сиксу получила жизнь, полную размышлений о себе как Другом и своей инаковости.

Помимо того, что некоторые исследователи называют биологическими мутациями в работах Сиксу (создание сетей звуков, которые затем рожают и другие значения, прокалывание означаемого означющим), она выделяет также и геологические мутации (резонанс голосов Монтеня, Стендаля) [Bergen: 11]. Иными словами, множество этих мутаций – поле интертекстуального, еще один признак женского письма. Пруст, Шекспир, Беньямин, Кафка свободно и легко входят в тексты Сиксу. Ее метод письма основан на взаимопроникновении, палимпсестах, нисхождении в «подземелье» слов. Сиксу говорит о своей «скорости» ускользания, растворенной в письме: «В данный момент я пытаюсь постичь тайны моего прохождения сквозь текст, чтобы раскрыть их вам, это попытка написать то, что движется гораздо быстрее моего сознания и моей руки... Когда я пишу, я ничего не делаю намеренно, иначе остановлюсь... Надо играть на быстром и справедливом языке, подобно честному музыканту. Язык, каким бы благословенным он ни был, несет в себе неисчислимые ресурсы ускорения, и именно поэтому он приближается к жизненным процессам, которые протекают быстрее молнии... Текст приходит ко мне слишком быстро, это я не успеваю записать его своей медленной рукой. Что же надо сделать? Я лишь документирую этот порыв [la rafale]. В моем предложении сохранилось что-то от этой телеграфии. Книга пишется быстро» (пер. мой. – Ч. Е.) [Cixous 1991: 88-89].

Сиксу одаривает читателя новыми органами восприятия и вместо модернистского ретардированного письма предлагает способ «скоростей»: сон и мечта о языковой утопии в ее текстах перетекают в само письмо. Письмо допускает совмещение времени

и пространства, прошлого и настоящего, как, например, в моментах прозрения в текстах Марселя Пруста, в моменты, где настоящее ощущение сливается с прошлым аффектом, и можно ощутить «кусочек времени в чистом состоянии», как отмечает Делёз. Для Сиксу и Делёза слова приходят как внезапные порывы [rafales], начало бури, из разных уголков памяти [les quatre coins de la mémoire], вместе с тем пробегая по текстам мировой библиотеки. Скорость письма – это также его срочность, его гонка со временем и его стремление победить смерть. Сиксу неоднократно обращается к теме смерти в своих художественных текстах (к примеру, в «Нурегтёве», где письмо становится способом преодолеть смерть матери). Писательство для нее – это способ отбросить забвение: «Это способ не дать бездне застать тебя врасплох... по правде говоря, я впервые начала писать, чтобы лишить смерть силы. Из-за умершего человека [un mort]. Самый ужасное – это то, что не подлежит никакому украшению, не подлежит восстановлению» [Cixous 2003: 3].

Уникальная скорость письма и его движение позволяет письму Сиксу работать как аппарат [dispositif] по приостановке смерти, письмо окутывает смерть, а тот, кто пишет – освобождается от всякого «я». Женское письмо возвращает высказыванию его силу через телесность. Для женщины завоевание тела означает возвращение силы своих слов, и одно невозможно представить без другого. Здесь ее с Делёзом связывает еще один общий концепт – «становление женщиной» [Deleuze 1945: 30], практика становления писателя кем угодно, кроме самого себя, уничтожение им своего «эго» в письме. Сиксу в своем становлении предстоит создать новый язык, мутировавший, расколотый, измененный, нечистый и разветвленный: «Моя работа – переводить эмоции в тексты. Сначала мы ощущаем [nous sentons]. Затем я пишу. <...> Я хочу написать то, чего не могу написать. Книга мне помогает» [Cixous 1991: 88-89]. Текст Сиксу рождаются в голове писателя и читателя тогда, когда мы отдаем свое тело тропизму³, используя терминологию Натали Саррот, и отказываемся от своего «эго», растворяясь в аффекте.

Таким образом, размышления Делёза завершают важный этап в восприятии текстов его современницы. Он не просто высоко оценивает вклад писательницы в мировую литературу, но также говорит о том, к каким нелинейным методам письма она косвенно призывает своего читателя. Любая книга, эссе или глава в тексте Сиксу – это децентрированная, детерриторизированная «книга-ризома» без центра и периферии, читать которую можно с любого места и любой строчки. Но эта ризома требует особо отношения – умелого переключения, работы со скоростями, ментального схватывания аффекта.

Взгляд Делёза позволяет посмотреть на произведения Сиксу под таким углом, который сама писательница лишь предполагала возможным, не давая читателю подробного указания к действию. Сиксу хорошо осознает возможные противоречия и лакуны, связанные с ее параллельной работой в нескольких областях знания, но сама предпочитает оставаться на стороне поэтического слова, видя себя в первую очередь как творца. В интервью 1984 года она отметила: «Если бы я была философом, я бы не могла себе позволить говорить в терминах присутствия, сущности и т. д. или о смысле чего-либо. Я бы вполне справилась с философским дискурсом, но не делаю этого. Я позволяю поэтическому слову увлечь меня. <...> В «Грамматологии» он [Деррида] рассуждает о письме в общем, о тексте в общем. Когда я говорю о письме, я говорю вовсе не об этом. В этот момент нужно сместить перспективу; я не обсуждаю понятие письма так, как его анализирует Деррида. Я говорю в более идеалистической манере. Я позволяю это себе; я сложила с себя обязанности философа, избавилась от философских поправок – хотя это не значит, что я их игнорирую (курсив мой. – Е. Ч.)» [Conley: 151]. Размышления исследователей из других сфер по поводу текстов Сиксу помогают сделать ее концепции менее уязвимыми, снимают критические оценки и наполняют терминологический аппарат. Делёза больше всего захватывают быстрые метафоры Сиксу, аффекты ее письма, рождающиеся на разломах смысла, которым читатель вынужден поддаться. Только таким образом, считает Делёз, удастся схватить расплавленную магму слов и ассоциаций в текстах писательницы. Эти размышления можно применить и к другим образцам женского письма, построенным на ускорении аффектов, получаемых читателем при чтении. Работы писательницы являют собой выдающийся образец не только художественных текстов, но и теории, закрепленной в художественной практике, подтверждаемой рефлексией философов-постструктуралистов. Такой взгляд на работы писательницы, роднящий термины «женское письмо» и «стробоскопическое письмо», может помочь усовершенствовать терминологический аппарат в том числе гендерной теории и в будущем более подробно описать критерии женского письма.

Примечания

¹ Подробнее см.: Анцыферова О.Ю. Извивы феминистского литературоведения (материалы к спецкурсу) // Женщина в российском обществе. 2005. № 3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izvivy-feministskogo-literaturovedeniya-materialy-k-spetskursu> (дата обращения: 28.01.2025).

² Перевод данной статьи Ж. Делёза и ее названия здесь и далее – перевод автора статьи по англоязычно-

му варианту «Hélène Cixous or Stroboscopic Writing», опубликованному в «Oxford Literary Review».

³ Мельчайшие элементы ощущений, которые наши тела и разум схватывают еще до того, как они превращаются в смыслы. Разработан Натали Саррот в ее сборнике «Тропизмы».

Список литературы

Анциферова О.Ю. Извивы феминистского литературоведения (материалы к спецкурсу) // Женщина в российском обществе. 2005. № 3-4. С. 1–10.

Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. 895 с.

Жеребкина И.А. Феминистская литературная критика // Введение в гендерные исследования. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. С. 543–561.

Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс // Хрестоматия феминистских текстов / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С. 5–28.

Мой Т. Сексуальная/текстуальная политика. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. 237 с.

Нохлин Л. Почему не было великих художниц? // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. Москва: Росспэн, 2005. 593 с.

Сиксу Э. Хохот медузы // Введение в гендерные исследования / под ред. И.А. Жеребкиной, С.В. Жеребкиной. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. 994 с.

Bergen V. The Powers of the Outside in Deleuze and Cixous. The Edinburgh Companion to Poststructuralism. Edinburgh University Press, 2013, pp. 408–428. <https://doi.org/10.1515/9780748653690-028>

Cixous H. Coming to Writing and Other Essays. Cambridge, MA and London, Harvard University Press, 1991, 214 p. <http://dx.doi.org/10.2307/359019>

Cixous H. L'Amour du loup et autres remords. Paris, Galilée, 2003, 224 p.

Cixous H. The Laugh of the Medusa, trans. by Keith Cohen and Paula Cohen. Signs, 1976, vol. 1, no. 4, pp. 875–893.

Conley V.A. Hélène Cixous: Writing the Feminine. Lincoln and London, University of Nebraska Press, 1984, 151 p.

Deleuze G. Description de la femme: Pour une philosophie d'autrui sexuée. Poésie, 1945, no. 28, pp. 28–39.

Deleuze G. Hélène Cixous or Stroboscopic Writing. Oxford Literary Review, 2002, vol. 24, no. 1, pp. 203–205. <http://dx.doi.org/10.3366/olr.2002.013>

Derrida J. H.C. La vie c'est à dire... Paris, Galilée, 2002, 135 p.

References

Ancyferova O.Y. Izvivy feministiskogo literaturovedeniya (materialy k spekursu) [Twists of feminist literary

studies (materials for a special course)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society. Zhen-shina v rossijskom obshchestve], 2005, no. 3-4, pp. 1–10.

Delëz Zh. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ.; Moscow, Astrel' Publ., 2010, 895 p. (In Russ.)

Moi T. *Seksual'naya/tekstual'naya politika* [Sexual/Textual politic]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2004, 237 p. (In Russ.)

Nohlin L. *Pochemu ne bylo velikih hudozhnic?* [Why Have There Been No Great Women Artists?]. *Gender-naya teoriya i iskusstvo. Antologiya 1970–2000* [Gender theory: Anthology, 1970–2000]. Moscow, Rosspen Publ., 2005, 593 p. (In Russ.)

Siksu E. *Hohot meduzy* [The Laught of the Medusa]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Saint-Petersburg, Aleteya Publ., 2019, 994 p. (In Russ.)

Zherebkina I.A. *Feministskaya literaturnaya kritika* [Feminist literary critique, Introduction to Gender Studies]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2019, pp. 543–561. (In Russ.)

Zdravomyslova E., Temkina A. *Vvedenie. Feministskiĭ perevod: tekst, avtor, diskurs* [Feminist translation: text, author, discourse]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000, pp. 5–28. (In Russ.)

Bergen V. The Powers of the Outside in Deleuze and Cixous. The Edinburgh Companion to Poststructuralism. Edinburgh University Press Publ., 2013, pp. 408–428. <https://doi.org/10.1515/9780748653690-028>

Cixous H. Coming to Writing and Other Essays. Cambridge, MA and London, Harvard University Press Publ., 1991, 214 p. <http://dx.doi.org/10.2307/359019>

Cixous H. L'Amour du loup et autres remords. Paris, Galilée, 2003, 224 p.

Cixous H. The Laugh of the Medusa, trans. by Keith Cohen and Paula Cohen. Signs, 1976, vol. 1, no. 4, pp. 875–893.

Conley V.A. Hélène Cixous: Writing the Feminine. Lincoln and London, University of Nebraska Press Publ., 1984, 151 p.

Deleuze G. Description de la femme: Pour une philosophie d'autrui sexuée. Poésie, 1945, no. 28, pp. 28–39.

Deleuze G. Hélène Cixous or Stroboscopic Writing. Oxford Literary Review, 2002, vol. 24, no. 1, pp. 203–205. <http://dx.doi.org/10.3366/olr.2002.013>

Derrida J. H.C. La vie c'est à dire... Paris, Galilée, 2002, 135 p.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 05.03.2025.

The article was submitted 21.02.2025; approved for reviewing 04.03.2025; accepted for publication 05.03.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 126–131. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 126–131. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(430).09"20"

EDN QUXUKB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-126-131>

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СБОРНИКА РАССКАЗОВ БЕРНХАРДА ШЛИНКА «ДЕЗЕРТИРЫ ЛЮБВИ»

Гриднева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия, n.gavrilina83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1886-6040>

Аннотация. Статья посвящена изучению экзистенциальной проблематики рассказов, вошедших в сборник «Дезертиры любви» (“Liebesflüchten”, 2000) современного немецкого писателя Бернхарда Шлинка. Ключевые идеи, развиваемые автором, рассматриваются с опорой на труды ведущих представителей экзистенциальной философии (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю) и в контексте традиций, заложенных в немецкой литературе писателями-экзистенциалистами. В частности, особое внимание уделяется проблеме выбора между подлинным и неподлинным бытием. В то время как первое, согласно философии экзистенциализма, предполагает личностную самореализацию, свободу человека быть самим собой, второе, напротив, означает фактический отказ от своих глубинных потребностей, предательство собственных принципов и идеалов в угоду чужим ожиданиям, общественной морали и т. п. Изображая своих героев в пограничной ситуации, обнажающей иллюзорность их мнимого благополучия, Б. Шлинка показывает, насколько этот выбор может быть тяжел и в то же время насколько он необходим – как единственная возможность обретения гармонии и свободы. Темы, составляющие экзистенциальную проблематику сборника, – подлинное и неподлинное бытие, пограничная ситуация, свобода выбора, ответственность, Вторая мировая война, – являются ключевыми для всего творчества Б. Шлинка, что позволяет говорить об идейно-тематической близости сборника романам писателя.

Ключевые слова: Бернхард Шлинка, «Дезертиры любви», современная немецкая литература, экзистенциализм, самоидентификация, немецкая вина, Вторая мировая война.

Для цитирования: Гриднева Н.А. Экзистенциальная проблематика сборника рассказов Бернхарда Шлинка «Дезертиры любви» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 126–131. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-126-131>

Research Article

EXISTENTIAL ISSUES IN THE COLLECTION OF SHORT STORIES BY BERNHARD SCHLINK “FLIGHTS OF LOVE” (“LIEBESFLÜCHTEN”, 2000)

Natalia A. Gridneva, PhD Philology, Associate Professor, Samara State Technical University, Samara, Russia, n.gavrilina83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1886-6040>

Abstract. The article deals with the existential issues raised in the collection of short stories “Flights of Love” (“Liebesflüchten”, 2000) by Bernhard Schlink, one of the key contemporary writers from Germany. The main ideas developed in the stories are considered with the support of the works by the leading representatives of existential philosophy (Martin Heidegger, Karl Theodor Jaspers, Jean-Paul Charles Aymard Sartre, Albert Camus) and in the context of traditions started by the German existentialist writers. Particular attention is paid to the problem of authentic and inauthentic existence. In existential philosophy, the idea of authenticity means that one has to create oneself and act in line with this self, while inauthenticity, in contrast, is connected with a rejection of one’s self-identity and freedom to meet someone else’s expectations and earn more social approval. Bernhard Schlink reveals the difficulty of this choice showing his characters in a border situation, which suddenly uncovers the illusiveness of their imaginary welfare. The ideas related to the existential issues of “Flights of Love” are typical for the all works of Bernhard Schlink, and it allows seeing an ideological and thematic proximity of short stories to his novels.

Keywords: Bernhard Schlink, “Flights of Love”, contemporary German literature, existentialism, self-identification, German guilt, World War II.

For citation: Gridneva N.A. Existential issues in the collection of short stories by Bernhard Schlink “Flights of Love” (“Liebesflüchten”, 2000). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 126–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-126-131>

Черты типичного экзистенциального мировосприятия в прозе Бернхарда Шлинка отмечают многие исследователи, изучающие, в частности, проблему осмысления немецкого исторического опыта, вопросы самоидентификации, ответственности, справедливости, свободы и другие ключевые темы в его творчестве [Гущина; Bakr, Abdul, Alipour; Wehdeking]. В своей монографии, посвященной проблеме влияния экзистенциальной философии на произведения немецких литераторов XX–XXI веков, Т.А. Шарыпина упоминает Б. Шлинка в ряду наиболее ярких современных писателей-экзистенциалистов, отмечая, что его творчество «перенасыщено экзистенциальной проблематикой», во многом объединяющей важнейшие его произведения [Шарыпина 2020: 105]. Заметим, что основное внимание исследователей приковано к романам Б. Шлинка («Чтец», «Возвращение», «Женщина на лестнице», «Ольга», «Внучка»), однако, на наш взгляд, его малая проза с этой точки зрения представляет не меньший интерес.

Сборник рассказов «Дезертиры любви» («Liebesflüchten») [Schlink] вышел в 2000 году, и нельзя сказать, что он остался незамеченным. Книга была выпущена рекордным для малой прозы тиражом в 650 000 экземпляров и полностью раскуплена, переведена на многие языки (в том числе русский), собрав положительные отклики в соответствующих разделах ведущих мировых СМИ, один из рассказов («Другой мужчина») был успешно экранизирован. Наша цель – раскрыть экзистенциальную проблематику сборника, созвучную идеям М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю и продолжающую традиции, заложенные в немецкой литературе В. Борхертом, Г. Беллем, Г.Э. Носсаком и другими представителями экзистенциального направления.

В сборнике «Дезертиры любви» Б. Шлинка в типичном для экзистенциалистов ключе сосредотачивает свое внимание на отдельном человеке, причем нередко в его драматичном конфликте с окружающей средой. Конфликт между личностью и обществом, конечно, не является изобретением экзистенциалистов, но получил у них глубокое осмысление. «Возвышенное – асоциально», – заявлял Г. Бёлль в своих франкфуртских лекциях, противопоставляя абсолютные ценности – те, что составляют духовную опору существования личности и определяют ее нравственную силу, – ценностям социальным, делающим человека жертвой идеологии, заложником навязываемого «общественного долга» [Böll: 107]. Героями писателей-экзистенциалистов часто становятся одинокие, отвергнутые обществом или не способные влиться в него люди, иногда психологически травмированные тяжелым опытом войны, очень чувствительные к привычным для других лицемерию и фальши. Показывая трагическую уязвимость человека перед ли-

цом общества и государства, экзистенциалисты делают упор на абсолютной и безусловной ценности личности, ее праве на автономию и индивидуальность, на собственный духовный путь.

В сборнике Б. Шлинка чаще всего противопоставляет личность ее ближайшему окружению – семье. В нескольких рассказах писатель изображает супругов, живущих друг с другом не по любви, но по привычке, и силу привычки здесь не следует недооценивать. Б. Шлинка показывает ее необыкновенную власть над человеком, который зачастую не мыслит себя в иных, новых для него обстоятельствах.

Так, герой рассказа «Другой мужчина» (“Der Andere”) после смерти жены, испытывая абсолютную растерянность и подавленность, признает, что тоскует не столько по умершей супруге, сколько по утраченному им теперь укладу. Собственно, в некоторой степени вся его история – о необыкновенной укорененности человека в привычной для него среде. Раскрывшийся факт многолетних отношений жены с другим мужчиной вырывает у героя почву из-под ног, ставя под вопрос весь его прошлый опыт, в каком-то смысле лишая его прошлого и вместе с ним возможности самоидентификации. Его переписка с бывшим любовником жены и последующее с ним знакомство есть именно попытка переосмыслить свое прошлое в свете открывшихся фактов и таким образом вернуть его себе.

Главная опасность привычки, как показывает Б. Шлинка, в том, что она заглушает в человеке голос его собственного «я», мешает осознать свои глубинные потребности, часто заставляя подчинять свою жизнь чужим ожиданиям, общественной морали и т. п. Цепляясь за привычное прошлое, человек зачастую предает сам себя, лишает себя возможности подлинного бытия.

В рассказе «Девочка с ящеркой» (“Das Mädchen mit der Eidechse”) для матери героя жизнь становится невыносимой без супруга, хотя она не испытывает к нему ничего, кроме обиды и презрения. Не познавшая счастья в браке и даже столкнувшаяся с насилием со стороны мужа, героиня, тем не менее, недоумевает, услышав весьма закономерный вопрос сына о том, почему же она вопреки всему не решилась на разрыв с его отцом: «...eines Tages sind diese Tätigkeit und jener Mensch dein Leben geworden, und warum du beim Leben bleibst, ist eine ziemlich dumme Frage» («...однажды эта работа и тот человек становятся твоей жизнью, а почему ты не расстаешься с жизнью, довольно глупый вопрос»; перевод здесь и далее наш. – *Н. Г.*) [Schlink: 16].

Утратив бывшие чувства, продолжают оставаться вместе и герои рассказа «Женщина у бензоколонки» (“Die Frau an der Tankstelle”). Совместная жизнь давно не делает их счастливыми, но сила привыч-

ки крайне затрудняет возможное «дезертирство». От семьи осталась лишь видимость, автор делает акцент на ритуальном характере совместной жизни героев, где форма заменила собой содержание: «...sie hatten sich das Leben in seinen Ritualen durchaus vernünftig und befriedigend eingerichtet» («...свою жизнь во всех ее ритуалах они обустроили исключительно продуманно и удовлетворительно») [Schlink: 162].

В философии экзистенциализма склонность к самообману рассматривается как одно из свойств самой человеческой природы. По Ж.-П. Сартру, человек реализует образы существования, соответствующие его представлениям о себе самом. Речь не идет о каком-то сознательном притворстве или игре. Напротив, человек сам находится в абсолютной власти самообмана, в иллюзии, в каждый момент репрезентации веруя в то, что он является тем, чем кажется [Сартр 2000].

Лишь в условиях того, что экзистенциалисты называют «пограничной ситуацией» (К. Ясперс), перед человеком вдруг обнажается лживость, иллюзорность его мнимого благополучия. Подтолкнуть к «экзистенциальному озарению» (К. Ясперс) могут разные обстоятельства [Ясперс]. Философы-экзистенциалисты чаще всего говорят в этой связи о страхе смерти (вспомним один из хайдеггеровских экзистенциалов «бытие-к-смерти» [Хайдеггер]). Впрочем, следует иметь в виду смерть не только в ее физическом, но и в духовном, ментальном измерении. Предчувствие приближающейся гибели позволяет человеку со всей остротой осознать, прочувствовать хрупкость бытия и обращает его взор внутрь самого себя в поиске истинных смыслов и ценностей.

Собственно, противопоставление подлинного и неподлинного бытия является ключевым моментом всей экзистенциальной философии. Первое подразумевает полноценную реализацию человеком своей сущности, а второе – фактический отказ от нее. «Пограничная ситуация» и есть ситуация выбора между ними. В сборнике Б. Шлинк показывает, насколько этот выбор может быть тяжел. «Nachdenken verlangt Zeit, Entscheiden verlangt Mut, so pflegte er zu sagen, und er wusste, dass ihm jetzt nicht die Zeit zum Nachdenken, sondern der Mut zum Entscheiden fehlte» («Раздумье требует времени, решимость требует мужества, так он обычно говорил, и он знал, что сейчас ему не хватает не времени на раздумье, а мужества, чтобы решиться»), – описывает он чувства одного из героев, который никак не может найти в себе силы уйти от жены [Schlink: 169]. Разумеется, особый драматизм ситуации придает тот факт, что речь идет о самых близких людях. Героиня рассказа «Измена» (“Seitensprung”), сильная, зрелая личность, четко осознающая свои потребности и готовая за них бороться, смело бросает вызов государственной системе, но не находит в себе сил отстоять свою правду в конфликте с мужем, который, опасаясь

за безопасность жены, втайне от нее вступает в контакт со спецслужбами ГДР.

Тем не менее для многих героев сборника прежняя жизнь оказывается более невыносимой, и они, чувствуя угрозу полного внутреннего разлада, начинают искать возможности «сбежать». «Ich weiß noch nicht, wohin ich will, aber ich weiß, dass ich wegwill. Es war alles so viel. Ich muss zu mir selbst kommen» («Я еще не знаю, куда я хочу, но я знаю, что хочу бежать. Слишком много было всего. Я должен прийти к самому себе»), – рассуждает герой рассказа «Сладкий горошек» („Zuckererbsen“) [Schlink: 102]. Эта идея побега, отраженная в том числе в самом названии сборника, отсылает к еще одной важнейшей категории, характеризующей подлинное бытие, – к свободе.

В философии экзистенциализма выбор неразрывно связан с категорией свободы: для экзистенциалистов свобода – это, прежде всего, свобода выбора. Человек творит сам себя, реализует себя как своего рода проект [Сартр 1990], совершая выбор в пользу тех или иных возможностей. Наша сущность не предопределена существованию, не дана нам изначально, но изобретается нами в творческом акте самосозидания. Приобщение к экзистенциальному измерению бытия, кроме прочего, подразумевает, что человек сам выбирает, каким ему быть и как этого достичь. Выбор в пользу свободы редко дается легко, но он дарует человеку возможность обретения подлинного бытия, гармонию с самим собой и миром. В сборнике Б. Шлинк выводит несколько таких героев.

В рассказе «Девочка с ящеркой» молодой человек не повторяет ошибку матери, полностью потерявшей себя в отношениях с нелюбимым мужем, и это его спасает. Сожжение им картины, попавшей в их дом, как выясняется, вследствие преступных действий отца-фашиста, есть своего рода акт самоидентификации, утверждение себя как автономной, независимой личности, выбор свободы быть самим собой. Для героя картина – это сокровище, его тайна, неотъемлемая часть жизни. Тем не менее, узнав ее историю, он идет на болезненный разрыв этой крепчайшей с ней связи, ибо сохранение картины значило бы для него принятие преступлений отца и, следовательно, предательство собственных моральных принципов, составляющих основу его существования как личности.

Мужества принять болезненное, но единственно верное для сохранения собственной идентичности решение хватает и герою рассказа «Женщина у бензоколонки». Для него, много лет по привычке живущего с нелюбимой супругой, моментом «экзистенциального озарения» оказывается случайная встреча с работницей бензоколонки во время путешествия с женой. Эта женщина – мистическое воплощение многолетних потаенных фантазий героя, которые в условиях исключительно рациональной и дисциплинирован-

ной совместной жизни супругов воспринимаются как голос его глубинного «я», тоскующего по свободе и истинной гармонии. Неслучайно автор замечает, что наши мечты часто составляют яркий контраст к тому образу жизни, который мы ведем. Встреча на бензоколонке не позволяет герою больше игнорировать свой внутренний голос, и он уходит от жены. Это решение не дается ему легко. Автор сосредотачивает внимание на противоречивых чувствах героя, все еще испытывающего к жене большую привязанность, но уже давно не ощущающего себя рядом с ней счастливым. Сомнения, душевные метания сохраняются у героя и после разрыва с женой. Окончательную ясность вносят лишь последние строки рассказа, в которых автор не прямо, но, констатируя новое для героя ощущение времени, подтверждает правильность принятого им решения. «Er hatte das Gefühl, er habe unendlich viel Zeit» («У него было чувство, будто он имеет бесконечно много времени») [Schlink: 173], – так заканчивается рассказ, и в этом ощущении героя, ранее страдавшего от навязчивых мыслей о быстротечности жизни, видится обретение свободы и гармонии, которые наполняют каждый миг особым смыслом и таким образом вырывают его из всепоглощающего потока времени.

Важно и то, что выбор, каким бы он ни был, неизменно предполагает ответственность [Сартр 1990; Хайдеггер; Ясперс]. Для Б. Шлинка этот вопрос обретает особую значимость, что не в последнюю очередь связано с его профессиональным самосознанием как юриста, а также со значительно повлиявшей на него идеологией протестантизма, предполагающей, кроме прочего, перенос акцента с послушания духовным наставникам на индивидуальную ответственность перед Богом. Как замечает Т.А. Шарыпина, именно два этих фактора в самой значительной степени определяют авторскую модальность романов писателя [Шарыпина 2022]. В сборнике он также поднимает этот вопрос, показывая героев, расплачивающихся за свое слабование либо неблагоразумие.

Рассказ «Сын» (“Der Sohn”) – это трагичная история мужчины, который всю жизнь принаравливается к людям и обстоятельствам, а при разводе с женой фактически отказывается от борьбы за единственного сына, предавая таким образом и ребенка, и себя. Пытаясь избежать возможных конфликтов и строго следуя правилам хорошего тона, в противостоянии с внешней средой герой сдает свои позиции одну за другой. Сохраняя видимость размеренной, вполне благополучной жизни, он на самом деле закономерно движется к собственному краху. Рассказ заканчивается гибелью героя, но не менее страшным для него оказывается предшествовавшее смерти мучительное осознание того, что жил он и был самим собой лишь «наполовину».

В погоне за счастьем герой рассказа «Сладкий го-

рошек» вступает в отношения с тремя женщинами, и эта тройная жизнь буквально разъедает его личность, расщепляет его «я», которое растворяется в многообразии играемых ролей. Поначалу не без удовольствия чувствовавший себя искусным жонглером, герой, как видится ему впоследствии в тревожных снах, хоронит себя под грудой тарелок, горящих факелов и колец, которых становится слишком много и которыми он уже не в состоянии управлять. Безответственная игра с тремя женщинами неожиданным для него образом оборачивается игрой с собственным «я».

Не меньшее легкомыслие мы видим в рассказе «Обрезание» (“Beschneidung”). Его герой, немец по национальности, решается на соответствующую операцию, желая положить конец усиливающимся разногласиям со своей еврейской возлюбленной. Вопрос общенациональной немецкой вины не кажется Анди столь однозначным, сколь он представляется Саре. Бесконечные споры не приводят героев к консенсусу, но, напротив, все яснее обнаруживают разницу двух мировоззрений. В итоге герой совершает обрезание, видя в нем легкий способ уподобления Саре и, следовательно, ключ к решению всех проблем. Однако попытка перехода в другой мир оказывается неудачной. Обрезание не сближает влюбленных и, хуже того, наносит удар по немецкой идентичности героя. Не приблизившись, как желалось, к миру Сары, Анди также теряет связь со своим миром, больше не принадлежит ему, чувствуя себя застрявшим в пограничье – на «ничейной земле».

Концентрируя внимание на конкретном человеке, его чувствах и мироощущении, Б. Шлинка также поднимает в сборнике вопросы, связанные с осмыслением общенационального исторического опыта. Примечательно, что развитие экзистенциализма в Германии самым непосредственным образом связано с ключевыми пережитыми страной катаклизмами XX века (Первая и Вторая мировые войны, а также разделение и последующее воссоединение). Именно в эти непростые периоды немцы сталкиваются с трагическим ощущением «заброшенности», абсолютной растерянности, обреченности и одиночества, что и становится ключевым предметом осмысления у экзистенциалистов.

Для Б. Шлинка, родившегося в 1944 году и принадлежащего к первому послевоенному «поколению детей», тема Второй мировой войны оказывается особенно важной. Напомним, что этот трагический опыт оценивался в послевоенной Германии по-разному. Очень показательна в этом плане история М. Хайдеггера и К. Ясперса: в то время как первый так и не раскаялся в сотрудничестве с гитлеровским режимом, второй до конца жизни не мог простить себе недостаточно деятельное ему сопротивление. В разгоревшемся споре между теми, кто был готов признать индивидуальную ответственность каждого за разразившуюся

мировую катастрофу, и теми, кто предпочитал списывать всё на внешние обстоятельства, писатели-экзистенциалисты того времени были на стороне первых. В своих произведениях, обращаясь к трагическому опыту отдельного человека в условиях войны, показывая его уязвимость перед лицом идеологически заряженного общества и государства, В. Борхерт, Г.Э. Носсак, Г. Белль и другие авторы изображают разные характеры и разные судьбы, но, так или иначе, ставят вопрос о возможности сопротивления индивида и, следовательно, его ответственности за выбранный путь. В этом плане ближе, чем все иные философы-экзистенциалисты, им оказывается А. Камю с его идеей бунта, вырастающего из стремления человека к порядку и гармонии, из его отказа смириться с абсурдом своего существования, подразумевающим неизбежный разлад между духовной природой личности и ее социальной средой [Камю].

В сборнике «Дезертиры любви» попытки осмысления тяжелых периодов немецкой истории предпринимаются в рассказах «Девочка с ящеркой», «Обрезание» и «Измена» (в первых двух – это Вторая мировая война, в последнем – послевоенное разделение Германии на западную и восточную части). В принципе не склонный к категоричным суждениям, но, напротив, неизменно выступающий за «объективный подход и необходимость демонстрации разнополярных мнений» [Гущина, Чугунов: 359], Б. Шлинка и здесь оставляет читателю возможность сделать выводы самостоятельно. Он воздерживается от беспелляционных обвинений, навешивания ярлыков, не упуская из вида сложность и неоднозначность некоторых ситуаций, в том числе вопроса общенациональной немецкой вины, но на примере своих героев, по-разному проявляющих себя в непростых исторических обстоятельствах и по-разному их оценивающих, писатель показывает необходимость верного морального выбора и раскаяния.

Жанровые границы рассказа, конечно, не предполагают глубокой и детальной проработки исторических вопросов, как это имеет место в большинстве романов Б. Шлинки с их «серьезным, панорамным представлением национальной истории» [Чугунов: 190]. Однако, как и в большой прозе писателя, в рассказах сборника история страны оказывается не просто фоном, пассивным и безучастным по отношению к разворачивающимся судьбам героев, но во многом определяющим фактором развития их отношений, возникновения и разрешения внутренних конфликтов.

Итак, как можно заключить, в рассказах сборника «Дезертиры любви» получил осмысление целый ряд экзистенциальных проблем человеческого существования. Б. Шлинка обращается к опыту отдельного человека, часто изображая его в пограничной ситуации, требующей сделать выбор, принять то или иное

решение, подвести некоторые итоги. Очень важной оказывается способность героя отличить истинное от ложного, т.е. свое настоящее «я» от привычной, но уже чуждой этому «я» роли. Б. Шлинка показывает, сколь губительным может быть неподлинное бытие, значительно ограничивающее свободу человека, делающее его заложником собственных привычек, устоявшихся ритуалов, старых иллюзий, которые не могут наполнить его жизнь истинным смыслом и потому лишают возможности стать счастливым. Решение сбросить маску не является простым, но ее сохранение чревато для героя риском последующего неприятия самого себя, появлением болезненного ощущения проживания чужой жизни.

Вопросы национальной истории также не остаются в сборнике без внимания, хотя эта тема, не в последнюю очередь в связи со спецификой жанра, не получает здесь такого широкого освещения, как в ключевых романах писателя. Тем не менее подход Б. Шлинки к данной проблеме остается тем же: судьбу страны он органично переплетает с судьбой отдельного человека, так что в этой переключке со всей ясностью раскрывается драматизм и той, и другой. Изображаемые исторические события, в том числе те, к которым герои не имеют непосредственного отношения (как, например, Вторая мировая война в рассказе «Обрезание»), оказываются для них своего рода проверкой на личностную зрелость, подразумевающую, кроме прочего, индивидуальную ответственность за собственную позицию, готовность отстаивать свою правду в противостоянии с внешней средой, способность к свободному выбору.

Рассмотренные темы, составляющие проблемное ядро «Дезертиров любви», являются ключевыми для всего творчества Б. Шлинки, что, несомненно, позволяет говорить об идейно-тематической близости сборника романам писателя. В стилистическом отношении здесь Б. Шлинка также остается верен себе. Сохраняя лаконичный, сдержанный тон, он апеллирует в большей степени не к эмоциям, но к разуму своих читателей, ждет от них не столько сочувствия к героям, сколько совместного размышления, делает упор не на изяществе формы и не на выверенном психологизме характеров, но на идейном содержании своих произведений.

Список литературы

Гущина А.И. Проблема поиска себя и символика концепта «лестница» в романе Бернхарда Шлинки «Женщина на лестнице» // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3, № 5. С. 57–60.

Гущина А.И., Чугунов Д.А. Отражение темы объединения Германии в современной немецкой литературе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 358–360.

Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Москва: Политиздат, 1990. 415 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: опыт феноменологической онтологии. Москва: Республика, 2000. 639 с.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Москва: Политиздат, 1990. С. 319–345.

Хайдеггер М. Бытие и время. Москва: Академический проект, 2015. 460 с.

Чугунов Д.А. Особенности репрезентации прошлого в прозе Бернхарда Шлинка // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 2. С. 186–201.

Шарыпина Т.А. Экзистенциализм и литературное сознание Германии XX – начала XXI вв. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 128 с.

Шарыпина Т.А. Поэтологические функции авторской модальности в художественной практике Ф. Фюмана и Б. Шлинка // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2022. Т. 44, № 1. С. 81–88.

Ясперс К. Разум и экзистенция. Москва: Закон+: РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.

Bakr A.M., Abdul Z.K., Alipour A. Unveiling Hanna Schmitz: a sociocultural analysis of morality, guilt, and memory in Bernhard Schlink's *The Reader*. *Language Literacy: Journal of Linguistics, Literature and Language Teaching*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 86–97. <https://doi.org/10.30743/ll.v8i1.9059>

Böll H. *Frankfurter Vorlesungen*. München, DTV, 1968, 136 s.

Schlink B. *Liebesflüchten: Geschichten*. Zürich, Diogenes Verlag AG, 2000, 173 s.

Wehdeking V. Deutsch-deutsche Familien-Erinnerungen und späte Identitätskonflikte: Bernhard Schlink: „Die Enkelin“ (2021). *Der intermediale Nachhall. Bildkonen der jüngsten DDR-Generation in der Post-DDR-Literatur*. Baden-Baden, Tectum, 2024, s. 123–130. <https://doi.org/10.5771/9783689001254>

References

Chugunov D.A. *Osobennosti reprezentatsii proshlogo v proze Bernkharda Shlinka* [Representation of the Past in Bernhard Schlink's fiction]. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 186–201. (In Russ.)

Iaspers K. *Razum i ekzistentsiia* [Mind and Existence]. Moscow, Kakon+ ROOI «Reabilitatsiia» Publ., 2013, 336 p. (In Russ.)

Gushchina A.I. *Problema poiska sebia i simbolika kontsepta «lestnitsa» v romane Bernkharda Shlinka «Zhenshchina na lestnitse»* [Problem of self-identification and symbolics of the concept “Ladder” in Bernhard Schlink's novel “The woman on the ladder”]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia* [Successes of current science and education], 2017, vol. 3, no. 5, pp. 57–60. (In Russ.)

Gushchina A.I., Chugunov D.A. *Otrazhenie temy ob"edineniia Germanii v sovremennoi nemetskoj literature* [Reflection of the theme of German unification in modern German literature]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [The world of science, culture, education], 2023, no. 2 (99), pp. 358–360. (In Russ.)

Kamiu A. *Buntuiushchii chelovek. Filosofii. Politika. Iskustvo* [The Rebel. Philosophy. Politics. Art]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 415 p. (In Russ.)

Khaidegger M. *Bytie i vremia* [Being and Time]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015, 460 p. (In Russ.)

Sartre Zh.-P. *Bytie i Nichto: opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology]. Moscow, Respublika Publ., 2000, 639 p. (In Russ.)

Sartre Zh.-P. *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is a Humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 319–345. (In Russ.)

Sharypina T.A. *Ekzistentsializm i literaturnoe soznanie Germanii XX – nachala XXI vv.* [Existentialism and literary mind of Germany in the XX and the beginning of the XXI century]. Nizhnii Novgorod, NNGU im. N.I. Lobachevskogo Publ., 2020, 128 p. (In Russ.)

Sharypina T.A. *Poetologicheskie funktsii avtorskoi modal'nosti v khudozhestvennoi praktike F. Fiumana i B. Shlinka* [Poetological functions of authorial modality in the artistic practice of Franz Fühmann and Bernhard Schlink]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2022, vol. 44, no. 1, pp. 81–88. (In Russ.)

Bakr A.M., Abdul Z.K., Alipour A. Unveiling Hanna Schmitz: a sociocultural analysis of morality, guilt, and memory in Bernhard Schlink's *The Reader*. *Language Literacy: Journal of Linguistics, Literature and Language Teaching*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 86–97. <https://doi.org/10.30743/ll.v8i1.9059>

Böll H. *Frankfurter Vorlesungen*. München, DTV, 1968, 136 s.

Schlink B. *Liebesflüchten: Geschichten*. Zürich, Diogenes Verlag AG, 2000, 173 s.

Wehdeking V. Deutsch-deutsche Familien-Erinnerungen und späte Identitätskonflikte: Bernhard Schlink: „Die Enkelin“ (2021). *Der intermediale Nachhall. Bildkonen der jüngsten DDR-Generation in der Post-DDR-Literatur*. Baden-Baden, Tectum, 2024, s. 123–130. <https://doi.org/10.5771/9783689001254>

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 19.02.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 19.02.2025.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГОВ СЕГОДНЯ (ПО СЛЕДАМ А.А. ШАХМАТОВА)

Ганцовская Нина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, gantsovsre_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Неганова Галина Дмитриевна, кандидат культурологии, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, g_neganova@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

Осипенко Татьяна Владимировна, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, tat4060@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2942-7951>

Аннотация. В статье показана генетическая связь современных российских лингвистических исследований разного рода с подходом академика А.А. Шахматова к изучению русского языка в историческом аспекте, где диалекты играют первенствующую роль в познании связи явлений языка и судеб народа, что является важным и в плане синхронии. В 2024 г. отмечался 160-летний юбилей академика А.А. Шахматова. Костромские диалектологи приурочили к этой знаменательной дате ряд диалектологических экспедиций, важным заданием которых во время обследования говоров Костромской области значилось собирание материалов по вопроснику 1-й части разработанной под руководством А.А. Шахматова «Программы для собирания особенностей русских народных говоров». В данной статье в аспекте внутреннего диалектного членения костромских говоров представлены основные результаты, достигнутые в ходе экспедиций, а также ряд диалектных текстов из собранных материалов по тематике шахматовской программы, которые могут быть интересны как историкам русского языка, так всем ценителям живого народного слова и народной культуры.

Ключевые слова: костромские говоры сегодня, диалектологические экспедиции, шахматовская программа.

Для цитирования: Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д., Осипенко Т.В. Экспедиционная деятельность костромских диалектологов сегодня (по следам А.А. Шахматова) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 132–140. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-132-140>

Благодарность. Осуществлено при финансовой поддержке Президентского фонда культурных инициатив (заявка № ПФКИ-24-2-004758 «Школа этнодиалектов и говоров Костромской области»).

Research Article

EXPEDITIONARY ACTIVITY OF KOSTROMA DIALECTOLOGISTS TODAY (FOLLOWING IN THE FOOTSTEPS OF ALEKSEY SHAKHMATOV)

Nina S. Gantsovskaya, DSc in Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsre_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Galina D. Neganova, PhD in Cultural Studies, Kostroma State University, Kostroma, Russia, g_neganova@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

Tatyana V. Osipenko, Kostroma State University, Kostroma, Russia, tat4060@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2942-7951>

Abstract. The article shows the genetic connection of modern Russian linguistic research of various kinds with the approach of Academician Aleksey Shakhmatov to the study of the Russian language in the historical aspect, where dialects play a primary role in understanding the connection between the phenomena of language and the fate of the people, which is important in terms of synchrony. In 2024, the 160th anniversary of academician Aleksey Shakhmatov was celebrated. Kostroma dialectologists timed to this significant date a number of dialectological expeditions, whose important task during the survey of patois of Kostroma Region was to collect materials on the questionnaire of the 1st part, which had been developed under the leadership of Aleksey Shakhmatov as «Programme for the collection of features of Russian folkish patois». The main

results achieved during the expeditions, are presented in this article in the aspect of the internal dialect membership of Kostroma patois; as well as a number of dialect texts from the collected materials on the subject of Aleksey Shakhmatov's programme, which may be of interest to both Russian language historians and all connoisseurs of the living vernacular word and folkish culture.

Keywords: Kostroma patois today, dialectological expeditions, Aleksey Shakhmatov's programme.

For citation: Gantsovskaya N.S., Neganova G.D., Osipenko T.V. Expeditionary activity of Kostroma dialectologists today (following in the footsteps of Aleksey Shakhmatov). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 132–140 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-132-140>

Acknowledgments: Implemented with the financial support of the Presidential Fund for Cultural Initiatives (application # ПФКИ-24-2-004758 "School of Ethnodialects and Patois of Kostroma Region").

Введение

Минувший год, 2024-й, был ознаменован юбилейными датами, связанными с деятельностью видных отечественных представителей лингвистической науки. Особое внимание российских ученых было привлечено к личности и научному наследию академика А.А. Шахматова (1864–1920), продолжателя идей выдающихся русских лингвистов А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, И.В. Ягича, Ф.Ф. Фортунатова и др., знаковой фигуры в области всестороннего изучения русского языка в его истории и современном состоянии, где диалекты играют первенствующую роль в познании научных причин и связи явлений языка и судеб народа. Костромские диалектологи, помимо участия во всероссийских научных мероприятиях, приуроченных к юбилею известного лингвиста, посвятили знаменательной дате ряд диалектологических экспедиций, важным заданием во время которых значилось собирание материалов по вопроснику 1-й части разработанной под его руководством «Программы для собирания особенностей русских народных говоров» – «Программы для собирания особенностей северно-великорусского наречия» [Программа 1896], опубликованной в 1896 г. в «Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук».

Это явилось новым, свежим поворотом в многолетних исследованиях костромскими диалектологами лексических богатств родного края по академическим программам ДАРЯ (Диалектологического атласа русских народных говоров)¹, ОЛА (Общеславянского лингвистического атласа)² и, наконец, ЛАРНГ (Лексического атласа русских народных говоров)³, которые по сути дела выросли из шахматовской первой академической программы, имели единое синоптическое направление и содержали много сквозных словарных тем.

Исходя в основном из «лексической части» «Программы...» [Программа 1896: 227–234] определялись задачи организованных в 2024/25 уч. г. диалектологических экспедиций сотрудников учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикологии и лексикографии» с участием студентов Института гуманитарных наук и социальных тех-

нологий (ИГНиСТ) Костромского государственного университета – филологов, историков, журналистов, что стало возможно благодаря финансовой поддержке Президентского фонда культурных инициатив (заявка № ПФКИ-24-2-004758 на участие в конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий). Полевые выезды состоялись в 7 районах области – Буйский, Вохомский, Межевской, Нерехтский, Октябрьский, Павинский и Пыщугский. Была записана речь более пятидесяти носителей говоров 17 сельских поселений, в основном местных жителей 1930-х – 1950-х гг. р. Большей частью применялся метод интервью, записывалась и спонтанная речь диалектоносителей. Также проводились консультации с квалифицированными местными краеведами (например, в с. Контеево Буйского района – с В.Н. Флёровым, в Буге – с А.А. Смирновым и Л.С. Ковалевской, в Вохме – с А.В. Смёрдовым и др.).

В сентябре Г.Д. Неганова и Т.В. Осипенко выезжали в Нерехтский район с задачами полевого обследования говоров населённых пунктов (н.п.) Армёнки, Ёмсна, Добрищево и Незнаново. В районном Доме культуры состоялась их встреча-беседа со школьниками и учителями местных школ. Там же доктор филологических наук, профессор КГУ Н.С. Ганцовская прочитала лекцию об особенностях русских диалектов и роли их по отношению к другим формам национального русского языка, о месте костромских говоров в диалектном членении русского языка. Кстати, Н.С. Ганцовская и Т.В. Осипенко регулярно, в течение многих лет участвуют в августовских краеведческих чтениях в библиотеке им. М.Я. Диева г. Нерехты с докладами по проблемам истории нерехтских говоров, их фонетических и лексических примет, изучения наследия её выдающихся исследователей (протоиерея М.Я. Диева), сельской и городской топонимии и др.

Говоры Вохомского, Октябрьского, Межевского и других восточных районов Костромской области обследовались в ноябре также Г.Д. Негановой и Т.В. Осипенко. Поездка в Буйский район с разнообразными лингвокраеведческими целями в декабре

была особенно массовой. В ней, помимо вышеназванных исследователей, приняла участие и костромской диалектолог и топонимист Е.В. Цветкова вместе с группой своих студентов-филфаковцев, до этого же состоялась их консультационная встреча с Н.С. Ганцовской (кстати, Е.В. Цветкова уже сообщила о своих результатах поездки в Буйский район на академической конференции в Санкт-Петербурге, посвящённой 160-летию юбилею А.А. Шахматова, в которой также приняли участие и другие диалектологи лингвистической школы Н.С. Ганцовской во главе с её руководителем). Благодаря личной заботе директора ИГНиСТ О.Б. Панкратовой «буйская команда» была укреплена студентами-историками и журналистами с задачами, связанными с их направлениями подготовки в университете.

В данной статье в аспекте внутреннего диалектного членения костромских говоров представлены основные результаты, достигнутые в ходе экспедиций, а также ряд диалектных текстов из собранных материалов по тематике шахматовской программы.

Говоры обследованных районов Костромской области в аспекте её внутреннего диалектного членения

Понятие «костромские говоры», вопросы их внутреннего диалектного членения и проблемы дифференциации этнодиалектных зон широко рассмотрены в исследованиях Н.С. Ганцовской (например, см. [Ганцовская 2024б, Ганцовская 2024в, Ганцовская 2024г] и мн. др.). По основным языковым чертам говоры Костромской области подразделяются на три группы: юго-западные, северо-западные и восточные [Ганцовская 2024б: 20–21]. Говоры населённых пунктов, в которых собирались диалектные материалы, относятся к двум из них.

Юго-западные костромские говоры. Говоры с полным оканьем, преимущественно центрального типа описывались в н.п. Бараново, Гагарино, Дор, Контеёво и Шушкодом Буйского района – края, который лингвистически «заметно выделяется не только в пределах Костромской области, но и России» [Ганцовская 2024б: 163]. Словарное богатство буйских говоров необычайно информативно в различных отношениях, в частности, оно отражает историю заселения края, новгородское и ростово-суздальское влияние ранних славянских колонизационных потоков, неславянский субстрат, в том числе и мерянский. Имеются там и аканьи говоры (Ликурга, Елегино, Пилятино, Романцево), но с лексикой севернорусского типа, которые в этот раз не были объектом исследования. Ввиду этого анализу материалов, собранных в Буйском районе, мы планируем посвятить отдельную статью.

Говоры с неполным оканьем, с рядом признаков среднерусских говоров были записаны нами

в н.п. Армёнки, Ёмсна, Добрищево, Незнаново Нерехтского района. Народная речь Нерехтского района, как и Буйского, «к настоящему времени изучена ещё в недостаточной степени, хотя собрание её образцов (слов, устойчивых оборотов, отдельных текстов) восходит к 30-м гг. XIX в., времени начала научной деятельности протоиерея М.Я. Диева, известного своей любовью к старине, народной литературе, народному языку» [Ганцовская 2024б: 174; Горлова (Осипенко) 2010; Горлова (Осипенко) 2011]. Нерехтские говоры, «располагаясь на крайнем западе Костромской области... как бы составляют одну группу с кинешемскими, они близки к ивановским и владимирским диалектам и являются ярко выраженными говорами центра в отличие от более периферийных восточных костромских говоров» [Ганцовская 2024б: 175].

Восточные костромские говоры. Это говоры, «по многим чертам близкие к говорам Русского Севера», «с преобладающими признаками периферийных говоров древненовгородского происхождения» [Ганцовская 2024б: 147], в материалах экспедиций представлены говорами н.п. Воробьёвица, Вохма и Замардвинье Вохомского района, н.п. Никола Межевского района, н.п. Боговарово и Соловецкое Октябрьского района, н.п. Павино Павинского района и Пышуг Пышугского района.

Во время экспедиций были записаны тексты по следующим вопросам шахматовской программы: «(2) Составные части крестьянской избы...», «(3) Названия домашней утвари...», «(5) Названия кушаньев и напитков...», «(12) Названия возделываемых крестьянами полевых и огородных растений...», «(13) Названия деревьев...», «(19) Части села...», «(20) Названия частей реки, озера, пруда...», «(21) Названия разных угодий и частей леса, поля, холмов, гор, оврагов...» [Программа 1896: 228, 230, 231] и др.

Почти 130 лет назад составители «Программы...», признавая значимость работы энтузиастов – собирателей народных говоров, обращались к ним: «Отделение надеется, что ответы на эти программы будут направляться к нему: печатание извлечений из таких сообщений сделает добытые материалы общим достоянием» [Программа 1896: 197]. Мы также полагаем, что материалы наших экспедиций представляют интерес как для историков русского языка, так и для ценителей живого народного слова и народной культуры.

Диалектные тексты и их особенности

«Названия кушаньев и напитков...». Лексике по теме «Деревенская еда» в костромских говорах посвящены исследования Н.С. Ганцовской и П.П. Виноградовой (см. [Ганцовская 2024а: 23–24; Ганцовская 2024б: 175–175; Виноградова 2024] и др.). Ниже

представлены два текста по этой теме, во время экспедиций записанные в костромских говорах – юго-западных (о выпечных изделиях) и восточных (о приготовлении солода, требующегося при варке пива).

Колобки. Вот сканцы пекли такие...

Пресные колобки или там на дрожжах колобки. Это называли колобок. И даже на дрожжах. Ну, не булочки, а колобок тоже называли.

Ну, сканцы это в печке на сковородке пекли. Ну, не блин просто, а вот из прясного этого теста. В пешках (печках) ведь всё это готовили. И вот на сковороде это ставили к этому к огню. Сверху сметанкой помажут и как бы запекается в печке. Типа лепёшки или блина. Вот сканцы пекли такие, сканцы в печке.

Ну, в войну-то лялюхи, это уж все знали, наверное, что лялюхи-то пекли. Лялюхи из гнилой картошки выбирали, искали картошку на крахмалушке-то вот эти. Мучки-то добавляют или чего-то там. И вот пекли эти лялюхи-то, ели.

*Колпакова Лариса Александровна, 1937 г.р.,
д. Ёмсна Нерехтского района
(род в д. Ежово (рядом с Ёмсной), в Ёмсне живёт
с 1977 г.).*

...А из этой ржи делают солод

Пиво варили, а пиво... А вот эту рожь, что сеют, которую... Рожь, что сеют, а из этой ржи делают солод. Зовётся солод.

Он <пивовар> её замачивает, воду сливает, в тряпки расстилает, кучей её складывает, закроет немножко, чтобы она проросла, росточек дала. Вот она в этой куче прорастёт немного и разравнивает, как это связано. Высушивает и размалывает на мельнице. Размеливает, это солод. Вот этот солод, теперь этот пивовар, только может этот мужчина, кто варит эти пива, не каждый варит. Тшаны (чань) большие, тшан вот. Он ой какой, тоушына-то досок-то вот такая. Он кругом железным сделан.

*Редькина (Лавракова) Надежда Власовна,
1930 г.р. (родилась в д. Замардвинье).*

Многочисленные примеры текстов из разных костромских районов по способам и особенностям приготовления пива см., например, в «Хрестоматии говоров Костромской области», созданной Н.С. Ганцовской [Ганцовская 2024б: 35–146]: Буйский район – «Пиво из солода и свёклы», «Пиво и квас из Ликургии», «Пиво из ячменя из села Воскресенское» (с. 46–47); Галичский район: «Галичское пиво из моркови и свёклы» (с. 84–85); Макарьевский район: «Макарьевские пиво и квас», «Ещё один старинный макарьевский рецепт пива» (с. 132–133); Чухломский район: «Бывала, раньше фсё квасы хлябали» (с. 76–77); Шарьинский район: «Пиво-то теперь из свёклы варят», «Раньше пиво изо ржи, ис солоду делали», «Пиво из Власихи», «Конёвское пиво» (с. 110–112). В разделе «Пе-

чёные изделия» этнодиалектного словаря-хрестоматии Н.С. Ганцовской даны образцы народной речи всех 24 районов Костромской области, включающие лексику по этой теме [Ганцовская 2024а: 21–42]. П.П. Виноградовой, помимо указанной выше главы в уже изданной коллективной монографии, подготовлен этнодиалектный словарь «Выпечка костромского края». «Главная героиня этого словаря – живая народная речь, а главные герои – названия хлеба, пирогов и других изделий, – пишет автор в аннотации к изданию. – Лексика выпечных изделий, представленная в словаре, – лишь малая часть того богатства, которое сохранили до наших времён костромские говоры. Словарь состоит из двух частей: непосредственно словаря, составленного в алфавитном порядке, и сборника текстов, демонстрирующих примеры употребления местных названий хлебных изделий в костромских говорах и раскрывающих особенности семантики и функционирования лексем по данной теме» [Виноградова б/г: 2].

Лексика материальной культуры: деревня, крестьянская усадьба. В экспедициях было продолжено собирание материалов по лексике материальной культуры костромской деревни («Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство») и трудовой деятельности селян («Полеводство», «Огородничество»). О собранной ранее (Картотека Костромского областного словаря, архивные документы, связанные с деятельностью Костромского научного общества по изучению местного края, и др.) и изученной лексике по данным темам, см., например, в [Ганцовская 2006; Неганова 2019]. В нашей статье представлены два текста, записанные во время экспедиций в Вохомский и Межевской районы, говоры которых по внутреннему диалектному членению, как указано выше, относятся к восточным костромским говорам.

Деревня. А вот как здесь построено

Деревня. А вот как здесь построено. И у нас проезжая дорога, мы на большой, как считай, на большой дороге жили. На Устюг дорога-то шла.

Всё было огорожено, всё, даже поля. А из дома вышли, огород у нас сорок соток данный, вот как вот сейчас, вот посмотрите, у меня огород только ещё меньше, каждый дом стоит в своём огороде. Огороды были по сорок соток, бани были в самом углу, потому что мяли лён, лён-то сеяли, его потом надо обрабатывать, сушить, сушили в банях, мяли тут и в банях. Прибаники эти были мелкие, поставлены.

На сорока сотках сеяли. Всё сеяли. А что сеяли? Половину горóда (огорода) сеяли зерновыми, например, ячменём, а половину садили картошкой. Между ними две грядочки овощей. Галанка (брюква), турнепс, репа.

Я вот помню, отец огурцы сажал, а помидоры – ничего не знали ещё.

У нас большой был дом. Изба на девять окошек. Дом у нас большой был заворочен. А двор страшно, страшно какой. Если загрузить его сеном осенью... И на всю зиму корове хватит. И ко двору сделался звоз, мост такой – звоз, чтобы на конях заезжать, на повить (место под крышей над двором) заезжать... Скот тут внизу, а вверх это сено, на повить заезжать.

На эту повить надо сено загрузить на зиму корове, или там овцы, или кого-то ещё держишь. Так вот заезжали на конях, завозили воза, воз, например, большой ведь воз накладывают на сани. Разворачивайся как надо в этом дворе.

Да, сорок соток огородец (огород). Вместе с домом. Сорок соток огородец. А нынче усадьба называется.

Да, и в этом огороде стоял дом. Баня. Это двор, всё под одной крышей.

А сюда и притыкается стайка опять – сарайка.

Поле сразу за огородцем. Поля все были огороженные. Хлеб посеян, рожь, ячмень, овёс, лён, горох. Это всё сеялось на полях. Клевер, клевер. Коров запустили, а от огородов идут осеком (изгородью из неочищенного леса), лесом пройдут осек.

Осек называется, не огородом (изгородью), а ёлки рубили, и так вот складывали, и все, чтобы только коровам не пройти, вот такой примерно. И его каждую весну эти мужики... В общем, все, у кого скот, в деревне ходили и ремонтировали. И скот ходил без пастуха.

*Редькина (Лавракова) Надежда Власовна,
1930 г.р. (родилась в д. Замардвинье).*

Вот деревня...

Улицы не было у нас названия. А как вот было? Звали вот за околицей. Если вот туда пойдёшь, куда-то, за околицу пошла. Это за деревню значит.

Вот деревня... Огород, огород (ограда), тын. Всё, все деревни огорожены были. Тын, тын, это тын был, тын. А вокруг деревни огород был, там уже не тын, а огород. Из жердей огород. Да, там из жердей. Колья приколены, на жерди положены, следующее прясло пойдёт. Прясло. А тын, что стоишь качаясь, тонкая рябина, у самого-то тына, тын он из маленьких, вырубали сосенки самые тоненькие, ёлочки самые тоненькие. Маленько пошкурят их, чтобы согнуть. Огород-то сделают, колья и приколыны связанные. Жердечки вниз, вниз и жердечка вверх. И жердечка посередине. И тынинину ту, эту, тынинина. Так и ставили сюда, потом сюда, потом сюда. Так хорошо стоит она. И плотно одна к другой. Чтобы курицы не попали. И скотина также.

Ну, творило вот было. Творило – это приусадебный участок. Творило. Выращивали всё. Всё огорожено было. Это огород, приусадебный участок. Обязательно грядки. Лук, капуста, огурцы. Вот в моё детство другими не увлекались. Это слишком... Помидоры, так это слишком роскошно. Ну, два хозяйства в деревне, поди, что делали. Но нам надо было это творило, эту землю-то экономить. Потому

что надо вот грядки, три грядки, например, сделать. Дальше надо картошек посадить, какой-то загончик картошки. А ещё и сеяли, чтобы землю поменять, чтобы она плодородилась. Ячмень, потому что она самая быстрая, быстро созревает культура, скороспелая. Ну вот этот ячмень нам жать приходилось, снопики свяжем, суслончики составим, суслоны, крышку из снопа наставим на эту кучку, такие, и покрыли.

У нас было и по едокам одновременно. У нас пять-десять соток давали колхозникам. В каждом колхозе свой устав был.

И мы рано научились косить. Мама пока работает в колхозе, мы косим. А потом в школу пошли, нас водили собирать колоски на сжатую площадь. Например, зёрна ячменя или овса. Собирать колоски. Вдруг какие-то огрехи есть при уборке на площади. Мы собираем. Собираем в общую кучу, в общий мешок и сдаём на колхозный склад. А потом вечером, когда все эти работы закончатся, мама нас отпускала. Идите в поле, поди найдёте. Найдём по три колоска, что мы не взяли. Три кулачка. Вылупим зёрнышки из него, хоть пшеницы, хоть ячменя. Пожужь, пожужь – есть-то меньше хочется. Наше-то детство голодное. Я в сороковом году родилась. Пожужь, пожужь, окажется там как жвачка из этого зерна. О, как мы рады. Мы до самого, пока спать нас не положат, всё жвачку жевали, есть-то и не хочется. Не то, что не хочется, ну, как бы заглушали.

*Туранова Нина Степановна, 1940 г.р.,
с. Никола Межевского района.*

Лексика ландшафта. В Программе ЛАРНГ народные ландшафтные термины выделены в отдельную тематическую группу раздела «Природа», вместе с тем они сопряжены с рядом вопросов из других разделов (см. [Неганова 2024б: 7]). В шахматовской программе ландшафтной лексике отведены вопросы 13, 19, 20, 21 [Программа 1896: 230, 231].

Представление об особенностях природно-географических условий разных мест обширного костромского края, территория которого захватывает три физико-географические провинции с выраженными отличиями, дают народные географические термины (например, см. [Ганцовская, Неганова 2018; Неганова 2008; Неганова 2011; Неганова 2024: 106–135] и др.). Ниже приводятся три текста – образцы восточных костромских говоров, где через местные географические термины характеризуются ландшафтные особенности северо-востока региона.

А тут лог идёт, за логом опять поле

Нет, поля не разделяли. Это слишком роботисто. Поля разделяли там лес, березник, тут березник, с этой стороны березник. А тут поле между им. А тут лог идёт, за логом опять поле. Лог – это вот, как вам объяснить? Грязно-жидкое местечко. Где и ручёк небольшой течёт. Да, может, и ручёк где-то, а потом где-то... Вот у нас два лога. Один

тюковский лог, один наш лог. Один идёт от Тюков. И от нас. Они соединяются вот так, и пошла речка.

Да, весной разливались, шли к реке. Ну и летом у меня текут, и летом на их было. Ну всё, зелёная растительность.

*Туранова Нина Степановна, 1940 г.р.,
с. Никола Межевского района.*

**Бабушка часто говорила:
ой, дитятка, как на ялане**

Леса. Смешанные. Берёзовые рощи, сосновые, еловые, смешанные. И боры есть отдельные. Вот где, да, этот сосновый бор. Калинов бор, Красный бор, да. Роща – это берёза. Да, роща – это берёза, осина может быть. Да, лиственные. Но здесь больше хвойных – ели.

Здесь больше свежих, мне кажется, лиственных больше, чем хвойных. У нас тайга лежит. Тайга уже подразяжена.

Бабушка часто говорила: ой, дитятка, как на ялане (на открытом возвышенном месте). То есть видно, вот где он, или на пригорке, или как на ладони. Как на ялане, то есть идёшь, и всё, посмотри, как хорошо видно, как на ялане.

*Туранова Нина Степановна, 1940 г.р.,
с. Никола Межевского района.*

Что значит зовётся сокерами?

На сенокосах у нас, на Ветлуге, тоже эти сокеры были, мы там сенокосили. Что значит зовётся сокерами? То есть идёт более-менее прибрежная земля, ровная, потом раз – понижение, как озера такая. И вот так всё пересекается, ровное место, углублённое. Там даже в этих озерах, это не озеро, она может и пересыхать даже, там даже рыба водилась. Мы там и ловили руками, и бродили (ловили при помощи бредня). И вот эти места пересечения все сокеры.

Обязательно вблизи реки. Во время половодья они затопливались. А потом летом могли и напрочь высыхать, а могли и сохранять часть воды. Там косить-то, в принципе, дурная трава. А если вода оставалась, там рыбу ещё доставали. Да небольшие, ну как, ну вот, ну бывало, допустим, такая вот сокера метров могла быть пятьдесят. ...Косили по берегам этих сокер.

*Смёрдов Анатолий Витальевич, 1950 г.р.,
п. Вохма Вохомского района (род. в д. Ванеево).*

Последний текст записан во время беседы с А.В. Смёрдовым, коренным вохомским жителем. По образованию он агроном, по призванию журналист и писатель, знаток и любитель народной речи. Он автор многих шуточных миниатюр на местные темы, где в пародийной манере с использованием диалектизмов талантливо представляет разные курьёзные случаи из жизни земляков. Он создал словарь «Старый говор Вохомского края», изданный в Шарье в 2016 г. [Смёрдов 2016а]. В этом же году он принял участие в Третьих Громовских чтениях

в Костромском университете с рассказчиками, сочинёнными в сказовой манере якобы от лица местного балагура, частым героем которых оказывался шутник Сано-лис: «Дурное болото», «Сутыринки», «В баню», «Куроцьки», «Шутка» [Смёрдов 2016б].

Заключение

«Для изучения русского языка и его разработки необходимо подробное знакомство с народными словами и выражениями» [Программа 1896: 227–228], – это положение шахматовской программы продолжает оставаться актуальным и в наши дни. На протяжении многих десятилетий, начиная с 1940-х гг., в Костромском университете уже несколько поколений преподавателей и студентов собирают диалектную лексику, почти ежегодно отправляясь в экспедиции в деревни и сёла области. Состоявшиеся в текущем учебном году полевые выезды – очередной этап в многолетнем обследовании костромских говоров.

Примечания

¹Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 218, [6] с.

²Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. Москва: Наука, 1965. 270 с.

³Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: науч.-метод. пособие. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994. 336 с.

Библиографический список

Виноградова П.П. Выпечка костромского края: этнодиалектный словарь. Рукопись. Кострома, б/г. 3,3 уч.-изд. л.

Виноградова П.П. Этнодиалектные приметы лексики костромского края: названия печёных изделий из муки // Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края / Н.С. Ганцовская, П.П. Виноградова, Г.Д. Неганова, Т.В. Осипенко; науч. ред. Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова. Кострома: Костромской государственный университет, 2024. С. 72–103. (Костромские говоры: материалы и исследования).

Ганцовская Н.С. Костромская еда: деревенские рассказы: этнодиалектный словарь-хрестоматия / Н.С. Ганцовская; отв. ред. И.П. Верба. Кострома: Костромской государственный университет, 2024а. 284 с. (Костромские говоры: материалы и исследования).

Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. пособие / отв. ред. Г.Д. Неганова. 2-е изд., перераб. Кострома: Костромской государственный университет, 2024б. 372 с. (Костромские говоры: материалы и исследования).

Ганцовская Н.С. Костромские говоры и основные черты их лексического состава // Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края / Н.С. Ганцовская, П.П. Виноградова, Г.Д. Неганова, Т.В. Осипенко; науч. ред. Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова. Кострома: Костромской государственный университет, 2024в. С. 12–71. (Костромские говоры: материалы и исследования).

Ганцовская Н.С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии / отв. ред. И.П. Верба. 2-е изд., перераб. и доп. Кострома: Костромской государственный университет, 2024г. 280 с. (Костромские говоры: материалы и исследования).

Ганцовская Н.С. Лексика материальной и духовной культуры в говорах Чухломского, Галичского и Солигаличского уездов Костромской губернии (по материалам «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева) // Вестник Костромского государственного университета. 2006. Т. 12, № 4. С. 107–113.

Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д. Культуремы как этнодиалектные маркёры говоров Костромской низины // Притяжение Севера: язык, литература, социум: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 200–212.

Горлова (Осипенко) Т.В. Протоиерей М.Я. Диев о старых названиях города Нерехты: Егорьева гора, Окулиха, Глазово // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: материалы междунар. науч. конф., посвящённой 1000-летию г. Ярославля. В 2 ч. Ярославль: ЯрГПУ, 2011. Ч. 2. С. 276–281.

Горлова (Осипенко) Т.В. Труд М.Я. Диева «Город Нерехта в XVIII и первой четверти XIX века» как источник изучения старых городских названий // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: сб. материалов науч. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 344–348.

Неганова Г.Д. Географическая лексика в говорах Костромской области в ландшафтно-географическом аспекте // Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края / Н.С. Ганцовская, П.П. Виноградова, Г.Д. Неганова, Т.В. Осипенко; науч. ред. Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова. Кострома: Костромской государственный университет, 2024. С. 104–135. (Костромские говоры: материалы и исследования).

Неганова Г.Д. Ландшафтная лексика в исследовании Н.Н. Виноградова «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда» // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию г. Ярославля. В 2 ч. Ярославль: ЯГПУ, 2011. Ч. 2. С. 260–263.

Неганова Г.Д. Ландшафтная лексика в произведениях писателей XIX века, связанных с костромским краем // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2008. Т. 4, № 3. С. 199–210.

Неганова Г.Д. Лексика по теме ЛАРНГ «Жилище. Хозяйственные постройки. Строительство» в костромских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2019. № 13. С. 658–667.

Неганова Г.Д. Язык земли: ландшафтная лексика в говорах Костромской области / науч. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома: Костромской государственный университет, 2024. 280 с.: ил. 16 л. (Костромские говоры: материалы и исследования).

Программа для собирания особенностей народных говоров: I. Программа для собирания особенностей говоров северно-великорусского наречия // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 1896. Т. 1. С. 179–234.

Смёрдов А.В. Старый говор Вохомского края. Шарья: ИД «Ветлужский край». 64 с.

Смёрдов А.В. Сутыринки // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2016б. С. 560–567.

References

Vinogradova P.P. *Vypechka kostromskogo kraia: etnodialektnyi slovar'*. *Rukopis* [Baked goods of the Kostroma region: ethnodialect dictionary. Manuscript]. Kostroma, b/g. (In Russ.)

Vinogradova P.P. *Etnodialektnye primety leksiki kostromskogo kraia: nazvaniia pechenykh izdelii iz muki* [Ethnodialectal Features of the Vocabulary of the Kostroma Region: Names of Baked Flour Products]. *Dialektnoe issledovanie leksiki i onomastiki kostromskogo kraia* [Dialectal Study of the Vocabulary and Onomastics of the Kostroma Region], N.S. Gantsovskaja, P.P. Vinogradova, G.D. Neganova, T.V. Osipenko. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2024, pp. 72–103. (*Kostromskie govory: materialy i issledovaniia* [Kostroma dialects: materials and research]). (In Russ.)

Gantsovskaja N.S. *Kostromskaia eda: derevenskie rasskazy: etnodialektnyi slovar'-khrestomatiia* [Kostroma food: village stories: ethnodialect dictionary-reader], N.S. Gantsovskaja; ed. I.P. Verba. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2024a, 284 p. (*Kostromskie govory: materialy i issledovaniia* [Kostroma dialects: materials and research]). (In Russ.)

Gantsovskaja N.S. *Kostromskie govory: ucheb. posobie* [Kostroma dialects: a textbook], ed. G.D. Neganova. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2024б,

372 p. (*Kostromskie govory: materialy i issledovaniia* [Kostroma dialects: materials and research]). (In Russ.)

Gantsovskaia N.S. *Kostromskie govory i osnovnye cherty ikh leksicheskogo sostava* [Kostroma dialects and the main features of their lexical composition]. *Dialektnoe issledovanie leksiki i onomastiki kostromskogo kraia* [Dialectal study of the vocabulary and onomastics of the Kostroma region], N.S. Gantsovskaia, P.P. Vinogradova, G.D. Neganova, T.V. Osipenko. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2024b, pp. 12–71. (*Kostromskie govory: materialy i issledovaniia* [Kostroma dialects: materials and research]). (In Russ.)

Gantsovskaia N.S. *Leksika govorov Kostromskogo akaiushchego ostrova: problemy tipologii* [Vocabulary of the dialects of Kostroma Akayushchego Island: problems of typology], ed. I.P. Verba. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2024r, 280 p. (*Kostromskie govory: materialy i issledovaniia* [Kostroma dialects: materials and research]). (In Russ.)

Gantsovskaia N.S. *Leksika material'noi i dukhovnoi kul'tury v govorakh Chukhlomskogo, Galichskogo i Soligalichskogo uezdov Kostromskoi gubernii (po materialam «Etnograficheskogo biuro» kniazia V.N. Tenisheva)* [Vocabulary of material and spiritual culture in the dialects of the Chukhloma, Galich and Soligalich districts of the Kostroma province (based on the materials of the «Ethnographic Bureau» of Prince V.N. Tenishev)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Kostroma State University], 2006, vol. 12, no. 4, pp. 107–113. (In Russ.)

Gantsovskaia N.S., Neganova G.D. *Kul'turemy kak etnodialektnye markery govorov Kostromskoi niziny* [Culturemes as ethnodialect markers of dialects of the Kostroma lowland]. *Pritiazhenie Severa: iazyk, literatura, sotsium: materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 2 ch. Ch. 1* [Attraction of the North: language, literature, society. Proc. I Int. scientific-practical. conf. In 2 parts. Part 1]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2018, pp. 200–212. (In Russ.)

Gorlova (Osipenko) T.V. *Protoierei M.Ia. Diev o starykh nazvaniikh goroda Nerekhty: Egor'eva gora, Okulikha, Glazovo* [Archpriest M.Ya. Diev on the old names of the city of Nerekhta: Egorieva Gora, Okulikha, Glazovo]. *Semantika i funktsionirovanie iazykovykh edinits v raznykh tipakh rechi: materialy mezhdunar. nauch. konf., posviashchennoi 1000-letiiu g. Iaroslavlia: v 2 ch.* [Semantics and functioning of language units in different types of speech: materials of the international. scientific. conf., dedicated to the 1000th anniversary of the city of Yaroslavl: in 2 parts.]. Iaroslavl', IarGPU Publ., 2011, part 2, pp. 276–281. (In Russ.)

Gorlova (Osipenko) T.V. *Trud M.Ia. Dieva «Gorod Nerekhta v XVIII i pervoi chetverti XIX veka» kak istochnik izucheniia starykh gorodskikh nazvanii* [The work of M.Ya. Dieva «The city of Nerekhta in the 18th

and first quarter of the 19th century» as a source for studying old city names]. *Romanovskie chteniia. Dinastiia Romanovykh i rossiiskaia kul'tura: sb. materialov nauch. konf.* [Romanov readings. The Romanov dynasty and Russian culture: collection of materials from the scientific conf.]. Kostroma, KGU named of N.A. Nekrasova Publ., 2010, pp. 344–348. (In Russ.)

Neganova G.D. *Geograficheskaya leksika v govorakh Kostromskoi oblasti v landshaftno-geograficheskom aspekte* [Geographical vocabulary in the dialects of the Kostroma region in the landscape-geographical aspect]. *Dialektnoe issledovanie leksiki i onomastiki kostromskogo kraia* [Dialectal study of vocabulary and onomastics of the Kostroma region], N.S. Gantsovskaia, P.P. Vinogradova, G.D. Neganova, T.V. Osipenko. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2024, pp. 104–135. (*Kostromskie govory: materialy i issledovaniia* [Kostroma dialects: materials and research]). (In Russ.)

Neganova G.D. *Landshaftnaya leksika v issledovanii N.N. Vinogradova «O narodnom govore Shungenskoi volosti Kostromskogo uezda»* [Landscape vocabulary in the study of N.N. Vinogradov «On the folk dialect of the Shungen volost of the Kostroma district»]. *Semantika i funktsionirovanie iazykovykh edinits v raznykh tipakh rechi: sb. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 1000-letiiu g. Iaroslavlia. V 2 ch. Ch. 2* [Semantics and functioning of language units in different types of speech: materials of the international. scientific. conf., dedicated to the 1000th anniversary of the city of Yaroslavl: in 2 parts]. Iaroslavl', IarGPU Publ., 2011, part 2, pp. 260–263. (In Russ.)

Neganova G.D. *Landshaftnaya leksika v proizvedeniakh pisatelei XIX veka, svyazannykh s kostromskim kraem* [Landscape vocabulary in the works of 19th-century writers associated with the Kostroma region]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research], 2008, vol. 4, no. 3, pp. 199–210. (In Russ.)

Neganova G.D. *Leksika po teme LARNG «Zhilishche. Khoziaistvennye postroiki. Stroitel'stvo» v kostromskikh govorakh* [Vocabulary on the topic of LARNG «Housing. Outbuildings. Construction» in Kostroma dialects]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniia* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research], 2019, no. 13, pp. 658–667. (In Russ.)

Neganova G.D. *Iazyk zemli: landshaftnaya leksika v govorakh Kostromskoi oblasti* [Language of the land: landscape vocabulary in the dialects of the Kostroma region], ed. N.S. Gantsovskaia. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2024, 280 p. (*Kostromskie govory: materialy i issledovaniia* [Kostroma dialects: materials and research]). (In Russ.)

Programma dlia sobiraniia osobennostei narodnykh govorov: I. Programma dlia sobiraniia osoben-

nostei govorov severno-velikoruskogo narechiia [Program for collecting features of folk dialects: I. Program for collecting features of dialects of the Northern Great Russian dialect]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [News of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1896, vol. 1, pp. 179–234. (In Russ.)

Smerdov A.V. *Staryi govor Vokhomskogo kraia* [Old dialect of the Vokhomsky region]. Shar'ia, ID «Vetluzhskii krai» Publ., 64 p. (In Russ.)

Smerdov A.V. *Sutyrinki* [Sutyrinki]. *Gromovskie chteniia*. Vyp. 3. *Zhivoe narodnoe slovo i kostromskoi*

krai: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 7–9 noiab. 2016 g. [Gromov readings. Issue 3. Living folk word and the Kostroma region: collection of materials and research. international scientific conf. Kostroma, November 7–9, 2016]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 560–567. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 05.04.2025.

The article was submitted 14.03.2025; approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 05.04.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 141–144. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 141–144. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'373.43

EDN QGHMDM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-141-144>

АЛЛЕОТЕТА КАК ИСТОЧНИК РИТОРИЧЕСКИХ КОДОВ КОНТРАСТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Ступина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, stupina.ek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

Аннотация. В работе рассматриваются риторические коды, которые реализует аллеотета. Аллеотета – это риторический прием, основанный на отношениях противопоставления, сопоставления, сравнения, возникающих между однокоренными словами. Смысловое напряжение, создаваемое дериватами, определяет особый контрастивный фон при восприятии текста. Общая сема, определенная единым корнем, дополняет контраст оттенком алогичности, благодаря чему усиливается воздействующий и эстетический эффект. Экспрессия строится на контактном употреблении однокоренных, созвучных слов. Понимание риторического кода связано с эмоциональной оценкой риторических приемов и исполнением риторической задачи говорящего. Риторический код образуют разные языковые единицы. При анализе кода исследуются показатели грамматического свойства: особенности схемы предложения, специфика реализации грамматических категорий. Семантические изменения в лексемах устанавливают содержательный параметр кода. Важно также учитывать наличие в тексте риторических приемов, общую архитектуру произведения. Выразительно-изобразительные возможности, которыми обладают риторические приемы, обусловлены тематическим фактором, коммуникативной ситуацией. Особое значение имеет дискурсивная характеристика текста и его жанровая принадлежность. Риторический код контрастной дизъюнкции моделируется при противопоставлении однокоренных слов. Внимание читателя обращено на эмоциональную сферу, на чувства, переживания, представления персонажа. Интерпретация кода способствует установлению опосредованной связи актора и реципиента. В художественном произведении интерпретация кода становится базовым механизмом для понимания художественной задачи.

Ключевые слова: риторический код, контраст, дизъюнкция, аллеотета, интерпретация, сравнение, противопоставление, однокоренные слова.

Для цитирования: Ступина Е.С. Аллеотета как источник риторических кодов контрастивной направленности // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 141–144. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-141-144>

Research Article

ALLEOTHETES AS A SOURCE OF RHETORICAL CODES OF CONTRASTIVE ORIENTATION

Ekaterina S. Stupina, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, stupina.ek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

Abstract. The paper considers the rhetorical codes realised by alleothetes. The alleothete is a rhetorical device based on the relations of opposition, comparison, juxtaposition and contrast that arise between homonymous words. The semantic tension created by the derivatives determines a specific contrastive background in the perception of the text. The common seme, defined by a single root, adds a shade of illogicality to the contrast. Thanks to this, the influence and aesthetic effect are strengthened. Expression is built on the contact use of homogeneous, consonant words. The understanding of the rhetorical code is connected with the emotional evaluation of rhetorical techniques and the fulfilment of the speaker's rhetorical task. The rhetorical code consists of various linguistic units. When analysing the code, the indicators of grammatical properties are studied: the peculiarities of the sentence scheme, the specifics of the implementation of grammatical categories. Semantic changes in lexemes determine the content parameter of the code. It is also important to consider the presence of rhetorical devices in the text, the general architecture of the work. The expressive and figurative possibilities of rhetorical devices are conditioned by the thematic factor and the communicative situation. The discursive character of the text and its genre are of particular importance. The rhetorical code of contrastive disjunction is modelled by contrasting homonymous

words. The reader's attention is drawn to the emotional sphere, to the feelings, experiences, representations of the character. The interpretation of the code helps to establish an indirect link between the actor and the recipient. In a work of fiction, code interpretation becomes a basic mechanism for understanding the artistic task.

Keywords: rhetorical code, contrast, disjunction, allegory, interpretation, comparison, opposition, homonyms.

For citation: Stupina E.S. Alleotetes as a source of rhetorical codes of contrastive orientation. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 141–144 (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-141-144>

Современные лингвисты, как правило, полагают, что однокоренные слова, совместно употребляемые в речи, реализуют текстообразующую и выразительную функции (см.: [Пятаева, Поликарпова, Надежкин]). Действительно, родственные слова, которые писатели и поэты мотивированно употребляют в текстах контактно, используются в различных риторических функциях, а значит, участвуют в формировании риторических кодов.

Восприятие риторического кода связано с пониманием парадигматической и синтагматической организации знаков в текстах. Эти знаки регулируют поток информации, потенциально имеющей воздействующий эффект. Информационный ресурс преподносится в знаковом виде, расшифровка комбинации кода предполагает компетентность общекультурологического уровня. Ролан Барт считал, что любой код является культурным. Это «код знания», к которому отсылает текст» [Барт: 45]. Можем предположить, что формирование модели речевого поведения во многом базируется на сложившихся в обществе культурных кодах, которые определяем как таксономию «элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты» [Маслова, Пименова: 16]. Коды могут быть атрибутированы в зависимости от сферы реализации – исторические, семиотические, семантические, модные, музыкальные и другие. Риторические коды, опираясь на архитектуру текста, культурно детерминированы и отражают частные представления коммуникантов о действительности. Риторика – это «универсальная система воздействия, включающая не только языковые, но и экстралингвистические средства коммуникации», она открывает возможность осознать, что речь – это «своеобразное произведение искусства, которое воздействует одновременно и на чувство, и на сознание» [Бойцова: 105]. Риторические знаки могут иметь как языковой, так и неязыковой характер, а воздействующий эффект возможен при совокупной оценке их комбинаций в процессе дешифрации кода в тексте. По этой причине следует отметить изначальную открытость парадигм этого типа кода.

В настоящем исследовании нас будет волновать вопрос участия в организации риторического кода дериватов, составляющих такой риторический прием, как аллеотета.

Обычно аллеотету определяют как фигуру, основанную на противопоставлении, сопоставлении

и сравнении однокоренных слов [ВР]. Такой тип семантической связи способствует образованию риторических кодов, имеющих контрастивный характер. Общий логический принцип противопоставления, сопоставления и сравнения предполагает установление различия между объектами. Контраст как способ организации речевого произведения, заключающийся в разграничении элементов текста с целью создания воздействующего эффекта, является смысловой направляющей в организации схемы риторического кода аллеотеты.

Например: *И мой мирок в каморке старой / Вдруг в дивный превратился мир...* (М. Черников «Трубадур. Женщина и я»). Экспрессия в данном случае строится на контактном употреблении слов *мир* – *мирок*. Использование этих существительных подчеркивает разницу между двумя состояниями лирического героя – до и после появления возлюбленной в его жизни. Рассматриваемые единицы не выражают взаимной противоположности. Между словами *мир* – *мирок* обнаруживаются отношения, подчеркивающие семантику контрастного изменения. При трактовке риторического потенциала данной аллеотеты интерес представляет процесс обоснования того, как формируется различие значений между компонентами. В паре *мир* – *мирок* производящая лексема **мир** в данном случае употребляется в значении 'все реально существующее на Земле, проявляющееся в её жизни' [БТС]. Внимание читателя обращено не только на окружающую действительность, но и на сферу эмоционального восприятия, на чувства, переживания, представления персонажа. Воздействующий эффект возникает, в частности, за счет созвучности компонентов. «Родственные слова объединены на базе семантики общности, проявляющейся в наличии у них общих "стержневых" значений» [Пятаева: 43]. В данном случае суффиксальное образование представляется элементом субъективной оценки. Таким образом, возникает впечатление резкого перехода из ограниченного, закрытого пространства в безграничный мир свободы, что подчеркивается наречием *вдруг*. Обновление чувств и ощущений лирического героя – это отражение радостного, вдохновленного состояния. Семантика отношений между образующими прием единицами направлена на создание эффекта ослабленной противоположности. Жалкий, ничтожный характер «мирка» аккумулируется словами *каморка* и *старый*, а новые, особенные ощу-

щения «мира» переданы эпитетом *дивный*, прилагательное обладает выраженным стилистическим оттенком книжности. Кроме того, риторический эффект усиливает структурная схема предложения. Анализ кодовой организации речи предполагает осмысление синтаксической функции указанных слов, их расположения относительно друг друга: в предложении *мирок*, выступая в роли подлежащего, находится в начале, а *мир* как прямое дополнение – в конце. Позиционно дериваты разделены. Мы наблюдаем преобразование в душе героя, его рамки познаваемого и испытываемого расширяются, поэтому акцент ставится на преобразовании маленького «мирка». Обостряется тягостное восприятие жизни, полной сомнений, страхов, бессилия, страданий, до изменения в сознании персонажа.

Аллеотета также может строиться на отношениях противопоставления грамматических форм слов. Например: *Так писем не ждут, / Так ждут –письма...* (М.И. Цветаева). Противопоставляются формы единственного и множественного числа существительного письмо, что связано с идеей ожидания лирической героиней конкретного послания от ожидаемого адресата. Получение писем задано традицией осмысленной потребности в информации о происходящем со знакомыми, близкими людьми. Эти письма отражают обыденность бытия. Форма единственного числа указывает на тот факт, что надежда на получение письма сопряжена с желанием опосредованной эмоциональной близости. Письмо – посредник, вещественный знак духовной связи любящих людей. Семантика противопоставления осложняется смысловым оттенком противоречия: само себе ничего не может быть противопоставлено, это противоречит законам логики. Осознание структуры риторического фокуса приема транслирует, насколько глубоко чувства героини, каковы ее мысли, стремления.

Риторический код контрастной дизъюнкции моделируется при противопоставлении однокоренных слов. Дешифрация кода направлена на понимание инференциальной задачи разделения двух объектов, двух типов мышления, двух жизненных установок. В художественном произведении интерпретация кода становится базовым механизмом для понимания художественной задачи. Например, в романе И.А. Гончарова «Обрыв» автор использует в этой риторической функции слова *дом* – *домик*: *Один только старый дом стоял в глубине двора, как бельмо в глазу, мрачный, почти всегда в тени, серый, полинявший, местами с забитыми окнами, с поросшим травой крыльцом, с тяжелыми дверьми, замкнутыми тяжелыми же задвижками, но прочно и массивно выстроенный. Зато на маленький домик с утра до вечера жарко лились лучи солнца, деревья отступили от него, чтоб дать ему простора и возду-*

ха. (И.А. Гончаров «Обрыв»). В данном случае семантику противопоставления подчеркивает не только противительный союз *зато*, но и расположение слов в разных предложениях. Формируется представление о символическом противопоставлении двух миров. Один мир хранит секреты и опасности; в этом мире есть и тайная любовь, и жестокое предательство, и чувство одиночества, и навязчивые идеи, и бессмысленные страдания. Это мир Веры, Леонтия, Райского, Марка Волохова. Другой мир открытый, полный жизни, естественности, искренности, уюта; в нем чувства порывисты, эмоции понятны. В этом мире живут Марфинька, Викентьев, Татьяна Марковна. Установление границы между *домом* и *домиком* автор подчеркивает и в следующих иллюстрациях: *Перед окнами маленького домика пестрел на солнце большой цветник, из которого вела дверь во двор, а другая, стеклянная дверь, с большим балконом, вроде веранды, в деревянный жилой дом; Она недоверчиво покосилась на него и покачала головой. «Так возьмешь домик?» – спросил он. «Возьму, только чтоб и Верочка старый дом согласилась взять. А то одной стыдно: бабушка браниться станет».* Максимальное различие между значениями слов аккумулируют отношения противопоставления. Диминутив создает камерный образ личного пространства, в котором находит успокоение мятущаяся душа.

Особую дифференциальную семантику однокоренных слов могут формировать отношения сравнения, составляющие каламбурную аллеотету: *Нас учили больше осматриваться, чем всматриваться, больше думать, чем говорить* (И.Ф. Горбунов); *Лучше стучать, чем перестукиваться* (каламбур советских времён) [ВР] (см. подробнее: [Корюкина: 2014]). Словообразовательная аттракция компонентов создает каламбурный эффект. Риторический код контрастивной акцентуации осложняется сатирическим фоном, образуется поликанальный код, требующий сегментированного анализа составляющих знаков. При этом восприятие интерпретированной информации будет иметь больший воздействующий эффект.

Родственные слова, реализующие семантику сопоставления, обозначают ослабленное различие, хотя в некоторых случаях это различие может играть существенную роль дешифрации риторического кода диалектического контраста. Например: *Этот умок помогает с успехом проявляться в обиходной жизни, делать мелкие делишки, прятать грешки и т. д. Но когда женщинам возвратят их права – эта тонкость, полезная в мелочах и почти всегда вредная в крупных, важных делах, уступит место прямой человеческой силе – уму* (И.А. Гончаров «Обрыв»). Семантическое различие лексем *умок* – *ум*, связанное с наличием/отсутствием суффикса субъективной оценки, позволяет автору противопоставить ме-

стечковость бытовой смекалки и широту свободного мышления. Эмоционально-интеллектуальное развитие является естественным следствием взросления личности. Интерпретация кода формирует проекцию сюжетной линии.

Исследование риторических кодов данного типа позволяет осмыслить глубинное содержание произведения, раскрыть художественные особенности текста, понять авторскую идею, транслируемую через комбинации языковых знаков. Аллеотета обнаруживается даже при первичном восприятии текста, поскольку контрастные отношения, возникающие между однокоренными словами, формируют определенную алогичность описываемого, что привлекает внимание читателя. Кодовая организация речи является естественной обусловленностью языковой системы знаков, поэтому расшифровка риторических кодов – это определенный навык. Дешифрация кода аллеотеты, обусловленная эмоциональной оценкой речи, объясняет основу композиционного приема противопоставления героев в произведении, позволяет оценить противоречия, сформированные в сознании персонажей. Сатирическая задача кодов аллеотеты предполагает многоаспектный анализ знаковых комбинаций, встроенных, возможно, в другие коды.

Список литературы

Барт Р. S/Z. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.

Бойцова Е.А. Роль интонационной организации речи в ораторском искусстве // Наука и современность. 2011. № 9-2. С. 102–106.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1535 с.

Корюкина Е.С. Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 202 с.

Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. Москва: Флинта, 2016. 180 с.

ВР – Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. Москва: Ленард, 2006. 376 с.

Надежкин А.М. Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой // Вестник ННГУ. 2012. № 3-1. С. 393–395.

Поликарпова Е.В. Экспрессивный потенциал конкретной поэзии на основе взаимодействия стилистических приемов // Вестник Северного (Арктического)

федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. С. 99–103.

References

Bart R. S/Z. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 232 p. (In Russ.)

Boitsova E.A. *Rol' intonatsionnoi organizatsii rechi v oratorskom iskusstve* [The role of intonational organisation of speech in oratory]. *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity], 2011, no. 9-2, pp. 102–106. (In Russ.)

БТС – *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language], ed. by S.A. Kuznetsov; RAN, In-t lingvist. issled. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 1535 p. (In Russ.)

Koriukina E.S. *Ritoricheskie vozmozhnosti antonimov v sovremennom russkom iazyke: problema sistemnogo opisaniia* [Rhetorical possibilities of antonyms in the modern Russian language: the problem of system description: DSc thesis]: dis. ... kand. filol. nauk. Nizhny Novgorod, 2014, 202 p. (In Russ.)

Maslova V.A., Pimenova M.V. *Kody lingvokul'tury* [Linguocultural codes]. Moscow, Flinta Publ., 2016, 180 p. (In Russ.)

ВР – Москвин В.П. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Obshchaia i chastnye klassifikatsii. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Tropes and figures. General and particular classifications. Terminological dictionary]. Moscow, Lenard Publ., 2006, 376 p. (In Russ.)

Nadezhkin A.M. *Kornevoi povtor v khudozhestvennoi rechi M.I. Tsvetaevoi* [Root repetition in the artistic speech of M. I. Tsvetaeva]. *Vestnik NNGU* [Bulletin of Nizhny Novgorod State University], 2012, no. 3-1, pp. 393–395. (In Russ.)

Polikarpova E.V. *Ekspressivnyi potentsial konkretnoi poezii na osnove vzaimodeistviia stilisticheskikh priemov* [Expressive potential of concrete poetry based on the interaction of stylistic techniques]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2012, no. 6, pp. 99–103. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was submitted 09.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 145–152. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 145–152. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'373.43

EDN GSOKRH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-145-152>

НЕОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО САНКЦИОННОГО ДИСКУРСА

Липириди София Христофоровна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, sofa.lipiridi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2049-5923>

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Аннотация. В данной статье рассматриваются неологизмы, возникшие в англоязычном санкционном дискурсе в контексте современных геополитических изменений и экономических санкций. Актуальность исследования обусловлена растущей ролью языка как инструмента формирования общественного мнения и политической риторики в условиях глобальных конфликтов. Работа включает теоретическое обоснование понятия неологизма, а также его классификации в зависимости от источников возникновения и функциональной нагрузки в языке. Далее анализируются конкретные примеры неологизмов, появившихся в результате введения санкций против различных стран, акцентируя внимание на их семантическом значении и стилистических особенностях. В процессе анализа используется метод контент-анализа, что позволяет выявить частотность употребления неологизмов и их распределение по различным текстовым жанрам – от официальных документов до медийных публикаций. Особое внимание уделяется влиянию неологизмов на формирование общественного мнения и их роль в манипуляции сознанием.

Ключевые слова: язык, неологизмы, онлайн-словарь, неологизация, тематическая группа, семантика, электронные СМИ, санкционный дискурс.

Для цитирования: Липириди С.Х., Катермина В.В. Неологизация современного англоязычного санкционного дискурса // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 145–152. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-145-152>

Research Article

NEOLOGISATION OF MODERN ENGLISH SANCTIONS DISCOURSE

Sophia Ch. Lipiridi, PhD in Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, sofa.lipiridi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2049-5923>

Veronika V. Katermina, DSc in Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, veronika.katermina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Abstract. This article examines neologisms that have emerged in the English sanctions discourse in the context of modern geopolitical changes and economic sanctions. Topicality of the study is due to the growing role of language as a tool for shaping public opinion and political rhetoric in the context of global conflicts. The work includes a theoretical justification for the concept of neologism as well as its classification depending on the sources of origin and functional load in the language. Further, specific examples of neologisms, that have emerged as a result of the introduction of sanctions against various countries, are analysed, focusing on their semantic meaning and stylistic features. The analysis uses the method of content analysis which allows us to identify the frequency of use of neologisms and their distribution across various text genres – from official documents to media publications. Particular attention is paid to neologism influence on public opinion formation and to their role in manipulating consciousness.

Keywords: language, neologisms, online-dictionary, neologisation, thematic group, semantics, electronic media, sanctions discourse.

For citation: Lipiridi S.Ch., Katermina V.V. Neologisation of modern English sanctions discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 145–152 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-145-152>

Современный мир переживает эпоху глобальных перемен, затрагивающих без исключения все страны. В последние десятилетия глобальная политическая и экономическая обстановка претерпела значительные изменения, что привело к активному использованию санкций как инструмента внешней политики. Санкции как форма экономического давления применяются государствами и международными организациями для достижения политических целей, и их язык становится важным объектом исследования. В этом контексте неологизмы, новые слова и выражения, возникающие в результате метаморфоз в политической и экономической реальности, играют ключевую роль в формировании санкционного дискурса.

Неологизмы в англоязычном санкционном дискурсе представляют собой не только лексические новшества, но и отражение изменений в международных отношениях, а также трансформацию общественного мнения. Они могут возникать в результате адаптации существующих терминов к новым условиям или же как результат создания совершенно новых слов для описания уникальных ситуаций. Например, термины, связанные с киберсанкциями, финансовыми ограничениями или гуманитарными последствиями санкций, становятся все более актуальными в условиях глобализации и цифровизации.

Неологизация языка, безусловно, отражает его развитие, а заимствование новых слов представляет собой один из мощных механизмов неологизации. Процесс заимствования интересен еще и с точки зрения его влияния на языковую картину мира определенного этноса и на традиционные морально-нравственные ценности нации [Сенько: 140].

А.В. Самойлова, говоря о событиях социально-политического характера, считает, что они требуют детального лингвистического анализа, способствуют пополнению языкового массива за счет появления неологизмов специфического характера [Самойлова: 147].

Обогащение словарного запаса любого языка новыми лексическими единицами – процесс естественный и закономерный, обусловленный различными факторами. Действие языковых и социальных факторов, несомненно, должно быть принято во внимание, поскольку истинные причины языковой эволюции кроются исключительно во взаимодействии этих аспектов. Процесс образования неологизмов обусловлен внешними, или экстралингвистическими, факторами, играющими определяющую роль и влияющими на выбор способа обозначения денотата: словообразование или изменение значения существующего в языке слова [Хатламаджиян: 155].

В условиях таких реалий общественного прогресса, как глобализация экономики, цифровизация бизнеса и социальной деятельности, появление но-

вых понятий является неизбежным фактом. Помимо своей номинативной функции новые единицы языка обладают выразительным потенциалом, реализующим стратегию привлечения внимания. Современный английский деловой дискурс выступает отражением актуальных событий, происходящих в мировой экономике, и в этой связи остро встает проблема изучения экспрессивной составляющей деловых текстов, поскольку именно средства выразительности, обогащающие коммуникативный процесс новыми образами, являются надежным залогом его эффективности [Криворучко: 224].

Как пишет М.А. Кажарова, существует неразрывная связь между языком и политикой, поскольку политика невозможна без коммуникации. Ее уникальность заключается в дискурсивном характере, а политические действия по своей сути представляют собой речевые акты. Важно отметить, что политический дискурс не является статичным. Он активно изменяется в зависимости от культурного контекста и общественных настроений. Социальные сети и цифровые платформы играют ключевую роль в распространении политических идей, предоставляя новые возможности для манипуляции и формирования общественного мнения [Кажарова: 86].

Слово «санкция» имеет несколько значений в зависимости от контекста, в котором оно используется. В общем смысле санкция – это мера, принимаемая для обеспечения соблюдения норм, правил или законов. Это может быть как одобрение, так и наказание. В толковом словаре С.И. Ожегова санкция – это утверждение чего-н. высшей инстанцией, разрешение или же мера, принимаемая против стороны, нарушившей соглашение, договор, а также вообще та или иная мера воздействия по отношению к правонарушителю [Ожегов: 620].

Согласно словарной статье Коллинса, “sanctions are measures taken by countries to restrict trade and official contact with a country that has broken international law” [Collins Dictionary]. Таким образом, мы говорим о том, что санкция может обозначать разрешение или одобрение какого-либо действия (например, санкция на проведение мероприятия) или же наказание за нарушение закона (например, уголовная санкция). В контексте международных отношений санкции часто применяются государствами или международными организациями для давления на другие государства с целью изменения их поведения (например, экономические или политические санкции).

Санкционный дискурс – это комплексное явление, охватывающее язык, используемый для обсуждения, обоснования и применения экономических и политических санкций. Он включает в себя различные аспекты, такие как цели, задачи, суть и средства выражения.

Цели санкционного дискурса:

1. Обоснование санкций. Основная цель санкционного дискурса заключается в том, чтобы объяснить необходимость введения санкций. Это может включать в себя указание на нарушения международного права, угрозы безопасности или нарушения прав человека.

2. Управление общественным мнением. Санкционный дискурс стремится сформировать общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами. Он направлен на создание поддержки среди граждан и международного сообщества для применения санкций.

3. Демонстрация решимости. Санкции часто используются как символ политической воли и решимости государства в борьбе с нежелательными действиями других стран или субъектов.

4. Принуждение к изменению поведения. Одна из ключевых целей санкций – это принуждение целевых стран или групп к изменению их политики или поведения через экономическое давление.

Задачи санкционного дискурса:

1. Информирование. Обеспечение информирования аудитории о причинах и последствиях введения санкций. Это может включать в себя детальное объяснение того, какие меры принимаются и почему.

2. Создание легитимности. Установление легитимности санкций через ссылки на международные нормы, резолюции ООН или другие правовые рамки.

3. Анализ последствий. Оценка потенциальных экономических, социальных и политических последствий санкций как для целевой страны, так и для стран-инициаторов.

4. Мониторинг и оценка эффективности. Оценка того, насколько санкции достигают своих целей и как они воспринимаются различными группами.

Учитывая данные цели и задачи, можно говорить о том, что суть санкционного дискурса заключается в том, что он представляет собой инструмент коммуникации, который помогает формировать и регулировать международные отношения через язык. Он включает в себя не только юридические и политические аспекты, но и социальные, культурные и экономические контексты. Санкционный дискурс часто строится на бинарных противоположностях (например, «хорошие» против «плохих», «правильные» против «неправильных»), что упрощает восприятие сложных международных вопросов. При этом основой санкционного дискурса будут: политические решения о введении санкций, принимаемые на высоком уровне власти и отражающие стратегические интересы государства или группы государств; международное право и международные нормы и соглашения, придающие санкциям легитимность; экономические реалии, играющие ключевую роль в разработ-

ке и применении санкций, включая ожидания о том, как они повлияют на целевую страну и на самих инициаторов.

Санкционный дискурс выражается с помощью различных лингвистических средств. К примеру, использование специфической терминологии (например, «санкции», «принуждение», «экономическая изоляция»), что помогает четко обозначить предмет обсуждения и его контекст. Использование метафор, аналогий и других риторических средств помогает сделать аргументацию более убедительной и эмоционально насыщенной. Кросс-культурные ссылки, в частности упоминание исторических примеров или культурных контекстов, позволяют установить связь с аудиторией и повысить значимость аргументов. Также необходимо отметить, что санкционный дискурс активно используется в различных медиа-форматах (новости, аналитические статьи, официальные заявления), что позволяет достичь широкой аудитории и разнообразить способы коммуникации.

Актуальность работы определяется тем, что в последнее время на геополитической арене санкции стали одним из основных инструментов политического и экономического давления на государства. Современные политические процессы способствовали появлению нового вида дискурса – санкционного, который требует описания и уточнения с точки зрения его структуры и компонентов.

Санкционный дискурс – гибридный тип дискурса, совмещающий характеристики военного, политического и публицистического дискурсов, что объясняется сущностью санкций как альтернативы военному воздействию и СМИ, нормативно-правовых документов, заявлений официальных лиц как канала передачи информации о введении/снятии санкций. Именно через СМИ правящие политические элиты могут воздействовать на массовое сознание реципиентов, формируя необходимое восприятие санкционной политики [Подолько: 6].

По мнению А.Н. Баранова, «дискурс санкционной политики – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях об ограничительных мерах, запланированных или введенных страной-санкционером против страны-оппонента и направленных на воспрепятствование развития страны-оппонента или на изменение ее внешней и/или внутренней политики в выгодном для инициатора санкций направлении» [Баранов, Казакевич: 40].

За три года санкции стали одним из ключевых инструментов международной политики, используемым государствами для достижения своих внешнеполитических целей. С одной стороны, страна-инициатор активно применяет санкции в качестве средства давления на страны, нарушающие международные нормы. С другой стороны, страна, на которую на-

правлены подобные меры воздействия, воспринимает санкции как вызов, требующий адекватного ответа и переосмысления своей внешнеэкономической стратегии.

Исходя из этого, санкционный дискурс можно определить как особый тип институционального дискурса, обусловленный геополитической ситуацией, предполагающий неравные статусные роли его стран-участниц, содержание которого отражает ограничительные политические и/или экономические меры, призванные обеспечить соблюдение права или исполнение обязанностей страной-нарушителем.

Сами санкции нацелены на создание дискомфорта, связанного с аксиологическими доминантами как отдельного индивида, так и общества в целом. В этом отношении можно говорить, что санкции – это и есть та самая жизнь, в которую погружена речь современного человека. Согласно Ю.Ю. Литвиненко, санкции характеризуются антиномией, то есть противоречием между двумя взаимоисключающими положениями: рациональное – эмоциональное (в СМИ публикуется и обзревается огромное количество сообщений о введении санкций, но, с другой стороны, вся эта информация анализируется и оценивается в эксплицитной или имплицитной формах); императивность – вариативность (суждения отличаются категоричностью, но при этом жесткость снижается при информировании о негативных последствиях для стороны, вводящей эти самые санкции); ограничения – возможности (санкции предполагают действия, ведущие к ухудшению состояния страны, на которую эти санкции направлены, однако эти ограничения могут привести и к положительным последствиям для этой же страны; чужой – свой; санкции – контрсанкции. Предполагается, что внутренние противоречия, присутствующие санкционному дискурсу как феномену, обладающему своим жизненным циклом, создают напряженные участки, за счет которых поддерживается его развитие в окружающем нас коммуникативном пространстве [Литвиненко: 71].

Данная статья посвящена проблеме изучения неологизмов английского языка конца 2010-х – начала 2020-х годов и их лингвокультурологической и лингвопрагматической характеристике.

Лингвистическим материалом послужила подборка неологизмов из электронных словарей Dictionary.com, Merriam Webster Online Dictionary, WordSense Dictionary, Urban Dictionary, а также новостных изданий Bustle News, The Economist, The New York Times, Sky News. В ходе исследования было проанализировано свыше 1100 фрагментов статей из сетевых словарей и веб-ресурсов, содержащих 1000 единиц новой англоязычной лексики.

Запреты носят преимущественно экономический характер, целью же налагаемых запретов мо-

гут являться политические изменения в данной стране. Экономические санкции являются инструментом давления в любой сфере, не только политической, а также средством наказания за любые нежелательные для субъекта санкций действия [Липириди: 158].

Рассматривая санкции в качестве инструмента воздействия, который может как поддерживать порядок и законность, так и служить средством давления в международных отношениях, можно выделить следующие виды: экономические санкции (ограничения на торговлю, финансовые операции или инвестиции, направленные на ослабление экономики страны-нарушителя); политические санкции (меры, направленные на ограничение политических прав или участие в международных организациях); военные санкции (запрет на продажу оружия или военной техники определенным государствам); социальные санкции (направленные на ограничение социальных прав и свобод (например, запрет на выезд из страны). Сферой, на долю которой приходится подавляющее число неологизмов, является экономика, политика и связанная с ней экономическая коммуникация. Это обусловлено развитием международных экономических связей, глобализацией экономики, преобладанием западных передовых технологий и повышением роли английского языка как средства международного общения.

Неологизмы санкционного дискурса проникают в лексику английского языка через несколько ключевых механизмов. К примеру, в ответ на актуальные политические и экономические события, когда страны вводят новые санкции или разрабатывают новые стратегии, связанные с экономическим давлением, появляются термины, описывающие эти меры. Например, такие слова, как “*sanction busting*” или “*secondary sanctions*”, возникли в контексте конкретных международных конфликтов и экономических кризисов. **“Sanction busting”** (*the deliberate disregarding of sanctions that are in force against a state, organization, etc – действия, направленные на обход санкций, например через использование третьих стран или альтернативных финансовых систем. Этот термин отражает сложность соблюдения санкционных режимов и подчеркивает креативные подходы, которые некоторые страны или компании используют для продолжения торговли с объектами санкций*). Данный неологизм используется для обозначения действий, которые могут вызвать негативные последствия для тех, кто пытается обойти санкции, подобные действия могут восприниматься как нарушение правовых норм или этических стандартов, поскольку подразумевает незаконные или полуправовые действия [Collins Dictionary].

“Secondary sanctions” (*impose penalties on persons and organizations not subject to the sanctioning*

country's legal jurisdiction and are applied against entities engaged in the same dealings prohibited under primary sanctions – вторичные санкции, которые накладываются на третьи страны или компании, взаимодействующие с государством, уже находящимся под санкциями). Этот термин иллюстрирует растущую сложность международных отношений и показывает, как одни страны могут использовать санкции как инструмент давления на союзников или нейтральные страны. Можно сказать, что подобные санкции применяются как инструмент давления на государства или компании, чтобы они не сотрудничали с нарушителями. Эти санкции могут восприниматься как средство давления на третьи страны, что вызывает вопросы о справедливости и моральной ответственности. Обозначают вторичные меры воздействия, что добавляет слой сложности к международным отношениям. Сторона, нарушающая запреты или ограничения, подпадающие под вторичные санкции, является субъектом регулирующих последствий. Однако санкции значительно более суровы; как правило, они состоят из ограничений или запретов на доступ к финансовой системе страны, наложившей санкции, и/или к экономике в целом. Эта мера фактически запрещает санкционированной стороне вести бизнес с клиентами и поставщиками в США, поскольку она блокирует доступ к валюте.

Исследования в области международных отношений, экономики и права также способствуют появлению новых терминов. Ученые и эксперты разрабатывают новые концепции и термины для описания изменений в санкционной политике, что может привести к созданию неологизмов, таких как “economic coercion” или “compliance risk”. **“Compliance risk”** (*an organization's potential exposure to legal penalties, financial forfeiture and material loss, resulting from its failure to act in accordance with industry laws and regulations, internal policies or prescribed best practices* – риск несоответствия требованиям санкционного законодательства, который компании и финансовые учреждения должны учитывать в своей деятельности). Данный неологизм используется в бизнесе для оценки потенциальных последствий несоблюдения правил. Отражает ценность соблюдения норм и правил, подчеркивая важность законопослушания. Указывает на потенциальные потери из-за несоблюдения правил; имеет негативную оценку. Среди основных видов рисков можно выделить коррупционные и незаконные действия, нарушение конфиденциальности, экологический ущерб, несоблюдение протокола выполнения задачи, а также протоколов по охране и технике труда. Стандарты Международной организации по стандартизации (ISO) предоставляют рекомендации по управлению рисками и соблюдению требований в различных отраслях.

Поскольку все больше стран принимают строгие требования, организации должны обеспечить соответствие своих политик и практик этим международным стандартам, чтобы избежать правовых последствий и защитить свою международную репутацию [Hanna, Sales]. **“Economic coercion”** (*a behavioral precedent so that they can control the behavior of their political opposition. The use, or threat to use, 'measures of an economic – as contrasted with diplomatic or military – character taken to induce [a target State] to change some policy or practices or even its governmental structure – использование экономических мер (включая санкции) для принуждения другой страны к изменению ее политики или поведения*). Этот термин акцентирует внимание на стратегическом использовании экономических инструментов в международной политике, подчеркивая, что санкции могут быть частью более широкой стратегии давления. Данный неологизм используется для описания ситуации, когда одно государство принуждает другое к определенным действиям через экономические меры, а также вызывает вопросы о справедливости и морали таких действий и имеет негативную коннотацию [Urban Dictionary].

Неологизмы могут возникать также путем модификации или расширения значений уже существующих слов. Например, слово “sanction” может быть использовано в различных контекстах (например, “targeted sanctions”), что приводит к появлению новых значений и комбинаций. **“targeted sanctions”** (*prohibition of certain activities with sanctioned persons or entities within a country – целевые санкции, которые направлены на конкретные лица или организации, а не на всю экономику страны*). Этот термин указывает на более избирательный подход к наложению санкций, который может быть более эффективным и менее разрушительным для обычного населения. Подобные санкции часто обсуждаются в контексте международной политики как более гуманная альтернатива широким санкциям. Они могут быть оценены как более «умные» меры, направленные на конкретные лица или организации, что предполагает более высокую моральную ответственность, а также точечное воздействие; может восприниматься как менее агрессивное по сравнению с общими санкциями [Collins Dictionary].

Изменения в законодательстве и международных соглашениях могут приводить к созданию новых терминов, которые описывают вновь введенные правила или процедуры, связанные с санкциями. Например, термин “sanctionable offence” может возникнуть в результате разработки новых правовых норм. **“Sanctionable offence”** (*different types of noncompliance with regimes which should be sanctioned by countries to ensure the effectiveness of the disclosure regime – действие или поведение, которое может*

стать основанием для наложения санкций). Этот термин помогает определить четкие границы и критерии для применения санкций, что важно для правовой и дипломатической ясности. Эти действия могут привести к юридическим последствиям с учетом правовых и этических норм и имеют четкое правовое значение. Среди основных санкционируемых правонарушений чаще всего выделяют непредставление данных, позднюю подачу, отсутствующую или неполную подачу данных, неправильную или ложную подачу данных, несоблюдение дополнительных обязательств. Эффект этого типа законодательства еще предстоит увидеть, хотя это может потенциально помочь смягчить риски, возникающие из-за снижения конфиденциальности, присущего раскрытию ВО, что еще более важно, когда информация становится публичной [Designing sanctions].

В.В. Катермина выявила, что фактически каждый пятый современный неологизм образован приставочным или суффиксальным способом. И одним из самых частотных является префикс “de-” (the opposite of; against), образующий производные от глаголов, существительных, прилагательных и наречий [Катермина, Соловьева: 50]. Примером может стать неологизм **“de-risking”** (*the elimination of risk – процесс снижения рисков, связанных с инвестициями или торговлей с определенными странами, подверженными санкциям*). Этот термин подчеркивает изменения в бизнес-практиках и инвестиционных стратегиях в ответ на угрозу санкций, что может влиять на глобальные цепочки поставок и применяется в бизнес-контексте для обозначения стратегий снижения рисков в условиях неопределенности. Процесс связан со снижением рисков в бизнесе, что подчеркивает ценность безопасности и предсказуемости, иногда может подразумевать процесс уменьшения рисков; имеет положительное значение в бизнес-контексте [Collins Dictionary].

“Sanctions fatigue” (*a desensitisation among both the target countries and the international community – усталость от санкций, когда страны или компании начинают игнорировать или минимизировать последствия санкционных режимов*). Выражение подчеркивает, что постоянные санкции могут привести к снижению их эффективности, так как целевые страны могут адаптироваться или находить способы обхода ограничений. Неологизм используется для описания общественного мнения или реакции на длительные санкции. При его употреблении делается упор на усталость общества от постоянных санкций, что может отражать ценности стабильности и мира, а также содержит негативную коннотацию разочарования от вечного давления. Годы введения и поддержания санкций в отношении различных стран привели к снижению чувствительно-

сти как среди стран-целей, так и среди международного сообщества. Целевые страны стали искусными в преодолении санкций, разработке стратегий смягчения их воздействия и поиске способов продолжать свою деятельность незаконными средствами. Эта растущая устойчивость подрывает предполагаемое воздействие западных санкций. Снижение эффективности западных санкций можно объяснить несколькими факторами, включая изменение мировой динамики, усталость от санкций, непредвиденные последствия и ограниченное многостороннее сотрудничество [The diminishing effectiveness].

“Economic warfare” (*an economic strategy used by belligerent states with the goal of weakening the economy of other states – экономическая война, термин, описывающий использование экономических мер (включая санкции) для достижения политических целей*). Данное выражение применяется для описания агрессивных действий государств против других стран через экономические меры, что подразумевает использование экономических мер в качестве оружия, что вызывает этические вопросы о последствиях для гражданского населения. Означает агрессивные действия; имеет сильную негативную коннотацию [Urban Dictionary]. По мнению М.А. Фирсовой, вербальная агрессия включает все возможные условия коммуникативного пространства, специфику дискурса, в котором она репрезентируется, состояние и статус коммуникантов. Это обусловлено комплексным подходом к пониманию вербальной агрессии, заключающейся в нанесении вреда адресату или объекту речи [Фирсова: 144].

В ходе исследования было установлено, что англоязычный санкционный дискурс не только отражает текущие политические реалии, но и формирует новые нарративы в международных отношениях. Британская стратегия санкций акцентирует внимание на соблюдении прав человека и международного права. Различия в подходах к санкциям создают дополнительные сложности в диалоге между государствами и могут привести к дальнейшей поляризации международной политики.

Также необходимо отметить лингвокультурологический потенциал англоязычных санкционных неологизмов. Поскольку лингвокультурология исследует связь языка и культуры, акцентируя внимание на том, как языковые единицы отражают культурные реалии, ценности и нормы общества, можно говорить об отражении социальных изменений. В частности, неологизмы, связанные с санкциями, часто возникают в ответ на конкретные события (например, политические кризисы, военные конфликты). Они отражают актуальные проблемы и настроения общества. Например, термины, такие как “sanctions regime” или “economic warfare”, могут указывать на измене-

ние восприятия международных отношений. Санкционные неологизмы могут использоваться для обозначения определенной идеологии или идентичности. Так, использование термина “targeted sanctions” может подчеркивать более гуманный подход к санкциям, в отличие от “comprehensive sanctions”, которые могут восприниматься как более жесткие и менее избирательные. Также неологизмы могут показывать влияние глобальных процессов на локальные культуры – санкции против определенных стран могут приводить к появлению новых терминов в языке, которые затем могут адаптироваться и использоваться в других контекстах.

Помимо этого, можно говорить о лингвопрагматическом потенциале в случае англоязычных санкционных неологизмов. Они могут выполнять различные коммуникативные функции – от информирования до манипуляции общественным мнением. Например, использование термина “sanction fatigue” может сигнализировать о том, что общество устало от постоянных санкций, что может повлиять на политические решения. Политики и СМИ активно применяют неологизмы для создания риторических эффектов. И использование терминов вроде “smart sanctions” может создавать впечатление, что меры принимаются взвешенно и с учетом гуманных аспектов. Помимо этого, санкционные неологизмы могут использоваться для формирования определенной позиции или мнения. Так, использование фразы “economic isolation” может быть направлено на создание негативного имиджа страны-цели санкций.

В конечном итоге понимание санкционного дискурса обеих стран является важным шагом к поиску путей для конструктивного взаимодействия и разрешения конфликтов на глобальной арене. В целом санкционный дискурс представляет собой многогранный инструмент, который сочетает в себе политические, экономические и социальные аспекты, а также использует разнообразные лингвистические средства для достижения своих целей. Англоязычные неологизмы не только отражают изменения в политической и экономической сферах, но и влияют на восприятие этих изменений в обществе. Их изучение позволяет глубже понять динамику языка как инструмента коммуникации и выразить культурные и идеологические реалии современного мира.

Список литературы

Источники

- Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1983. 816 с.
- Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 15.11.2024).
- Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 15.11.2024).
- Hanna Katie Terrell, Sales Francesca. Compliance risk. URL: <https://www.techtarget.com/searchcio/definition/compliance-risk> (дата обращения: 15.11.2024).
- Designing sanctions and their enforcement for beneficial ownership disclosure. URL: <https://www.openownership.org/en/publications/designing-sanctions-and-their-enforcement-for-beneficial-ownership-disclosure/sanctionable-offences-in-beneficial-ownership-transparency-regimes> (дата обращения: 15.11.2024).
- The diminishing effectiveness of Western sanctions. URL: <https://www.worldfinance.com/strategy/the-diminishing-effectiveness-of-western-sanctions-a-critical-examination> (дата обращения: 15.11.2024).
- Исследования*
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Москва: Знание, 1991. 64 с.
- Кажарова М.А. Вербальная агрессия в политическом дискурсе (на материале испанских предвыборных телевизионных дебатов): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024. 206 с.
- Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аффикация как средство создания неологизмов // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития / под ред. А.В. Зиньковской, В.В. Катерминой, С.Х. Липириды и др. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2023. С. 49–54.
- Криворучко И.С. Неологическая метафора как изобразительное средство современной деловой коммуникации // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 224–227.
- Липириды С.Х. Влияние санкций на неоминимум в туристической индустрии // Язык в дискурсивных реалиях современности: коллектив. монография. Краснодар: Изд.-полиграф. центр Кубанского гос. ун-та, 2024. С. 145–165.
- Литвиненко Ю.Ю. Антиномии санкционного дискурса (на примере высказываний об антироссийских санкциях) // Вестник Омского педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (35). С. 71–75.
- Подолько А.С. Сопоставительное исследование интертекстуальных включений в заголовочных комплексах (на материале российского, британского, американского санкционных дискурсов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2024. 24 с.
- Самойлова А.В. Англоязычные политические неологизмы: от семантики к прагматике использования // Вестник Новосибирского государственного университета. 2023. Т. 21, № 1. С. 145–159.
- Сенько Е.В. Кросскультурная неология: монография. Владикавказ: ООО НПКи «Мавр», 2023. 158 с.

Фирсова М.А. Феномен агрессии в языке: проблема терминологического обозначения // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 140–147.

Хатламджиян М.А. Конфликтотенный потенциал гендерных неологизмов англоязычного дискурса // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 154–163.

References

Baranov A.N., Kazakevich E.G. *Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii* [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moscow, Znanie Publ., 1991, 64 p. (In Russ.)

Firsova M.A. *Fenomen agressii v jazyke: problema terminooboznacheniia* [The phenomenon of aggression in language: the problem of terminology]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 154–163. (In Russ.)

Kazharova M.A. *Verbal'naja agressija v politicheskom disкурse (na materiale ispanskikh predvybornykh televizionnykh debatov): dis. ... kand. filol. nauk* [Verbal aggression in political discourse (based on the Spanish pre-election television debates): PhD thesis]. Moscow, 2024, 206 p. (In Russ.)

Katermina V.V., Solov'eva N.S. *Affiksatsiia kak sredstvo sozdaniia neologizmov* [Affixation as a means of creating neologisms]. *Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopoliarnost', perspektivy razvitiia* [Philological sciences in the 21st century: relevance, multipolarity, development prospects], ed. by A.V. Zin'kovskaya et al. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2023, pp. 49–54. (In Russ.)

Khatlamadzhian M.A. *Konfliktogennyi potentsial gendernykh neologizmov angloiazychnogo diskursa* [Conflictogenic potential of gender neologisms of English-language discourse]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 154–163. (In Russ.)

Krivoruchko I.S. *Neologicheskaia metafora kak izobrazitel'noe sredstvo sovremennoi delovoi kommunikatsii* [Neological Metaphor as a Visual Means of Modern

Business Communication]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, vol. 28, no. 2, pp. 224–227. (In Russ.)

Lipiridi S.Ch. *Vliianie sanktsii na neonominiatsiiu v turisticheskoi industrii* [The Impact of Sanctions on Neomination in the Tourism Industry]. *Iazyk v diskursivnykh realiiakh sovremennosti: monografiia* [Language in the Discursive Realities of Our Time: Monograph]. Krasnodar, Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2024, pp. 145–165. (In Russ.)

Litvinenko Iu.Iu. *Antinomii sanktsionnogo diskursa (na primere vyskazyvanii ob antirossiiskikh sanktsiiakh)* [Antinomies of the sanctioning discourse (on the example of statements about anti-Russian sanctions)]. *Vestnik Omskogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia* [Bulletin of Omsk Pedagogical University. Humanitarian Research], 2022, no. 2 (35), pp. 71–75. (In Russ.)

Podol'ko A.S. *Sopostavitel'noe issledovanie intertekstual'nykh vkluchenii v zagolovochnykh kompleksakh (na materiale Rossiiskogo, Britanskogo, Amerikanskogo sanktsionnykh diskursov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Comparative study of intertextual inclusions in heading complexes (based on Russian, British, and American sanctions discourses): PhD thesis, summary]. Ekaterinburg, 2024, 24 p. (In Russ.)

Samoilova A.V. *Angloiazychnye politicheskie neologizmy: ot semantiki k pragmatike ispol'zovaniia* [English-language political neologisms: from semantics to pragmatics of use]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State University], 2023, vol. 21, no. 1, pp. 145–159. (In Russ.)

Sen'ko E.V. *Krosskul'turnaja neologija: monografiia* [Cross-cultural neology: monograph]. Vladikavkaz, OOO NPKP «Mavr» Publ., 2023, 158 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 06.03.2025.

The article was submitted 31.01.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 06.03.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 153–159. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 153–159. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81`271

EDN RHMUKI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-153-159>

РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В МЕССЕНДЖЕР-СООБЩЕСТВЕ

Гребельник Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия, tatyanagrebelnik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6440-8852>

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, hohlina2004@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2412-1299>

Аннотация. Цель данной статьи – выявить и описать основные речеповеденческие характеристики коммуникативной личности в родительских группах мессенджера VK. Было установлено, что речевой портрет групповой коммуникативной личности базируется на: 1) выделении основных типов коммуникативной личности, вступающей в общение в группе; 2) описании речевых стратегий, которыми пользуется личность в процессе групповой коммуникации; 3) определении речевого стиля, доминантного для коммуникативной личности, проявляющей себя в мессенджере. Коммуникативная личность – член родительского сетевого сообщества – может выбирать установку на кооперацию, на взаимовыгодное сотрудничество со всеми участниками интернет-сообщества или, напротив, конфликтовать, выражая несогласие и негативные эмоции. Часть членов родительского чата относится к индифферентному типу коммуникативных личностей. К речевым стратегиям, которыми пользуются в групповом общении, относятся: стратегия сотрудничества, реализующаяся посредством тактик согласия, смены темы, убеждения, проявления сочувствия и привлечения внимания, и стратегия речевого манипулирования, объективированная чаще всего с помощью тактик отказа и возмущения. Различаются виртуальные коммуникативные личности с высоким или низким уровнем речевой культуры. Определяющими параметрами становятся: соблюдение норм речевого этикета и литературных языковых норм, чистота речи, ее синтаксический строй, активность использования средств невербальной коммуникации. Практическая значимость результатов анализа речеповеденческих характеристик групповой коммуникативной личности видится в возможности их использования в преподавании вузовских курсов по теории коммуникации или речевой коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативная личность, мессенджер-сообщество, коммуникативная стратегия, коммуникативный тип, речевой стиль.

Для цитирования: Гребельник Т.В., Лаптева М.Л. Речеповеденческие характеристики коммуникативной личности в мессенджер-сообществе // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 153–159. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-153-159>

Research Article

SPEECH AND BEHAVIOURAL CHARACTERISTICS OF A COMMUNICATIVE PERSONALITY IN THE MESSENGER COMMUNITY

Tatiana V. Grebelnik, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Speech Communication, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia, tatyanagrebelnik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6440-8852>

Maria L. Lapteva, DSc in Philology, head of the department of modern Russian language, Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, hohlina2004@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2412-1299>

Abstract. The purpose of this article is to identify and describe the main speech and behavioural characteristics of the communicative personality in parent groups of VK messenger. It was found that the speech portrait of a group communicative personality is based on 1) the identification of the main types of communicative personality entering into communication in a group; 2) the description of the speech strategies used by the personality in the process of group communication; 3) the definition of the speech style dominant for the communicative personality manifesting itself in the messenger. A communicative personality – a member of the parent network community – can choose a cooperative attitude, mutually beneficial cooperation with all members of the Internet community, or, on the contrary, conflict, expressing disagreement and negative emotions.

Some of the members of the parent chat belong to the indifferent type of communicative personalities. The speech strategies used in group communication include a strategy of cooperation, implemented through tactics of consent, topic change, persuasion, showing empathy and attracting attention, and a strategy of speech manipulation, objectified most often through tactics of refusal and indignation. Virtual communicative personalities with a high or low level of speech culture differ. The defining parameters are compliance with the norms of speech etiquette and literary linguistic norms, purity of speech, its syntactic structure, and the active use of nonverbal communication tools. The practical significance of the results of the analysis is of the speech and behavioural characteristics of a group communicative personality is seen in the possibility of their use in teaching university courses on communication theory or speech communication.

Keywords: communicative personality, messenger community, communicative strategy, communicative type, speech style.

For citation: Grebelnik T.V., Lapteva M.L. Speech and behavioural characteristics of a communicative personality in the messenger community. *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 153–159 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-153-159>

В настоящее время сложно представить повседневное социальное взаимодействие без использования мессенджеров, которые позволяют осуществлять коммуникацию во всех ее формах: устной и письменной, вербальной и невербальной, обиходно-бытовой и деловой, межличностной и групповой и др. Специфика общения в виртуальном пространстве, в том числе и в мессенджерах, стала объектом лингвистического анализа в рамках самостоятельно оформившегося направления научного исследования – интернет-лингвистики, связанной с именами Е.И. Горошко (2007), О.В. Лутовиновой (2009), Л.П. Сон (2012), Н.А. Ахреновой (2013), Т.Н. Колокольцевой (2014), Л.Ю. Шипициной (2014), D. Crystal (2002) и др.

Перечислим основные результаты проведенных исследований в данной области: изучены базовые характеристики интернет-коммуникации (Е.Н. Галичкина, М.Г. Шилина и др.); выделены и описаны основные жанры, сформировавшиеся в пространстве интернета (жанр электронной почты, жанр социальной сети, жанр чата, жанр электронного делового письма, жанр форума, а также находящийся в поле нашего исследовательского интереса жанр разговора в мессенджере (О.К. Голошубина) и др.); введено и обосновано понятие виртуальной языковой личности (Н.А. Ахренова, Л.Е. Гаврилина, О.В. Лутовинова, мн. др.).

В то же время можно утверждать, что комплексного описания коммуникативной личности – участника мессенджер-коммуникации – до настоящего времени проведено не было, хотя как особый тип личности, которая отличается определенным набором языковых и/или речевых черт, проявляющихся именно в виртуальном пространстве, она уже была выделена [Гребельник].

Цель данной статьи – выявить и описать основные речеповеденческие характеристики коммуникативной личности в родительских группах мессенджера VK.

Имеется в виду групповая коммуникативная личность, у которой нами не учитываются такие социальные параметры, как пол, возраст, уровень образова-

ния, профессиональная принадлежность, социальный статус, в силу невозможности фиксации перечисленных данных. Однако принимается во внимание, что для всех членов мессенджер-сообщества характерна социальная роль родителя (отца или матери).

Материалом исследования послужили полученные методом сплошной выборки электронные текстовые сообщения, отправляемые в родительский чат, созданный в мессенджере VK, в течение 2024 года. Всего нами было проанализировано около тысячи сообщений.

Для достижения поставленной цели использовались такие общенаучные методы, как описание, сопоставление и сравнение собранного языкового материала, а также лингвистические методы: лексико-семантический, прагмалингвистический и функциональный анализ.

В виртуальном родительском сообществе, которое нами рассматривалось, состоит 34 человека, что обеспечивает активное и интенсивное протекание коммуникативных процессов, отличающихся, тем не менее, дискретностью (периоды активного обсуждения какого-либо актуального в тот или иной момент вопроса сменяются периодами «молчания»).

Перечислим основные характеристики данной сетевой группы в мессенджере VK. К ним относятся следующие:

- контактность, т. е. возможность всех участников родительского чата беспрепятственно общаться друг с другом;
- целостность, т. е. наличие социальной (по социальной роли родителя) и психологической (обусловленной социальной ролью родителя) общности ее участников;
- устойчивость межличностных контактов, которая затрагивает наиболее активных участников сетевой коммуникации;
- внутренняя структура, которая регулируется и поддерживается администратором чата и членами родительского комитета, выступающими активными коммуникантами в сформировавшемся и постоянно действующем мессенджер-сообществе;

– возможность удовлетворения личных запросов (например, ежедневные запросы-уточнения о заданном домашнем задании, расписании уроков и звонков и пр.).

По классифицирующим признакам родительский чат является естественной, вторичной, открытой и стабильной группой, которая функционирует в интернет-пространстве и включает участников, взаимоотношения которых могут носить как формальный, поскольку определяются договоренностями, так и неформальный, поскольку определяются внутренними потребностями, характер.

Дадим определение основным терминам, которые используются в исследовании. Так, говоря о коммуникативной личности, принимаем во внимание ее характеристики, связанные с выбором вербального и невербального кодов коммуникации, а также с использованием искусственных и смешанных коммуникативных кодов. Такое понимание коммуникативной личности соответствует концепции В.П. Конечкой [Конечкая] и применимо к анализу коммуникативного поведения участников мессенджер-сообщества.

Для коммуникативно-прагматической ситуации, которая разворачивается в мессенджере и в рамках которой нами анализируется коммуникативная личность, характерны следующие признаки, детерминированные внешними условиями общения: а) сиюминутность, спонтанность формы реализации; б) опосредованность взаимодействия адресанта и адресата; в) в большинстве случаев – одновременность отправления, получения и восприятия информации (сообщения).

Итак, описание речеповеденческих характеристик групповой коммуникативной личности строится на трех основаниях:

1) выделении основных типов коммуникативной личности, вступающей в общение в группе;

2) описании речевых стратегий, которыми пользуется личность в процессе групповой коммуникации;

3) определении речевого стиля, доминантного для коммуникативной личности, проявляющей себя в мессенджере.

Рассмотрим подробнее каждое из этих оснований.

1. Среди разнообразных типологий языковых / коммуникативных личностей нами была выбрана типология, основным принципом разграничения в которой является установка коммуниканта на конфликт или кооперацию [Горелов, Седов].

Заметим, что рамки данной типологии накладываются только на активных коммуникантов, которые регулярно отправляют в группу сообщения, реагируют на информацию от других участников (оставляют комментарии и невербальные реакции). Участие пассивных коммуникантов в групповом взаимодействии, напротив, минимально: они в большинстве

случаев только воспринимают информацию и при необходимости (например, когда информация запрашивается у всех членов группы) реагируют на сообщаемое, но никогда не занимают позицию инициатора обсуждения.

Путем подсчета количества сообщений, посылаемых в группу каждым ее членом, было установлено, что из 34 участников лишь 12 систематически оставляют цифровой след. Еще 15 членов мессенджер-сообщества иногда принимали участие в групповой коммуникации. Остальным участникам свойственна роль стороннего наблюдателя.

Говоря об активных коммуникантах, выделим следующие типы виртуальных коммуникативных личностей: 1) кооперативный, 2) конфликтный, 3) индифферентный.

Данные типы личностей наиболее полно проявляют себя в характерной для родительского чата коммуникативно-прагматической ситуации обсуждения проблем класса, связанных с подготовкой к праздничному мероприятию, приобретением учебных принадлежностей, организацией совместного досуга и отдыха детей и пр.

Так, для кооперативного типа коммуникативной личности характерна реализация идеи сотрудничества, всестороннего обмена мнениями с целью достичь консенсуса в решении выдвинутого на обсуждение вопроса. Члены группы с установкой на кооперацию не только являются инициаторами коммуникативного взаимодействия, не только задают вопросы, но и, прежде всего, проявляют интерес к высказываниям других участников группы, часто комментируя их, выражая согласие или принимая чью-либо точку зрения как один из вариантов решения проблемы. От подобных коммуникантов часто исходят призывы к совместной деятельности, к консолидации усилий, к объединению ресурсов и пр.

Например: (1) *Поступило такое предложение. Пусть дети сделают плакат на английском языке и поздравят учителя...*

(2) *Добрый день!!! Спешу напомнить, что сегодня вечером собираемся украшать деткам класс и игровую. Кто может, приходите!!!*

В основном такие участники родительской группы вступают в коммуникацию с просьбами, предложениями и напоминаниями.

Коммуниканты, относящиеся к конфликтному типу, дестабилизируют внутригрупповые связи. Их участие в группе сводится к навязыванию собственного мнения, отрицанию предложений, с которыми они не согласны, непринятию идей других участников коммуникации, выражению недовольства по поводу организации обучения, школьного питания и пр., что в целом сопровождается демонстрацией негативного эмоционального состояния и создает диском-

фортную коммуникативную атмосферу в родительском чате.

Например: (3) *Люди, которые никогда не занимались общественной деятельностью, не понимают значение «надо для детей, учителей»...*

(4) *Да! Суп всегда покрыт пленкой, гречка сухая.*

(5) *Вы не считаете, что стали строже? Все почему-то молчат. Всех, наверное, все устраивает!*

Индифферентная коммуникативная личность отличается безразличным отношением к предмету обсуждения в группе, она воздерживается от комментариев, не высказывает своего мнения, стараясь примкнуть к большинству. Вербальные по форме сообщения, принадлежащие такому коммуниканту, как правило, кратки: *Я не в курсе. И про сферу тоже*. Нередко предпочтение отдается невербальным сообщениям в виде стикеров, лайков, картинок или математических знаков «+» и «-», выражающих согласие / несогласие с предложениями, выдвинутыми в родительском чате и пр.

2. Каждому обозначенному типу коммуникативной личности в мессенджер-сообществе свойственны определенные речевые стратегии, с помощью которых член группы проявляет себя.

Кооперативная коммуникативная личность, соответственно, использует стратегию солидарности, или сотрудничества. Такая кооперативная стратегия направлена на поддержание доброжелательных отношений между участниками группы. Для тактик, входящих в данную стратегию, характерно следующее: акцентирование благих намерений, проявление сопереживания, смягчение высказываемых оценок, то есть разнообразные способы демонстрации положительного отношения адресанта к адресату. Все эти признаки сопровождают речевые тактики

– согласия: (6) *Здравствуйте! Я как Герасим на все согласен;*

– смены темы: (7) *Давайте не будем больше об этом вспоминать;*

– убеждения: (8) *Надо приходить к какому-то общему итогу и спокойно доживать еще 2 года;*

– проявления сочувствия: (9) *Всем добрый вечер! Как жаль Льва! Скорейшего выздоровления!*

– привлечения внимания: (10) *Доброе утро! Я жду ответа от всех желающих! Напишите, пожалуйста, в личном сообщении.*

Речевое манипулирование – основная стратегия, которую избирают конфликтные коммуникативные личности. Частными проявлениями данной стратегии являются тактики, выделенные в результате анализа конфликтных ситуаций общения: упрек, угроза, возмущение, отказ, оскорбление, намек и ирония. При этом вербализаторы тактик угрозы и оскорбления, относящихся к маркерам речевой агрессии, в материалах нашего исследования зафиксированы не были.

Обратим внимание на ситуации реализации других речевых тактик, применяемых в групповой коммуникации мессенджера конфликтными коммуникативными личностями:

(11) *Конечно, как всегда... Каждый день какие-то проверочные, каждый день учить наизусть... А оценки же занижают.*

В приведенном примере экспрессивно реализована коммуникативная тактика возмущения, речевыми показателями которой является целый арсенал стилистических средств: фигура умолчания в конце первого и второго предложений, где в качестве знака завершения предложений ставится многоточие; парцелляция и антитеза (предложения 2–3). Кроме того, индикаторами названной тактики являются и вводное слово *конечно* с оттенком иронии в первом предложении, и лексический повтор *каждый день* – во втором, и усилительная частица *же* – в третьем.

Тактика отказа реализуется посредством однообразного набора речевых формул, которыми пользуются в мессенджер-сообществе. Например, при отказе принять участие в каком-либо мероприятии: (12) *Мы не сможем. Мы не придем. У нас не получится. Нас не будет* и под.

3. Речевой стиль участника групповой коммуникации мы связываем с уровнем речевой культуры, которую он проявляет в межличностном сетевом взаимодействии. В целом можно говорить о коммуникативных личностях с высоким и низким уровнем речевой культуры, определяемым в пространстве мессенджера по следующим параметрам:

а) Соблюдение / несоблюдение норм речевого этикета (сетикета).

Несмотря на опосредованный характер взаимодействия участников группы, все коммуникативно-прагматические акты должны сопровождаться употреблением формул речевого этикета. Заметим, что большая часть членов родительской группы в мессенджере использует типичные формулы приветствия (*Всем добрый вечер! Добрый день! Здравствуйте!* и под.) и формулы благодарности (*Большое спасибо! Заранее благодарна!* и под.). Случаи игнорирования данных формул редки.

Например: (13)

– *Скажите, собрание будет? Не вижу списков наших.*

– *Здравствуйте! Было вчера.*

Примечательно, что приветствие не используется инициатором общения, обладающим более низким уровнем речевой культуры, чем уровень коммуниканта, решившего ответить на вопрос и включившего приветственную формулу в свое высказывание.

б) Соответствие / несоответствие сообщения литературным языковым нормам (орфографическим, пунктуационным, грамматическим и речевым).

В данном случае уровень грамотности коммуникативной личности, проявляющийся в мессенджер-сообществе, демонстрируется ею и в процессе продуцирования текстов любой другой формы или вида. Анализируя тексты сообщений в родительском чате на предмет наличия ошибочных написаний, можно отметить общую тенденцию к снижению уровня практической грамотности, т. к. большинство участников мессенджер-сообщества допускают ошибки при оформлении даже небольших по объему сообщений.

в) Наличие / отсутствие просторечных слов, вульгаризмов, жаргонизмов и прочих нелитературных элементов (чистота речи).

Преимущественно лексико-семантический уровень речи коммуникативной личности в сети формируется из следующих компонентов: а) общеупотребительных слов, б) слов, которые описывают взаимодействие в виртуальном пространстве, в) сетевых жаргонизмов. Однако для коммуникативной личности участника родительского мессенджер-сообщества не характерна сетевая лексика, так как тематика диалогов затрагивает проблемы обучения, воспитания и досуга учащихся в реальном времени и пространстве. Чистота речи, как обязательный критерий оценки коммуникативной личности, определяется по степени использования стилистически сниженных или выходящих за пределы литературной нормы слов и выражений. В целом заметим, что подобные лексические единицы используются активно.

Например: (14) *Я ржу над своим))) Вот неожиданно.* (15) *Я главное со всех детей кофты сняла, чтобы на арене не заперли.* (16) *Мне кажется, после наших обсуждений нас можно у психиатра **те-те-те**.*

г) Простота / сложность синтаксиса.

Синтаксический строй речи членов родительских групп отличается простотой и демократизацией. В основном в мессенджере можно встретить структуры разговорного и эмотивного синтаксиса: нерасчлененные предложения, неполные предложения, незаконченные предложения, парцеллированные конструкции, вокативы. Частотными являются восклицательные и вопросительные предложения.

Например: (17) *Не грузится электронный дневник!* (18) *Какие слова учить по английскому?* (19) *Скиньте карточку с примерами по математике, пожалуйста.* (20) *Что за день такой сегодня!* (21) *Наша в классе лежит (вместо: наша папка в классе лежит).*

Само явление упрощения синтаксиса, на наш взгляд, не следует относить к негативным, если оно не сопровождается нарушением грамматических норм речи, не мешает точному и правильному восприятию и пониманию передаваемой информации.

д) Соотношение вербальных / невербальных средств передачи информации.

По нашим наблюдениям, большинство сообщений в родительском чате состоит из текстовой части и каких-либо невербальных знаков (эмодзи, смайликов, стикеров, набор которых расширяется после каждого обновления приложения). Данные знаки обусловлены стилистикой жанра мессенджера. Разные шрифтовые выделения, разрядка, прописные буквы вместо строчных и др. несут определенную прагматическую нагрузку и зачастую выполняют эстетическую функцию. Приравнивать знаки, избыточные в интернет-пространстве, к жестам или мимике, как это делает Г. Мак-Каллик [McCulloh], нецелесообразно, так как диапазон и функционал их использования гораздо шире.

Таким образом, групповая коммуникативная личность демонстрирует разные формы речевого поведения в виртуальном пространстве. Она может выбирать установку на кооперацию, на взаимовыгодное сотрудничество со всеми участниками интернет-сообщества или, напротив, конфликтовать, выражая несогласие и негативные эмоции. Часть членов родительского чата мы относим к индифферентному типу коммуникативных личностей, вступающих в процессы общения в группе не по собственной инициативе, а по необходимости.

В соответствии с представленной типологией были выделены речевые стратегии, которыми пользуются в групповом общении: стратегия сотрудничества, реализующаяся посредством тактик согласия, смены темы, убеждения, проявления сочувствия и привлечения внимания, и стратегия речевого манипулирования, объективированная чаще всего с помощью тактик отказа и возмущения.

Определяя речевой стиль, доминантный для коммуникативной личности, проявляющей себя в мессенджере, следует сказать о различии виртуальных коммуникативных личностей с высоким или низким уровнем речевой культуры. Определяющими параметрами становятся соблюдение норм речевого этикета и литературных языковых норм, чистота речи, ее синтаксический строй, активность использования средств невербальной коммуникации. На лексико-семантическом и синтаксическом уровнях в наибольшей степени проявляются особенности речевой деятельности активных участников родительского чата, что позволяет создать их речевой портрет.

Практическое применение результатов анализа речеповеденческих характеристик групповой коммуникативной личности видится нам в возможности их использования в преподавании вузовских курсов по теории коммуникации или речевой коммуникации, где, отражая последние достижения современных лингвистических учений, необходимо рассмотреть

основные аспекты коммуникации в интернет-пространстве.

Библиографический список

Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 58. 2011. № 25 (240). С. 15–18.

Ахренова Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 22–26.

Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 212 с.

Голошубина О.К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации // Вестник Омского университета. 2015. № 1 (75). С. 208–212.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Москва: Лабиринт, 1997. 220 с.

Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. 2009. № 6. С. 111–127.

Гребельник Т.В. Речевой портрет участника групповой коммуникации мессенджера WhatsApp // Профессорский журнал. 2021. № 3 (7). С. 10–15.

Колокольцева Т.Н. Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации // Интертекстуальность и фигуры интертекста разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. Москва: Флинта: Наука, 2014. С. 71–95.

Конецкая В.П. Социология коммуникации. Москва: Междунар. ун-т бизнеса и упр. (Братья Карич), 1997. 302 с.

Лутвинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2009. 45 с.

Сон Л.П. Лингвистический статус языка интернет-коммуникации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 49–56.

Шилина М.Г. Интернет-коммуникация: исследовательские концепции XXI века. К вопросу формирования категориально-понятийного аппарата // Медиаскоп: электрон. науч. журнал / МГУ им. М.В. Ломоносова (факультет журналистики). 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1081> (дата обращения: 15.12.2024).

Щипунина Л.Ю. Социальная сеть как жанр интернет-коммуникации // Медиалингвистика. 2014. № 3. С. 220–224.

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 334 p.

McCulloh G. Will We All Speak Emoji Language in a Couple Years? Mental_floss. URL: <http://mentalfloss.com/article/62584/will-we-all-speak-emoji-language-couple-years> (access date: 15.12.2024).

References

Ahrenova N.A. *Teoreticheskie osnovy internet-lingvistiki* [Theoretical foundations of Internet linguistics]. *Filologicheskie nauki. voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. questions of theory and practice], 2013, no. 10 (28), pp. 22–26. (In Russ.)

Ariskina O.L., Dryangina E.A. *Yazykovaya i kommunikativnaya lichnost': razlichnye podhody k issledovaniyu* [Linguistic and communicative personality: different approaches to research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history], 2011, no. 25 (240), pp. 15–18. (In Russ.)

Galichkina E.N. *Specifika komp'yuternogo diskursa na anglijskom i russkom yazykah (na materiale zhanra komp'yuternyh konferencij)* [The specifics of computer discourse in English and Russian (based on the genre of computer conferences)]: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2001, 212 p. (In Russ.)

Goloshubina O.K. *Razgovor v messendzhere kak specificheskij zhanr internet-kommunikacii* [Messenger conversation as a specific genre of Internet communication]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2015, no. 1 (75), pp. 208–212. (In Russ.)

Gorelov I.N., Sedov K.F. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Labirint Publ., 1997, 220 p. (In Russ.)

Goroshko E.I. *Internet-zhanr i funkcionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii* [The Internet genre and the functioning of language on the Internet: an attempt at reflection]. *Zhanry rechi* [Genres of speech], 2009, no. 6, pp. 111–127. (In Russ.)

Grebel'nik T.V. *Rechevoj portret uchastnika gruppovoj kommunikacii messendzhera WhatsApp* [Speech portrait of a participant in group communication on WhatsApp messenger]. *Professorskij zhurnal* [Professorial journal], 2021, no. 3 (7), pp. 10–15. (In Russ.)

Kolokol'ceva T.N. *Intertekstual'nost' i gipertekstual'nost' v internet-kommunikacii* [Intertextuality and hypertextuality in Internet communication]. *Intertekstual'nost' i figury interteksta raznyh tipov: kollektivnaya monografiya* [Intertextuality and intertext figures of different types], ed. by T.N. Kolokol'ceva, V.P. Moskvina. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2014, pp. 71–95. (In Russ.)

Koneckaya V.P. *Sociologiya kommunikacii* [Sociology of communication]. Moscow, Mezhdunar. un-t biznesa i upr. (Brat'ya Karich), 1997, 302 p. (In Russ.)

Lutvinova O.V. *Lingvokul'turologicheskie harakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguistic and cultural char-

acteristics of virtual discourse], avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Volgograd, 2009, 45 p. (In Russ.)

Son L.P. *Lingvisticheskiy status yazyka internet-kommunikatsii* [The linguistic status of the Internet communication language]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2012, no. 2, pp. 49–56. (In Russ.)

Shilina M.G. *Internet-kommunikatsiya: issledovatel'skie koncepcii XXI veka. K voprosu formirovaniya kategorial'no-ponyatijnogo apparata* [Internet communication: Research concepts of the 21st century. On the issue of the formation of the categorical and conceptual apparatus]. *Mediascope: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Mediascope: the electronic scientific journal], the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2012, no. 2. URL: [\[diascope.ru/node/1081\]\(http://diascope.ru/node/1081\) \(access date: 15.12.2024\). \(In Russ.\)](http://www.me-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Shchipicina L.Yu. *Social'naya set' kak zhanr internet-kommunikatsii* [Social network as a genre of Internet communication]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2014, no. 3, pp. 220–224. (In Russ.)

Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2002, 334 p.

McCulloh G. *Will We All Speak Emoji Language in a Couple Years?* Mental_floss. URL: <http://mentalfloss.com/article/62584/will-we-all-speak-emoji-language-couple-years> (access date: 15.12.2024).

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 160–166. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 160–166. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'373.43

EDN HLMHBG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-160-166>

АЛЛЮЗИИ НА ОБРАЗ «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Белопухова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, klepa3367@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-8831>

Жезлова Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Аннотация. Современная наука в последние десятилетия уделяет достаточное внимание изучению вопроса интертекстуальности, однако явление сказочной аллюзии в СМИ исследовано в недостаточной мере, что определяет актуальность анализа текстов современного медиадискурса. Авторы предпринимают попытку выявить особенности функционирования аллюзивных включений через анализ речевых структур. Настоящая статья посвящена исследованию аллюзии на образ Спящей красавицы в немецкоязычном медиадискурсе. Накопленный эмпирический материал позволил провести категоризацию, а также описать наиболее распространенные интертекстуальные фреймы по типу аллюзии. Материалом исследования послужили оригинальные статьи онлайн-изданий Австрии, Германии, Швейцарии за 2023–2024 гг., содержащие аллюзии на образ «Спящая красавица». Исследователи приходят к следующему выводу: аллюзии на образ Спящей красавицы являются понятными представителям немецкоязычного пространства и именно поэтому так часто используются авторами публицистических текстов. Современный немецкоязычный медиадискурс активно пользуется аллюзией сказки «Спящая красавица», применяя не только эксплицитный и имплицитный способы заимствования, но и разную степень трансформации, нередко используя данную аллюзию как элемент пародии, стремясь таким образом привлечь внимание читателя и заставляя его раскодировать представленную информацию.

Ключевые слова: аллюзия, эксплицитная аллюзивность, интертекстуальность, Спящая красавица, немецкий язык, немецкоязычный медиадискурс.

Для цитирования: Белопухова О.В., Жезлова С.А. Аллюзии образа «Спящая красавица» в немецкоязычном медиадискурсе: прикладной аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 160–166. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-160-166>

Research Article

ALLUSIONS TO THE “SLEEPING BEAUTY” IMAGE IN GERMAN-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE: AN APPLIED ASPECT

Olga V. Belopukhova, PhD in Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, klepa3367@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8895-0083>

Svetlana A. Zhezlova, PhD in Pedagogy, Kostroma State University, Kostroma, Russia, zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Abstract. In recent decades, contemporary research has been paid close attention to the study of intertextuality. However, the phenomenon of fairy-tale allusion in media has been insufficiently studied, which determines topicality of text analysis in contemporary media discourse. The authors attempt to identify the features of allusive inclusions and their functioning through the analysis of speech structures. This article studies allusions to the Sleeping Beauty image in German-language media discourse. The accumulated empirical material enabled us to categorise and describe the most common intertextual frames by type of allusion. The study material includes original articles from online publications in Austria, Germany, and Switzerland for 2023–2024, containing allusions to the image of Sleeping Beauty. The researchers come to the following conclusion: allusions to the image of Sleeping Beauty are understandable to representatives of the global European space. That is why they are so often used by authors of media texts. The contemporary German-language media discourse actively resorts to the allusion to the fairy tale «Sleeping Beauty», using not only explicit and implicit methods of borrowing, but also varying degrees of transformation, often employing this allusion as an element of parody, thus seeking to attract the readers' attention and forcing them to decode the presented information.

Keywords: allusion, explicit allusiveness, intertextuality, Sleeping Beauty, German language, German-language media discourse.

For citation: Belopukhova O.V., Zhezlova S.A. Allusions to the "Sleeping Beauty" image in German-language media discourse: an applied aspect. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 160–166 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-160-166>

Интертекстуальность как явление межтекстового взаимодействия активно обсуждается в лингвистике в последние десятилетия и чаще всего понимается многими лингвистами как осознанное включение в собственный дискурс элементов чужих дискурсов с целью оказания определенного эмоционально-эстетического воздействия на адресата собственного текста. Проявлением данного литературного приёма становится употребление знаковых систем, устанавливающих связь с иными текстовыми порождениями посредством их репрезентации в собственном тексте с целью привлечения внимания и оказания влияния на читателя.

Современные исследователи опираются преимущественно на труды основоположников теории интертекстуальности: Р. Барта, Ю.М. Лотмана, которые активно используют понятие «интертекст».

Р. Барт рассматривает текст как воплощение множества других текстов, как интертекст; по его мнению, интертекстуальность является неременной реальностью текста, который существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности, а тексты предшествующей и окружающей культуры присутствуют в более или менее узнаваемых формах в любом произведении. [Барт: 428].

Ю. Лотман определяет слово как символ, который несёт в себе информацию о контекстах, но, чтобы эта информация «проснулась», слово-символ должно быть помещено в какой-либо современный контекст, что неизбежно трансформирует его значение [Лотман: 263].

Наиболее часто встречающееся средство интертекстуальности – это аллюзия, позволяющая передавать имплицитный смысл и оказывающая не прямое воздействие на адресата. Аллюзия – это употребление имени или названия, которое отсылает читателя к известному произведению, факту, событию и т. п. Данный прием получает свою реализацию при наличии у читателя фоновых знаний или при совпадении экстралингвистической пресуппозиции автора и читателя [Арнольд: 89]. Согласно И.Р. Гальперину, аллюзия является косвенным указанием на какой-либо исторический, географический, литературный, мифологический или библейский факт. Аллюзивный источник обычно не дается, потому что автор предполагает, что его читатель обладает такими же знаниями и опытом, как и он сам [Гальперин: 41].

В последние десятилетия лингвисты демонстрируют устойчивый интерес к феномену аллюзии: есть работы, описывающие аллюзию как проявление ин-

тертекстуальности (Вахрушева, Ковалева); некоторые авторы анализируют аллюзии в сказочном дискурсе (Хартунг, Васкиневич, Кондрашова, Патракова); довольно широко представлен анализ таких прецедентных имен, как Золушка, Пиноккио, Синяя борода и др.; достаточно работ об аллюзии в медиадискурсе (Кузнецов, Писанова). В литературоведении многократно предпринимались попытки систематизировать аллюзивные единицы, были разработаны тематические классификации по источнику обращения (литература, кинематограф, музыка и др.), по характеру заимствования (эксплицитное и имплицитное), по уровню заимствования (макро- и микроуровень), по степени известности, по функциональности и значению в тексте (Алексеева, Кривуля). Понятие «интертекстуальность» можно подразделить на два вида: первый функционирует на уровне текста произведения, второй – на уровне цитаты. Заимствование отдельного чужого слова (словосочетания, предложения) не несёт основной смысловой нагрузки и используется авторами для «украшения» своего текста. Очень часто цитаты переосмысливаются и изменяются, иногда их функциональный стиль снижается, а сам автор редко поясняет причину включения данной цитаты в свой текст.

Обзор отечественных и зарубежных источников позволил сделать вывод о достаточно высокой степени разработанности проблемы аллюзий в художественном тексте. Так, лингвокультурные и стилистические особенности европейских сказок и их интертекстуальность довольно часто становятся темой исследования как российских ученых (Фадеева, Савченко), так и немецкоязычных лингвистов (Баузингер, Циммерманн, Мидер). Однако практически не встречаются исследования сказочной аллюзии в медиадискурсе, хотя в современных СМИ активно используются аллюзии на известные литературные тексты, в частности сказки, а также образы сказочных героев, что и обусловило актуальность настоящего исследования.

В данной статье авторы обращаются к образу «Спящая красавица» из немецкой сказки братьев Гримм. Это образ является прецедентным универсальным феноменом, он понятен представителям немецкоязычного культурного пространства, поэтому часто используется в СМИ. Однако стоит упомянуть национальную специфику интерпретации данного сказочного образа. В немецкой лингвокультуре Спящая красавица – это молодая девушка, погруженная в долгий сон злой колдуньей, она ждёт, когда её

разбудит своим поцелуем принц. Главная мысль данной сказки в интерпретации немецких литературоведов – это пассивность и долгое ожидание, которое приносит в итоге свои плоды. Долгий глубокий сон принцессы – это ожидание любви, а пробуждение означает переход к активной жизни в браке и уход из заколдованного родительского замка в дом избранныка. Как подчеркивает О.Н. Патракова, сюжет сказки отражает персонификацию природно-временных циклов и смену функционального состояния человека при его переходе в иной социальный статус во время обряда инициации [Патракова: 258]. Немецкоязычные СМИ достаточно часто обращаются к данному прецедентному имени, применяя не только эксплицитный и имплицитный способ заимствования, но и разную степень трансформации, нередко используя данную аллюзию как элемент пародии.

Материалом настоящего исследования послужили статьи из периодических онлайн-изданий Австрии, Германии, Швейцарии федерального и муниципального уровней за 2023–2024 гг., например: *FAZ*, *Focus*, *Kicker*, *Neue Zürcher Zeitung*, *Staatsanzeiger*, *Süddeutsche Zeitung*, *Tagespost*, интернет-сайты федерального правительства и др.

Работа с эмпирическим материалом проходила в несколько этапов: анализ немецкоязычных онлайн-версий СМИ, составление корпуса примеров методом сплошной выборки, распределение материала по семантическим группам, анализ лингвистических способов актуализации. Всего авторами было проанализировано около 650 текстов, содержащих аллюзии, корпус примеров для непосредственного анализа составил 198 фрагментов, было выделено 7 интертекстуальных фреймов по типу аллюзии.

В проанализированных текстовых фрагментах выявлены примеры аллюзии как с отрицательной, так и с положительной коннотацией, представленные в примерно равном соотношении: однозначно отрицательных 93 и однозначно положительных 79 сегментов соответственно. Атрибуты сказочной ситуации (стоletний сон и пробуждение) используются инвариантно в зависимости от намерения автора публикации. Употребление сказочных аллюзий носит локальный характер, и знакомый сказочный образ, безусловно, вызывает определенные ассоциации у читателя, но не несет основной смысловой нагрузки статьи. В текстах СМИ наблюдается приспособление аллюзии сказки к реальности, не связанное с первоисточником, происходит переосмысление и снижение поэтики сказки до бытового, часто пародийного уровня. Эксплицитная аллюзивность проявляется в современной авторской интерпретации, автор по-своему трактует образы героев, выдвигая на первый план то положительную, то отрицательную коннотацию.

Рассмотрим примеры аллюзий на образ Спящей красавицы в порядке частотности их применения в немецкоязычном медиадискурсе.

Фрейм «Последствия пандемии». Чаще всего такие аллюзии встречаются в материалах, посвященных преодолению последствий пандемии коронавируса: в период пандемии многие промышленные предприятия Германии переживали стагнацию и упадок, и сегодняшнее восстановление производства, наращивание его оборотов журналисты образно сравнивают с пробуждением Спящей красавицы. Начинают работать в нормальном режиме кинотеатры, бассейны, фонтаны («*Nach dem Dornröschen-schlaf während der Coronazeit. Moviepark Bottrop*»; «*Dornröschen kann schwimmen*»; «*Wer holt die Cascade aus dem Dornröschen-Schlaf?*»), возобновляют свою деятельность магазины, модные дома и модная индустрия в целом, начинают принимать заказы архитектурные бюро, открываются гостиницы и музыкальные школы, например: «*Mode: Dornröschen am Kohlmarkt*»; «*Schlafende Schönheiten: Wiedererweckte Mode*»; «*Dornröschen ist erwacht – Ingenieurbüro für Bauwesen*»; «*Kehrt eines der einst größten Hotels im Schwarztal aus dem Dornröschen-Schlaf zurück?*»; «*Musik-Mittelschule Bregenz küsst Dornröschen wach*».

Фрейм «Стагнация». Экономический дискурс использует сказочную аллюзию на Спящую красавицу, чтобы описать промышленные процессы на предприятиях: стагнацию, понижение котировок акций сравнивают со сном из известной сказки («*Wir suchen Unternehmen im Dornröschen - Schlaf*»; «*Dornröschen DAX wartet auf Prinz NVIDIA*»), а инвестиции с целью восстановления производства, успешный кризисный менеджмент, оптимизацию производственных и административных процессов – с волшебным поцелуем и пробуждением («*Charge-Management als Dornröschen-Kuss für ein totes Sozial Intranet*»). Проблемам, с которыми сталкиваются молодые женщины в связи с выходом на работу после рождения ребенка, посвящена статья «*Start-up Porträt: Dornröschen*»: журналист сравнивает декретный отпуск со сном Спящей красавицы.

Фрейм «Возрождение к жизни». Целый ряд статей немецкоязычных СМИ рассказывает о восстановлении или ремонте некогда роскошных, а ныне пришедших в упадок, полуразрушенных зданий. Образ сказочной принцессы журналисты используют как символ восстановления, возрождения к жизни и активной деятельности. Так, в публикациях часто упоминаются реконструкция, реставрационные работы и ремонт, то есть, с одной стороны, архитектурные объекты могут быть недоступны для посетителей, как замок из сказки («*Orangenschloss im Dornröschen-schlaf*»; «*Dornröschen wartet aufs Gutachten...*»; «*Dornröschen bröckelt vor sich hin*»), с дру-

гой стороны, с началом реставрационных мероприятий здания должны «проснуться» (*«Dornröschen hat ausgeschlafen»*; *«Schloss Lerbach erwacht aus Dornröschen-Schlaf»*; *«Kramertunnel soll 2024 aus Dornröschenschlaf erwachen»*). Не только отдельные архитектурные объекты, но и целые города и деревни подобно сказочной принцессе просыпаются от спячки: в городе Иммендорф царит оживление: *«Immendorf erwacht immer mehr aus dem Dornröschenschlaf»*, его причина – начало карнавала. Городу Гентину нужен принц или принцесса, чтобы снова разбудить город: *«Landrat Steffen Burchhardt: Welcher Prinz oder Prinzessin küßt Genthin wieder wach?»* Благодаря организации по защите памятников архитектуры «Спящая красавица ГДР» город Вердер превратился из Спящей красавицы в красивый город в стиле барокко, желанный туристический объект: *«Reise: DDR-Dornröschen - FOCUS online»*.

Фрейм «Политическое бездействие». Появляется образ Спящей красавицы и в статьях политической направленности. Называя Западную Африку Спящей красавицей (*«Westafrika: Afrikas Dornröschen»*), журналист подчеркивает тот факт, что регион быстро развивается после затяжного периода неурядиц и войн и может стать новым двигателем развития африканского континента. В статье *«Helvetisches Dornröschen, erwache!»* автор сравнивает политическое бездействие нейтральной Швейцарии с героиней сказки братьев Гримм. Статья австрийского издания, ссылаясь на мнение известных экономистов, критикует политиков Австрии, которые заняли выжидательную позицию по отношению к реорганизации экономики, «проспали», по его мнению, как Спящая Красавица, время для принятия важных для страны решений: *«Dornröschen lässt grüßen: Wie Österreichs Politik den Umbau der Industrie verschläft»*. Автор статьи *«Wie kommt Schliersee raus aus dem Dornröschen-Koma?»* обеспокоен ситуацией в общине Шилрзее в Баварии и сравнивает упадок и обывательскую сонливость города с коматозным состоянием, сном Спящей красавицы (*«Dornröschen-Koma»*).

Фрейм «Нерезультативность». Сказочный дискурс проникает и в спортивную коммуникацию. Так, в статье *«Team NRW geht in den Dornröschen-Schlaf»* речь идет о том, что после напряженного спортивного сезона игроки команды отправляются на отдых, «погружаются в сон Спящей красавицы», о чём они и сообщают своим болельщикам. А автор статьи *«Bayer Leverkusen und die Dornröschen-Klubs»* использует сказочный образ, чтобы подчеркнуть нерезультативность и вялость игры футбольных клубов Европы. О традиции конных скачек пишет журналист в статье *«150 Jahre Tradition warten auf Dornröschen-Kuss»*, инициативная группа рассказывает о перспективных конных состязаниях и ждет только поцелуя для Спя-

щей красавицы, то есть поддержки жителей и спонсорских вложений в проект.

Фрейм «Покой и идиллия». Образ Спящей красавицы ассоциируется у представителей немецкоязычного культурного пространства с покоем и идиллией: тишина, девственная природа, отсутствие промышленности и шума машин манят туристов на остров Балтрум, расположенный в Северном море: *«Baltrum - Das Dornröschen der Nordsee»*. Словению, самую зелёную страну Европы, также сравнивают со Спящей красавицей по-славянски, там находятся лучшие эко-отели, в которых гарантирован здоровый и крепкий сон (*«Dornröschen auf slawisch»*). Дёрренбах называют Спящей красавицей Пфальца (*«Dornröschen der Pfalz»*), он представляет собой идиллическую деревню, которая предлагает покой и отдых. Уникальное место с точки зрения туризма Восточный Тироль спит спокойным сном, его редко посещают туристы, и этот регион журналисты сравнивают с сонным состоянием красавицы из сказки (*Dornröschen-Dasein*).

Фрейм «Апатия». В целом ряде статей о здоровом образе жизни можно обнаружить аллюзию на образ Спящей красавицы, в основном с отрицательной коннотацией, авторы перечисляют причины усталости и апатии, а сонливое состояние сравнивается со сном Спящей красавицы, например: *«Aufstehen Dornröschen! Ein neuer Tag wartet auf dich»!* Многие статьи, посвященные нарушениям сна, причинам бессонницы и советам о правильном ночном отдыхе, содержат аллюзию на героиню сказки братьев Гримм: *«Dornröschen hatte bestimmt ein astreines Gefäßsystem»*; *«9 Tipps, um zu schlafen wie Dornröschen»*. В Швеции педагоги и психологи говорят о появлении детей-мигрантов с синдромом Спящей красавицы (*«Dornröschen-Kinder»*), симптомы следующие: сонливость и апатия, как и у Спящей красавицы, причиной является известие о том, что они должны вернуться в родную страну из благополучной Европы.

Немецкие СМИ используют и другие номинации и атрибуты сказки о Спящей красавице, например, колючая изгородь (*Dornenhecke*) выступает символом защитного барьера и непреодолимого препятствия. Ландшафтные дизайнеры рассматривают живую изгородь как эффективную защиту собственности и обнаруживают связь между зарослями шиповника вокруг сказочного замка и современным экологичным ландшафтным дизайном, например: *«Von Dornröschen zu Dornenhecken: Präventive Umweltgestaltung»*. Принцами нашего времени, которые разбудят промышленность, канцлер ФРГ называет электролиз и водородные турбины: *«Prinzen, der das Dornröschen-Industrie aus ihrem Schlummer erweckte»*.

Во фреймах «Последствия пандемии», «Стагнация», «Возрождение к жизни» пробуждение обусловлено неким внешним воздействием, присутствует некая сторонняя сила (в сказке братьев Гримм это принц), которая пробуждает ото сна Спящую красавицу, в то время как фрейм «Покой и идиллия» отличается типологически, здесь подчеркивается состояние покоя и сна, не требующее пробуждения и вмешательства внешней силы.

Анализ собранного корпуса примеров позволяет сделать вывод о том, что сказочная аллюзия на образ Спящей красавицы в немецкоязычных СМИ используется достаточно часто и имеет как положительную, так и отрицательную коннотацию. Например, с одной стороны, сон, как у Спящей красавицы, – мечта любого человека, это крепкий сон, ассоциирующийся со здоровым образом жизни и стабильной нервной системой. Данная аллюзия часто используется в текстах рекламного характера или в разделах о здоровье и отдыхе. С другой стороны, Спящая красавица – это бездействующий или демонстрирующий пассивное отношение к делу человек, такую характеристику часто получают политики, спортсмены или целые отрасли экономики и др.

Отрицательная коннотация образа Спящей красавицы в СМИ характеризует нерезультативность и вялость игры в спортивном дискурсе, стагнацию и упадок в экономике, политическое бездействие, выжидательную позицию, бюрократические проволочки в решении важных вопросов, обывательскую поведенческую пассивность, закрытие предприятия, разрушение зданий, прекращение деятельности в пандемию, сонливость и апатию, усталость и т. д.

Положительная коннотация чаще всего связана с процессом пробуждения ото сна как с помощью внешней силы, так и самостоятельно, и означает активную деятельность, преобразование и восстановление производства, наращивание промышленных оборотов, толчок, импульс к развитию, оптимизацию производственных и административных процессов, возрождение традиции, создание инноваций, появление новых идей, быстрое развитие, реставрационные работы, покой, идиллию, здоровый и крепкий сон, отдых и т. д. Кроме того, сказочный сон становится символом отдыха, покоя и идиллии, ассоциируется с здоровым, крепким сном, а сказочный лес вокруг спящего замка выступает барьером, который защищает от неблагоприятных воздействий.

Таким образом, аллюзии в современном немецкоязычном медиадискурсе, с одной стороны, служат средством создания подтекста, особого смыслового уровня, привлекая внимание читателя и заставляя его раскодировать представленную информацию. С другой стороны, присутствие сказочных аллюзий в публицистическом тексте помогает устанавливать связь

с культурным фоном, отдавать дань уважения значимым культурным феноменам и формировать языковую личность и историческую память народа. Однако в современных немецкоязычных медиатекстах поэтика аллюзии чаще всего снижается до бытового уровня, эмоциональная насыщенность исчезает, авторы зачастую нивелируют образ Спящей красавицы до неодушевленных объектов.

Список литературы

- Алексеева М.С.* Основные критерии классификаций аллюзий в англоязычной художественной литературе // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2017. № 1 (57). С. 27–31.
- Арнольд И.В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 82–91.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1994. 467 с.
- Васкиневич А.И.* Немецкая духовная лирика в аллюзивном пространстве сказок К. Брентано // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. № 3. С. 75–87.
- Вахрушева М.И., Мушинская А.С.* Трансформации интертекстуальных включений в заголовках медиатекстов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. № 5. С. 25–28.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Москва: КомКнига, 2006. 139 с.
- Ковалева К.Л.* Аллюзия как проявление интертекстуальных связей в романе Б. Акунина «Алмазная колесница» // Инновации в науке. 2015. № 11 (48). С. 37–46.
- Кондрашова (Козьмина) В.Н.* Сказочные аллюзии как средство речевого воздействия в англоязычной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, вып. 1. С. 47–50.
- Кривуля Н.Г.* Аллюзия как элемент интертекстуальности в анимационных фильмах // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2022. № 3. С. 137–160.
- Кузнецов А.В., Писанова Т.В.* Аллюзия в прецедентном поле испаноязычных СМИ // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 4 (846). С. 104–116.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семосфера – история. Москва: Языки русской культуры, 1996. 446 с.
- Патракова О.Н.* Генезис сюжета о «Спящей красавице» в европейской фольклорной и литературной традиции // Язык и культура в глобальном мире: сб. ст. Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2023. С. 258–262.
- Садовская Е.С.* Интертекстуальность как способ оценки в литературно-критическом тексте (на мате-

риале немецкий печатных СМИ) // Научное мнение. 2015. № 8-1. С. 130–135.

Фадеева Г.М., Савченко Д.В. Пересекая границы языков и культур: европейские сказки в контексте глобализации // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 3 (819). 2019. С. 228–239.

Хартунг В.Ю. Аллюзия в постмодернистской литературной сказке как способ проявления интертекстуальности (на примере сказки Н. Геймана «История с кладбищем») // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (11). С. 113–118.

Bausinger H. Zu Sinn und Bedeutung der Märchen. Jacob und Wilhelm Grimm zu Ehren. Hitzeroth, 1989, S. 13–33. URL: <http://hdl.handle.net/10900/47768> (access date: 23.11.2024).

Brüder Grimm. Kinder und Hausmärchen (KHM), Bd. 1. Stuttgart, Reclam Verlag, 2018, S. 245–250.

Mieder W. Dornröschen: Das Märchen in Literatur, Kunst, Medien und Karikaturen. Wien, Praesens Verlag, 2024, 373 S.

Zimmermann, H.–P. Zwischen Identität und Image. Die Popularität der Brüder Grimm in Hessen. Zimmermann, Harm-Peer (Hg.): Zwischen Identität und Image. Marburg, Hessische Blätter für Volks- und Kulturforschung, 2009, Bd. 44/45, S. 13–26.

References

Alekseeva M.S. *Osnovnye kriterii klassifikacij alluzij v anglojazychnoj hudozhestvennoj literature* [Basic Principles of the Classification of Allusions in English Literature]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tehnologii upravlenija i jekonomiki* [Scientific Notes of the Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics], 2017, no. 1 (57), pp. 27–31. (In Russ.)

Arnol'd I.V. *Implikacija kak priem postroenija teksta predmet filologicheskogo izuchenija* [Implication as a Technique for Constructing a Text and a Subject of Philological Study]. *Voprosy jazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1982, no. 4. pp. 82–91. (In Russ.)

Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1994, 467 p.

Fadeeva G.M., Savchenko D.V. *Peresekaja granicy jazykov i kul'tur: evropejskie skazki v kontekste globalizacii* [Crossing the Boundaries of Languages and Cultures: European Fairy Tales]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Science], 2019, vol. 3 (819), pp. 228–239. (In Russ.)

Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006, 139 p. (In Russ.)

Hartung V.Ju. *Alluzija v postmodernistskoj literaturnoj skazke kak sposob projavlenija interekstual'*

nosti (na primere skazki N. Gejmana «Istorija s kladbishhem») [Allusion in Postmodern Literary Fairy Tale as a Way of Showing Intertextuality (based on «Graveyard Book» by N. Gaiman)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 2014, no. 3 (11), pp. 113–118. (In Russ.)

Kovaleva K.L. *Alluzija kak projavlenie intertekstual'nyh svjazej v romane B. Akunina «Almaznaja kolesnica»* [Alusion as Intertextual Link Expression in B. Akunin's Novel «Almaznaya Kolesnitsa»]. *Innovacii v nauke* [Innovations in Science], 2015, no. 11 (48), pp. 37–46. (In Russ.)

Kondrashova (Koz'mina) V.N. *Skazochnye alluzii kak sredstvo rechevogo vozdejstvija v anglojazychnoj kommunikacii* [Fairy-tale Allusions as a Means of Verbal Influence in the English-Language Communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2019, vol. 12, no. 1, pp. 47–50. (In Russ.)

Krivulja N.G. *Alluzija kak jelement intertekstual'nosti a animacionnyh fil'mah* [Allusion as an Element of Intertextuality in Animated Films]. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka* [Theatre. Fine Arts. Music], 2022, no. 3, pp. 137–160. (In Russ.)

Kuznecov A.V., Pisanova T.V. *Alluzija v precedentnom pole ispanojazychnyh SMI* [Allusion as a Part of the Precedent Field of the Spanish Media]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye Nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Science], 2021, vol. 4 (846), pp. 104–116. (In Russ.)

Lotman Ju.M. *Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semosfera – istorija* [Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semosphere – History]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, 446 p. (In Russ.)

Patrakova O.N. *Genezis sjuzheta o «Spjashhej krasavice» v evropejskoj fol'klornoj i literaturnoj tradicii* [The Genesis of the Tale Type of «Sleeping Beauty» in the European Folklor and Literary Tradition]. *Jazyk i kul'tura v global'nom mire* [Language and Culture in the Global World]. Sankt-Petersburg, LEMA Publ., 2023, pp. 258–262. (In Russ.)

Sadovskaja E.S. *Intertekstual'nost' kak sposob ocenki v literaturno-kriticheskom tekste (na materiale nemeckij pechatnyh SMI)* [Intertextuality as a Means of Evaluation in Literary-Critical Text (in Case of German Printed Media)]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion], 2015, no. 8-1, pp. 130–135. (In Russ.)

Vaskinevich A.I. *Nemeckaja duhovnaja lirika v alluzivnom prostranstve skazok K. Brentano* [German Spiritual Lyrics in the Allusive Space of K. Brentano's Fairy Tales]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologija, pedagogika, psihologija* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal Uni-

versity. Series Philology, Pedagogy, Psychology], 2021, no. 3, pp. 75–87. (In Russ.)

Vahrusheva M.I., Mushinskaja A.S. *Transformacii intertekstual'nyh vkljuchenij v zagolovkah mediatekstov* [Transformations of Intertextual Inclusions in Media Text Titles]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intelligence. Innovation. Investments], 2013, no. S, pp. 25–28.

Bausinger H. Zu Sinn und Bedeutung der Märchen. Jacob und Wilhelm Grimm zu Ehren. *Hit-zeroth*, 1989, S. 13–33. URL: <http://hdl.handle.net/10900/47768> (access date: 23.11.2024).

Brüder Grimm. *Kinder und Hausmärchen* (KHM), Bd. 1. Stuttgart, Reclam Verlag, 2018, S. 245–250.

Mieder W. *Dornröschen: Das Märchen in Literatur, Kunst, Medien und Karikaturen*. Wien, Praesens Verlag, 2024, 373 S.

Zimmermann H.–P. Zwischen Identität und Image. Die Popularität der Brüder Grimm in Hessen. Zimmermann, Harm-Peer (Hg.): *Zwischen Identität und Image*. Marburg, Hessische Blätter für Volks- und Kulturforschung, 2009, Bd. 44/45, S. 13–26.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 167–173. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 167–173. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная, сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'373.72

EDN ABKDSQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-167-173>

АДАПТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НИГЕРИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Блажевич Юлия Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия, saposapin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1382-6445>

Быканова Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, Белгородский государственный институт искусств и культуры (БГИИК), Белгород, Россия, crazyplano@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8895-3962>

Луханина Анна Николаевна, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, lukhanina@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7086-8943>

Аннотация. В данной статье выявляется специфика адаптации английского языка в новых этносоциокультурных условиях. Цель статьи – определение степени аккомодации лексико-семантических признаков английского языка в условиях англо-нигерийского взаимодействия на примере фразеологизмов. Материалом исследования является англоязычная нигерийская онлайн-платформа “Legit News”, медиaproстранство которой предоставляет читателям и зрителям актуальный информационный и развлекательный контент. Установлено, что новостные блоки в виде письменных публикаций и видеоматериалов, телепередачи, интерактивные видео формируют медиадискурс, специфическими чертами которого является отражение значимых для нигерийского общества социальных аспектов в краткой форме, нативизация английского языка в условиях билингвизма и мультикультурализма. Доказано, что нативизация английского языка проявляется при лексико-семантическом варьировании. На основе сопоставительного анализа фразеологического фонда британского английского языка и американского варианта английского языка с английским языком, функционирующим в англоязычном нигерийском медиадискурсе, были выявлены фразеологизмы, полностью соответствующие норме, частично соответствующие и не соответствующие норме по форме и значению. Метод количественного анализа позволил определить, что к высокопродуктивным относятся фразеологизмы, частично не соответствующие норме, при этом отклонения касаются инверсированного порядка слов в составе фразеологизмов, морфологических трансформаций, использования лексических синонимов. К непродуктивным в англоязычном нигерийском медиадискурсе принадлежат фразеологизмы, полностью соответствующие и не соответствующие норме по форме и значению. Лексико-семантические изменения фразеологизмов нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе продиктованы влиянием местных языков и необходимостью следовать нормам родных лингвокультур.

Ключевые слова: адаптация фразеологизмов, англоязычный нигерийский медиадискурс, нигерийский вариант английского языка, британский английский язык, американский вариант английского языка.

Для цитирования: Блажевич Ю.С., Быканова М.С., Луханина А.Н. Адаптация фразеологизмов в англоязычном нигерийском медиадискурсе // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 167–173. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-167-173>

Research Article

ENGLISH IDIOMS' ADAPTATION IN NIGERIAN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

Yulia S. Blazevich, DSc in Philology, Professor, Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Moscow, Russia, saposapin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1382-6445>

Maria S. Bykanova, PhD in Philology, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia, crazyplano@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8895-3962>

Anna N. Lukhanina, Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Belgorod, Russia, lukhanina@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7086-8943>

Abstract. This article deals with the specific features of English adaptation in new ethnic, social and cultural conditions. The purpose of the article is to identify the degree of lexical and semantic accommodation of English in the context of Anglo-Nigerian interaction on the example of idioms. The research material is Nigerian English online platform “Legit News”, whose media

space provides readers and viewers with relevant information and entertainment content. It is established that news blocks in the form of written publications and video materials, TV shows, interactive videos form a media discourse, the specific features of which are the reflection of significant social aspects of Nigerian society in a short form, English nativisation process in the context of bilingualism and multiculturalism. It has been proved that English nativisation process is manifested by lexico-semantic variation. Based on a comparative analysis of British English and American English and Nigerian English idioms functioning in Nigerian English media discourse it has been proved that Nigerian English idioms can be identified as fully complying the norm, those partially corresponding to the norms and idioms which do not completely correspond to the norm in form and meaning. The method of quantitative analysis allowed determining that highly productive idioms include those partially not complying with the norm, while deviations relate to the inverted word order in idioms formation, morphological transformations, and the use of lexical synonyms. Idioms that are completely appropriate and inconsistent with the norm in form and meaning belong to unproductive ones in Nigerian English media discourse. Lexical and semantic changes in Nigerian English idioms functioning in Nigerian English media discourse are dictated by the influence of local languages and the need to follow the norms of native languages and cultures.

Keywords: idioms adaptation, Nigerian English media discourse, Nigerian English, British English, American English.

For citation: Blazevich Yu.S., Bykanova M.S., Lukhanina A.N. English idioms' adaptation in Nigerian English media discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 167–173 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-167-173>

В современном мировом сообществе вопросы контактного взаимодействия языков и культур не теряют значимости. Английский язык обладает статусом средства глобальной коммуникации, в том числе и в мировых англоязычных СМИ. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения вариантов английского языка в различных типах дискурса для составления комплекса сходных и отличительных признаков английского языка, функционирующих в условиях билингвизма и мультикультурализма. Целью статьи является выявление степени адаптации фразеологизмов английского языка в англоязычных нигерийских СМИ.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области теории языка, контактной лингвистики, дискурсологии, фразеологии. Так, в работах Ж. Багана и его последователей [Baghana et al.: 2] рассматриваются вопросы адаптации европейских языков в африканских странах, а также выявляются особенности африканских лингвокультур. Т.Г. Волошина выявляет особенности изменений нигерийского варианта английского языка на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом [Волошина: 17–19] – и анализирует специфику такого явления, как переключение языкового кода, на примере нигерийского варианта английского языка [Волошина: 47]. Специфика адаптации фразеологизмов британского английского языка и американского варианта английского языка в нигерийском варианте английского языка также была рассмотрена в работах Т.Г. Волошиной [Волошина: 954–956].

Зарубежные лингвисты рассматривают специфику пиджина английского языка, функционирующего на территории Нигерии [Adebayo: 69], проводят сопоставительный анализ пиджина английского языка в Нигерии и Камеруне [Agbo, Plag, Abube: 360],

исследуют особенности функционирования пиджина английского языка в англоязычных нигерийских СМИ [Beryl: 71]. Нигерийские исследователи утверждают, что вопросы изучения пиджина английского языка в англоязычном нигерийском медиапространстве обладают большой перспективой для научных изысканий [Time, Pryce: 22; Hymes: 100; Nash: 425]. В трудах нигерийских лингвистов C.G. Opara, N.C. Anigbogu, C.C. Olekibe выявляются особенности фразеологических единиц в нигерийском варианте английского языка [Opara, Anigbogu, Olekibe: 99].

В нашем исследовании анализу подлежит специфика адаптации британских и американских фразеологизмов в англоязычном нигерийском медиадискурсе на примере цифровой медиа и новостной платформы “Legit news”, управляемой нигерийской компанией Naij.com Media Limited. В 2020 г. она была признана ведущей новостной и развлекательной нигерийской платформой, а в 2024 г. заняла третью позицию по количеству нигерийских пользователей.

Исследуемая онлайн медиа и новостная платформа ориентирована на предоставление информации читателю и зрителю в форме сжатых письменных сообщений, видеопередач и коротких видеороликов. Медиaproстранство “Legit news” формирует медиадискурс и предоставляет информацию познавательного и развлекательного характера читателю и зрителю в письменной и устной формах.

Структура рассматриваемой онлайн-платформы представляет собой серию рубрик, к которым относятся: “Home”, “Hausa”, “Nigeria”, “Politics”, “World”, “Business”, “Entertainment”, “People”, “Education”, “Sports”, “Copywriting Course”. Некоторые рубрики платформы имеют подрубрики. Рубрики “Home” и “Nigeria” не имеют подрубрик и знакомят читателей с актуальными событиями, происходящими внутри государства. Рубрика “World”, включающая подруб-

рики “Africa”, “Europe”, “Us”, предоставляет информацию читателям и зрителям о событиях, происходящих в африканских и европейских странах, а также в Нигерии. Рубрики “Politics” и “Business” не имеют подрубрик, они раскрывают особенности политической и экономической сфер нигерийского общества. Информация о возможностях и проблемах местной образовательной системы публикуется в рубрике “Education”, не имеющей подрубрик. Рубрика “Sports”, подразделяемая на подгруппы “Football” и “Boxing”, предоставляет сведения в форме статей и видеоматериалов о значимых спортивных событиях в Нигерии и в Африке в целом о двух главных видах спорта в Нигерии – футболе и боксе. Рубрика “Entertainment” включает подрубрики “Celebrities”, “Music”, “Movies”, “TV shows”, “Nollywood”, “Fashion”. В этой рубрике содержатся видеоматериалы и публикации о многочисленных видах традиционного и современного нигерийского искусства: живописи, танцах, моде, кино, литературе. Различные аспекты социальной жизни нигерийского общества в формах видеороликов и письменных публикаций представлены в рубрике “People”, подразделяемой на подрубрики “Wedding” и “Family Relationships”.

В ходе исследования были выявлены фразеологизмы, функционирующие на платформе “Legit news”, и определена степень их адаптации к реалиям местных лингвокультур. На основе метода сплошной выборки в письменных текстах и видеороликах “Legit news” было найдено 200 фразеологизмов нигерийского варианта английского языка. Все выявленные фразеологизмы можно разделить на три группы: полностью соответствующие британским и американским фразеологическим единицам, частично соответствующие и не соответствующие им по форме и значению. Рассмотрим подробнее каждую группу фразеологизмов.

Фразеологизмы нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе, полностью соответствующие британским и американским фразеологизмам. На основе метода количественного анализа было установлено, что в письменных текстах и видеоматериалах англоязычной нигерийской онлайн-платформы “Legit news” фразеологизмы, полностью соответствующие британским и американским фразеологизмам по форме и содержанию, не являются высокопродуктивным явлением. Частотность таких случаев достигает 9 % от всех выявленных нами фразеологизмов.

Примеры:

(1) “*It’s no use crying over spilled milk. We’d better move on*” [Alake]. – *Бесполезно расстраиваться из-за того, что нельзя изменить. Мы должны подумать над тем, что делать дальше.*

В примере функционирует фразеологизм американского варианта английского языка *cry over spilled*

milk – *расстроиться из-за чего-то, что нельзя изменить.*

(2) “*I did not hear the direct answer to my question. It is beating around the bush*” [Metibogun]. – *Я не услышал четкого ответа на свой вопрос. Вы ходите вокруг да около.*

Этот пример из видеоролика содержит в своем составе фразеологизм американского варианта английского языка *to beat around the bush* – *избегать ответа.*

Фразеологизмы нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе, частично соответствующие британским и американским фразеологизмам. В процессе сопоставительного анализа британских и американских фразеологизмов с фразеологизмами нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе онлайн-платформы “Legit news” было установлено, что подавляющее большинство примеров принадлежат к этой группе. Продуктивность таких фразеологизмов достигает 85 % от всех выявленных нами примеров. Трансформации касаются изменения формы фразеологизмов: отклонение от нормы при соблюдении строгой позиции слов в структуре устойчивого словосочетания или предложения; морфологическая адаптация; лексическая замена слов на аналоги.

Примеры:

(3) “*No, it’s impossible to eat one’s cake and have it*” [Nwahiri: URL]. – *Невозможно усидеть на двух стульях.*

Этот фразеологизм был выявлен в статье «Feminist Recalls How Unexpected Question Ruined Her Date With an Attractive Man, People React». В приведенном примере функционирует фразеологизм *to eat one’s cake and have it* – *пытаться усидеть на двух стульях сразу*, который образован от британского фразеологизма *to have one’s cake and eat it*. Происходит частичная трансформация фразеологизма при помощи изменения позиции структурных компонентов, при этом смысл анализируемого фразеологизма не меняется. Причиной изменения структуры фразеологизма в нигерийском варианте английского языка является влияние местных языков, которые, будучи языками синтетическими, не имеют фиксированного порядка слов в предложении, в отличие от британского английского языка, для которого в предложении типичен определенный порядок слов.

(4) “*It was so unpredictable. I could say from frying pan to fire*” [Usulor: URL]. – *Это было совершенно непредсказуемо! Я бы сказал так: со сковороды, да в огонь.*

Приведенный пример содержит в своем составе фразеологизм нигерийского варианта английского языка *from frying pan to fire* – *со сковороды,*

да в огонь. Этот фразеологизм происходит от британского фразеологизма *out of frying pan into fire*. Отклонение от нормы характерно на морфологическом уровне: наблюдается неверное использование предлогов, что связано с влиянием местных языков.

(5) “No escape is possible. He **has long leg**” [Yusuf]. – Невозможно скрыться от него. Он тебя найдет везде.

Этот пример был найден в статье «Supreme Court gives verdict on Labour Party national chairmanship tussle». Пример содержит в своем составе фразеологизм нигерийского варианта английского языка *to have long leg* – буквально «иметь длинные ноги», то есть *настичь повсюду*. Фразеологизм происходит от американского фразеологизма *to have a long arm* – буквально «иметь длинные руки» – с идентичным значением. Лексическая замена в составе рассматриваемого фразеологизма *arm* – *рука* на *leg* – *нога* обусловлена спецификой местных лингвокультур. В африканских культурах лексема, репрезентирующая такую часть тела, как ноги, часто входит в состав фразеологизмов, имеющих положительную коннотацию, например: *use your legs* – не стой на месте, беги; *good legs are long legs* – хорошо иметь длинные ноги (то есть можно убежать от проблем); *no legs here* – невозможно убежать [Opara, Anigbogu, Olekibe: 105–106].

(6) “Corruption is a great problem! To have much profit always politicians try **to butter officials’ bread**” [Dada]. – Наша величайшая проблема – коррупция. Политики часто должны умастить чиновников, чтобы получить собственную выгоду.

Рассматриваемый пример был найден в видеоролике, прилагаемом к статье. В приведенном примере функционирует фразеологизм нигерийского варианта английского языка *to butter ones’ bread* – *умастить кого-то, договориться с кем-то*, который произошел от британского фразеологизма *to butter someone up*. Частичное несоответствие наблюдается в добавлении лексемы *bread* – *хлеб* в фразеологизм нигерийского варианта английского языка. Расхождение в строе языков (английский язык – аналитический, нигерийские языки – синтетические) обусловило необходимость добавления лексических фрагментов в состав англоязычных нигерийских фразеологизмов.

(7) “You shouldn’t go too far! It’s just **stone throw**” [Adeola]. – Нет необходимости идти далеко. Здесь все находится рядом.

Приведенный пример из видеоролика содержит в своем составе фразеологизм нигерийского варианта английского языка *stone throw* – *очень близко* (буквально «бросить камень»), который произошел от британского фразеологизма *a stone’s throw*. Адаптация фразеологизма в нигерийском варианте английского языка происходит на морфологическом уровне и проявляется в виде опущения артикля и от-

сутствия маркера притяжательного падежа, поэтому можно говорить о частичной трансформации фразеологизма. Необходимо отметить, что в грамматическом строе местных языков такая служебная часть речи, как артикль, отсутствует, поэтому в составе рассматриваемого фразеологизма неопределенный артикль опускается. В значительной степени отличается падежная система местных языков и британского английского языка, что приводит к опущению маркера притяжательного падежа.

Фразеологизмы нигерийского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе, не соответствующие британским и американским фразеологизмам. Продуктивность примеров рассматриваемого типа в англоязычном нигерийском медиадискурсе онлайн-платформы “Legit news” достигает 6 % от выявленных нами фразеологизмов.

Примеры:

(8) “Well, **little education is dangerous**. One should read much and study a lot and hard to have knowledge” [Duru]. – Недостаток образования – огромная проблема для жизни. Необходимо много читать и учиться усердно, чтобы приобрести знания.

Приведенный пример был найден в видеоролике, прилагаемом к статье “Nurse Shares Her Patient’s Final Words Before Passing Away in Hospital, Breaks Down in Tears”. В рассматриваемом примере функционирует фразеологизм нигерийского варианта английского языка *little education is dangerous* – *недостаток образования – огромная проблема для жизни*. Этот фразеологизм произошел от британского фразеологизма *a little learning is a dangerous thing* – *ограниченные знания могут ввести человека и его окружение в заблуждение*. Необходимо отметить, что в нигерийском варианте английского языка происходит изменение значения фразеологизма, что обусловлено спецификой местных социокультурных реалий. Для нигерийцев получение образования – важный шаг к достижению успеха. Базовое начальное школьное образование доступно для всех социальных групп и осуществляется на основе как местных языков, так и английского языка в некоторых, чаще всего негосударственных школах. Процесс школьного образования на уровне среднего звена осуществляется исключительно на базе английского языка, так же как и заключительный этап школьного образования. Многие нигерийские дети не получают полного школьного образования и вынуждены уходить из школ в поисках работы. Высшее образование в Нигерии базируется на применении английского языка. Знание английского языка является пропуском к успешной жизни во всех социально значимых сферах нигерийского общества. Именно социокультурные реалии нигерийского общества определили изме-

нение значения рассматриваемой фразеологической единицы.

(9) *“It takes two to tangle, as they say! Never share your secrets to anybody”* [Dada]. – *Как говорят, чтоб новости узнали все, нужно двое! Никогда не делись ни с кем своими тайнами.*

В приведенном примере из видеоролика содержится фразеологизм нигерийского варианта английского языка *it takes two to tangle* – *чтоб узнать новости, нужно двое*, который происходит от американского фразеологизма *it take two to tango* – буквально «для того чтобы танцевать танго, нужно два партнера», то есть *для ведения диалога нужно два партнера*. Изменение значения фразеологизма нигерийского варианта английского языка происходит за счет влияния местных лингвокультур – в нигерийском обществе принято скрывать проблемы от посторонних.

Таким образом, английский язык в современном мировом сообществе приобрел статус средства глобальной коммуникации и функционирует в виде серии языковых вариантов, одним из которых является нигерийский вариант английского языка. Современные англоязычные СМИ Нигерии формируют медиaprостранство для передачи сведений информационного и развлекательного характера читателям и зрителям в форме новостных блоков, видеоматериалов, телепередач, аудиосообщений, формируя медиадискурс. Англоязычная нигерийская онлайн-медиаплатформа “Legit news” представляет собой один из наиболее популярных электронных ресурсов. Информация на ней представлена в виде серии рубрик, некоторые из которых подразделяются на подрубрики. Анализ языковой адаптации британского английского языка и американского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе помог установить степень трансформации исконно английских фразеологизмов по форме и содержанию в новых социокультурных условиях. Установлено, что английские фразеологизмы, функционируя в англоязычном медиадискурсе, подразделяются на три группы: полностью соответствующие британским и американским фразеологическим единицам, частично соответствующие и не соответствующие по форме и значению британским и американским фразеологическим единицам. К высокопродуктивным в англоязычном нигерийском медиадискурсе относятся фразеологизмы, частично соответствующие британским и американским фразеологическим единицам, при этом отклонения от нормы касаются инверсированного порядка слов в устойчивом словосочетании или предложении, морфологических изменений, замен на лексические аналоги. К малопродуктивным в англоязычном нигерийском медиадискурсе относятся фразеологизмы, полностью

соответствующие британским и американским фразеологизмам и полностью не соответствующие по форме и содержанию фразеологизмы. Лексико-семантическое варьирование фразеологизмов обусловлено интерференцией и необходимостью соблюдать нормы родных языков и культур.

Список литературы

Волошина Т.Г., Глебова Я.А. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 4. С. 707–715.

Волошина Т.Г. Переключение языкового кода как лингвокультурный феномен (на примере территориального варианта английского языка Индии) // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2022. Т. 459, № 1. С. 45–153.

Волошина Т. Г. Нигерийский вариант английского языка: лингвокультурологическая адаптация // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 15–24.

Alake O. ‘Odogwu Paranran’ Uzor Arukwe Sends Message to Supporters Amid Criticisms, Praises, 2025. URL: <https://www.legit.ng/entertainment/movies/1645084-odogwu-paranran-uzor-arukwe-sends-message-supporters-criticisms-praises/> (access date: 05.04.2025).

Abube L.N. A Contrastive Analysis of Cameroon Pidgin English and Standard British English. AIDE Interdisciplinary Research Journal, 2022, no. 3, pp. 20–26.

Adeola R. Lagos Govt Reacts as VeryDarkMan Catches Man Pooing on Lagos Road, Video Trends, 2025. URL: <https://www.legit.ng/nigeria/1648646-lagos-govt-reacts-verydarkman-catches-man-pooing-lagos-road-video-trends/> (access date: 05.04.2025).

Adebayo M.O. Exploring the Meaning of Pidgin English on Social Media: A Sociolinguistic Analysis of Nigerian Pidgin Hashtags as Adapted Speech. ATRAS, 2023, no. 1, pp. 68–87.

Agbo O.F., Plag I. The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ice-Nigeria. Journal of language contact, 2020, no. 13, pp. 351–388.

Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization. Espacios, 2018, vol. 38, no 39, pp. 1–7.

Beryl E. Nigerian Pidgin English: A Cultural Universal for National Communication and Policy Enactment. Journal of Philosophy, Culture and Religion, 2020, no. 5, pp. 69–74.

Dada A. Drama as Shehu Sani Gets “Appointment”, Rejects It, Gives Reason, 2025. URL: <https://www.legit.>

ng/nigeria/1648376-drama-shehu-sani-appointment-rejects-reason/ (access date: 05.04.2025).

Dada A. Timothy Omotoso: South African Court Acquits Nigerian Televangelist, 2 Others of Sexual Assault, 2025. URL: <https://www.legit.ng/world/africa/1648185-timothy-omotoso-south-african-court-acquits-nigerian-televangelist-2-others/> (access date: 05.04.2025).

Duru V. Nurse Shares Her Patient's Final Words Before Passing Away in Hospital, Breaks Down in Tears, 2025. URL: <https://www.legit.ng/people/1647891-nurse-shares-patients-final-words-passing-hospital-breaks-tears/> (access date: 05.04.2025).

Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts. *International Journal of the Sociology of Language*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 99–109.

Metibogun S. Video of Burna Boy And Davido Associate Peruzzi's Meeting in Club Sparks Reactions: "Life no Hard", 2025. URL: <https://www.legit.ng/entertainment/music/1648493-video-burna-boy-davidos-associate-peruzzi-meeting-club-sparks-reactions-life-hard/> (access date: 05.04.2025).

Nash J. The Atlas of Pidgin and Creole Language Structures. The Survey of Pidgin and Creole Languages. *Australian Journal of Linguistics*, 2014, vol. 34, no. 3, pp. 426–429.

Nwahiri V. Feminist Recalls How Unexpected Question Ruined Her Date With an Attractive Man, People React, 2025. URL: <https://www.legit.ng/people/family-relationship/1648508-feminist-recalls-how-unexpected-question-ruined-date-attractive-man-people-react/>; <https://www.legit.ng/people/family-relationship/1648508-feminist-recalls-how-unexpected-question-ruined-date-attractive-man-people-react/> (access date: 05.04.2025).

Opara C.G., Anigbogu N.C., Olekibe C.C. Domestication of the English idiomatic phrases in Nigeria. *British Journal of English Linguistics*, 2019, vol. 7, no. 6, pp. 98–110.

Time V.M., Pryc D.K. A Sociological Perspective on Pidgin's Viability and Usefulness for Development in West Africa. *Revista Virtual de Estudos da Linguagem*, 2007, vol. 9, no. 5, pp. 1–30.

Usulor I. Dead Pregnant Woman: Lagos Hospital Breaks Silence, Denies Demanding N500,000 from Husband, 2025. URL: <https://www.legit.ng/people/1648468-dead-pregnant-woman-lagos-hospital-breaks-silence-denies-demanding-n500000-husband/> (access date: 02.04.2025).

Voloshina T.G., Chekulai I.V., Chebotareva I.M., Fisuniva N.V., Kostina D.M. To the problem of Nigerian English idioms peculiarities. *Journal of Research in Applied Linguistics*, 2019, no. 1, pp. 953–959.

Yakpo K. Theindigenization of Ghanaian Pidgin English. *World Englishes*, 2024, no. 4, pp. 182–202.

Yusuf B. Supreme Court gives verdict on Labour Party national chairmanship tussle, 2025. URL: <https://www.legit.ng/politics/1648497-breaking-supreme-court-verdict-labour-party-national-chairmanship-tussle/> (access date: 02.04.2025).

References

Voloshina T.G., Glebova Ya.A. *Gastronomicheskij kod kak otrazhenie lingvokul'turnoj kartiny mira (na primere afrikanskoj lingvokul'tury)* [The gastronomic code as a reflection of the linguistic and cultural picture of the world (using the example of African linguistic culture)]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija* [Issues of journalism, pedagogy, linguistics], 2022, vol. 41, no. 4, pp. 707–715. (In Russ.)

Voloshina T. G. *Pereklyuchenie yazykovogo koda kak lingvokul'turnyj fenomen (na primere territorial'nogo varianta anglijskogo yazyka Indii)* [Switching the language code as a linguistic and cultural phenomenon (using the example of the territorial version of the English language of India)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences], 2022, vol. 459, no. 1, pp. 45–153. (In Russ.)

Voloshina T. G. *Nigerijskij variant anglijskogo yazyka: lingvokul'turologicheskaya adaptaciya* [The Nigerian version of the English language: linguistic and cultural adaptation]. *Voprosy sovremennoj lingvistiki* [Questions of modern linguistics], 2024, no. 1, pp. 15–24. (In Russ.)

Alake O. 'Odogwu Paranran' Uzor Arukwe Sends Message to Supporters Amid Criticisms, Praises, 2025. URL: <https://www.legit.ng/entertainment/movies/1645084-odogwu-paranran-uzor-arukwe-sends-message-supporters-criticisms-praises/> (access date: 05.04.2025).

Abube L.N. A Contrastive Analysis of Cameroonian Pidgin English and Standard British English. *AIDE Interdisciplinary Research Journal*, 2022, no. 3, pp. 20–26.

Adeola R. Lagos Govt Reacts as VeryDarkMan Catches Man Pooing on Lagos Road, Video Trends, 2025. URL: <https://www.legit.ng/nigeria/1648646-lagos-govt-reacts-verydarkman-catches-man-pooing-lagos-road-video-trends/> (access date: 05.04.2025).

Adebayo M.O. Exploring the Meaning of Pidgin English on Social Media: A Sociolinguistic Analysis of Nigerian Pidgin Hashtags as Adapted Speech. *ATRAS*, 2023, no. 1, pp. 68–87.

Agbo O.F., Plag I. The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ice-Nigeria. *Journal of language contact*, 2020, no. 13, pp. 351–388.

Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization. *Espacios*, 2018, vol. 38, no 39, pp. 1–7.

Beryl E. Nigerian Pidgin English: A Cultural Universal for National Communication and Policy Enactment. *Journal of Philosophy, Culture and Religion*, 2020, no. 5, pp. 69–74.

Dada A. Drama as Shehu Sani Gets “Appointment”, Rejects It, Gives Reason, 2025. URL: <https://www.legit.ng/nigeria/1648376-drama-shehu-sani-appointment-rejects-reason/> (access date: 05.04.2025).

Dada A. Timothy Omotoso: South African Court Acquits Nigerian Televangelist, 2 Others of Sexual Assault, 2025. URL: <https://www.legit.ng/world/africa/1648185-timothy-omotoso-south-african-court-acquits-nigerian-televangelist-2-others/> (access date: 05.04.2025).

Duru V. Nurse Shares Her Patient’s Final Words Before Passing Away in Hospital, Breaks Down in Tears, 2025. URL: <https://www.legit.ng/people/1647891-nurse-shares-patient-final-words-passing-hospital-breaks-tears/> (access date: 05.04.2025).

Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts. *International Journal of the Sociology of Language*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 99–109.

Metibogun S. Video of Burna Boy And Davido Associate Peruzzi's Meeting in Club Sparks Reactions: “Life no Hard”, 2025. URL: <https://www.legit.ng/entertainment/music/1648493-video-burna-boy-davidos-associate-peruzzi-meeting-club-sparks-reactions-life-hard/> (access date: 05.04.2025).

Nash J. The Atlas of Pidgin and Creole Language Structures. *The Survey of Pidgin and Creole Languages*. *Australian Journal of Linguistics*, 2014, vol. 34, no. 3, pp. 426–429.

Nwahiriri V. Feminist Recalls How Unexpected Question Ruined Her Date With an Attractive Man, People React, 2025. URL: [https://www.legit.ng/people/family-relationship/1648508-feminist-recalls-](https://www.legit.ng/people/family-relationship/1648508-feminist-recalls-how-unexpected-question-ruined-date-attractive-man-people-react/)

[how-unexpected-question-ruined-date-attractive-man-people-react/](https://www.legit.ng/people/family-relationship/1648508-feminist-recalls-how-unexpected-question-ruined-date-attractive-man-people-react/); <https://www.legit.ng/people/family-relationship/1648508-feminist-recalls-how-unexpected-question-ruined-date-attractive-man-people-react/> (access date: 05.04.2025).

Opara C.G., Anigbogu N.C., Olekibe C.C. Domestication of the English idiomatic phrases in Nigeria. *British Journal of English Linguistics*, 2019, vol. 7, no. 6, pp. 98–110.

Time V.M., Pryc D.K. A Sociological Perspective on Pidgin’s Viability and Usefulness for Development in West Africa. *Revista Virtual de Estudos da Linguagem*, 2007, vol. 9, no. 5, pp. 1–30.

Usulor I. Dead Pregnant Woman: Lagos Hospital Breaks Silence, Denies Demanding N500,000 from Husband, 2025. URL: <https://www.legit.ng/people/1648468-dead-pregnant-woman-lagos-hospital-breaks-silence-denies-demanding-n500000-husband/> (access date: 02.04.2025).

Voloshina T.G., Chekulai I.V., Chebotareva I.M., Fisuniva N.V., Kostina D.M. To the problem of Nigerian English idioms peculiarities. *Journal of Research in Applied Linguistics*, 2019, no. 1, pp. 953–959.

Yakpo K. Theindigenization of Ghanaian Pidgin English. *World Englishes*, 2024, no. 4, pp. 182–202.

Yusuf B. Supreme Court gives verdict on Labour Party national chairmanship tussle, 2025. URL: <https://www.legit.ng/politics/1648497-breaking-supreme-court-verdict-labour-party-national-chairmanship-tussle/> (access date: 02.04.2025).

Статья поступила в редакцию 12.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 21.04.2025.

The article was submitted 12.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 21.04.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 174–185. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 174–185. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 821.161.1'38

EDN ХКСЕТW

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-174-185>

«СТИЛЬ – ЭТО САМ ЧЕЛОВЕК»: УЧЕНИЕ О ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ (обозрение серии научно-учебных изданий «Стилистическое наследие» 2010–2025 гг.)

Никитин Олег Викторович, доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы стилистики русского языка как учения о литературной речи в прошлом и настоящем. Впервые дается аналитический обзор учебных пособий и монографий на эту тему, вобравших более чем вековой опыт научно-практической работы над словом в разных его ипостасях: слово как метафора, слово как норма, ораторская и деловая речь, слово прозаическое и поэтическое, фольклорное и др. Рассматриваются ключевые проблемы стилистики. Показывается, как происходило формирование взглядов ученых, какие научные школы рождались и продолжают функционировать в XX–XXI вв. Выявляются и обосновываются основные маркеры стилистики. В порядке научной дискуссии обсуждаются проблемы современных исследований в этой области в России. Делается акцент на необходимости популяризации стилистического наследия ученых-филологов. Подчеркивается ценность их теоретических разработок для описания и систематизации актуальных идей и стилистических экспериментов XXI в. Отмечается практическая значимость данного направления прежде всего в просветительстве, в улучшении качества владения русским языком не только в утилитарно-бытовом отношении, но и в художественно-эстетическом, историко-культурном. Обращается внимание на то, что серия «Стилистическое наследие» публикует выдающиеся лингвистические труды, как классические (А.А. Потебня, А.А. Шахматов, В.И. Чернышев, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, Б.В. Томашевский, Г.О. Винокур и др.), так и работы современных авторов, изучающих новые аспекты коммуникации (Н.И. Формановская, Н.В. Зарва, И.В. Арнольд, Д.Н. Шмелев, В.В. Одинцов, Е.А. Земская и др.).

Ключевые слова: лингвистическая классика, научная школа, история филологии, стилистика, риторика, культура речи, семантика, поэтика, текст, литературная речь.

Для цитирования: Никитин О.В. «Стиль – это сам человек»: учение о литературной речи в прошлом и настоящем (обозрение серии научно-учебных изданий «Стилистическое наследие» 2010–2025 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 174–185. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-174-185>

Research Article

“STYLE IS THE PERSON HIMSELF”: THE DOCTRINE OF LITERARY SPEECH IN THE PAST AND PRESENT (discussion of the series of scientific and educational publications “Stylistic Heritage” of 2010–2025)

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Federal State University of Education, Moscow, Russia, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract. The article discusses the problems of the stylistics of the Russian language as a doctrine of literary speech in the past and present. An analytical review of textbooks and monographs on this topic is given for the first time. The author mentions that they have accumulated more than a century of scientific and practical experience in working on the word in its various guises: a word as a metaphor, a word as a norm, oratorical and business speech, a prose and poetic word, folklore, etc. The key problems of stylistics are considered. It shows how the views of scientists were formed, which scientific schools were born and continue to function in XX–XXI centuries. The main stylistic markers are identified and justified. The problems of modern research in this field in Russia are discussed by way of scientific reflections. The emphasis is placed on the need to popularize the stylistic heritage of scientists-philologists. The value of their theoretical developments for describing and systematizing relevant ideas and stylistic experiments of the 21st century is emphasized. The practical significance of this direction is noted, first of all, in education, in improving the quality of Russian language proficiency not only in a utilitarian and everyday sense, but also in an artistic, aesthetic, historical and cultural one. Attention is drawn to the fact that “The Stylistic Heritage” series publishes outstanding linguistic works, both classical (A.A. Potebnya, A.A. Shakhmatov,

V.I. Chernyshev, A.M. Peshkovsky, L.V. Shcherba, B.V. Tomashevsky, G.O. Vinokur, etc.) and works by modern authors studying new aspects of communications (N.I. Formanovskaya, N.V. Zarva, I.V. Arnold, D.N. Shmelev, V.V. Odintsov, E.A. Zemskaya and others).

Keywords: linguistic classics, scientific school, history of philology, stylistics, rhetoric, culture of speech, semantics, poetics, text, literary speech.

For citation: Nikitin O.V. “Style is the person himself”: the doctrine of literary speech in the past and present (discussion of the series of scientific and educational publications “Stylistic Heritage” of 2010-2025). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 174–185 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-174-185>

Стилистика в современном понимании – молодая наука, которая начинала формироваться в середине XIX в., в трудах Ф.И. Буслаева. Он обозначил ее прикладное использование в практике преподавания русского языка в гимназиях [Буслаев: 269 и далее]. А позже – в работах по изучению языка художественной литературы, фольклора, народной речи. Заметна роль в этом процессе А.А. Потебни, чей талант распространялся и на «теорию словесности» – так называли в то время отрасль филологии, которая занималась искусством слова, фигурами речи, жанрами и текстами [Потебня 2022]. Из нее выросли и получили признание семиотика, лингвокультурология, текстология, поэтика и другие науки XX в., своими корнями уходящие в лингвофилософские и литературоведческие прозрения А.А. Потебни.

Активная словарная практика второй половины XIX в. способствовала повышению интереса к кодификации и анализу литературной речи, а проникновение в язык социолектов показало неоднородность его культурного пространства. В нем уживаются разные компоненты: от официально-деловых формул до поэтических окказионализмов.

Но становление стилистики как особой отрасли языкознания началось в 1920–1940-х гг. Особенно выделяется вклад В.В. Виноградова в разработку новаторских идей анализа литературного текста. Он проникал в его ткань и как тонкий языковед, и как психолог, и как культуролог, и как знаток художественно-эстетических традиций. Его работы об А.С. Пушкине [Виноградов 1935; Виноградов 1941] сформировали ту научную базу стилистики, которая явилась основанием для дальнейших фундаментальных исследований в этой области.

Очень важно в пестром рынке гуманитарных изданий разобраться, какая книга заслуживает внимания, а от чего нужно держаться подальше. К сожалению, издательская практика последних десятилетий свидетельствует о том, что современные авторы стали пренебрегать элементарными требованиями подготовки научных или учебных изданий. Порой мы встречаем работы низкого качества, основанные на компилятивности или вторичности «переформатированного» знания. Зачастую используется модная терминология, которой прикрывается псевдоглубина заявленной проблемы. Иногда тексты диссертаций

без должной обработки выпускаются как теоретические исследования. Но главный бич исследователей нашего времени заключается в пренебрежении классикой, которую понимают как нечто устаревшее, не соответствующее «трендам» XXI в. Мы придерживаемся иной точки зрения: опора на *традицию* – это всегда четкая схема построения концепции, понимание проблемы в эволюционном ключе, стабильная терминология и *системность* подхода к анализу языковых явлений. К тому же труды великих ученых прошлого – неисчерпаемый источник перспективных идей, залежи которых до сих пор ждут своих первооткрывателей – нужно только *научиться читать* классиков и понимать их провидческие мысли, устремленные в далекое будущее.

Серия «Стилистическое наследие», которая выходит в издательстве «Флинта» (Москва), как раз возвращает нас к *культурной* традиции в науке о языке, объединяет историю с современностью, показывает новые направления стилистики и дает корректную оценку ретроспективным представлениям ученых. Главное – она знакомит с яркими, неподражаемыми личностями филологов-просветителей.

В 2025 г. отмечается 15 лет со времени организации этой серии и выхода в свет первой книги. Ею стало классическое исследование академика А.А. Шахматова «**Синтаксис русского языка**», на десятилетия вперед определившее развитие этой области лингвистики [Шахматов 2010]. Ученый, видный представитель Фортунатовской школы, показал, что XX век будет эпохой синхронии, в которой значительное место в разработках отечественных и зарубежных языковедов займет синтаксис. Это тем более необычно, ведь многие труды А.А. Шахматова посвящены сравнительно-историческому изучению русского и других индоевропейских языков. В объемной работе ученый сделал подробный разбор видов предложений и природы главных членов предложения, сформулировал учение о словосочетании, использовал обширную литературу, источники живой речи и оригинально интерпретировал некоторые теоретические положения своего учителя. До сих пор эта книга, затертая структуралистами, не утратила своего значения и является одним из основных пособий для регулярных вузовских курсов филологических факультетов университетов. Во многом опи-

раясь на достижения А.А. Шахматова, его ученик и последователь в научных взглядах В.В. Виноградов создавал свое «грамматическое учение» – «Русский язык». Собственно, этот труд он начал с изложения и критики разногласий в современной грамматике и сразу упомянул учителя: «Акад. А.А. Шахматов, приступив к работе над синтаксисом русского языка, прежде всего подверг лингвистическому анализу само понятие предложения» [Виноградов 2001: 13]. И далее на многих страницах книги В.В. Виноградов постоянно обращается к идеям талантливого предшественника, всякий раз подчеркивая его новаторство и глубину языковедческих решений.

На первый взгляд может показаться странным, что переизданием именно этой книги открылась серия «Стилистическое наследие». «Синтаксис» А.А. Шахматова сейчас мы воспринимаем больше, чем только *грамматический* взгляд на язык. Выход этого исследования совпал с переосмыслением научных ценностей и в какой-то мере стал ответом на противоречия и вызовы того времени. Наступала эпоха филологических экспериментов. И при всем традиционализме А.А. Шахматова он проникался новыми идеями, стремился усовершенствовать подходы к грамматической теории, сделать ее более современной. Об общей тенденции в грамматических работах тех лет хорошо написал Ю.Д. Апресян к восьмому изданию книги А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении»: «Во-первых, это столкновение школьной и научной грамматики и попытка поднять уровень теоретичности школьной грамматики за счет более строгих определений основных грамматических понятий. Во-вторых, это конфликт между историческим описанием языка – господствующим типом научного описания в ту эпоху – и потребностями сугубо практического преподавания современного языка с целью повышения уровня грамотности говорящих и пишущих на нем людей. В-третьих, это конфликт между психологизмом предшествующей эпохи (А.А. Потебня) и формализмом фортунатовской школы русской лингвистики. В-четвертых, это конфликт между требованием марксистской идеологизации всех областей научного знания, во всяком случае на уровне обязательных к исполнению фразеологических штампов, и эмпирическими данными конкретной науки. В-пятых, это конфликт между усиливавшимся давлением марризма и здравым смыслом» [Апресян 2001: III]. Так что «Синтаксис русского языка» А.А. Шахматова, равно как и труд А.М. Пешковского, являются предтечами новых идей и направлений в лингвистике, в центре которых стали понятие системности, функциональности языка, анализа фактов литературной речи, разговорного и профессионального языка, их социальных разновидностей, интер-

текстуальности. Всё это стало предметом изучения *стилистики XX–XXI вв.*

Собственно проблематику серии и можно разделить на две части: историческую классику и работы, написанные учеными второй половины XX – начала XXI в. В таком расположении имен и тем есть определенная логика: стилистическое наследие складывается из *традиции*, из того культурного фонда идей, которые формировались десятилетиями в трудах крупнейших отечественных филологов и далее распространялись, развивались в новых условиях. Но этот мостик от прошлого к настоящему не утерян. Он питает современный взгляд на науку, придает ему осмысленные очертания, подчеркивает жизненность лингвистических фантазий наших классиков.

К первой группе изданных книг относятся также труды А.А. Потебни, В.И. Чернышева, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Б.В. Томашевского, Г.О. Винокура, А.Н. Гвоздева. Они – представители разных школ и даже эпох. Всех названных ученых отличают высочайшая эрудиция, тонкие наблюдения над языком, интерес к психологической стороне речи, великолепное знание русской литературы и ее эстетических традиций.

Самый старший, А.А. Потебня, глава Харьковской лингвистической школы. Он определил развитие лингвистики на годы вперед: от фундаментальных разработок по истории и теории грамматических учений до анализа словесного знака – текста – художественного стиля. Он был одним из самых оригинальных мыслителей своего времени, человеком энциклопедических познаний в гуманитарных областях. А.А. Потебня занимался теорией поэзии и прозы, баснями и пословицами, «грамматикой текста» (в его понимании это троп и фигура, поэтическое и мифическое мышление и др.). Каждое из указанных явлений по сути – новое направление научных исследований. В представленной книге **«Из записок по теории словесности. Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложения»** [Потебня 2022] автор не только анализирует виды тропов, но и оценивает субъективные средства выразительности, отдельно говорит о басне и пословице и в целом дает системное представление о мире художественных деталей текста. А.А. Потебня стоял у истоков таких современных наук, как лингвостилистика и лингвокультурология, семиотика и семасиология.

Показательно, что его мысли и сейчас звучат весьма актуально, потому что он был филологом в том классическом понимании этого слова, какое было распространено в XIX в. Например, рассуждая о таких явлениях, как поэзия и проза, А.А. Потебня определял не только их родовые признаки и видовые отличия, но и отмечал значение поэтического про-

изведения для самого создателя (автора), рассуждал на смежные проблемы: поэт и публика; критика; толпа; стыдливость творчества. В его методе филологического анализа заметен психологический контекст рассмотрения практически любого вопроса: говорил ли он о «поэтичности содержания», «идеальности в поэзии и науке» или разбирал «виды поэтической иносказательности», «чистую и дидактическую поэзию», картину И.Н. Крамского «Христос» [Потебня 2022]. Эти «сюжеты» его вдохновенного творчества отдаленно напоминают нам то, чем активно занимаются семиотики начала XXI в. – перед нами все та же «тонкая пленка цивилизации» (ср.: [Степанов 2007]). Как в мире мы можем наблюдать хаос, так и в духовной природе творчества много противоречивого, и гармония соседствует с «взрывами». Это отлично показал Ю.С. Степанов в книге «Протей: очерки хаотической эволюции», когда рассуждал о возможностях «иной семиотической системы», об этической роли семиотики [Степанов 2004]. Между прочим, у него мы находим интересное, в некотором роде даже потебнианское определение концепта «стиль»: «*Стили – ряды параллельной изменчивости в ментальной организации общества*» (курсив автора. – О.Н.) [Степанов 2004: 93]. Он же отталкивается от известной фразы французского естествоиспытателя и филолога Ж.-Л. Леклерка Бюффона, который в своей речи при приеме в Академию (1753) произнес: «Стиль же не может ни отчуждаться, ни передаваться. Стиль – это сам человек (*“Le style est l’homme même”*)» [Степанов 2004: 96].

У А.А. Потебни своя «концептуализация» этого понятия: это и знаки речи, и языковое поведение, и словесные ритуалы, которые неотделимы от взаимодействия разных наук (ср.: [Степанов 2004: 97–99]). Отсюда так свежо читаются его страницы, посвященные условиям «процветания и падения поэзии», проблеме цивилизации и народной поэзии, изучению пессимизма и ретроспективности мысли [Потебня 2022]. В пестрой теории стилистики он увидел те маркеры литературной речи, которые позволили ученому не просто различать по смыслу тропы и фигуры и классифицировать их, но и изучать, например, «виды метафоры со стороны качества образа и отношения к значению», рассуждать о «характере мифического мышления», говорить об участии языка в образовании мифов и мн. др. (ср. подробнее: [Потебня 2022]).

Все эти проблемы «предстилистики» получили эволюционный взрыв в XX–XXI вв. и будут обсуждаться всегда, настолько необычно, по-философски оригинально и лингвистически нетрафаретно мыслит А.А. Потебня.

Работы В.И. Чернышева – одушевленная энциклопедия русской филологии – не издавались десятиле-

тиями и уже стали библиографической редкостью. Особенно стоит упомянуть его книгу **«Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики»** [Чернышев 2023: 13–308]. Она до сих пор служит верным ориентиром в области грамматической стилистики русского языка, раскрывает и объясняет актуальные проблемы практической фонетики, углубляет наши знания по основам литературной речи, показывает специфику разговорного языка, дает точные рекомендации, как следует употреблять те или иные слова и выражения. В ней впервые разбираются проблемы теоретической и практической стилистики в духе филологической традиции начала XX в., когда в русской речи происходили ощутимые изменения, и соотношение таких явлений, как славянизмы, заимствования и сложные слова, стало меняться. А вместе с ними появились и новые формы словесного поведения. Именно тогда начали говорить о жаргонах и в целом некодифицированной речи и думать о *нормализации*. В.И. Чернышев подробно анализирует фонетические процессы, синтаксис, подчеркивает необходимость «ясности выражения» [Чернышев 2023: 299–301]. В рецензии на первое издание 1911 г. академик И.В. Ягич замечал, что «книга не просто предостерегает против неправильностей, но на многочисленных примерах показывает, как в языке, подобно живому лесу, отдельные формы и обороты, пройдя расцвет и всеобщее одобрение, затем начинают завядать и, наконец, полностью выходят из обращения под давлением молодых побегов (цит. по изд.: [Чернышев 2023: 312]).

Ученый, сам выходец из небогатой семьи, учитель, наблюдавший крестьянскую речь, написал интересные очерки по народной культуре, языку и стилю писателей и поэтов. Труды В.И. Чернышева оказали большое влияние на формирование этой отрасли филологии. Здесь его талант выразился с особой силой и большим темпераментом. Он занимался изучением наследия М.В. Ломоносова и его «Российской грамматики», опубликовал заметки о языке А.С. Пушкина, басен и сказов В.И. Майкова, объемную работу о языке и стиле Е.А. Баратынского, писал об А.В. Кольцове, Н.А. Некрасове, И.С. Тургеневе, Д.И. Фонвизине и др. Но самое пристальное внимание он уделял творчеству А.С. Пушкина, причем находил самые неожиданные повороты в изучении текстов поэта: рассуждал о знаках препинания, о произношении местоимений, исследовал имена действующих лиц в сказках, соотносил имя А.С. Пушкина с творцами и носителями русской песни [Чернышев 2023]. Все это теперь стало доступно благодаря современному изданию стилистического наследия ученого, его воспоминаний о филологах и времени в контексте филологической традиции Шахматовской и Бодуэновской школ.

Впервые собранные вместе в серии «Стилистическое наследие» наиболее значительные труды по современному языкознанию и стилистике классика отечественной филологии А.М. Пешковского «**Лингвистика. Поэтика. Стилистика**» содержат базовые положения для основных курсов лингвистических дисциплин в школе и вузе, раскрывают опорные проблемы: современный русский язык, его уровни, языковая норма, коммуникативная система, стилистика, язык художественной литературы и др., дополняют и расширяют представления о русском языке, приобщают к словесной культуре [Пешковский 2018]. Он был необычным ученым, в чем-то даже непредсказуемым, если ознакомиться с биографией, и очень увлекающимся. Поэтому его нельзя оценивать только как синтаксиста (хотя и здесь он был новатором!). У А.М. Пешковского заметна прикладная направленность работ – он был ярким методистом и просветителем, много лет работал в гимназии и отлично знал, в чем состояли противоречия между школьной и научной грамматикой [Пешковский 2018: 103–117]. Эта практическая часть многих его публикаций и сейчас обсуждается, так как они содержат объяснение ряда актуальных проблем современного языкознания: роль выразительного чтения в обучении знакам препинания, объективная и нормативная точка зрения на язык, как соотносятся правописание и грамматика в школе, глагольность как выразительное средство, роль грамматики при обучении стилю, как учитывать орфографические ошибки и др. Он был особенно внимателен также к интонации, к обучению синтаксису и стилистике в школах для взрослых. По сути, Д.Н. Ушаков, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба и другие талантливые лингвисты в 1920–1930-х гг. сформировали новую систему преподавания и изучения русского языка.

Примечательно, что для «Литературной энциклопедии» 1920-х гг. А.М. Пешковский написал несколько словарных статей. Две из них полностью посвящены нашей проблеме: «Стилистика» и «Стилистическая грамматика». В них он выдвинул интересные положения. Так, по его мнению, стилистика может не совпадать «с традиционной теорией словесности», в тоже время эта наука является частью поэтики [Пешковский 2018: 559]. Интересно его наблюдение о «нормативности» стилистики: «То, что стилистика есть наука о “целесообразностях”, конечно, отнюдь не делает ее *нормативной* наукой? Целесообразности эти должны изучаться *сами по себе*, именно как факты соответствия (или несоответствия) средств целям» [Пешковский 2018: 559]. Он подразделил стилистику на *статическую* (изучение стиля писателей, научного, законодательного, религиозного и т. д.) и *историческую* («история стилей») [Пешковский 2018: 559].

Малоизвестной и почти никем не изученными остаются работы А.М. Пешковского по языку художественной литературы: «Стихи и проза с лингвистической точки зрения», «Десять тысяч звуков. (Опыт звуковой характеристики русского языка как основы для эвфонических исследований)», «Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы», «Ритмика “Стихотворений в прозе” Тургенева» [Пешковский 2018]. В них он выступил как тонкий стилист и даже психолингвист, разбиравший такие сложные явления, как благозвучие и благоритмику (термины А.М. Пешковского), звуковой символизм, мелодию и др. Можно с уверенностью сказать, что его труды предопределили становление *лингвопоэтики* и во многом усовершенствовали терминологический аппарат стилистики, открыли новые методики изучения прозаического и поэтического слова, ввели в контекст учебно-научной практики оригинальных деятелей литературного искусства начала XX в.

Личность Л.В. Щербы впечатляет другими дарованиями: один из самых последовательных «бодуэновцев», он сделал глубокие открытия в фонетике, теории и практике словарной работы, особенно в двуязычной лексикографии, грамматике и методике преподавания языков. Все его работы в той или иной мере изучали живую речь и тексты литературных произведений. Он заботился о нормах образцового русского произношения, занимался орфоэпией и орфографией, обратил внимание на «социальное значение» правописания, был редактором и автором учебников. В центре его внимания стояли проблемы современного русского литературного языка и путей его развития. В «**Избранные работы по русскому языку**» вошли замечательные «Опыты лингвистического толкования стихотворений» А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, статьи «И.А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке (1845–1929)», «О тро-яком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», «Очередные проблемы языкознания» [Щерба 2016] и др.

Яркую фигуру Б.В. Томашевского, наверное, как и А.А. Потебню, сложно вписать в какое-то одно направление филологических исследований. Мы прежде всего его знаем как пушкиниста-текстолога. И здесь, безусловно, он выразил себя и как последовательный литературовед, выпрыгнувший из культурных оков своего времени. В русле проблематики статьи заслуживает внимания его работа «**Стилистика и стихосложение**». В ней систематически изложены основные проблемы стилистики художественной литературы и одного из наиболее сложных разделов филологии – стихосложения, представлен анализ произведений русской литературы начиная с XVIII в. [Томашевский 2019]. Именно Борис Вик-

торович ввел понятие *нормативная стилистика* [Томашевский 2019: 20–30], обсуждал проблемы формы и содержания этой дисциплины, значение слова *стиль*. Эти вопросы он рассматривал в эволюционном измерении, начиная с изучения письменных традиций и борьбы шишковистов с карамзинистами и завершая анализом языка А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Изящный слог, четкий системный анализ, почти математическая строгость заключений, анализ самых сложных проблем стилистики, умный, научно-образовательный слог Б.В. Томашевского подняли эту науку в середине XX в. на высокий уровень, позволили сформулировать и утвердить основные ее положения и проанализировать наиболее ценные аспекты поэтического, прозаического, народного слова. Среди проблем, которые интересовали Б.В. Томашевского, отметим следующие: ученый подробно разбирал стилистические функции славянизмов и варваризмов, историзмы и архаизмы, разговорный язык, народно-поэтическую лексику и неологизмы. Он не обошел вниманием тропы, фразеологию и поэтический синтаксис. Все это сейчас составляет золотой фонд отечественной филологии.

Отдельно скажем о второй части – «Стихосложении». Лучшего знатока в этой области тогда не было. Высочайшая культура слова, отличные знания нюансов поэтической речи, их тонкий анализ – эти качества ученого позволили Б.В. Томашевскому создать оригинальную концепцию *исторической стилистики*, и главное место в ней занимали, разумеется, стихотворные опыты. Он разбирал такие проблемы:

1) *метр и ритм* (признаки стихотворной речи, метрическая система стихосложения, применение метрической системы в России, силлабическое стихосложение, силлабические размеры в России, реформа Тредиаковского и Ломоносова, теория тонического стихосложения, русский язык и стихотворные размеры, двусложные размеры: ямб и хорей, трехсложные размеры: амфибрахий, дактиль и анапест, шестистопный дактиль (гекзаметр), элегический дистих, интонация зачина, пауза);

2) *Рифма* (классическая (точная), приближительная, неточная, глагольная рифмы, богатые и бедные рифмы, развитие рифмы в России);

3) *синтаксическая и строфическая структура стиха* (переносы, общие законы строфики, одическая строфа, октава, терцины, сонет, онегинская строфа, балладная строфа);

4) отдельный фрагмент посвящен стихам Маяковского – рифме и размерам [Томашевский 2019].

Очень важно, что ученый в русле стилистики говорил о художественной системе как категории *исторической*, рассматривая драматические и повествовательные произведения [Томашевский 2019: 505–522 и далее].

В историко-культурном отношении по широте охвата источников и глубине проникновения в филологическую проблематику к Б.В. Томашевскому близок был Г.О. Винокур, оставивший заметный след в отечественной науке как ученый очень разного дарования: он увлеченно занимался словарной работой вместе с Д.Н. Ушаковым, принимал деятельное участие в подготовке юбилейного собрания сочинений А.С. Пушкина, написал замечательный очерк о русском языке, разрабатывал проблемы словообразования, техники речи, языка художественной литературы и стилистики. В новой книге **«Избранные работы по русскому языку»** [Винокур 2016] представлены труды по истории русского литературного языка, поэтике, актуальным проблемам современной лингвистики. Этим работам присущ неподражаемый «винокуровский» колорит тонкого стилиста, знатока художественного слова, великолепного педагога, который анализирует и описывает ключевые явления русской языковой картины мира в диахронии и синхронии.

Наследие Г.О. Винокура хорошо известно академическим ученым, вузовским работникам и студентам. И хотя за последние десятилетия открылись архивы, были опубликованы неизвестные ранее работы, все они шли в русле изучения *текста как явления литературы, языка и культуры*. Именно как текстолог Г.О. Винокур выразился наиболее ярко и самобытно. В книге «Русский язык. Исторический очерк» автор умело соединил стилистический подход к описанию явлений с тщательным анализом фактов языка и традиции. Его труд можно назвать историей развития и становления литературных стилей. Особенно внимателен он был к изложению событий XVIII–XIX вв., когда происходили процессы нормирования письменного языка и создание общерусской нормы [Винокур 2016]. Кроме этого, в других публикациях ученый разбирал интересные стилистические сюжеты: он писал о том, как нужно изучать язык художественной литературы, одну из работ посвятил «Горю от ума» как памятнику русской художественной речи, исследовал язык «Бориса Годунова» и наследство XVIII в. в стихотворном языке А.С. Пушкина, занимался орфографической теорией В.К. Тредиаковского и мн. др. [Винокур 2016].

Изданная книга вновь обращает внимание читателей на необходимость изучения стилистического богатства отечественной науки. Г.О. Винокур в этой отрасли был одним из самых успешных, колоритных и нестандартных исследователей. Без знания и учета его трудов и достижений современный инструмент стилистики выглядел бы искаженно и неполно. Как филолог он создал свою стилистическую картину мира. Его выразительный слог тоже является предметом научного анализа.

«Очерки по стилистике русского языка» А.Н. Гвоздева, включенные в обсуждаемую серию книг, ставят более всего задачи практические – показать богатство стилистических средств русского языка и способствовать выработке у читателя языкового чутья, понимания тончайших смысловых оттенков, выражаемых разнообразными способами в разных стилях речи [Гвоздев 2018]. В книге собран богатый иллюстративный материал, содержатся интереснейшие наблюдения в области грамматической и лексической синонимии. Ученый обсуждает задачи стилистики, ее отношение к общенародному языку, говорит о стилистическом эксперименте, рассказывает о стилистических пластах словаря, анализирует идиоматику (особое внимание уделяет речевым штампам). Из новых аспектов данной науки нам показались интересными наблюдения А.Н. Гвоздева над стилистическими ресурсами морфологии, синонимикой падежных конструкций, стилистическим использованием полных и кратких форм прилагательных, экспрессивными и семантическими оттенками личных местоимений и др. Мы обратили внимание на тщательный разбор элементов синтаксиса научной и разговорной речи и особенностей литературно-обработанного синтаксиса [Гвоздев 2018]. Эти и другие практические вопросы остаются в центре внимания данной науки в XXI в. и удачно вписываются в современную проблематику лингвистических исследований.

Конечно, названные нами труды ученых прошлого – не весь «стилистический» багаж науки, которым мы пользуемся. Думаем, что будет весьма полезным в дальнейшем публикация работ по риторике XVIII–XIX вв., а также сочинений и других ученых, например, А.С. Шишкова, Я.К. Грота, Ф.И. Буслаева, А.Г. Горнфельда, В.В. Виноградова, С.И. Ожегова и др.

Вторую часть серии «Стилистическое наследие» составляют исследования современных ученых, уже хорошо известных нам как с точки зрения практической стилистики русского языка, так и теории и истории этой научной области. С второй половины XX в. стилистическая «картинка» начинает активно меняться прежде всего из-за смены идеологий, культурных ценностей, технизации общества, внедрения информационных технологий. Радио, телевидение, СМИ и другие медиаресурсы формируют «бытовое» лицо стилистики. Создаются новые нормативные словари, научные журналы («Русская речь», «Русский язык в школе», «Филологические науки» и др.) публикуют материалы по культуре речи. Разрабатываются современные учебные дисциплины вроде медиалингвистики. Происходит смена стилистического «формата» жизни, и с ней меняются правила речевого обихода. Язык XXI в. особенно сильно подвержен моде.

В молодежной среде новояз порой приобретает черты словесной эпидемии – происходит искусственная «карнавализация языка», подмена культурного слоя антиязыком. Лингвисты реагируют на происходящее в живой речи и стремятся осмыслить такие явления, вскрыть и объяснить причины негативных движений в речеповедении, воздействовать на молодое поколение не только традиционным способом – учебником (в широком смысле слова), но и электронными образовательными ресурсами, аудио- и видеоматериалами, диктантами, филологическими акциями, которые, хочется надеяться, изменят такой нарратив в сторону литературности и нормированности коммуникации.

Издательство «Флинта» ведет большую просветительскую работу в этом направлении. Были апробированы и изданы в новых редакциях проверенные временем монографии, учебные пособия и словари, которые отвечают вызовам времени. Они предназначены для широкой читательской аудитории (а не только для филологов). Например, пользуется популярностью **«Литературное редактирование»** [Былинский, Розенталь 2011] как практическое пособие, помогающее научиться грамотно создавать и корректировать тексты. В пособии освещаются требования, предъявляемые к основным видам массовой литературы и к языку печати, а также методике и технике литературного редактирования, рассказывается о работе над языком и стилем рукописей, т. е. о лексической и грамматико-стилистической правке текстов и о нормах языка, которые определяют эту правку. В книге классифицируются и разбираются типичные ошибки, с которыми сталкивается литературный редактор, причем пособие использует главным образом тексты, взятые из газет и массовой литературы. Авторы касаются и такого необычного для современной редакторской практики вопроса использования диалектизмов в тексте. Ученые обоснованно считают, что очень важно различать термины, техницизмы и профессионализмы, необходимо устранять канцеляризмы в редакторской деятельности и др. В целом учебное пособие читается с большим интересом. Оно содержит реальные рекомендации по улучшению практики письменной речи. Схожей проблематике посвящена книга **«Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов»** [Рахманин 2023].

Словарь-справочник **«Трудности русского языка»** [Вакуров, Рахманова, Толстой, Формановская 2011] включил статьи, посвященные трудным вопросам различения слов с близкими значениями: новым словоупотреблениям, наиболее часто встречающимся в газете, а также трудностям, связанным с наличием вариантных грамматических форм и синтаксической сочетаемостью. Он предназначен для ра-

ботников печати и всех, кто интересуется вопросами стилистики русского языка и культуры речи.

Весьма перспективным направлением в практической стилистике русского языка является изучение медиакommunikации. Книга «Слово в эфире. О языке и стиле радиопередач: произношение в радио- и телевизионной речи» [Зарва 2011] подчеркивает, что должны предъявляться серьезные требования литературности звучащей речи и, в частности, к правильности и единообразию произношения. Именно это обстоятельство подсказало автору необходимость создания специального пособия для работников радио и телевидения – корреспондентов, репортеров, очеркистов, обозревателей, дикторов, чтецов, актеров, которым приходится выступать у микрофона и для которых проблемы произношения и ударения являются проблемами их повседневной работы. Среди проблем, который рассматривает М.В. Зарва, прежде всего вопросы нормативности: как соотносятся разговорная речь и язык радио, точность выражения как непереносимое условие содержательности речи, семантическая дефектность речи, отсутствие идентичности между выражением смысловых отношений в письменной и в устной речи, нарушение орфоэпических и акцентологических норм, или неправильное интонирование и т. д. Анализируются структура радиоречи – построение и объем предложений [Зарва 2011: 105–121], образные, эмоциональные средства и их функции [Зарва 2011: 129–148], языковое своеобразие выступления у микрофона, проблемы какофонии и эвфонии в радиоречи и др. Очень важно, что автор говорит о литературном произношении как историко-культурном явлении, показывает стили современного русского произношения, дает немало практических советов (например, как нужно произносить имена и отчества), отмечает изобразительно-выразительную роль звучащей речи [Зарва 2011].

Книга «Основы ораторской речи» [Кохтев 2012] рассказывает об ораторской речи как искусстве слова, о ее языковой форме и композиции, об общении оратора с аудиторией, его воздействии на слушателей. Автор обращает внимание и на историю вопроса: разбирает античные теории, дает краткий обзор русских риторик XVII–XIX вв., родов и видов красноречия. Но самыми полезными для современного читателя являются разделы, посвященные взаимоотношению аудитории и оратора (особенности монологической речи, психологические аспекты воздействия, эмоциональность и оценочность речи, языковые средства контакта, речевой этикет, композиция).

Учебные пособия «Лексика русского языка» [Калинин 2012] и «Культура русского слова» [Калинин 2013] продолжают знакомить читателей с особенностями использования лексических пластов и групп в современной речи и рассматрива-

ют конкретные случаи неверного словоупотребления в художественной литературе и прессе, что особенно актуально в наши дни.

Первая книга будет полезна прежде всего студентам, так как раскрывает базовые понятия: современный русский литературный язык, лексика, семасиология (и в этом контексте раскрывает ошибки в употреблении многозначных слов, использование омонимов и синонимов в речи), лексика с точки зрения происхождения, устаревшие и новые слова, стилистические пласты лексики, русская фразеология и т. д. Своевременным нам представляется включение в книгу лексикографического обзора с характеристикой наиболее известных толковых словарей XX в. [Калинин 2012].

Вторая книга того же автора подготовлена в учебно-познавательном ключе и знакомит нас с трудными случаями употребления слов и оборотов речи. Например, глава «Берегите слово!» [Калинин 2013] включает такие опорные тезисы: «Некоторые вопросы современной русской газетной речи», «Хладолоб налим в ростепель...», «Очаги застойного возбуждения», «На чем мы спотыкаемся», «Без неожиданностей», «Льготность обращения», «Как слово наше отзовется (несколько беглых замечаний об учебниках литературы для старшеклассников)» и т. д.

Весьма содержательна и актуальна глава «Почему мы так говорим?», в которой раскрываются истории некоторых слов и выражений вроде *базар – рынок, кафе – ресторан – трактир, денег куры не клюют, филькина грамота, ни пуха ни пера* и др. Мы, конечно, хорошо помним «лингвистические детективы» Н.М. Шанского [Шанский 2020–2021] – они посвящены схожим вопросам. Такие работы всегда воспринимаются с большим интересом, приучают креативно мыслить, развивают филологическую смекалку, заставляют задуматься над тем, как функционирует *живое* слово.

В рамках единой теории в книге «Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь» [Земская 2014] обобщены результаты многолетних исследований автора, посвященных широкому спектру проблем. Особое внимание ученый уделяет исследованию языка как деятельности. Изучаются система языка в ее динамике, тенденции развития языка, общие закономерности его движения, причины языковых изменений. В книге рассматриваются и «поведение» мельчайших элементов слова (морфема, интерфикс), и функционирование отдельных сфер языка, вплоть до такого сложного явления, как язык города. Часть I посвящена комплексу проблем, связанных со строением и семантикой производного слова, и теории синхронного словообразования. Часть II базируется на работах, посвященных изучению языка больших городов. В ней рассматриваются литературный раз-

говорный язык, городское просторечие, жаргон, детская речь, особенности мужской и женской речи (этот раздел написан в соавторстве с М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой), а также язык эмигрантов. В части III исследуются активные процессы, происходящие в русском языке на рубеже XX–XXI вв. Часть IV посвящена проблемам коммуникативно-прагматического характера: категории вежливости как важнейшему регулятору речевого поведения человека, типологии коммуникативных неудач (последний раздел написан в соавторстве с О.П. Ермаковой). Книга основана на богатейшем языковом материале. Она предлагает читателю ответы на многие нерешенные вопросы теории русского и общего языкознания. Е.А. Земская также занималась проблемами языка русского зарубежья. И этот аспект получил освещение в данной книге.

В сборнике трудов **«Теория функциональной стилистики»** [Кожина 2014] представлены работы создателя теории функциональной стилистики, одного из основоположников речеведения как важнейшего направления современной коммуникативной лингвистики, организатора Пермской стилистической школы. Избранные труды освещают этапы становления и развития российской стилистики с 60-х годов XX в. по первое десятилетие XXI в. Теоретические позиции ученого соотносятся с динамическим подходом к речи, изучением закономерностей функционирования языка в разных сферах коммуникации. Особое место автор уделит проблеме диалогичности и ее выражению в современной письменной научной речи. Многие поставленные М.Н. Кожинной задачи и высказанные ею идеи еще не получили разработки в речеведении и требуют усилий новых поколений исследователей.

Монография **«Закономерности стилистического использования языковых единиц»** [Винокур 2015] – итог многолетних исследований автора в области функциональной стилистики, размышлений над местом и характером стилистических изменений в общей картине эволюции русского языка XX в. В работе рассматривается сущность стилистических противопоставлений в языке, содержится обильный, но при этом тщательно подобранный и прокомментированный языковой материал, иллюстрирующий теоретические положения. В книге тесно переплетены собственно лингвистический анализ и изучение разнообразных условий реализации стилистических ресурсов русского языка, история проблем стилистики и современные исследования в этой области. Но главная цель состоит не в отражении разных точек зрения на предмет и задачи стилистики как определённого раздела языкознания, а в формулировании определённых закономерностей в использовании говорящим и пишущим стилистических

средств языка. Интересны во многом тезисы автора о «стилистическом смысле», стилистическом приеме и его отношении к стилистическому средству. Т.Г. Винокур также рассматривает узус и окказиональность, образ и штамп в стилистическом узусе.

В учебном пособии **«Очерк теории стилистики»** [Скребнев 2016] рассмотрена природа стилевых явлений, описано становление лингвистической стилистики как самостоятельного раздела языкознания, систематизированы основные стилистические концепции. Отдельная глава посвящена описанию стилистической структуры языка. В ней он обсуждает такие вопросы: субъязыки и речевые сферы, субъязык и стиль, проблема проницательности стилей, стилистическая нейтральность как понятие варьирующего объема и др. Заслуживают внимания подход автора к анализу объективных свойств языка и моделей стилистики. Отличительной особенностью книги является широта представленного в ней взгляда на язык в сочетании с четкостью, системностью и лаконичным описанием.

Книга **«Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей»** [Вомперский 2017] посвящена истории стилистических учений в России XVII – первой половины XVIII в. Центральное место в ней отведено теории Ломоносова как вершине в развитии отечественной лингвистической мысли (рассматривается также взгляды В.К. Тредиаковского). Стилистика создается Ломоносовым как раздел языкознания. В работе также рассмотрена связь ломоносовского стилистического учения с предшествующими традициями трехчленного изучения речи, существовавшими в античной, западноевропейской и отечественной филологии, и современными ему стилистическими учениями. Среди исследований по стилистике эта книга выделяется живым интересом автора к историко-стилистическому контексту изучения литературных языков. Ученый знакомит читателей с редкими образцами риторик, которые особенно в XVII столетии формировали лингвистическую традицию и позволяли довольно широко толковать понятие «стиль» в научной практике. Интересна глава, рассказывающая о стилистической теории Ф. Прокоповича, одного из первых теоретиков данной науки и талантливого мыслителя.

В книгу **«Семантика. Стилистика. Интертекстуальность»** [Арнольд 2019] вошли статьи известного филолога-англиста, опубликованные в 1970–1990-е гг. Они отражают основные направления исследований ученого и объединены в три раздела: «Семасиология»; «Стилистика декодирования»; «Интертекстуальность». Многие идеи автора находятся на острие современных лингвистических дискуссий, например, соотношение парадигмы антропоцентризма, прагмалингвистики и стилистики декодирования,

проблема интерпретации художественного текста, поэтика интертекстуальности и др. Творческий научный потенциал И.В. Арнольд проявляется не только в широте и глубине ее работ, но и в предвидении перспективы развития научной мысли, что делает настоящее издание особенно актуальным.

«Избранные работы» Д.Н. Шмелева раскрывают грани филологического таланта ученого с разных сторон. Он много занимался проблемами образности художественной речи – статьи этой тематики вошли в первую часть книги; исследовал русский язык в его функциональных разновидностях – работы этого плана включены во вторую часть. Отметим актуальность представленных материалов для разработки вопросов функционально-стилистической дифференциации языка и синтаксической организации текста [Шмелев 2021].

Книга «Стилистика текста» [Одинцов 2025] рассматривает основные понятия и категории стилистики речи, определяет стилеобразующие принципы текста и намечает методику его анализа. Автор исследовал вопросы жанрово-стилистической характеристики текста, его композиции, поэтики в лингвистической стилистике. Он доказал, что отнесение текста к одному из стилей не ограничивается набором формальных экстралингвистических признаков – только единство логических, психологических и лингвистических аспектов помогает правильно определить композиционно-стилистическую структуру текста. Замечательно, что В.В. Одинцов подробно разобрал структуру художественного текста: произвел стилистический анализ, рассказал о субъективации авторского повествования и развитии диалогических форм в русской литературе. Ученый был известен как страстный пропагандист культуры русской речи, потому писал ясно, ориентировался на практические задачи и болел душой за качество словесного искусства. Все это чувствуется при ознакомлении с этой интересной и во многом необычной книгой.

Серия «Стилистическое наследие» представляет собой интересный опыт издания монографий и учебных пособий по самому важному предмету «филологического человековедения» – культуре устного и письменного общения. Без нее не может получиться оригинальный, грамотно «сложенный» труд, а облик писателя-творца будет низведен до обычного копирайтера, пусть и хорошо владеющего техникой речи. Стилистика еще в том, коренном, буслаевском понимании – высокая наука, охватывающая практически все области филологии: от грамматики и синтаксиса до изучения авторского художественного текста, историзмов, варваризмов, фигур речи... Это значит, что владение ею украшает, оживляет бытовое поведение, придает коммуникации осмысленное звучание, возвеличивает СЛОВО. А с ним и мы начина-

ем постепенно преображаться и понимать, что «язык, слово – это бесценный дар Божий»¹ (архимандрит Кирилл Павлов). Через него мы уподобляемся Создателю, сотворившему эту красоту посреди всего земного, скоротечного. Митрополит Филарет (Дроздов) говорил: «В слове живет и движется знание, мудрость, закон. Словом образуется, поощряется и распространяется добродетель»². Пусть это правило жизни сохраняется и в нашем стилистическом наследии. Оно по крупницам собирает таинственное знание и открывает его людям.

Примечания

¹ URL: <https://elitsy.ru/communities/29243/1084183/> (дата обращения: 04.05.2025).

² URL: <https://azbyka.ru/otechnik/prochee/entsiklopedija-izrechenij-svjatyh-ottsov-i-uchitelej-tserkvi-po-razlichnym-voprosam-duhovnoj-zhizni/96> (дата обращения: 04.05.2025).

Список литературы

Апресян Ю.Д. «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. III–XXXIII.

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. Москва: ФЛИНТА, 2019. 448 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие. Москва: Просвещение, 1992. 512 с.

Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. 400 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Вакуров В.Н., Рахманова Л.И., Толстой И.В., Формановская Н.И. Трудности русского языка: словарь-справочник. 4-е изд., перераб. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. 608 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. Москва; Ленинград: Academia, 1935. 454 с.

Виноградов В.В. Стиль Пушкина. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1941. 620 с.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. Москва: Рус. яз., 2001. 720 с.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. 784 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. 320 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей: учеб. пособие / вступ. ст. В. И. Аннушкина. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. 272 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. Москва: ФЛИНТА, 2018. 576 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Зарва М.В. Слово в эфире: О языке и стиле радиопередач: произношение в радио- и телевизионной речи: справочное пособие. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. 376 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2014. 896 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Калинин А.В. Лексика русского языка: учеб. пособие. 5-е изд., перераб. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. 320 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Калинин А.В. Культура русского слова: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2013. 328 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2014. 624 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи: учеб. пособие. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. 328 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Одинцов В.В. Стилистика текста / Вступ. ст. О.В. Никитина. Москва: ФЛИНТА, 2025. 304 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Пешиковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика / сост., науч. ред., подгот. текста, вступ. ст. и прим. О.В. Никитина. Москва: ФЛИНТА, 2018. 712 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложения. Москва: ФЛИНТА, 2022. 680 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: учеб. пособие. 5-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2023. 256 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: учеб. пособие. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. 240 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Степанов Ю.С. Протей: Очерки хаотической эволюции. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 264 с.

Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение: курс лекций / авт. предисл. О.В. Никитин. Москва: ФЛИНТА, 2019. 536 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Чернышев В.И. Избранные работы по стилистике. Москва: ФЛИНТА, 2023. 832 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Шанский Н.М. Лингвистические детективы: увлекательные рассказы из жизни слов. Кн. 1–2. 4-е изд., испр. Москва: Эксмо, Бомбора™, 2020–2021.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2010. 720 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Шмелев Д.Н. Избранные работы. Москва: ФЛИНТА, 2021. 360 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / сост. И.А. Федонина; авт. прим. М.И. Матусевич; вступ. ст. Н.Н. Казанского и Н.Л. Сухачева. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. 352 с. (Серия «Стилистическое наследие»).

References

Apresyan Yu.D. "Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii" v kontekste sovremennoi lingvistiki ["Russian syntax in scientific coverage" in the context of modern linguistics]. *Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. 8th ed., supplement. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2001, pp. III–XXXIII. (In Russ.).

Arnold I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': sbornik statei* [Semantics. Stylistics. Intertextuality: collection of articles], ed. by P.E. Bukharkin. Moscow, FLINTA Publ., 2019, 448 p. (Series "Stylistic heritage"). (In Russ.).

Buslaev F.I. *Prepodavanie otechestvennogo yazyka: ucheb. posobie* [Teaching of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1992, 512 p. (In Russ.).

Bylinskii K.I., Rosenthal D.E. *Literaturnoe redakirovanie: ucheb. posobie* [Literary editing: textbook]. 3rd ed., corrected and add. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2011, 400 p. (Series "Stylistic heritage"). (In Russ.).

Chernyshev V.I. *Izbrannye raboty po stilistike* [Selected works on stylistics]. Moscow, FLINTA Publ., 2023, 832 p. (Series "Stylistic heritage"). (In Russ.).

Gvozdev A.N. *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* [Essays on the stylistics of the Russian language]. Moscow, FLINTA Publ., 2018, 576 p. (Series "Stylistic heritage"). (In Russ.).

Kalinin A.V. *Leksika russkogo yazyka: ucheb. posobie* [Lexis of the Russian language: textbook]. 5th ed., revised. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2012, 320 p. (Series "Stylistic heritage"). (In Russ.).

Kalinin A.V. *Kul'tura russkogo slova: ucheb. posobie* [Culture of the Russian word: textbook]. 2nd ed., revised. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2013, 328 p. (Series "Stylistic heritage"). (In Russ.).

Kokhtev N.N. *Osnovy oratorskoi rechi: ucheb. posobie* [Fundamentals of public speaking: textbook]. Mos-

cow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2012, 328 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Kozhina M.N. *Rechevedenie. Teoriya funktsional'noi stilistiki: izbrannye trudy* [Speech study. Theory of functional stylistics: selected works]. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2014, 624 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Odintsov V.V. *Stilistika teksta* [Stylistics of the text], introduction by O.V. Nikitin. Moscow, FLINTA Publ., 2025, 304 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Peshkovskii A.M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika* [Linguistics. Poetics. Stylistics], comp., scientific ed., introduction and note by O.V. Nikitin. Moscow, FLINTA Publ., 2018, 712 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Potebnya A.A. *Iz zapisok po teorii slovesnosti. Poeziya i proza. Tropy i figury. Myshlenie poeticheskoe i mificheskoe. Prilozheniya* [From notes on the theory of literature. Poetry and prose. Tropes and figures. Poetic and mythical thinking. Appendices]. Moscow, FLINTA Publ., 2022, 680 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Rakhmanin L.V. *Stilistika delovoi rechi i redaktirovanie sluzhebnykh dokumentov: ucheb. posobie* [Stylistics of business speech and editing of official documents: textbook]. 5th ed., ster. Moscow, FLINTA Publ., 2023, 256 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2010, 720 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Shanskii N.M. *Lingvisticheskie detektivy: uvlekatel'nye rasskazy iz zhizni slov* [Linguistic detectives: fascinating stories from the life of words]. Books 1–2. 4th ed., corrected. Moscow, Eksmo Publ., Bombora Publ., 2020–2021. (In Russ.).

Shcherba L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language], comp. by I.A. Fedonina; author's note by M.I. Matusevich; introd. by N.N. Kazansky and N.L. Sukhachev. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2016, 352 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Shmelev D.N. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, FLINTA Publ., 2021, 360 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Skrebnev Yu.M. *Ocherk teorii stilistiki: ucheb. posobie* [An essay on the theory of stylistics: textbook]. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2016, 240 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Stepanov Yu.S. *Protei: ocherki khaoticheskoi evolyutsii* [Proteus: Essays on chaotic evolution]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004, 264 p. (In Russ.).

Stepanov Yu.S. *Kontsepty. Tonkaya plyonka tsivilizatsii* [Concepts. The thin film of civilization]. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2007, 248 p. (In Russ.).

Tomashevskii B.V. *Stilistika i stikhoslozhenie: kurs lektsii* [Stylistics and versification: a course of lectures], introd. by O.V. Nikitin. Moscow, FLINTA Publ., 2019, 536 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Vakurov V.N., Rakhmanova L.I., Tolstoy I.V., Formanovskaya N.I. *Trudnosti russkogo yazyka: slovar'-spravochnik* [Difficulties of the Russian language: a reference dictionary]. 4th ed., revised. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2011, 608 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Vinogradov V. V. *Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's language: Pushkin and the history of Russian literary language]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1935, 454 p. (In Russ.).

Vinogradov V.V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's style]. Moscow, Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1941, 620 p. (In Russ.).

Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical concept of the word], ed. by G.A. Zolotova. 4th ed. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2001, 720 p. (In Russ.).

Vinokur G.O. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2016, 784 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Vinokur T.G. *Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinits* [Patterns of stylistic use of linguistic units]. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2015, 320 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Vomperskii V.P. *Stilisticheskoe uchenie M.V. Lomonosova i teoriya tryokh stilei* [The stylistic concept by M.V. Lomonosov and the theory of three styles: textbook], introductory article by V.I. Annushkin. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2017, 272 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Zarva M.V. *Slovo v efire: O yazyke i stile radiopere-dach: proiznoshenie v radio- i televizionnoi rechi: spravochnoe posobie* [The word on the air: On the language and style of radio broadcasts: pronunciation in radio and television speech: a reference guide]. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2011, 376 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Zemskaya E.A. *Yazyk kak deyatel'nost'. Morfema. Slovo. Rech* [Language as an activity. Morpheme. Word. Speech]. Moscow, FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2014, 896 p. (Series “Stylistic heritage”). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 186–190. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 186–190. ISSN 1998-0817

Рецензия на книги

УДК 811.511.112'282

EDN ЮНОИЛ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-186-190>

ТРИ НОВЫХ ИЗДАНИЯ КАРЕЛЬСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГОВ

Рец. на кн.: Живое слово Пудожья: образцы диалектной речи: хрестоматия. Петрозаводск, 2024. 218 с.;

Поважничаем с самоваром: чаепитие в Карелии: словарь. Петрозаводск, 2025. 126 с.;

Краевед Анна Семёновна Монахова: биографический сборник. Петрозаводск, 2025. 158 с.

Ганцовская Нина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Аннотация. Объектом рецензии является несколько произведений разных жанров карельских диалектологов, в которых описываются русские говоры Карелии, особенности их сбора и представления, а также личностный многоаспектный вклад краеведов в изучение этнокультурного и языкового богатства различных регионов края. Подчеркивается важность в настоящий момент создания словарей, хрестоматий и пр. книг подобного плана, когда необходимо проанализировать и выявить традиционные черты духовной и материальной культуры трудового народа, их языка, с тем чтобы всесторонне отобразить их социально-культурную и национальную идентичность.

Ключевые слова. Карельские диалектологи, русские говоры Карелии.

Для цитирования: Ганцовская Н.С. Три новых издания карельских диалектологов. Рец. на кн.: Живое слово Пудожья: образцы диалектной речи: хрестоматия. Петрозаводск, 2024. 218 с.; Поважничаем с самоваром: чаепитие в Карелии: словарь. Петрозаводск, 2025. 126 с.; Краевед Анна Семёновна Монахова: биографический сборник. Петрозаводск, 2025. 158 с. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 186–190. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-186-190>

Book Review

THREE NEW BOOKS BY KARELIAN DIALECTOLOGISTS

Book Review: Live word of Pudozh: dialect speech examples: chrestomathy. Petrozavodsk, 2024. 218 p.; Putting on airs with a samovar: tea party in Karelia: dictionary. Petrozavodsk, 2025, 126 p.; Regional Ethnographer Anna Semyonovna Monakhova: biographical collection. Petrozavodsk, 2025, 158 p.

Nina S. Gantsovskaya, DSc in Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovskre_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Abstract. The object of the review is several works of different genres by Karelian dialectologists, which describe Russian patois of Karelia, the peculiarities of their collection and presentation, as well as the personal multi-aspect contribution of regional ethnographers to the study of the ethnocultural and linguistic wealth of various regions of the land. The importance of creating at the present time dictionaries, anthologies and other books of this kind is emphasised, when it is necessary to analyse and identify traditional features of the spiritual and material culture of the working people, their language, in order to comprehensively reflect their socio-cultural and national identity.

Keywords. Karelian dialectologists, Russian patois of Karelia.

For citation: Gantsovskaya N.S. Three new books by Karelian dialectologists. Book Review: Live word of Pudozh: dialect speech examples: chrestomathy. Petrozavodsk, 2024. 218 p.; Putting on airs with a samovar: tea party in Karelia: dictionary. Petrozavodsk, 2025, 126 p.; Regional Ethnographer Anna Semyonovna Monakhova: biographical collection. Petrozavodsk, 2025, 158 p. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 186–190 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-186-190>

Карельские диалектологи радуют своей активностью в деле сбора и публикации народно-разговорного материала на территории Карелии. В начале этого года в изящном оформлении и с многочисленными художественными и фотографическими иллюстрациями вышли три книги, имеющие немаловажное научное значение, подготовленные преподавателями, сотрудниками и студентами Петрозаводского государственного университета. Они имеют краеведческую направленность и в конечном итоге связаны с карельским народным словом как отражением своеобразной культуры края. Кроме того, в них можно найти некую переключку с трудами костромских диалектологов подобного плана, о чём будет сказано ниже.

Живое слово Пудожья: образцы диалектной речи: хрестоматия. Эта книга имеет следующие выходные данные: «Живое слово Пудожья: образцы диалектной речи: хрестоматия / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Петрозав. гос. ун-т, Ин-т филологии, Гуманитар. инновац. парк, сост. Е.Р. Гусева, В.О. Ружинская, худож. В.Н. Зорина. – Петрозаводск. ООО "Два товарища", 2024. – 218 с.: ил.» [Живое слово 2025]. В аннотации к книге сказано: «В книге публикуются записи диалектной речи, собранные в экспедициях по Пудожскому району Республики Карелии начиная с 60-х гг. XX в. по настоящее время. В издание включены материалы краеведческого марафона, организованного Пудожским историко-краеведческим музеем им. А.Ф. Кораблёва и Лабораторией лингвистического краеведения и языковой экологии Института филологии Петрозаводского государственного университета в 2023–2024 гг. при поддержке ассоциации по сохранению культурного наследия Пудожья "Онежский берег"» [Живое слово 2025: 2].

Говоры Карелии, окающие, севернорусского типа, значительно отличаются от других севернорусских говоров, даже ближайших к ним архангельских, не говоря уже о костромских, вследствие синтетизма славянских и неславянских элементов, ощутимого проявления в них финно-угорского субстрата, в иных случаях и адстрата (живых языков), окрашивающих как акцентную систему говора (так называемое «ляпанье» – перенос ударения на один слог вперёд), так и фонетику, грамматику говора и его лексико-фразеологическую систему. В книге обращает на себя внимание продуманное композиционное размещение текстов, чаще всего собранных студентами во время диалектологической практики, их тематический подбор, расположение по определённым сельским поселениям с указанием деревни, времени сбора материала, имён собирателей и информантов, с итоговыми информативными приложениями.

Среди руководителей практики студентов числится и Любовь Петровна Михайлова¹, известный в нашей стране диалектолог, которая в Костроме была немым участником Громовских чтений, посвящённых Александру Вячеславовичу Громову, сельскому учителю в школах Макарьевского и Мантуровского районов Костромской области, диалектологу, автору знаменитого «Льяного словаря», как сам автор называл свой «Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в Костромских говорах по реке Унже» [Громов 1992]. Л.П. Михайлова защитила диссертацию по теме выращивания льна, льнопрядения и ткачества в новгородских говорах и была известным специалистом в этой области диалектологии. Студентка Е.И. Гусева под руководством Л.П. Михайловой в 2003 г. от А.М. Богдановой, 1928 г.р., в д. Семёново записала текст по теме «Лён». Приведём его: «Раньше каждый хозяин сеял лён, иногда даже продавали. Ростили его весной садили, колокольчиками звали. Потом рвали с корнями, омолочивали, а потом лён мочили в речку, где низкое место. Наверёх кладали груз. Он был грубый, чтобы размокла штука на нём. На берег расстелят и сушат. А потом отбивали кóстицу мялкой. Кладут лён на зубья, стукнут палкой и вытягивали. А затем чесали щётками, выходила пакля, а затем осенью пряли. Собирались в один из домов, рассказывали и пряли лён, а потом мотали на катушки. <...>» [Живое слово 2025: 208].

Елена Рафхатовна Гусева, к.ф.н, составитель хрестоматии и один из активных руководителей диалектологических экспедиций в Пудожье (см. информацию о текстах, собранных под её руководством в книге [Живое слово 2025: 22, 31, 97, 166, 168, 195]), также имеет связь с Костромской землёй. В частности, в 2016 г. на Третьих Громовских чтениях она прочитала доклад о литературно-диалектной диглоссии рассказов Г.В. Масловой [Гусева 2013].

«Поважничаем с самоваром: чаепитие в Карелии». На материале экспедиций в карельскую деревню Е.Р. Гусевой и Л.И. Камай был подготовлен, с соблюдением всех научных принципов, оригинальный тематический словарь «Поважничаем с самоваром: чаепитие в Карелии» [Поважничаем 2025] в виде альбома с многочисленными иллюстрациями и текстовыми комментариями на тему популярного в народной карельской среде ритуала чаепития за самоваром. И этот факт, несомненно, будет способствовать расширению внимания к карельскому народному слову, сопровождающему этот устойчивый и популярный в народе сельский обычай. Н.С. Ганцовская выступила как рецензент этой книги.

Реферируемый словарь включает материал о чае и чаепитии, извлечённый из «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», его дополняют расшифрованные фрагменты экспедиционных записей 2023–2024 гг., сделанные в Заонежье, Пудожье, Карельском Поморье, видеозаписи с QR-кодами и фотографии 2024 г. и прошлых лет. Он адресуется преподавателям высшей и общеобразовательной школы, диалектологам, историкам языка, этнографам, а также широкому кругу специалистов, интересующихся традиционной культурой, всем любителям русского народного слова.

Расшифруем выражение *поважничать с самоваром*, пользуясь материалом словаря: «Поважничать с самоваром. Попить чаю, побеседовать у самовара. Медвежьегорский район Карелии. “Гость в дом – первым делом чаем надо напоить, так принято, таковы правила. Чай в Карелии очень любят, и в наш стремительный век чай пьют долго, неспешно, по несколько чашек, с домашней выпечкой, смакуют, любят поговорить, собравшись с семьёй, соседями или друзьями, – побеседовать”» [Поважничаем 2025: 8].

Словарь разделён на тематические группы, имеет множество дополнительных пояснений к основным толкованиям, развёрнутую серию приложений и методических разработок проведения чайных церемоний в различных социально-возрастных аудиториях. Поражает обилие поговорок и специальных

выражений, относящихся к чайной церемонии в Карелии и придающих ей вес по сравнению со скромным костромским чайным ритуалом. В качестве заварки в костромской деревне употребляли сушёную морковь или чагу, а воду нередко кипятили в печке в чугуне: самовар был редкостью в бедном крестьянском доме (чаще всего это было достоянием семей «питерщиков», т.е. мастеров-отходников из Буйского, Солигаличского, Чухломского районов, работавших по найму в «Питере» (т.е. Петербурге).

Приведём примеры специальных слов и выражений в говорах Карелии, относящихся к церемонии чаепития.

2.6. Действия, имеющие отношение к чаепитию

> **Брюхо греть (согреть).** Пить чай. *Брюхо согреть надо, садись брюхо греть.* Медв. 1: 125.

> **На одну ногу (выпить).** Недосыта (о чае). *Выпей ещё чаю, выпей на другую ногу, на одну выпила, путь тебе не близкой.* Кондоп. 4: 31.

Пофёрскать, пофёрскать, сов. 1. Попить чаю, прихлёбывая. *Давай садись чаю попить, пофёрскаем чайку вместе.* Медв. Оля, иди пофёрскай чай. Медв. + Пуд. 5: 117.

Пофурándать, пофурáйдать, пофырándать, пофырáйдать, пофурándать, сов. Попить чаю. *Неси, бабушка, самовар, пофурандаем чашишка.* Медв. *Одна-си я сидела, пофырандала чай. Никого не было. Скучно.* Медв. *Пошли чаю пофырайдаем.* Медв. *Пойдешь в Уницы, зайди к Дуницы, пусть купит цибик чаю, вместе пофурундаем.* Медв. Прион. Пуд. 5: 112 [Поважничаем 2025: 40–41].

Краевед Анна Семёновна Монахова: биографический сборник. Книга имеет мемориальный характер и посвящена краеведческой деятельности в Карелии известного московского архитектора Анны

Семёновны Монаховой, которую хорошо знали и в Костроме. Выходные данные книги таковы: Краевед Анна Семёновна Монахова: биографический сборник / сост. Т.В. Карнышева, Е.В. Гусева; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации. Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2025. 158, [2] с. [Монахова, Михайлова 2025]. Рецензенты – Н.С. Ганцовская и Г.Д. Неганова.

Аннотация к книге такова: «В книге публикуются материалы о краеведе Анне Семёновне Монаховой, более 50 лет собиравшей фольклорные, диалектные, этнографические сведения в деревне Водла (Пудожский район Карелии), и о её книге "Дивная Водла-земля". Издание иллюстрировано рисунками А.С. Монаховой, а также фотографиями краеведов и участников экспедиций.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Карелии».

Содержание книги: «Предисловие», «Беспокойная птица», «*Карнышева Т.В.* Архитектор по призванию, краевед по велению сердца», «*Карнышева Т.В.* Архив собирателя», «Летопись пудожской деревни – и книге "Дивная Водла-земля"», «Отзывы о книге "Дивная Водла-земля"», «Доклады и сообщения А.С. Монаховой на конференциях», «Список опубликованных работ А.С. Монаховой», «Статьи об А.С. Монаховой и на материале книги "Дивная Водла-земля"», «Упоминания о книге "Дивная Водла-земля" в статьях», «Вспоминая Анну Семёновну».

Костромичи нередко встречались с Анной Семёновной на конференциях и в неофициальной обстановке в Петрозаводске и Костроме, она была личным другом Л.П. Михайловой и Н.С. Ганцовской. В 2016 году вместе с Л.П. Михайловой и своим товарищем-архитектором по вузовским временам Геннадием Ивановичем Зосимовым, который некогда как молодой архитектор проектировал обновлённый вариант «Беседки А.Н. Островского» на бульваре в районе ул. Чайковской и руководил реставрацией Пожарной каланчи на центральной площади города, А.С. Монахова приезжала в Кострому для участия в Третьих Громовских чтениях с, написанным совместно с Л.П. Михайловой докладом «Диалектные тексты как основа для комплексного обследования населённых пунктов», который в виде статьи был напечатан в сборнике «Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край» [Монахова, Михайлова 2013].

В этом же сборнике помещена статья известного карельского диалектолога и исследователя в области антропониимии д-ра фил. наук Петрозаводского государственного университета И.А. Кюршуновой в соавторстве с О.В. Черняковым «База данных

А.С. Монахова (стоит слева) с коллегами на конференции «Третьи Громовские чтения». Кострома, 2016 г.

по исторической антропониимии как ономатический тезаурус» [Кюршунова, Черняков 2013]. Она же, являясь сотрудницей некогда созданной незабвенной Л.П. Михайловой, которой уже нет с нами, «Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии» Института филологии и Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ, руководимого теперь к.ф.н. Е.Р. Гусевой, была рецензентом книги «Живое слово Пудожья» и научным редактором книги «Поважничаем с самоваром».

Думаем, что реферированные нами три книги карельских диалектологов порадуют и любителей народного слова костромского края.

Примечания

¹Михайлова Л.П. Костромская диалектно-профессиональная лексика на общерусском фоне // Русское слово и костромской край: сборник статей /отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 362–368; Михайлова Л.П. Исторически обусловленные фонетические противопоставления (на примере диалектно-профессиональной лексики) // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С.202–209.

Список литературы

Громов А.В. Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в Костромских говорах по реке Унже. Ярославль: ЯРГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992 г. 118 с.

Гусева Е.Р. Аспекты изучения литературно-диалектной диглоссии (рассказы Г.В. Масловой в учебно-методическом пособии «Деревенская наука» // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С. 484–490.

Живое слово Пудожья: образцы диалектной речи: хрестоматия / сост. Е.Р. Гусева, В.О. Ружинская, худож. В.Н. Зорина. Петрозаводск. ООО «Два товарища», 2024. 218 с.

Кюршунуова И.А., Черняков О.В. База данных по исторической антропонимии как ономатический тезаурус // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С. 401–407.

Монахова А.С., Михайлова Л.П. Диалектные тексты как основа для комплексного обследования населённых пунктов // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С. 546–551.

Поважничаем с самоваром: чаепитие в Карелии: словарь / сост. Е.Р. Гусева, Л.И. Камай. Петрозаводск: Изд-во ООО «Два товарища», 2025. 126 с.: ил.

Reference

Gromov A.V. *Slovar' leksiki l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v Kostromskih govorah po reke Unzhe* [Dictionary of the vocabulary of flax growing, spinning and weaving in the Kostroma dialects along the Unzha River]. Yaroslavl', YARGPI im. K.D. Ushinskogo Publ., 1992, 118 p.

Guseva E.R. *Aspekty izucheniya literaturno-dialektnoj diglossii (rasskazy G.V. Maslovoj v uchebno-meto-*

dicheskom posobii «Derevenskaya nauka» [Aspects of studying literary-dialectal diglossia (stories by G.V. Maslova in the teaching manual “Village Science”)]. *Gromovskie chteniya. Vyp. 3. Zhivoe narodnoe slovo i kostromskoj kraj* [Gromov readings. Issue 3. Living folk word and the Kostroma region]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 484–490.

Zhivoe slovo Pudozh'ya: obrazcy dialektnoj rechi: hrestomatiya [Living word of Pudozh'ye: examples of dialectal speech: chrestomathy]. Petrozavodsk, Dva tovarishcha Publ., 2024, 218 p.

Kyurshunova I.A., Chernyakov O.V. *Baza dannyh po istoricheskoy antroponimii kak onomaticheskij tezaurus* [Historical anthroponymy database as an onomastic thesaurus]. *Gromovskie chteniya. Vyp. 3. Zhivoe narodnoe slovo i kostromskoj kraj* [Gromov readings. Issue 3. Living folk word and the Kostroma region]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 401–407.

Monahova A.S., Mihajlova L.P. *Dialektnye teksty kak osnova dlya kompleksnogo obsledovaniya naselennykh punktov* [Dialect texts as a basis for a comprehensive survey of populated areas]. *Gromovskie chteniya. Vyp. 3. Zhivoe narodnoe slovo i kostromskoj kraj* [Gromov readings. Issue 3. Living folk word and the Kostroma region]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 546–551.

Povazhnichaem s samovarom: chaepitie v Karelii: slovar' [Showing off with a samovar: tea partying in Karelia: dictionary]. Petrozavodsk, Dva tovarishcha Publ., 2025, 126 p.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 191–194. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 191–194. ISSN 1998-0817

Рецензия на книгу

УДК 811.511.151'373

EDN GEAPXX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-191-194>

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА НАРОДА МАРИ

Рец. на кн.: Абукаева Л.А. Концептосфера мариийской этнической религии: монография.

Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. 364 с.

Иванова Ираида Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Хабибуллина Флёра Яхиятовна, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Аннотация. В 2024 г. Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ, Йошкар-Ола) опубликована монография главного научного сотрудника Л.А. Абукаевой, представляющей базовые религиозные концепты мариийской этнической религии. Исследована мариийская народная духовная культура, её виды, жанры и формы – вербальные (лексика, фразеология, грамматика, жанры устного народного творчества, сакральные тексты), акциональные (обряды) и ментальные (верования). На основе комплексного анализа текстов мариийских молитв, различных жанров мариийского фольклора и обрядов раскрыты особенности концептов юмо ‘бог’, ото / кўсото ‘священная / молитвенная роща’, онапу ‘священное / моленное дерево’, кумалтыш ‘моление’, перке ‘обилие, изобилие, удача, успех, благо, благополучие’, шулык ‘здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье’, серлагыш ‘защита / милость’. Описаны понятийная зона концептов, их ключевые дериваты и синонимы. Отмечается своеобразие лексической, грамматической, паремиологической и лексикографической репрезентации традиционных религиозных концептов народа мари и их символически значимые функции. Практическая ценность монографии заключается в возможности использования методики анализа способов и средств вербализации религиозных концептов для проведения лингвистической реконструкции фрагментов как мариийской этнической религии, так и культуры в целом.

Ключевые слова: рецензия, монография, концептосфера, этническая религия, народ мари, религиозный концепт.

Для цитирования: Иванова И.Г., Хабибуллина Ф.Я. Этнокультурные доминанты религиозной картины мира народа мари.

Рец. на кн.: Абукаева Л.А. Концептосфера мариийской этнической религии: монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. 364 с. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 191–194. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-191-194>

Book Review

ETHNOCULTURAL DOMINANTS OF THE RELIGIOUS WORLDVIEW OF THE MARI PEOPLE

Book review: Abukayeva L.A. The conceptual sphere of the Mari ethnic religion: a monograph.

Yoshkar-Ola, Publ. house of Vasil'yev Mari Institute of Language, Literature and History, 2024, 364 p.

Iraida G. Ivanova, PhD in Philology, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

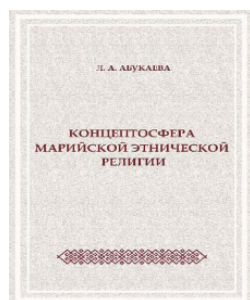
Flera Ya. Khabibullina, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Abstract. The monograph of the chief researcher Lyubov' Abukayeva, which presents the basic religious concepts of Mari ethnic religion, was published in Vasil'yev Mari Institute of Language, Literature and History in 2024. Mari folk spiritual culture, its types, genres and forms – verbal (lexicon, phraseology, grammar, genres of oral folkish art, sacred texts), actional (rituals) and mental (beliefs) – are researched. On the basis of the complex analysis of texts of Mari prayers, various genres of Mari folklore and rituals, the features of concepts are revealed. юмо ‘god’, ото / кўсото ‘sacred / prayer groove’, онапу ‘sacred / holy tree’, кумалтыш ‘praying rite’, перке ‘abundance, affluence, good fortune, success, goodness, prosperity’, шулык ‘health / vitality / wellbeing / happiness’, серлагыш ‘protection / divine grace’. The conceptual zone of concepts, their key derivatives and synonyms are described. The peculiarity of lexical, grammatical, paremiological and lexicographic

representation of traditional religious concepts of the Mari people and their symbolically significant functions are noted. The practical value of the monograph lies in the possibility of using the methodology of analysing the ways and means of verbalising religious concepts for the linguistic reconstruction of fragments of both Mari ethnic religions and culture as a whole.

Keywords: review, monograph, conceptual sphere, ethnic religion, Mari people, religious concept.

For citation: Ivanova I.G., Khabibullina F.Ya. Ethnocultural dominants of the religious worldview of the Mari people. Book review: Abukayeva L.A. The conceptual sphere of the Mari ethnic religion: a monograph. Yoshkar-Ola, Publ. house of Vasil'yev Mari Institute of Language, Literature and History, 2024, 364 p. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 191–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-191-194>

В современном языкознании религиозные концепты изучены в системе духовных ценностей мировых религий, в то время как базовые составляющие этнической религии марийского народа не подвергались специальному монографическому исследованию. В рецензируемой книге впервые представлены результаты анализа ключевых понятий коренной марийской религии. Актуальность исследования проблематики автор монографии связывает с такими параметрами, как глобализация и продвижение массовой культуры, с одной стороны, и усиление роли религиозного фактора в жизни современного человека, с другой. В настоящее время намечена тенденция утраты многих марийских традиций и обрядов, а также их функционирования в редуцированном виде, что накладывает отпечаток на вербальную составляющую. Выбор сакральных текстов в качестве объекта исследования обоснован высоким уровнем их лингвокультурологического потенциала: они выступают хранителями духовных культурных кодов народа. Читателям разъясняются смыслы обрядов и молитвенных текстов в их взаимосвязи, предлагаются ответы на вопросы, связанные с пониманием особенностей этнической религии. На основе комплексного анализа текстов марийских молитв, заговоров, табу, различных жанров марийского фольклора (народные песни, мифы, легенды) раскрываются особенности концептов *юмо* 'бог', *ото* / *кўсото* 'священная / молитвенная роща', *онапу* 'священное / модельное дерево', *кумалтыш* 'моление', *перке* 'обилие, изобилие, удача, успех, благо, благополучие', *шулык* 'здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье', *серлагыш* 'защита / милость'. Проведенное автором целостное исследование молитвенных текстов, наряду с анализом религиозных обрядов, позволяет

реконструировать утраченные фрагменты ритуальной практики и расшифровать содержащуюся в молитвенных текстах информацию. Базовые концепты раскрывают особенности воззрений мари на природу божественного, способствуя осмыслению духовных ценностей народа.

Книга включает введение, 8 глав, заключение, список использованных источников и литературы.

Глава I «Тексты марийских молитв как объект лингвокультурологического анализа» описывает религиозные культурные коды, которые возникли под влиянием других религий и как результат социально-исторических и культурных процессов. Итогом влияния культурно-исторических факторов является трансформация культурного кода. В текстах марийских молитв, как оказалось, на первый план выдвинулась и сохранилась практическая составляющая обрядов. Особое внимание в книге уделяется актуализации молитвенных текстов под воздействием как социальных, так и личностных факторов, нашедших вербальное отражение в духовной культуре мари. Новые реалии получают обобщённое или метафорическое обозначение, как это можно проследить в следующем тексте: «Кужу корныш коштмаштат, лишыл корныш коштмаштат, чодыраште, пасушто, пашам ыштен коштмаштат, олык воктен, вўд воктен коштмаштат, машина дене, южышто кўртньо вий дене коштмаштат сай аралтышымак ыштен шого» (И во время хождения пешком; и при езде на машине, и во время плавания на железной лодке по большой государственной воде, и во время езды по железной дороге, и во время хождения в солдатах оберегай (постоянно)) [Абукаева: 33–34]. Отмечено, что новые тенденции адаптируются, прежде всего, в системе религиозных воззрений и языка.

Глава II «Концепт *юмо* 'бог'» раскрывает значение, внутреннюю форму и этимологию слова *юмо* и его сущностные свойства. Тексты марийских молитв являются репрезентативным источником анализа ключевого религиозного термина с точки зрения иерархии богов, области ответственности и деяний персонажей марийского пантеона. Так, в молитвах верховный бог марийского религиозного пантеона представлен в таких образах, как: «Ош Поро Кугу Юмо (Светлый Всемиловитый Великий Бог), Поро

Кугу Юмо (Добрый Великий Бог), Тўня Юмо (Бог мира), Пўрышō Юмо (Бог судьбы), Кугу Серлагыш (Всемиловитый Бог), Мер Юмо (Бог соглашения и примирения)» [Абукаева: 45]. Автором изучено базовое понятие на основе богатого материала фольклорных текстов – мари́йских народных песен, заговоров, пословиц и поговорок. Широкая представленность термина в разножанровых текстах служит показателем того, что концепт является ценностно значимым для народа мари.

Глава III «Концепт *ото* / *кўсото* ‘священная / молитвенная роща’» содержит анализ мари́йских молитвенных рощ в источниках XVIII–XXI вв., информирует о священнодействиях в специальных обрядовых местах и их сакральном смысле. Автор дает лексикографическую репрезентацию концепта, рассматривает его в текстах молитв и в системе мари́йских табу с позиции организации пространства: место пребывания богов во время молений; место ритуального общения человека с богом; место принесения даров; символическое воплощение места, через которое ниспосылается изобилие и благополучие: «Нурешат шем *ото* гай каван перке дене йывырыкте манын йодына! Идым серыштат шем *ото* гай шындыме каван перке гыч йывыртен шого манын йодына» (И в поле радуй нас изобилием, как у темной рощи, говоря, просим. И в овине радуй нас изобилием поставленных, как темная роща, стогов, говоря, просим) [Абукаева: 161]. В сознании верующих слово *ото* «роща» связывается как с изобилием, благополучием, так и с ростом и гармонией. Священная роща по самой своей сути глубоко погружает в духовную среду. Говоря об организации пространства для молений в *кўсото*, указывается на процессуальный порядок: определение места и выбора *онапу* «священных деревьев», ориентированных по сторонам света, по астрономическим ориентирам (от Полярной звезды) и по отношению друг к другу; определение времени открытия – в четверг, во время праздника Кугече; день совершения обряда приурочивают к появлению родника (источника воды); проведение обрядовых мероприятий: священнослужители с хлебом, блинами и квасом собираются на восточной стороне рощи, карт с горячей головней в руке вместе с молящимися трижды обходит рощу по движению солнца; обозначенное место опоясывается белым полотном, сохраняющимся в течение трех дней; с восточной стороны осуществляется ввод жертвенных животных и т. д.

Глава IV «Концепт *онапу* ‘священное / моленное / жертвенное дерево-вождь’» посвящена исследованию данного понятия в мари́йских молитвенных и фольклорных текстах, его символически значимых функций. Осуществлен тщательный анализ функционирования сакрального символа мари в источни-

ках XIX–XXI вв. Проводится лексикографическое описание концепта, высокое духовное значение которого отмечается в его многочисленных репрезентантах: *надыр пушенге*, *инуй пушенге*, *юмылтымо пушенге*, *юмын пу*. Священное дерево метафорически обозначается как сердце священной рощи, которое обеспечивает связь между небесным и земным мирами: «*Онапужо рўзалтен шого пасунамат, во-лыкнамат, шкенамат осал тушман деч, тале шолеман йўр деч утарен шого. Онапу дене рўзалтен полшен шого*» (Священное дерево, ниспосылай, и наше поле, и наш скот, и нас самих от злого врага, от дождя с градом оберегай. Со священным деревом ниспосылай) [Абукаева: 186].

Глава V «Концепт *кумалтыш* ‘моление’» представляет типологию мари́йских молений: ежедневные молитвы как общение верующего с Юмо и другими богами (шкевуй кумалтыш / кумалмаш); семейные моления (еш кумалтыш); родовые моления (тукум кумалтыш); общинные моления, проводимые религиозными объединениями (агавайрем); деревенские моления (ял кумалтыш); моления в рамках религиозного союза (тиште кумалтыш); окружные моления (мер кумалтыш); всемари́йские моления (тўня кумалтыш). Тщательно изучены лексикографические репрезентанты концепта, их отражение в текстах молитв: обещанное моление – *вучыктымаш*, подготовительные молитвенные обряды, действия, приносимые в дар объекты и их символический смысл, порядок принесения даров, представления мари о принятии преподношений богами. Разноаспектный лингвистический анализ базового понятия позволяет отнести его к одному из многослойных, информативно насыщенных религиозных концептов мари́йской этнической религии.

Глава VI «Концепт *перке* ‘обилие, изобилие, удача, успех, благо, благополучие’» раскрывает понятийную базу данного термина, его дериваты и синонимы. В молитвенных обращениях мари, наряду со смежными понятиями *шулык* и *серлагыш*, *перке* выступает как одна из категорий, определяющих философию традиционной мари́йской религии. Важность концепта подтверждается его активным использованием в устном народном творчестве: «Налме кинде-шинчал *перкан* огыл» (Купленный хлеб не изобильный); «Шкет паша *перкан* огыл» (Работа в одиночестве не спорая); «Сутланыше кинде *перкем* ок уж» (Жадный не изведает обилия хлеба) [Абукаева: 302]; «Урлык лукмо кече пўрт гыч настам пуаш ок йўрō – *перке* кая» (В день начала посева нельзя давать что-либо из дома – удача уйдет) [Абукаева: 303].

Глава VII «Концепт *шулык* ‘здоровье / жизненная сила / благополучие / счастье’» представляет анализ языковых средств, репрезентирующих базовое понятие в дискурсе мари́йской этнической религии

с учетом его содержания и особенностей функционирования. Понятие *шулык* рассмотрено параллельно с категориями *тичмаи*, *перке*, *уш-акыл*, что свидетельствует о его многозначности. Представленность в текстах молитв синонимов слова, их дифференциация по диалектам и наречиям марийского языка – луговомарийскому, горномарийскому, восточному и западному – автор связывает со значимостью концепта для всей этнической группы. Его системные отношения с понятиями *перке*, *серлагыш* служат показателями древности концепта, отражая особенности религиозных воззрений и ментальности мари. По представлениям верующих мари, в единстве, гармонии, постоянном ожидании пребывают Кугу Шулык (Великое Счастье / Здоровье), Кугу Серлагыш (Великий Спаситель / Хранитель), Кугу Перке (Великое Изобилие). Поэтому в молитвенных обращениях это единство подчеркивается многократно: «*Шулык дене ыштыме еш перкем, еш дене ыштыме вольык перкем, вольык дене ыштыме кинде перкем, кинде дене ыштыме мўкш перкем, шийвундо перкем пу*» (Созданное здоровьем благополучие семьи, созданное семьей обилие скота, созданное скотом обилие хлеба, созданное хлебом обилие пчел, серебра даруй) [Абукаева: 314].

Глава VIII «Концепт *серлагыш* ‘защита / милость’» включает лексикографический анализ данного базового понятия, его сочетательных свойств и парадигматических возможностей. Своеобразие концепта автор книги соотносит с тем, что в дискурсе марийской этнической религии он представлен в двух планах: персонаж в пантеоне – хранитель; отношение, о котором просят богов, – защита, милость, заступничество. Структурные элементы проанализированных текстов также оказываются связанными с понятием *серлагыш*: в молитвенных текстах обозначаются адресаты и объекты божественной милости и защиты. В перечень объектов входит всё, что значимо и ценно, от чего зависит существование человека и социума, то есть сам человек и его ближайшее окружение, сообщество в целом: «*Шкенан лўм*

денат, шочшо лўм денат, сурт-пече вачынат, вольык вачынат, пого вачынат, армийыште улшо мўндырнő коштшо йоча-влак вачынат, вольык ончышо, мландым курал-ўдышő вачынат, тунемше, туныктышо, эмлыше вачынат, машина дене кайыше вачынат поро серлагышым йодын кумалына» (И от своего имени, и от имени детей дому, и имуществу, и скотине, и засеянному хлебу, и детям, которые вдали в армии, и скотникам, и пахарям-сеятелям, и ученикам, и учителям, и целителям, и тем, кто ездит на машине, защиты прося, молимся) [Абукаева: 325].

Таким образом, автором исследована одна из актуальных задач современного языкознания – соотношение языковых знаков и запечатленных в них культурно-религиозных реалий. Марийская этническая религия в современную эпоху представляет собой верования, культы, ритуалы и обряды, пронизывающие многочисленные сферы жизни отдельного человека и общества в целом. Необходимость её изучения продиктована тем, что она, проходя этап институционализации, определяет идентичность народа мари. Базовые концепты коренной религии позволяют раскрыть особенности воззрений марийского народа на природу божественного, понять его духовные ценности.

Книга адресована лингвистам, культурологам, специалистам в области теологии и религиоведения, а также широкому кругу читателей, всем, кто интересуется духовной культурой марийского народа и стремится к её пониманию и сохранению.

Список литературы

Абукаева Л.А. Концептосфера марийской этнической религии: монография. Йошкар-Ола: МарНИИ-ЯЛИ, 2024. 364 с.

References

Abukayeva L.A. *Kontseptosfera mariiskoi etnicheskoi religii: monografiia* [Conceptosphere of the Mari ethnic religion: monograph]. Yoshkar-Ola, Marniiyali Publ., 2024, 364 p.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 195–199. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 195–199. ISSN 1998-0817

Рецензия на книгу

УДК 821.161.1.09"20"

EDN PXOPVI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-195-199>

НОВЫЙ ВКЛАД В МЕРЕЖКОВСКОВЕДИЕНИЕ

Рец. на кн.: Мережковские и Европа: монография. Москва: ИМЛИ РАН, 2023. 496 с.

Баликова Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, BalikovaMS@mgpu.ru

Аннотация. Рецензия знакомит читателей с коллективной монографией «Мережковские и Европа», вышедшей в 2023 г.

В работе рассматриваются структура и содержание книги, анализируются вошедшие в неё статьи крупнейших российских и зарубежных исследователей жизни и творчества Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус.

Ключевые слова: рецензия, коллективная монография «Мережковские и Европа», Мережковский, Гиппиус.

Для цитирования: Баликова М.С. Новый вклад в мерезжковскоеведение. Рец. на кн.: Мережковские и Европа: монография. Москва: ИМЛИ РАН, 2023. 496 с. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 195–199. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-195-199>

Book Review

NEW CONTRIBUTING TO DMITRY MEREZHKOVSKY STUDIES

Book Review: The Merezhkovskys and Europe. Moscow, Gorky World Literature Institute, 2023, 496 p.

Maria S. Balikova, PhD in Philology, Associate Professor, Moscow City University, Moscow, Russia, BalikovaMS@mgpu.ru

Abstract. The review introduces readers to the collective monograph “The Merezhkovskys and Europe”, published in 2023.

The paper examines the structure and content of the book, analyses the articles included in it by the largest Russian and foreign researchers of the life and work of Dmitry Merezhkovsky and Zinaida Gippius.

Keywords: book review, collective monograph “The Merezhkovskys and Europe”, Dmitry Merezhkovsky, Zinaida Gippius.

For citation: Balikova M.S. New contributing to Dmitry Merezhkovsky studies. Book Review: The Merezhkovskys and Europe. Moscow, Gorky World Literature Institute, 2023, 496 p. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 195–199. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-195-199>

Коллективная монография «Мережковские и Европа», изданная в конце 2023 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) и продолжающая серию «Круг Мережковских», что выходит в ИМЛИ с 2018 г., объединила работы крупнейших отечественных и зарубежных исследователей жизни и творчества Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. В издании опубликованы главы, подготовленные учёными – представителями шести стран (Россия, Польша, ФРГ, Франция, Латвия, США). Редакторами-составителями книги выступили научные сотрудники Института мировой литературы: доктор филологических наук, профессор Е.А. Андрущенко, кандидат филологических наук О.А. Блинова и В.М. Введенская; общая редакция осуществлена директором ИМЛИ доктором филологических наук, членом-корреспондентом РАН В.В. Полонским.

Тематика глав (статей), составивших монографию, очень широка и охватывает различные аспекты наследия Мережковских: литературные, биографические, религиозно-философские и др. В этой связи впол-

не правомерной и в высшей степени логичной представляется рубрикация книги: она включает в себя два основных раздела, которые дополнены разделами «Публикации» и «Приложение». Открывается коллективный труд изящным предисловием «От редакционной коллегии», кратко характеризующим содержание и структуру монографии и определяющим её важнейший смысловой обертон – изучение «противоречивой целостности русской европейскости и европейской русскости Мережковских, сказавшихся в их жизни и творчестве» [Мережковские и Европа: 17].

В первом, самом обширном, разделе монографии собраны девять работ, осмысляющих творчество Мережковского и Гиппиус «в притяжениях и отталкиваниях от европейской культуры» [Мережковские и Европа: 17].

Автором главы «“Заклинатель” неправого мира: жизнеописание Мережковского в контексте традиций биографического жанра», которой начинается раздел, выступил В.В. Полонский (Россия, Москва). Учёный рассматривает жизнеописательные произведения Мережковского (прежде всего книги о Данте и Наполеоне) «в контексте основных тенденций в биографике XX в.: герменевтико-феноменологической, беллетристической и функциональной» [Мережковские и Европа: 20]. К последней, по выводу исследователя, и принадлежит биографическое творчество писателя, которому «удается убедительно соотносить <...> различные явления культуры с актуальным контекстом, сопоставлять их так, что прошлое начинает звучать живым» [Мережковские и Европа: 42].

В статье Т.Ф. Теперик (Россия, Москва) «Поэтика перевода и поэтика мотива: “Эдип Царь” в переводе Д.С. Мережковского» на материале названной трагедии Софокла раскрываются творческие принципы Мережковского-переводчика, благодаря отказу «от стратегии буквалистского перевода» подчеркнувшего «главный идейный смысл» [Мережковские и Европа: 46] и нравственную доминанту произведения античного трагика. Автор статьи показывает, что Мережковский «передал различные греческие слова и выражения лексикой, связанной с концептом “зла”», акцентируя тем самым мотивы вины, преступления и моральной ответственности человека «за причинённые другим страдания» [Мережковские и Европа: 46].

Работа А.А. Холикова (Россия, Москва) «Круг русских и европейских писателей в “Невоенном дневнике. 1914–1916” Д.С. Мережковского», выполненная с привлечением разнообразных печатных и рукописных источников, являет собою пример «продуктивного взаимодействия текстологии, истории литературы и поэтики» [Мережковские и Европа: 60]. Избранная методика позволяет автору реконструировать круг отечественных и зарубежных писателей, фигурирующих на страницах литературоцентричного «Нево-

енного дневника» Мережковского, – писателей, чьи имена «из сферы чистой эстетики... перекочевали в публицистику, стали естественной частью интеллектуального ландшафта кризисной эпохи и непредставимы теперь в отрыве от газетно-журнального контекста, казалось бы, далёких от нас будней» [Мережковские и Европа: 76].

В.Б. Зусева-Озкан (Россия, Москва) в статье «Россия и Европа в рассказах З.Н. Гиппиус 1920–1930-х гг.» выделяет константы и прослеживает эволюцию взглядов писательницы «на отношения России и Европы» [Мережковские и Европа: 82], выразившихся в рассказах «Ваня и Мари», «Марина и Катерина (параллели)», «Ваня Пугачёв и Ваня Румянцев», а также в публицистических и литературно-критических выступлениях Гиппиус, примыкающих к этому смысловому ряду. Анализируемые произведения, рассуждает исследовательница, «демонстрируют... глубоко лежащие основания национального характера и русской революции 1917 г.» [Мережковские и Европа: 82].

В статье Л.Ф. Луцевич (Польша, Варшава) «“Августин близок нам...”»: Проблема зла в истолковании Августина и Мережковского» заявленная проблема исследуется, с одной стороны, в авторецепции Августина, который в «Исповеди» «одним из первых средневековых мыслителей попытался объяснить зло и причину его происхождения в границах теистического мышления», с другой стороны – «в восприятии и оценке Мережковского» [Мережковские и Европа: 99]. Как доказывает исследовательница, русский писатель, выявляя в индивидуальных чертах и событиях отдельной, частной жизни общезначимое, «вслед за Августином... видит... универсальную всеядность зла... и неспособность человека справиться с ним самостоятельно» [Мережковские и Европа: 99].

Возглавившая группу редакторов-составителей монографии Е.А. Андрущенко (Россия, Москва) вошла и в число авторов книги, разместив в ней статью «Дмитрий Мережковский между Реми де Гурмоном и Эмилем Людвигом». Стремясь уточнить место творчества изучаемого писателя в европейской литературе, автор статьи останавливает внимание на «особом типе книжного мышления Мережковского», сформировавшемся «в условиях русского религиозного и культурного Ренессанса» [Мережковские и Европа: 120]. По наблюдению Е.А. Андрущенко, «в литературной критике и в биографике Мережковский использует один и тот же механизм мифологизации» [Мережковские и Европа: 120], которым обусловлено главное отличие произведений русского писателя от сочинений европейских авторов. У Мережковского, как показано в статье, личность и деятельность «героев» постигаются «через отражение отражённого: творчество “героя” и восприятие ме-

муариста, историка, другого критика» [Мережковские и Европа: 129].

В центре внимания Г.Э. Кишбаума (ФРГ, Фрайбург), выступившего в книге с работой «Мессиянская литературософия: Мережковский и Мицкевич», — статья «Распятый народ», где, «верный... опоре на поэтов и писателей как профетических медиумов культурных процессов... Мережковский концентрируется на фигуре Адама Мицкевича» [Мережковские и Европа: 139], причём не только «приобщается к вековым наработкам русского восприятия Мицкевича», но и «стратегически смещает рецептивные аспекты в сторону мессианизма польского поэта» [Мережковские и Европа: 134]. Исследователь вводит в научный оборот термин «литературософия», которым предлагает обозначать свойственное, в частности, Мережковскому как представителю символизма «мышление о литературе, внеположное аналитизму академической истории словесности» [Мережковские и Европа: 134].

О.А. Блинова (Франция, Париж) в статье «“Серафита” Оноре де Бальзака и концепт тройственного союза у Гиппиус и Мережковского: возможные влияния» проводит текстологический анализ, позволяющий выявить влияние мистико-философского романа О. де Бальзака «Серафита», а также его оценки, данной в эссе И. Тэна «Бальзак», «на жизнь и творчество» [Мережковские и Европа: 151] Мережковских, в том числе на реализацию важного для них концепта тройственного союза. Наряду с общими чертами автор исследования выделяет и различия в рецепции андрогинного образа Серафиты-Серафитуса Мережковским и Гиппиус. Среди достоинств статьи хотелось бы отметить выгодное композиционное решение — членение текста на компактные разделы и подразделы, помогающее структурировать материал и облегчить его восприятие читателями. Забегая несколько вперёд, скажем, что аналогичный приём использован — на наш взгляд, тоже вполне уместно и удачно — Д.В. Кунцевич и А.Ф. Строевым в статьях следующей части книги, о содержании которых речь пойдёт далее.

Заключительная же глава данного раздела — «Дмитрий Мережковский в Латвии: Антон Аустриныйш, Виктор Эглитис, Адольфс Эрс» (автор А.А. Гордин, Латвия, Рига) — обнаруживает интертекстуальные связи произведений трёх известных латышских писателей первой половины XX в. с сочинениями Мережковского и показывает динамику рецепции его творчества в Латвии. Исследователь приходит к выводу, что «имя Мережковского и отношение латышей к его творчеству проецируются на процессы в самой Латвии» [Мережковские и Европа: 185–186]: «постепенно» личность писателя и его произведения «выводятся... за рамки собственно художественной

литературы. Для латышей он становится мыслителем и религиозным философом, а репутация писателя с мировым именем позволяет экстраполировать характеристики, свойственные рецепции его жизни и творчества, на тенденции внутри самой латышской литературы» [Мережковские и Европа: 186]. Таким образом, статья А.А. Гордина одновременно завершает первый раздел монографии и предваряет второй, состоящий из шести глав, в которых рассматриваются отдельные вопросы биографии, творческой и общественной деятельности Мережковских.

В открывающей раздел статье О.Р. Демидовой (Россия, Санкт-Петербург) «Польша в судьбе Зинаиды Гиппиус» предпринята реконструкция эволюционировавшего отношения писательницы к Польше. Автор прослеживает трансформацию «от отчётливо позитивного... к резко негативному» [Мережковские и Европа: 190], которую претерпел образ Польши в лирике, публицистике и дневниковых записях Гиппиус с 1914 по 1940 г., и устанавливает, что «Польша в восприятии Гиппиус прошла путь от заслуживающей глубокого сочувствия распятой страны-страдальницы до страны-предательницы, получившей воздаяние за грехи» [Мережковские и Европа: 190].

Д.В. Кунцевич (Франция, Бордо) в статье «Дмитрий Мережковский и Николай Минский: два религиозных голоса в “Меркюр де Франс”» обращается к эпизоду 1907 г., когда редакция «одного из важнейших журналов французского символизма» [Мережковские и Европа: 218] опубликовала результаты международного опроса на тему «Наблюдаем ли мы распад или эволюцию религиозных идей и чувств?». Внимание исследовательницы сосредоточено на сотрудничестве в журнале Мережковского и Минского, которые, как подчёркивает автор работы, «задавались близкими вопросами» [Мережковские и Европа: 215] ещё в период Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. Д.В. Кунцевич выявляет сходство и различия между идеями обоих писателей и противопоставляет их ответы на вопрос редакции ответам других соотечественников.

Статья О.Б. Матич (США, Беркли) «Зинаида Гиппиус в Таормине: Вильгельм фон Глэден, Елизавета фон Овербек и другие» развивает тезис о свойственной Гиппиус парадоксальности, которая, «определяя её мысли, желания и поведение, закономерно проявлялась особенно в сфере гендера» [Мережковские и Европа: 253]. Автор указывает на то, что сицилийский город, где Гиппиус жила в 1898 г., «чувства и события» этого времени отразились в поэтических и прозаических текстах писательницы, в каждом из которых «тема личной любви или влюблённости сопряжена с сомнениями, любит ли он/она или нет», и с «противоречивыми размышлениями Гиппиус о любви». «Главное, — утверждает исследо-

вательница, – что в отличие от любовных треугольников, которыми она была известна в своей петербургской жизни, её таорминские тексты изображают... любовь вдвоём со всеми... сопутствующими сложностями» [Мережковские и Европа: 249].

В связи со статьёй М.А. Тургиевой (Франция, Париж) «Собрания парижской “Зелёной лампы”» нельзя не отметить как отрадный факт то, что к подготовке монографии наряду с опытными исследователями, докторами и кандидатами наук была привлечена и коллега, обучающаяся в аспирантуре, – автор названной статьи. В поле зрения М.А. Тургиевой находятся письменные материалы собраний общества «Зелёная лампа», проходивших в Париже в 1927–1939 гг.: «...стенограммы заседаний; тексты докладов; статьи, написанные выступавшими вскоре после дискуссии на ту же тему, что и прочитанный доклад; отзывы о чьих-то выступлениях... отчёты о литературных вечерах; переписка отдельных участников» [Мережковские и Европа: 256]. Предпринятое автором статьи изучение деятельности «Зелёной лампы» посредством анализа сохранившихся источников позволяет понять, «какие вопросы волновали русскую диаспору на протяжении тринадцати лет существования кружка», и «оценить вклад Мережковских в самоопределение эмиграции как общности» [Мережковские и Европа: 256].

Работа А.Ф. Строева (Франция, Париж) «Д.С. Мережковский во Франции в годы немецкой оккупации (Материалы для биографии писателя)» обращена к последним двум годам его жизни, которые пока «изучены мало» [Мережковские и Европа: 283]. В статье приводятся газетные публикации с отчётами о лекциях Мережковского, его интервью, письма, мемуары современников, некоторые другие материалы и, что представляется особенно ценным, документы из французских архивов, доступ к которым исследователь получил сравнительно недавно – в 2022 г. Всё это, как отмечает автор главы, даёт возможность «обрисовать и оценить круг знакомых писателя в городе Биаррице, познакомиться с повседневной жизнью Мережковского», «с его выступлениями и неизвестными текстами» [Мережковские и Европа: 281]. Учёный не обходит и болезненный вопрос об отношении Мережковского к нападению фашистской Германии на СССР, поясняя, что «писатель поддерживал войну против Советского Союза, но не прославлял Гитлера» [Мережковские и Европа: 335]. При этом А.Ф. Строев заостряет внимание на том, что «прессы в оккупированной зоне использовала... статьи и выступления [Мережковского] для оправдания войны», в то время как «другие видели в нём великого мистика», напоминая человечеству о неизбежном «выборе между Добром и Злом» [Мережковские и Европа: 336].

К французскому периоду творчества писателя, нуждающемуся в подробном изучении, обращается и С.А. Гарциано (Франция, Лион) в финальной главе второго раздела «Литературоведческое наследие Д.С. Мережковского на французском языке в период эмиграции: переводы и рецензии». В статье исследуются малоизвестные франкоязычные литературоведческие работы писателя и рецензии на вышедшие в 1922 и 1939 гг. переводы его сочинений, «имеющих непосредственное отношение к русской литературе» [Мережковские и Европа: 339]. С.А. Гарциано резонно замечает, что «переводы с разных языков... и публикация иностранных рецензий на произведения Д.С. Мережковского и критических эссе о его творчестве могли бы стать... методологическим источником-подспорьем для специалистов» [Мережковские и Европа: 348].

Завершая обзор двух ключевых разделов книги, можно было бы пожалеть, вероятно, лишь о том, что этим разделам не даны заглавия; впрочем, этот – кажется, единственный – недочёт издания не может поставить под сомнение общее положительное впечатление о нём и высокую оценку труда, проделанного авторами и составителями книги.

В разделе «Публикации» помещена, во-первых, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации переписка Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус с Н.В. Чайковским (1850–1926), политическим и общественным деятелем, в начале 1920-х гг. возглавлявшим «Союз возрождения России» и конспиративный «Центр действия», а также – что наиболее важно – председательствовавшим в Исполнительном бюро Комитета помощи русским писателям и учёным во Франции, куда в указанный период Мережковские переехали из Варшавы. В опубликованных письмах (подготовка текста и примечания Е.А. Андрущенко) идёт речь об учреждении русско-французского издательства, об организации вечеров общества «Друзей русской словесности», о проведении собрания в честь 100-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского, обсуждается возможность создания религиозного объединительного проекта «Союз Духа».

Также в раздел «Публикации» включён библиографический перечень нотных изданий музыкальных произведений на стихи Зинаиды Гиппиус (составление и преамбула О.А. Блиновой). Перечень «охватывает период с 1906 по 1996 гг.», содержит сведения «об одиннадцати нотных изданиях и шести переизданиях» и, таким образом, представляет собою «наиболее полный на сегодняшний день рабочий материал для нотографии публикаций музыкальных произведений», написанных на слова Гиппиус [Мережковские и Европа: 409]. Примечательно, что представленный в монографии перечень позволяет опровергнуть миф

о «немузыкальности» Гиппиус, созданный самой писательницей и подхваченный её современниками.

Несомненной ценностью обладает и раздел «Приложение». Он включает в себя текст выступления Аврил Пайман (Великобритания, Дарем) на тему «Д.С. Мережковский в “Мире искусства”» на Дягилевских чтениях 1993 г., восстановленный «по черновику выступления и по уцелевшему черновику примечаний к пропавшему докладу» [Мережковские и Европа: 424], а также «архивные материалы и забытые публикации, впервые вводимые в научный оборот» [Мережковские и Европа: 18]: некрологи и посмертные статьи о Мережковском во французской прессе (составление, подготовка текста и перевод А.Ф. Строева) и отрывки из написанных по-французски рецензий о литературоведческих трудах Мережковского (составление, подготовка текста и перевод С.А. Гарциано).

Завершением книги служит подготовленный Е.А. Андрущенко подробный именной указатель.

Из относящихся к форме достоинств монографии, не названных выше, обратим внимание на сочетание

постраничных сносок со ссылками на списки литературы, следующие непосредственно за «своими» главами. Дробление самих библиографических списков на разделы «Исследования» и «Источники» также помогает упорядочить материал и сделать работу с ним более удобной. Отдельно следует отметить иллюстративное оформление издания, в котором использованы редкие фотографии и шаржи.

В заключение хочется поблагодарить авторов и редакционную коллегию монографии, а читателям пожелать, чтобы их рабочие и домашние библиотеки пополнялись изданиями, подобными рецензируемой книге.

Список литературы

Мережковские и Европа: монография. Москва: ИМЛИ РАН, 2023. 496 с.

References

The Merezhkovskys and Europe [Merezhkovskie i Evropa]. Moscow, Gorky World Literature Institute, 2023, 496 p.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию через форму подачи статей на сайте:

<https://vestnik.kosgos.ru>

Все интересующие Вас вопросы можно уточнить по электронной почте: vestnik@kosgos.ru.

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc или *.docx. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf.

В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович). Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Вестник Костромского государственного университета. 202X. Т. XX, № X. С. XX–XX. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 202X, vol. XX, no. X, pp. XX–XX. ISSN 1998-0817

Научная статья

Указывается специальность

УДК

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>

Название (*жирным шрифтом, строчные буквы*)

Фамилия Имя Отчество автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, город, страна, e-mail, ORCID автора в формате: <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Аннотация. (150–200 слов).

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т. д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: (7–10 слов, разделенных запятой).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. XX, № X. С. XX–XX. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>

Благодарности: (указывается ссылка на грант).

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

Research Article

Name of the article

Author...

Abstract. 150–200 word.**Keywords:** 7–10 word, separated by a comma.**For citation:** Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. XX, no. X, pp. XX–XX (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>**Acknowledgments:**

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Источники

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. Москва: Прогресс: Универс, 1994.

Исследования

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1880, vol. 2, no. 4, pp. 457–506. (In Russ.)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 12.02.2025.

The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 12.02.2025.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы также оформляются в виде примечаний.

Например:

Архивные материалы:

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой 12: 415]; [СРНГ 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С., 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

Список литературы должен быть разделен на две рубрики: *Источники* (сюда включаются словари, архивные материалы, литературные произведения, исторические источники) и *Исследования*. При этом *References* оформляется только для рубрики *Исследования*.

Список литературы должен быть представлен *в алфавитном порядке*: сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после — все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов(н.п.)В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Борилов синодик. София: Паблишинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. Москва: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. Москва; Ленинград: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копирования в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. Москва: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Москва: НПК «Интел-вак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly* Altyn and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижев и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках. Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в References неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Копировать транслитерированный текст в список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

- перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;
- заменить знак «//» на точку;
- заменить знак «/» на запятую;
- перевести на английский язык место издания (например, было Москва – после редактирования: Moscow);
- заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;
- после транслитерации названия издательства добавить Publ.;
- при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;
- курсивом выделить название источника и название журнала;
- в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. Москва: НЛЮ, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник. 1935. № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “Gorestnaja profanacija” (Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkov o revoljucii 1848 g. v Parizhe) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, no. 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir* [New world], 1998, no. 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. Москва: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina et al., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka: dis. ... d-ra filol. nauk* [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

5. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)

6. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

7. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2025 – Т. 31 – № 2

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 16.06.2025.
Дата выхода в свет 09.09.2025.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 25,7.
Уч.-изд. 26,7 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 72.

Подписной индекс: **18902**
Адрес учредителя, издателя и редакции журнала:
156005, Костромская обл., г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11
Телефон: **(4942) 63-49-00 (доб. 3130).**
Адрес электронной почты: **vestnik@kosgos.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.kosgos.ru/>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна